

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)**

На правах рукописи

**СТЕПИНА
МАРИЯ ЮРЬЕВНА**

Н. А. НЕКРАСОВ В РУССКОЙ КРИТИКЕ 1838—1848 ГГ.

Специальность 10. 01. 01–10 — русская литература

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук Б. В. Мельгунов

доктор филологических наук Р. Ю. Данилевский

Санкт-Петербург

2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА I. ОЦЕНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ДЕБЮТА	25
1. ОЦЕНКА ПОЭТИЧЕСКОГО ДЕБЮТА	25
§ 1. Общая оценка литературного дебюта: 1838—1840	25
§ 2. К атрибуции критических отзывов о Некрасове	27
Н. В. Савельев-Ростиславич. «Северная пчела»	27
Н. А. Полевой. «Сын отечества»	30
Ф. Н. Менцов. «Библиотека для чтения»	32
§ 3. Рецензии на сборник «Мечты и звуки»	41
§ 4. Критические отзывы на сборник Некрасова и его переориентация творческого пути	46
2. «ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ» КРИТИКА	58
§ 1. Ф. Н. Менцов	59
§ 2. Н. В. Савельев-Ростиславич	64
§ 3. Л. В. Брант	66
ГЛАВА II. Ф. А. КОНИ: СТРУКТУРА ОТНОШЕНИЙ И ПЕЧАТНЫЕ ОЦЕНКИ	69
§ 1. История изучения вопроса и основные задачи исследования	69
§ 2. Ф. А. Кони: знакомство с Некрасовым и участие в его судьбе	78
§ 3. Оценка Некрасова-поэта	81
§ 4. Диапазон оценок Некрасова — прозаика и драма- турга в 1840—1841 гг.	84
§ 5. Отзывы и оценки Кони в автобиографической прозе Некрасова	91

§ 6. Репутация Некрасова и структура его отношений с Кони	98
§ 7. В. С. Межевич: отношения с Некрасовым и Кони	104
§ 8. Причины и развитие конфликта 1841 г.	110
ГЛАВА III. В. Г. БЕЛИНСКИЙ	133
1. КОНТЕКСТ УПОМИНАНИЙ О НЕКРАСОВЕ ДО ЛИЧНОГО ЗНАКОМСТВА	136
§ 1. Полемика с Н. А. Полевым о критическом методе	139
§ 2. Личные отношения и литературная репутация	146
§ 3. Первые отзывы о Некрасове в контексте полемики	150
Отзывы о Некрасове — сотруднике Н. А. Полевого	150
Отзывы о Некрасове — сотруднике Ф. А. Кони	154
2. ЗНАКОМСТВО И СБЛИЖЕНИЕ	160
§ 1. К датировке знакомства	160
§ 2. Оценка Некрасова в период первого знакомства	161
§ 3. О предпринимательском таланте Некрасова	163
§ 4. О критической деятельности Некрасова	170
§ 5. О прозе Некрасова	182
3. ПРИЗНАНИЕ ПОЭТА	195
§ 1. Оценка поэзии Некрасова в контексте творчества «натуральной школы»	196
§ 2. Преемственность Некрасова по отношению к М. Ю. Лермонтову и оценка Белинского	204
ГЛАВА IV. Н. А. ПОЛЕВОЙ	216
§ 1. История изучения вопроса и обоснование метода анализа	216
§ 2. Знакомство и житейское участие	220
§ 3. Полевой и начало литературной деятельности Некрасова	225

§ 4.	Новые знакомства и начинания Некрасова в оценке братьев Полевых234
§ 5.	Рецензия на сборник «Мечты и звуки»239
§ 6.	Образ Полевого в стихотворном фельетоне «Провинциальный подьячий в Петербурге»244
§ 7.	Критика «Русского вестника» и «Северной пчелы»247
§ 8.	Динамика оценок в 1841—1843 гг. в контексте отношений Полевого и Белинского и критических выступлений Некрасова252
§ 9.	Отзыв о «Статейках в стихах, без картинок» К вопросу об адресате рецензии Полевого261263
§ 10.	Стихотворный фельетон «Говорун» как литературная критика и критическая оценка Полевого270
§ 11.	Образ Некрасова в романе-памфлете «Счастье лучше богатства» как критическая оценка290
§ 12.	Образ Полевого в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» и автобиографических записях294
ГЛАВА V. П. А. ПЛЕТНЕВ	298
§ 1.	История изучения вопроса и критический метод Плетнева298
§ 2.	Критерии оценки молодых поэтов у Плетнева303
§ 3.	Рецензия на сборник «Мечты и звуки»304
§ 4.	«Для провинциальных подьячих» (1840): умолчание как форма критической оценки306
§ 5.	Рецензия на книжку «Баба-Яга, Костяная нога» (1840): спор о «рыночной литературе»310

§ 6.	Скрытая полемика с Некрасовым — автором критических статей и заметок в «Литературной газете» (1841—1842)314
§ 7.	Рецензия на «Статейки в стихах, без картинок», тт. 1 и 2 (1843): спор о «рыночной литературе»318
§ 8.	«Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна» (1845): умолчание как форма критической оценки325
§ 9.	«Дедушка Крылов» (1845): умолчание как форма критической оценки330
§ 10.	Оценка альманаха «Физиология Петербурга» (1845)331
§ 11.	Оценка «Петербургского сборника» (1846)333
§ 12.	Оценка альманаха «Первое апреля» (1846)338
§ 13.	Отношения с новой редакцией «Современника»341
§ 14.	1856—1859 гг.343

ГЛАВА VI. ФЕЛЬЕТОННАЯ КРИТИКА

	КОММЕРЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ345
1.	АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ345
§ 1.	Общий характер эмпирического материала345
§ 2.	К вопросу о репутации Некрасова — «литературного промышленника»346
§ 3.	Реклама, антиреклама и автореклама354
§ 4.	О специфике фельетонной критики356
2.	О. И. СЕНКОВСКИЙ. «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ»361
3.	Ф. В. БУЛГАРИН. «СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА»377
§ 1.	«Фоновая» критика «Северной пчелы»377
§ 2.	К характеристике стиля Булгарина-критика381
§ 3.	Отзывы Булгарина о журнале «Современник»386

§ 4. О терминах «Памфлет», «Пасквиль», «Карикатура»	392
§ 5. Критическая оценка «натуральной школы» в отзывах о жанре карикатуры	401
§ 6. О понятиях «Натура», «Натуральность», «Натуральная школа»	406
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	416
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	422

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. Работа посвящена историко-литературной проблеме критического восприятия одного из крупнейших отечественных поэтов. До настоящего времени специальной работы, посвященной обзору и тем более анализу критического восприятия Некрасова современниками, не существовало. Нет и сколько-нибудь полного комментированного издания «Н. А. Некрасов в прижизненной критике», аналогичного изданию «Пушкин в прижизненной критике»¹ и др.

Предпринятый автором диссертационного сочинения разноаспектный контекстуальный анализ выборки критических суждений о Некрасове позволяет осмыслить основные особенности восприятия Некрасова в 1840-е гг. во всех ипостасях его литературной деятельности современной критикой и журналистикой, закономерность такого восприятия, специфику печатных и частных, запечатленных в письмах и дневниках, суждений о его творчестве.

Хронологические рамки исследования — с 1838 по 1848 г. Это годы дебюта Некрасова, его становления как творческой индивидуальности и как журналиста. Правая граница — время смерти В. Г. Белинского, который был центральной фигурой в творческой биографии Некрасова этого периода.

Некрасов вошел в литературу в 1838 г. как поэт, сразу же начал сотрудничать в различных изданиях как автор библиографических обзоров, фельетонов, критических статей; успешно заявил о себе как о прозаике, водевилисте, театральном обозревателе и критике, издателе и редакторе сборников, альманахов и затем двух крупнейших журналов эпохи: пушкинского «Современника», в 1846 г. взятого в аренду у П. А. Плетнева на паях с И. И. Панаевым, и после закрытия «Современника» в 1866 г. — «Отечественных записок», арендованных у А. А. Краевского и возглавляемых им до смерти в

¹ Пушкин в прижизненной критике: В 4 т. СПб., 2001—2008.

1877 г. Биография поэта, о чьих стихах с 1838 по 1877 г. постоянно высказывалась прижизненная критика, есть биография крупнейшего литератора, направлявшего своей деятельностью литературный процесс.

Поэтому органично соотносить творческую биографию поэта и его восприятие прижизненной критикой с литературными эпохами — сороковыми, шестидесятыми и семидесятыми годами, тем более что, по определению Б. Я. Бухштаба, шестидесятые годы стали «эпохой Некрасова»: «сороковые годы в истории русской поэзии — период промежуточный между эпохой Пушкина и Лермонтова и эпохой Некрасова. Формирование поэзии Некрасова — наиболее значительное явление в истории поэзии этого периода, но Некрасов в сороковые годы еще только идет к своим великим достижениям».²

В критических оценках современников Некрасов — поэт и личность — назван «человеком сороковых годов», а сама формула восходит к названию некрасовского стихотворения («Человек сороковых годов» (1866—1867)). Методологически такая соотнесенность оправдывается еще и тем, что во множестве литературоведческих трудов, общих и посвященных Некрасову, говорится о специфике «сороковых годов» и в частности петербургского периода деятельности Белинского, а эти научные труды, в свою очередь, сегодня нуждаются в переосмыслении.

Понятие «сороковые годы» охватывает календарные 1840-е и 1850-е до окончания Крымской войны в 1856 г. Этот период подразделяется на два: 1838—1848, «замечательное десятилетие», названное так П. В. Анненковым³ в его воспоминаниях о В. Г. Белинском в его последний, петербургский период жизни и творчества, окончившийся со смертью критика в мае 1848 г. и «мрачное семилетие», завершившееся вместе с Крымской войной.

Для Некрасова 1838—1848 гг. — «замечательное десятилетие» — это годы литературного дебюта, после неудачи первого сборника «Мечты и зву-

² Бухштаб Б. Я. Поэты сороковых годов // История русской литературы. М.; Л., 1955. Т. VII. Литература 1840-х гг. С. 657.

³ Анненков П. В. Замечательное десятилетие // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983.

ки» (1840) — отказ от своего поэтического призвания и проба себя во всех литературных ипостасях, стихотворные фельетоны, перелицовки и пародии, активная журнально-газетная полемика, издание сборников и альманахов «натуральной школы», «учительная» роль Белинского в его жизни и признание Белинским в Некрасове «поэта истинного» (1845); первые полтора года издания обновленного «Современника». 1848—1849 гг. — период, когда поэт почти не пишет стихов.

Годы «мрачного семилетия» связаны с другими жанровыми формами (проза ищет романских форм, пишутся поэмы, создаются знаменитые лирические стихотворения и поэтические циклы Некрасова), с другой общественно-политической и журнальной обстановкой и несколько изменившимся ближайшим окружением. Главное событие этого периода — выход в 1856 г. поэтического сборника «Стихотворения Н. Некрасова», принесшего ему славу «первого поэта».

Этой разницей объясняется ограничение хронологических рамок исследования «замечательным десятилетием», за частными исключениями.

Актуальность исследования и степень разработанности проблемы.

Прижизненное восприятие поэта в период его творческого становления, помимо соображений хронологии, позволяет определить специфику научной проблемы.

В исследованиях, посвященных поэзии Некрасова и русской поэзии 1840—1850-х гг.,⁴ заметно внимание к критике начиная с 1850-х, за исключением В. Г. Белинского и точечных обращений к критическим отзывам 1840-х гг.

Это обстоятельство легко объясняется именно процессом становления, когда, по формулировке И. Г. Ямпольского, «неясными еще поисками отме-

⁴ См., напр.: *Корман Б. О.* Лирика Некрасова. Ижевск, 1978; *Ямпольский И. Г.* Середина века. Очерки о русской поэзии 1840—1870 гг. Л., 1974; *Б. Я. Бухштаб.* Русские поэты. Тютчев. Фет. Козьма Прутков. Добролюбов. Л., 1970; *Гинзбург Л. Я.* О лирике. Изд. 2-е, доп. Л., 1974; *Скатов Н. Н.* Некрасов // Скатов Н. Н. Сочинения: В четырех томах. СПб., 2001. Том третий.

чены первые шаги представителей молодого поколения, в будущем виднейших русских поэтов — Некрасова, Фета, Огарева, Полонского, только что вступивших на литературное поприще».⁵ Б. Я. Бухштаб констатирует, что самоутверждение Некрасова и поэтов его поколения было осложнено тем, что «слишком невыгодным для него было сравнение с только что ушедшими гениями; притом будущее развитие прозы вообще оттесняло поэзию, ослабляло интерес к ней. В прозе, в творчестве писателей молодой “натуральной” школы, руководимой Белинским, находили свое выражение прогрессивные идеи, слагалось мощное направление критического реализма. Поэзия идейно отставала от прозы; один Некрасов шел в уровень с нею; но в 40-е годы и в начале 50-х Некрасов печатал мало стихов».⁶

Таким образом, относительная бедность критических отзывов о Некрасове в 1840-е гг., сравнительно с последующими десятилетиями, объясняется тем, что поэт, возможно, еще не подал повода серьезно говорить о себе. То «новое слово», которое, по выражению Ф. М. Достоевского, сказал Некрасов, по-настоящему прозвучало позже.

С другой стороны, Б. О. Корман, анализируя индивидуальную поэтику Некрасова, указывает, что характерные черты его лирики (многоголосье, «ролевая лирика», принцип монтажа) формировались уже в 1840-е гг.⁷

В процитированных исследованиях содержатся сближения Некрасова с А. В. Кольцовым, И. С. Тургеневым, Ф. И. Тютчевым, М. Ю. Лермонтовым; содержатся они и в специальных статьях.⁸ Плодотворный, хотя и не панорамный анализ критического и художественного осмысления некрасовской поэзии представлен в статье А. М. Штейнгольд «Аполлон Григорьев о Не-

⁵ Ямпольский И. Г. Середина века... С. 294.

⁶ Бухштаб Б. Я. Русские поэты... С. 82—83.

⁷ Корман Б. О. Лирика Некрасова. С. 7, 136, 165. Исследователь касается критического восприятия Некрасова (Там же. С. 231—238), но также говорит о критике следующих десятилетий.

⁸ См., напр.: Вацуро В. Э. Один из источников «Огородника» // Некрасовский сборник. Л., 1980. Вып. VII. С. 106—111; Скатов Н. Н. Еще раз о «двух тайнах» русской поэзии: Некрасов и Тютчев // Скатов Н. Н. Сочинения: В четырех томах. СПб., 2001. Том четвертый. С. 132—189.

красове (Диалектика критических суждений и творческих «соприкосновений»)).⁹ В 1840-е гг. эти сближения были еще недостаточно явными для критиков, хотя впервые они были проведены именно в конце 1840-х.¹⁰

В эти же годы Некрасов выступает и во всех других родах литературы, во многом ради заработка, и его написанные и опубликованные тексты (поэтические, драматические, прозаические, критические, публицистические) дают представление о росте литературного мастерства будущего поэта-классика. В синхронном восприятии его деятельности показателен весь спектр оценок, высказанных по поводу дарования, стиля, мотивации (творческой, политической, коммерческой), принадлежности к направлению.

Именно принадлежность к кружку Белинского и направлению «натуральной школы» рассматривается критиками и впоследствии литературоведами, с одной стороны, в русле развития русского реализма, с другой стороны — в русле общественного движения и социальной публицистики, что сводило разговор о художественных достоинствах текстов к их идейно-тематическому наполнению и надолго закрепило социологический подход к творчеству Некрасова, а об авторе, участнике разнообразных полемик, — к разговору о его литературно-общественной репутации.¹¹

⁹ Штейнгольд А. М. Аполлон Григорьев о Некрасове (Диалектика критических суждений и творческих «соприкосновений») // Влияние творчества Н. А. Некрасова на русскую поэзию: Республиканский сб. науч. тр. Ярославль, 1978. Вып. № 53. С. 63—73.

¹⁰ Так, о близости Некрасова и Кольцова говорит Ап. Григорьев (см.: А. Г. <Григорьев А. А.> Обзорные журнальные явления за январь и февраль текущего года (Окончание) // Московский городской листок. 1847. 5 марта. № 52. С. 207—208 (подробней: гл. III, разд. 3, § 2).

Отметим, что В. Э. Вацуро, рассматривая преемственность Некрасова по отношению к Кольцову на примере стихотворения «Огородник», о котором писал Ап. Григорьев, указывает еще один близкий источник некрасовского произведения — «Тарантас» В. А. Соллогуба, — оставшийся незамеченным критикой, несмотря на популярность Соллогуба и особенно «Тарантаса» в те годы (Вацуро В. Э. Один из источников «Огородника». С. 108—111).

¹¹ В ней сыграло заметную роль сохранившееся высказывание Булгарина о Некрасове как о «самом отчаянном коммунисте», который «вопиет ... в пользу революций» (см.: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение / Изд. подг. А. И. Рейтблат. М., 1998. С. 557).

Важность осмысления критического восприятия Некрасова осознавалась еще современниками поэта. Первые замечания, свидетельствующие об интересе критики к нему, можно отметить задолго до выхода сборника «Стихотворения Н. Некрасова» 1856 г., после которого к Некрасову пришла слава.¹² Так, Белинский в первом номере обновленного «Современника», в статье «Русская литература в 1846 году», писал, упоминая стихи Некрасова в числе наиболее замечательных явлений русской литературы за прошедший год: «О стихотворениях последнего мы могли бы сказать более, если бы этому решительно не препятствовали его отношения к “Современнику”...».¹³

Однако серьезные критические статьи, посвященные поэзии Некрасова, вышли спустя время после выхода «Стихотворений» 1856 г. Неоконченная и не увидевшая свет при жизни автора статья А. В. Дружинина была начата, вероятно, в 1856 г.¹⁴ Статья С. С. Дудышкина была опубликована в 1861 г.¹⁵ Монографическая статья А. А. Григорьева, посвященная поэту, — в 1862 г.¹⁶ Дружинин писал: «Из всех даровитых русских поэтов нашего литературного периода господин Некрасов имеет полное основание жаловаться на отзывы журнальной критики о его произведениях, да вообще о всей сущности его таланта»: «о складе его таланта, о его несомненной силе и оригинальности, о

¹² Так, анонимный автор извещал о выходе сборника «Стихотворений Н. Некрасова» как о «литературном явлении, которое <...> заслуживает еще бóльшего внимания и участия», чем недавно вышедшие издания стихотворения А. А. Фета и Н. П. Огарева ([Б. п.] Библиографическое известие // Московские ведомости. 1856. № 123. 20 октября. Литературный отдел. С. 537—538). М. П. Щепкин в отзыве о сборнике писал, что для многих Некрасов «из всех современных поэтов самый любимый», и замечает, что произведения Некрасова «уже тогда, когда порознь помещались в журналах, многими выучивались наизусть или выписывались в особые тетрадки» (*Москвич <Щепкин М. П.> Письма из Москвы // Русский инвалид. 1856. № 247. 11 ноября. Фельетон. С. 1050*). В 1860 г. Л. П. Блюммер писал: «Некрасов бесспорно первый из современных поэтов» (*Н. Н. <Блюммер Л. П.> Письма о русской журналистике // Северная пчела. 1860. № 53. 7 марта. С. 210*).

¹³ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. и писем: В 13 т. М., 1956. Т. X. С. 37. Далее ссылки на это издания даются в круглых скобках за цитатой: *Б-13*. Римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

¹⁴ Впервые опубликована: *Зельдович М. Г.* Неопубликованная статья А. В. Дружинина о Некрасове // Некрасовский сборник. Л., 1967. Вып. IV. С. 241—266.

¹⁵ [Б. п.] <Дудышкин С. С.> Стихотворения Н. Некрасова (Издание второе. С. Петербург. 1861 г. Два тома) // Отечественные записки. 1861. № 12. Отд. III. С. 77—120.

¹⁶ *Григорьев А. А.* Стихотворения Н. Некрасова // *Время*. 1862. № 7. Отд. II. С. 1—46.

луче поэзии, пробивающемся повсюду (очень часто даже наперекор самому поэту) говорить никто не думал».¹⁷ Схожую мысль развернуто излагает Ап. Григорьев, объясняя молчание критики двумя причинами: одной, которая «заклучалась в не зависящих от критики обстоятельствах, и ее разьяснять не нужно», и второй — «домашними дрызгами»¹⁸ литературы и журналистики.

Объяснение скупости критических отзывов положением Некрасова — редактора и издателя стало общим местом и в литературоведении. Частично оно отвечает объективному положению. Оно не объясняет содержания и характера высказываний о Некрасове и по поводу Некрасова, которые появлялись в печати, и современники поэта замечали, читали, учитывали и воспринимали их как *литературную критику*. Отметим также достаточно большое количество этих отзывов, зафиксированных современниками.

В 1878 г. в «Отечественных записках» был опубликован составленный С. И. Пономаревым перечень журнальных и газетных статей о поэте за 1840—1878 гг.¹⁹ Он перепечатан в книге А. К. Голубева, одного из первых биографов поэта,²⁰ и в приложении к IV тому первого посмертного издания сочинений Некрасова.²¹ Библиография литературы о поэте, включая прижизненную критику, дополнена А. Н. Пыпиным,²² А. В. Мезьер²³ и С. А. Венгеровым.²⁴ Первый свод критических статей составлен В. А. Зелинским.²⁵

¹⁷ Дружинин А. В. Прекрасное и вечное. М., 1988. С. 270, 271.

¹⁸ Григорьев Аполлон. Сочинения. М., 1990. Том второй. Статьи. Письма. С. 289. В примечании поясняется, что речь идет о запрете «особым циркуляром министра внутренних дел С. С. Ланского от 19 ноября 1856 года» печатных отзывов «какого бы то ни было содержания» (Там же. С. 468).

¹⁹ С. П<ономаре>в. Копеечная свечка в память о Некрасове // ОЗ. 1878. № 3. XV. Современное обозрение. С. 100—110.

²⁰ Голубев А. Н. А. Некрасов. Биография. СПб., 1878.

²¹ Стихотворения Н. А. Некрасова. Посмертное издание: В 4 т. СПб., 1879.

²² Пыпин А. Н. Н. А. Некрасов. СПб., 1905.

²³ Мезиер А. В. Русская словесность в XI—XIX ст. вкл. библиографический указатель. СПб., 1899—1902 гг. Ч. II.

²⁴ Источники словаря русских писателей. Собрал проф. С. А. Венгеров. Т. IV. Лоначевский—Некрасов. Пг., 1917.

²⁵ Зелинский В. А. Сборник критических статей о Н. А. Некрасове / Собрал В. Зелинский. М., 1886—1891.

Позднее вышел труд В. И. Покровского, выдержавший переиздание.²⁶ Критические суждения, наряду с мемуарными, входили в состав различных изданий, посвященных памяти Некрасова.²⁷ Библиография прижизненных отзывов о нем и ссылки на перечисленные библиографические, биографические и другие труды присутствуют в справочной литературе рубежа XIX и XX вв.: энциклопедиях и Русском биографическом словаре.²⁸

Упомянем и труды начала XX в., посвященные литературно-общественным периодам и характеристикам крупнейших лиц: они дают представление о ценностных ориентирах эпохи, сформировавшейся под ощутимым влиянием Некрасова и стремящейся закрепить свод фактов и оценок.²⁹

После 1917 г. изучение творчества и биографии Некрасова принадлежало к магистральному направлению науки о литературе. Интерпретация его произведений и автобиографических высказываний в значительной степени

²⁶ Николай Алексеевич Некрасов. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей. Составил В. И. Покровский. Изд. 2-е, дополненное. М., 1915.

²⁷ Николай Алексеевич Некрасов. Его жизнь, последние минуты и отрывки из сочинений. СПб., 1885; Н. А. Некрасов в воспоминаниях и документах / Сост. Е. М. Иссерлин. Л., 1930; Некрасов в воспоминаниях современников / Сост. Г. В. Краснов, Н. М. Фортунатов. М., 1971; Живые страницы. Н. А. Некрасов в воспоминаниях, письмах, автобиографических произведениях и документах / Сост. Б. В. Лунин, С. И. Машинский. Дет. лит., 1974.

²⁸ См.: *Кораблев В. Н.* Некрасов Николай Алексеевич // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 11. С. 204—212.

²⁹ Такие как, напр.: *Овсянко-Куликовский Д. Н.* История русской интеллигенции // Овсянко-Куликовский Д. Н. Собр. соч. Изд. 6-е. М., 1924. Т. 7—8; *Пыпин А. Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. СПб., 1906; *Ветринский Ч. (Чешихин В. Е.)* В сороковых годах. Историко-литературные очерки и характеристики. М., 1899, и др.

Несмотря на то, что собирательская, текстологическая, фактографическая и комментаторская области исследований биографии и творчества Некрасова находились на их раннем этапе, а выводы, содержащиеся в этих и современных им трудах, могут быть использованы лишь с известными поправками на издержки метода (подробнее см.: Академические школы в русском литературоведении. М., 1975), картина восприятия Некрасова в них заслуживает пристального внимания, поскольку они были написаны либо современниками, либо младшими собеседниками современников поэта. Так, А. Н. Пыпин, сотрудник некрасовского журнала, достаточно близкий знакомый поэта и один из первых его биографов, несомненно учитывал некрасовскую подачу биографического материала, в частности — творческой биографии и прижизненного критического восприятия. Иными словами, автопрезентация Некрасова в передаче его современников и ближайших последователей заложена в основу академических методов литературоведения.

была задана идеологической концепцией времени. Искусство рассматривалось как общественно значимый акт в народно-освободительном движении; Некрасов, литературный деятель разночинского периода, представал поэтом и главой печатного органа революционной демократии. Несмотря на неизбежное сужение в освещении сложной личности, чей демократизм был непритворным, а художественное творчество далеко выходило за пределы идеологических деклараций и тем более конъюнктуры, именно исследователями XX в. проделана основная разыскательская, текстологическая, атрибутивная и комментаторская работа, служащая полноценной базой для восполнения лакун в каждой из перечисленных областей. Так, авторство части журнальных и газетных критических высказываний о Некрасове до сих пор не установлено либо спорно. За неимением рукописей их атрибуции способствует уяснение личных и литературных связей поэта.

Критические высказывания о Некрасове многократно цитировались как в специальных статьях, так и в общих работах. Нет необходимости приводить здесь сколько-нибудь полную библиографию вопроса, поскольку в 1953 г. вышло издание «Библиография литературы о Н. А. Некрасове. 1917—1952», подготовленное Л. М. Добровольским и В. М. Лавровым,³⁰ в 1960 г. была опубликована библиография литературы о поэте за последние пять лет,³¹ в 1962 г. была включена в общий указатель под редакцией К. Д. Муратовой,³² в 1971 г. был опубликован библиографический указатель К. П. Дульневой,³³ а в последующие десятилетия обзоры библиографии печатались в «Некрасовских сборниках».³⁴ *Проблема* критического восприятия творчества

³⁰ Библиография литературы о Н. А. Некрасове. 1917—1952. / Сост. Л. М. Добровольский и В. М. Лавров. М.; Л., 1953.

³¹ Дульнева К. П., Рудяков Т. М., Новикова П. П. Библиография литературы о Некрасове за 1953—1958 гг. // Некрасовский сб. М.; Л., 1960. Вып. III. С. 367—386.

³² История русской литературы XIX в. Библиографический указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1962.

³³ Дульнева К. П. Библиография литературы о Некрасове за 1959—1969 гг. // Н. А. Некрасов и русская литература. М., 1971. С. 477—504.

³⁴ Мостовская Н. Н. 1) Библиография литературы о Некрасове. 1970—1974 гг. // Некрасовский сборник. Л., 1978. Вып. VI. С. 179—201; Библиография литературы о Не-

Некрасова (если говорить о специфике этого восприятия) в целом находится на периферии исследовательского внимания.

После В. И. Покровского в XX в. единственной попыткой представить свод наиболее существенных критических суждений о поэте явилось издание, составленное А. М. Еголиным: «Некрасов в русской критике».³⁵ Оно вышло в 1944 г., и объем его составляет всего 211 страниц. Освещение произведений поэта в критике учитывалось составителями и комментаторами двух академических изданий сочинений и писем Некрасова³⁶ и «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова»,³⁷ но и в этих изданиях критическое восприятие поэта рассматривалось выборочно и не представляло специальной научной проблемы.

В историях русской литературы³⁸ и историях русской журналистики,³⁹ справочной литературе, содержащей биографические статьи о Некрасове,⁴⁰ и

красове. 1975—1986 гг. // Некрасовский сборник. Л., 1988. Вып. IX. С. 175—202; 3) Библиография литературы о Некрасове. 1987 — начало 2000 // Некрасовский сборник. СПб., 2001. Вып. XIII. С. 245—270.

³⁵ Некрасов в русской критике / Сост. А. Еголин. М., 1944.

³⁶ *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Под общей ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина, К. И. Чуковского. М., 1948—1952; *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. / Под общей ред. М. Б. Храпченко, Ф. Я. Приймы, Н. Н. Скатова, Б. В. Мельгунова. Л.; СПб., 1981—2000. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках: ПСС. Римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

³⁷ Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: В трех томах. СПб., 2006. Том первый. 1821—1855; СПб., 2007. Том второй. 1856—1866; СПб., 2009. Том третий. 1867—1877. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках. Римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

³⁸ История русской литературы XIX века / Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. М., 1915. Т. 2; История русской литературы XIX века / Под ред. проф. Ф. М. Головенченко и проф. С. М. Петрова. Изд. 2-е. М., 1963. Т. I, II; История русской литературы: В четырех томах. Л., 1981. Том второй; Л., 1982. Том третий; История русской литературы: В трех томах. М., 1963. Том II. (Литература первой половины XIX века); История русской литературы. М.; Л., 1955. Т. VII. Литература 1840-х годов; М.; Л., 1956. Т. VIII. Часть первая. Литература шестидесятых годов; М.; Л., 1956. Т. VIII. Часть вторая. Литература шестидесятых годов; М.; Л., 1956. Т. IX. Часть первая. Литература 70—80-х годов.

³⁹ Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Том первый. XVIII век и первая половина XIX века; Л., 1965. Том второй. Вторая половина XIX века; *Дементьев А. Г.* Очерки по истории русской журналистики 1840—1850 гг. М.; Л., 1951; *Березина В. Г., Дементьев А. Г., Есин Б. И., Западов А. В., Сикорский Н. М.* История русской журналистики XVIII—XIX веков / Под ред. проф. А. В. Западова. Изд. второе, испр. и доп. М., 1966; Очерки истории русской театральной критики: Конец XVIII — первая по-

в биографиях поэта⁴¹ освещение критического восприятия его творчества также сводится к бесспорным, но недостаточным на сегодняшний день констатациям. Говоря об избранном периоде, упомянем следующие: резкие критические отзывы В. Г. Белинского и отчасти В. С. Межевича о сборнике «Мечты и звуки» как причина переориентации творчества Некрасова от эпигонско-романтического канона к «эгоистическому» направлению, связанному с коммерческим интересом, злободневной тематикой периодической печати и традициями сатиры (фельетон, памфлет, пародия). Далее: «учительная» роль Белинского в становлении творческой индивидуальности Некрасова и одновременно формировании т. н. «натуральной школы»; резкая критика в адрес Некрасова и «натуральной школы» со стороны проправительственной («Северная пчела», «Сын отечества») и коммерческой («Библиотека для чтения») журналистики; критика со стороны московских литераторов славянофильской направленности; в последующие десятилетия — полемика о демократическом направлении и «чистом искусстве». Традиционно отмечается, идеологический характер критики. Но и представление современников о литературном даре и мастерстве Некрасова вне концепции народно-освободительного движения недостаточно прояснено.

Подобная трактовка и анализ критических выступлений, посвященных Некрасову или явившихся частью полемики Некрасова с оппонентами периода 1840-х гг., преимущественно получили освещение в литературоведении первой и второй трети ХХ в. Последняя треть ХХ в., рубеж веков и на-

ловина XIX века / Под ред. А. Я. Альтшуллера. Кн. 1. Л., 1975; *Кулешов В. И.* История русской критики XVIII—XIX веков. М., 1972; *Недзвецкий В. А.* Русская литературная критика XVIII—XIX веков. М., 1994.

⁴⁰ Здесь упомянем: *Краснов Г. В.* Некрасов Николай Алексеевич // Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. Т. 5. Стлб. 176—184; *Лебедев Ю. В.* Некрасов Николай Алексеевич // Русские писатели: Биобиблиографический словарь / Под ред. П. А. Николаева. М., 1990. Т. 2. М—Я. С. 67—79; *Лазурин В. С.* Некрасов Николай Алексеевич // Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. М., 1999. Т. 4. С. 269—280.

⁴¹ *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М.; Л., 1947. Т. 1; М.; Л., 1950. Т. 2; М.; Л., 1952. Т. 3; *Жданов В.* Жизнь Некрасова. М., 1981; *Скатов Н. Н.* Сочинения. В четырех томах. Том 3. Некрасов. СПб., 2001 и др.

чало ХХI в. отмечены рядом существенных работ, в которых вектор исследовательского внимания переместился от идеологической сферы к эстетической. Это работы, посвященные истории и роли критики и развития критических идей. В первую очередь назовем труды Б. Ф. Егорова,⁴² монографию А. М. Штейнгольд «Анатомия литературной критики (природа, структура, поэтика)».⁴³ Из работ последних лет укажем монографию А. В. Вдовина «Концепт “глава литературы” в русской критике 1830—1860-х годов».⁴⁴ Ссылки на статьи приводятся в главах диссертационного сочинения.

Обширную и подробную картину русской критики представляет собой четырехтомное издание «Пушкин в прижизненной критике». Но оно посвящено литературной эпохе, предшествующей рассматриваемому периоду. Дополняют представления о прижизненной критике в адрес Некрасова специальные работы, посвященные Некрасову-критику.⁴⁵ Наконец, укажем на обширную мемуарную литературу, опыт литературного монтажа,⁴⁶ а также специальные работы, посвященные проблеме литературной репутации.⁴⁷ Эти работы проясняют контекст полемики.

⁴² *Егоров Б. Ф.* 1) О мастерстве литературной критики. Л., 1980; 2) Борьба эстетических идей в России середины XIX в. Л., 1982; Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. Л., 1991.

⁴³ *Штейнгольд А. М.* Анатомия литературной критики (природа, структура, поэтика). СПб., 2003.

⁴⁴ *Вдовин А. В.* Концепт «глава литературы» в русской критике 1830—1860-х годов. Тарту, 2011.

⁴⁵ *Гин М. Н. А.* Некрасов — литературный критик. Петрозаводск, 1957; *Гин М., Успенский В.* Некрасов — драматург и театральный критик. Л.; М., 1958.

⁴⁶ *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. СПб., 2001.

⁴⁷ *Акимова Н. Н. Ф. В.* Булгарин: Литературная репутация и культурный миф. Хабаровск, 2002; *Маргулис Т. М.* Литературная репутация Н. А. Полевого: Автореферат дисс. на соискание... канд. филол. наук. М., 1997; *Потапова Г. Е. А. С.* Пушкин и русская критика его времени (Становление литературной репутации А. С. Пушкина): Автореферат дисс. на соискание... канд. филол. наук. СПб., 1994; *Розанов И. Н.* Литературные репутации: Работы разных лет / Вст. ст., сост. и подгот. текста Л. А. Озерова. М., 1990; *Трунин М. В.* Литературная репутация М. Н. Лонгинова: 1850-е — 1870-е годы: Автореферат дисс. на соискание... канд. филол. наук. М., 2010, и др. Со статьей А. И. Рейтблата «Литературная репутация в России в XIX — начале XX века: Источники, механизмы формирования, основные типы» (I Банные чтения «Парадоксы литературной репутации» (Москва, музей В. Сидура, 21—22 июля 1993 г.) автору работы не удалось ознакомиться.

Полемический характер критических суждений о Некрасове и публичных выступлений Некрасова самоочевиден, так же как их идеологическая составляющая. Но эта интерпретация содержания сужает представление о литературной критике в ее становлении. Несмотря на общественно-политический подтекст критических высказываний, они воспринимались широкой публикой как *литературная критика*, поскольку литератор писал о литераторе и литературном произведении. В читательское представление о литературной критике укладывались, например, статьи Пушкина и критика его круга П. А. Плетнева, печатавшиеся в пушкинском литературном журнале «Современник», фельетоны О. И. Сенковского — издателя и редактора коммерческого издания «Библиотека для чтения», и фельетоны Ф. В. Булгарина — издателя и редактора издания коммерческого и политического «Северная пчела».

Следовательно, правомерен вопрос: насколько адекватно и полно критика и публицистические полемические выступления отражали литературные достоинства произведений Некрасова, его уровень дарования, творческую индивидуальность и творческий рост? Поскольку на сегодняшний день наука о литературе дает представление о творческой биографии Некрасова и его месте в литературном процессе, такая постановка вопроса позволяет одновременно проследить динамический процесс творческого роста Некрасова и формирования критического осмысления Некрасова.

Последнее плодотворно не только для дальнейшего изучения творческой биографии поэта и его рецепции. Некрасов был поэтом-новатором, выдающимся редактором и издателем, выступавшим с эстетическими декларациями «направления» (сборники и альманахи «натуральной школы», журналы демократической направленности), и критиком. Следовательно, с течением времени публика, читающая Некрасова (понимая под этим и его художественные произведения, и его критические статьи, и выпущенные им печатные издания), во многом становилась воспитанной «на Некрасове». Постепенно происходила «обратная связь», когда сформировавшееся в критике и

широкой читательской массе представление о Некрасове программировало восприятие и самого Некрасова (его новых произведений), и современной литературы. А поскольку критика есть самосознание литературы, то анализ системы критических суждений о литераторе первой величины (добавим: в их динамическом процессе) составляет необходимый этап в изучении развития русской критики как важной части литературного процесса.

Методологические основания. В своем исследовании автор руководствуется традиционным историко-литературным методом.

Определенная методологическая подсказка нам видится в соображениях Б. М. Эйхенбаума, в 1922 г. утверждавшего, что «Некрасов — сложная и живая историко-литературная проблема»,⁴⁸ а в 1924 г., посвящая отдельный труд другой историко-литературной проблеме — М. Ю. Лермонтову, писал: «Подлинный Лермонтов есть Лермонтов *исторический* <...> я вовсе не понимаю Лермонтова как индивидуальное событие во *времени* <...> которое нужно просто реставрировать. <...> Мы изучаем <...> движение как таковое — *динамический* процесс, который никак не дробится и никогда не прерывается <...> Изучить событие исторически вовсе не значит описать его как единичное, имеющее смысл лишь в обстановке своего времени <...> Дело <...> в том, чтобы понять историческую *актуальность* события, определить его роль в развитии исторической энергии <...> “Исторический Лермонтов” есть Лермонтов, *понятый исторически* — как сила, входящая в общую динамику своей эпохи, а тем самым — в историю вообще».⁴⁹

Критическое восприятие поэта нам также представляется *динамическим процессом*, в котором мы наблюдаем, с одной стороны, — творческое развитие Некрасова (в чем нам служат опорой исследования и выводы некрасоведов), с другой стороны — формирование его целостного (Некрасов) и

⁴⁸ Эйхенбаум Б. М. Некрасов // Эйхенбаум Б. Сквозь литературу: Сборник статей. Л., 1924. С. 233.

⁴⁹ Эйхенбаум Б. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924. С. 8—9.

специального (*поэт* Некрасов) восприятия и развитие русской критики, осознающей Некрасова как актуальное явление литературы.

Другой методологической подсказкой явились соображения Л. И. Вольперт о гипотезе как методе реконструкции и осмысления фактов.⁵⁰ Этот метод представляется особенно продуктивным в отношении раннего периода творческой биографии Некрасова, наименее документированного и известного из автобиографических записей поэта и его устных автобиографических рассказов в записях разных лиц.

Прижизненное критическое восприятие Некрасова понимается как некий проблемный узел, требующий подхода с нескольких сторон: фактографической, биографической, культурологической, анализа и интерпретации художественного текста.

Целью исследования является определение специфики синхронного восприятия критикой 1840-х гг. творчества Некрасова в период его становления как поэта-новатора и как литератора в более широком смысле: прозаика, драматурга, критика, фельетониста, редактора, издателя.

Объектом исследования является та мера адекватности и полноты, в которой отразилось в прижизненной критике творчество Некрасова в период становления его индивидуальности. Такой анализ проясняет и величину *оцениваемого автора*, и состоятельность *оценивающей критики*.

Предметом исследования выступает целый комплекс явлений.

Во-первых, собственно поэтическое творчество Некрасова, как оно было воспринято, оценено и охарактеризовано русской критикой. Условно говоря, это оценка «Некрасов — поэт».

Во-вторых, вообще творчество Некрасова: его прозаические и драматургические опыты. Условно говоря, это оценка «Некрасов — писатель» (не «поэт»), «Некрасов — беллетрист» (не «художник»).

⁵⁰ Вольперт Л. И. Лермонтов и литература Франции. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2008.

В-третьих, его деятельность издателя и редактора изданий, воспринимаемых как эстетические декларации. Условно говоря, это оценка «Некрасов — журналист» («литературный промышленник»). В этом случае его стихи в критике упоминаются как стихи «издателя сборника», но не стихи «поэта».

Таким образом, «поэт», «писатель», «художник», «беллетрист», «журналист» суть не только обозначения рода литературной деятельности и жанра произведения, но разные *литературные репутации*, которые в тот или иной период могут быть неравновеликими и могут быть в антагонистических отношениях одна к другой.

В-четвертых, творческая самобытность поэта в период становления индивидуального поэтического голоса и литературной репутации.

В-пятых, его деятельность фельетониста и критика и роль в журнально-газетной полемике. Анализ некрасовских статей и фельетонов дает представление именно об их литературной составляющей: диапазоне приемов, стилистике, близостью с художественными произведениями. Сопоставительный анализ текстов Некрасова с фельетонами и статьями его критиков позволяет судить о литературных достоинствах современных ему критиков: широте и силе их аргументации, исторической правоте, литературной форме, задачах и мотивации публичного выступления. В частности, предметом исследования оказывается специфика фельетонной критики.

Подоплекой критического суждения могут быть мотивы личного, коммерческого или политического характера. Поэтому:

В-шестых, личные и творческие отношения Некрасова и его критика, которые иногда осложнены предысторией личных и творческих отношений критика и его оппонента, не сошедшихся во мнении о Некрасове или по поводу Некрасова. По мере необходимости автор диссертационного сочинения прибегает к гипотетической реконструкции ранее не проясненных этапов этих личных и творческих отношений.

В качестве **эмпирического материала** в первую очередь избраны печатные суждения о Некрасове. Полнота обзора выявленных критических суждений о Некрасове избранного периода в данной работе не представляется необходимой. Приоритет отдан не регистрации односторонних оценок (критик судит о поэте) и не их полюсам (критик «хвалит» или «ругает»), а объемному видению историко-литературной ситуации, в которой произносится характерная оценка, и мере ее полноты, объективности и усвоения последующими критиками (что формирует определенный стереотип восприятия).

Сквозной просмотр периодики выявляет достаточно большое количество публикаций, в которых критик походя высказывается о Некрасове или по поводу Некрасова. Зачастую представляются имеющими отношение к проблеме высказывания критиков о литературном направлении, к которому близок Некрасов, и персонально о литераторах, которые принимают в Некрасове участие. Учет подобных замечаний расширяет представление о литературной полемике, к которой был причастен Некрасов, и его роли в ней. Контекст критического высказывания уточняется посредством привлечения личных документов (дневников, воспоминаний, эпистолярики), художественных и художественно-публицистических произведений самого Некрасова и его современников. Таким образом, в диссертационном сочинении использована дополненная другим материалом выборка печатных критических высказываний о Некрасове, сгруппированных в несколько «сюжетных линий».

Многогранность Некрасова и многослойность научной проблемы критического восприятия его современниками обусловили **структуру работы**. Диссертационное сочинение состоит из введения, шести глав, заключения и списка литературы. Структура глав подчинена либо одной проблеме (гл. I, VI), либо истории восприятия Некрасова одним критиком (гл. II, III, V). Внутри главы по возможности выдерживается хронологический принцип, частные отступления от которого оговариваются; излагается история изучения вопроса и актуальность избранного аспекта исследования; дополняется и

уточняется история личных и творческих взаимоотношений Некрасова и его критика и контекст критических высказываний о Некрасове; анализируются индивидуальные особенности критического и критико-публицистического метода критика, пишущего о Некрасове, и степень адекватности его критического отзыва творческому уровню Некрасова на данном этапе.

Сокращения в названиях источников оговариваются при цитировании. Сокращения в названиях периодических изданий приведены здесь:

БдЧ — «Библиотека для чтения»

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»

ИВ — «Исторический вестник»

ЛГ — «Литературная газета»

ЛПРИ — «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”»

М — «Москвитянин»

МГЛ — «Московский городской листок»

МН — «Московский наблюдатель»

ОЗ — «Отечественные записки»

П — «Пантеон русского и всех европейских театров»

РА — «Русский архив»

РВ — «Русский вестник»

РИ — «Русский инвалид»

РМ — «Русская мысль»

РС — «Русская старина»

С — «Современник»

СО — «Сын отечества»

СП — «Северная пчела»

СПбВед — «Санкт-Петербургские ведомости»

ФВ — «Финский вестник»

ГЛАВА I

ОЦЕНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ДЕБЮТА

1. ОЦЕНКА ПОЭТИЧЕСКОГО ДЕБЮТА

§ 1. ОБЩАЯ ОЦЕНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ДЕБЮТА: 1838—1840

Под определением литературного дебюта будем иметь в виду поэтические выступления Некрасова, начиная с первой публикации стихотворения «Мысль» (СО, 1838) и включая выпуск в свет поэтического сборника «Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н.» (СПб., 1840).

Начиная с осени 1838 г. и до выхода рецензий на «Мечты и звуки» в нескольких периодических изданиях печатаются стихотворения Некрасова: «Мысль» (СО, 1838, т. V, № 10, с подписью: «Н. Некрасов»), «Смерти» (СО, 1839, т. VII, № 1, с подписью: «Н. Некрасов»), «Безнадежность» (СО, 1838, т. VI, № 11, с подписью: «Н. Некрасов» и посвящением: «(Н. В. С.)»), «Человек» (СО, 1838, т. VI, № 11, с подписью: «Н. Некрасов»), «Моя судьба» (ЛПРИ, 1839, 25 марта), «Два мгновения» (ЛПРИ, 1839, 8 апр., с подписью: «Н. Некрасов»), «Изгнанник» (СО, 1839, т. IX, № 6, с подписью: «Н. Некрасов» и посвящением: «(Н. Ф. Фермору)»), «Рукоять» (ЛПРИ, 1839, 24 июля, с подписью: «Н. Некрасов»), «Жизнь» (БдЧ, 1839, № 7, с подписью: «Н. Некрасов»), «Дума» (Литературные прибавления к ЖМНП, 1840, № 1, с подписью: «Н. Некрасов»), «Мелодия» (П, 1840, № 3, с подписью: «Н. Некрасов»), «Наш век» (П, 1840, № 3), «Офелия» (П, 1840, № 5).

Некоторые из этих публикаций вызывают немногочисленные отклики в критике, в целом благожелательные. Ввиду их лаконичности процитируем их. Первая публикация сопровождалась подстрочным примечанием, сделанным *Н. А. Полевым*:

«Мысль» — «Первый опыт юного, 16-тилетнего поэта».¹

Автор представлен публике; он назван *поэтом*; сообщается и акцентируется его возраст как факт биографии и как смысловая деталь. (Отметим, что «поэт» — первое слово в его литературной репутации).

Следующие рецензии принадлежат **Ф. Н. Менцову**.

«Смерти» — «Не первоклассное, но весьма замечательное дарование нашли мы в г. Некрасове, молодом поэте, только в нынешнем году выступившем на литературную арену. С особенным удовольствием прочитали мы две пьесы его: *Смерти* (Сын. От. № 1) и *Моя судьба* (Лит. Приб. № 12); из них особенно хороша первая». Далее рецензент цитирует семь из девяти катренов стихотворения и заключает: «Приятно надеяться, что г. Некрасов окажется дальнейшие успехи в поэзии, в дарах которой не отказала ему природа».²

«Моя судьба» — «Г. Некрасов, о даровании которого мы отозвались с значительной похвалою в обозрении русских периодических изданий за первое трехмесячие 1839 года (Ж.М.Н.П. Июль 1839), представил одну только, не большую, но достойную внимания, пьесу: *Жизнь* (Биб. для Чт., № 7). Этот молодой поэт издал недавно свои стихотворения в особой книге, и мы надеемся представить об них отчет в одном из первых № нашего журнала 1840 года».³

В процитированных суждениях — самых первых о Некрасове — автор стихов выступает как *поэт*. Но похвала не содержит собственно критического суждения, скорее это одобрительные замечания. Менцов привлекает внимание к автору и заявляет о его *таланте*.

Более развернутые критические суждения о Некрасове появляются в рецензиях на его сборник «Мечты и звуки».

¹ СО.1838. Т. V. № 10 (Ц. р. 15 сент.). Отд. I. С. 100.

² ЖМНП. 1839. Т. 23. № 7. Отд. VI. Обзорение русских газет и журналов. VIII. Изыщная словесность. С. 79—80.

³ ЖМНП. 1839. Т. 24. № 12. Отд. VI. Обзорение русских журналов. XI. Изыщная словесность. С. 183.

Свой первый сборник Некрасов готовит к печати летом 1839 г., включив в него несколько опубликованных и одобренных в печати стихотворений. Сборник вышел в свет 14 февраля 1840 г. В скором времени он был отмечен в печати рецензиями, помещенными в «Библиотеке для чтения», «Современнике», «Северной пчеле», «Русском инвалиде», «Журнале Министерства народного просвещения», «Литературной газете», «Отечественных записках» и «Сыне Отечества». О дебютанте высказались восемь наиболее известных столичных изданий: четыре журнала и четыре газеты.

В полном собрании сочинений и писем Некрасова указано семь рецензий; в «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова» — восемь, однако в обоих источниках раскрыто авторство не всех печатных выступлений. Этот пробел восполнен автором настоящей работы в специальных статьях. Высказанные в них соображения приводятся в следующем параграфе.⁴

§ 2. К АТТРИБУЦИИ КРИТИЧЕСКИХ ОТЗЫВОВ О НЕКРАСОВЕ

Н. В. Савельев-Ростиславич. «Северная пчела»

В 1840 г. в № 59 «Северной пчелы» (14 марта) была напечатана рецензия за подписью «Н. С.». Криптоним, так же как инициалы «Н. В. С.» в посвящении стихотворения «Безнадежность» (1838), не был раскрыт ни в комментариях Полного собрания сочинений, ни в «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова» (ПСС, I, 190, 641—642, 645; Летопись, I, 36, 60). Между тем, первое предположение об авторстве этой рецензии было высказано автором данной работы в 1999 г.,⁵ наряду с предположением, что автор рецензии и «Н. В. С.», которому было посвящено стихотворение Некрасова «Без-

⁴ Степина М. Ю. 1) Первые рецензенты Некрасова (К вопросу об одной публикации) // Н. А. Некрасов в контексте русской культуры: Тезисы докладов. Ярославль, 1999. С. 16—17; 2) Н. В. Савельев-Ростиславич — один из первых рецензентов Н. А. Некрасова // «Известия СПбГПУ им. А. И. Герцена». Аспирантские тетради. СПб., 2008. № 38 (82). 326—330; 3) К атрибуции критических отзывов о Н. А. Некрасове (1840-е гг.) // Русская литература. 2012. № 3. С. 123—132.

⁵ Степина М. Ю. Первые рецензенты Некрасова... С. 16—17.

надежность» (1838), — одно лицо. В статье, опубликованной в 2008 г., обосновано предположение, что рецензентом Некрасова и человеком, которому Некрасов посвятил свое стихотворение, был Николай Васильевич Савельев-Ростиславич.⁶ Анализ посвящений стихотворений Некрасова в 1838—1846 гг. указывает на факт личного знакомства с людьми, которым посвящались стихи. Известные факты биографии литераторов с инициалами «Н. С.» и «Н. В. С.» (Н. Д. Ступин, Н. В. Станкевич, Н. В. Сушков) дают основание отнести эти кандидатуры.

Н. В. Савельев-Ростиславич (1815—1854), историк, публицист, литературный критик, был активным сотрудником «Сына Отечества», «Маяка», «Отечественных записок», «Журнала Министерства народного просвещения», «Литературных прибавлений к “Русскому инвалиду”». Как писал И. И. Панаев, «многие разборы исторических книг в “Литературных прибавлениях”, обратившие на себя внимание и приписывавшиеся перу г. Краевского, к удивлению многих, оказались принадлежавшими господину Савельеву-Ростиславичу, который часто забегал к г. Краевскому».⁷ В этих же изданиях начинал свою литературную деятельность и Некрасов. В «Сыне Отечества» было опубликовано четыре его стихотворения в 1838 г. и одно в 1839-м, в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» в 1839 г. — три стихотворения.

В этих же изданиях начинал свою литературную деятельность и Некрасов. В «Сыне Отечества» было опубликовано четыре его стихотворения в 1838 г. и одно в 1839-м, в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”»

⁶ *Степина М. Ю.* Н. В. Савельев-Ростиславич — один из первых рецензентов Н. А. Некрасова... С. 326—330. Полностью его имя приводится в словаре Плюшара «Сокращения имен гг. редакторов и сотрудников, которых статьи помещены в IX томе» к криптону Н. В. С.: Николай Васильевич Савельев (Александр Непомук Николай Мария Буриной Венцеслав Светомир князь Ростиславич) (см.: Энциклопедический лексикон Плюшара. Т. IX). В статье в словаре «Русские писатели» эти сведения отсутствуют (*Галкина Е. С., Коллиненко Ю. В.* Савельев-Ростиславич Николай Васильевич // *Русские писатели: Биографический словарь* / Гл. ред. П. А. Николаев. М., 2007. Т. 5. П—С. С. 430—432).

⁷ *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1988. С. 98—99. Далее: *Панаев И. И.* Литературные воспоминания.

ду» в 1839 г. — три стихотворения; по свидетельству поэта, Полевой поручал ему работу, и он «переводил с французского, писал отзывы о театральных пьесах, о книгах» (*ПСС*, XIII₂, 46). 19 февраля 1840 г. Ф. А. Кони адресовал П. А. Корсакову письмо, в котором рекомендовал издателю «молодого, талантливому поэту Николаю Алексеевичу Некрасову» для участия «в прекрасном “Маяке”». ⁸ Хотя сотрудничество Некрасова в «Маяке» не состоялось, можно говорить о причастности Некрасова и Савельева-Ростиславича к общим литературным кругам.

Близость Савельева-Ростиславича к литераторам дополнительно освещается фактом его недолгой дружбы с В. Г. Белинским. В письмах к И. И. Панаеву из Москвы в 1839 г. Белинский выражает надежду на помощь Савельева-Ростиславича в переговорах с петербургскими редакторами и издателями «об устройении» его «судьбы» (*Б-13*, XI, 362, 364). Н. А. Полевой в московский период своей жизни также был дружен с Белинским и намеревался оказать ему содействие в Петербурге. Полевой и Савельев-Ростиславич могли встречаться еще в Москве у Белинского. В Петербурге они стали сотрудниками.

Поэтому, несмотря на отсутствие (на сегодняшний день) документального подтверждения, с большой долей вероятности можно предполагать, что Некрасов и Савельев-Ростиславич были лично знакомы. Вполне возможно, что знакомство произошло при посредничестве Полевого или даже у него в доме. Полевой часто отмечал в дневнике наплыв посетителей. Имя Некрасова встречается среди них несколько раз. Известно, что у Полевого Некрасов некоторое время жил. ⁹ Подробней история их личных и творческих отношений рассмотрена в главе, посвященной Полевому.

Более подробно развернутая в статье цепочка сопоставлений и предположений о принадлежности Н. В. Савельеву-Ростиславичу рецензии на

⁸ Литературное наследство. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 51—52. Н. А. Некрасов. II. С. 320. Далее: ЛН.

⁹ Дневник Н. А. Полевого (1835—1845) / Предисл. и примеч. П. Н. Полевого // ИВ. 1888. Т. XXXI. Январь—Март. Март. С. 669—670, 673. Далее: Дневник Н. А. Полевого.

«Мечты и звуки» и о посвящении ему стихотворения «Безнадежность», хотя и не выходит за рамки гипотезы, предлагает решение, которое связывает и объясняет факты, лежащие в разных плоскостях — биографической и творческой.

Н. А. Полевой. «Сын отечества»

Анализируемая анонимная статья была опубликована в т. I «Сына отечества»¹⁰ и в 1974 г. проанализирована Г. П. Верховским.¹¹ Исследователь атрибутировал ее Николаю Алексеевичу Полевому вместе с анонимной рецензией в «Библиотеке для чтения».¹² В. Э. Вацуро в комментарии к сборнику упоминает статью Верховского в связи с отзывами Ф. Н. Менцова, но не отмечает атрибуцию Полевому рецензии в «Библиотеке для чтения» и оставляет без внимания найденную и атрибутированную рецензию в «Сыне отечества» (*ПСС*, I, 641—642). Рецензия в «Сыне отечества» отмечена Б. В. Мельгуновым в «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова», но также без указания авторства, как и рецензия в «Библиотеке для чтения» (*Летопись*, I, 59). Ни В. Э. Вацуро, ни Б. В. Мельгунов не выдвигают контраргументов против соображений Верховского. И хотя случайное упущение двумя авторитетными исследователями разыскания и обоснования авторства маловероятно, его нельзя исключать. В статье «Личность Некрасова в памфлетных портретах 1840-х гг.» Б. В. Мельгунов говорит о принадлежности Полевому рецензии в «Сыне отечества», а О. И. Сенковскому — в «Библиотеке для чтения», также не приводя никаких аргументов.¹³

¹⁰ [Б. н.] СО. 1840. Т. I. (Ц. р. 31 дек. 1839 г.) Отд. IV. Критика и библиография. Современная русская библиография. Новые книги 1839 и 1840 гг. С. 894.

¹¹ *Верховский Г. П. С чего начинается некрасоведение? // О Некрасове: Статьи и материалы.* Ярославль, 1975. Вып. 4. С. 145—198.

¹² [Б. н.] 1. Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н. С.П.-бург, в тип. Алипанова, 1840. 2. Стихотворения Алексея Леонова. Харьков, в губернской типографии, 1839 // БдЧ. Том 38. (Ц. р. 30 янв. 1840 г.) № 2. Отд. VI. Литературная летопись. Февраль, 1840. Новые книги. С. 29—31.

¹³ *Мельгунов Б. В. Личность Некрасова в памфлетных портретах 1840-х гг. // Некрасовский сборник.* Вып. XIV. СПб., 2008. С. 91.

Вопрос авторской принадлежности обеих рецензий представляется разрешимым.

Аргументация Верховского содержит убедительные факты. Первый — свидетельство Полевого о том, что «Сын отечества» «именно по отделениям Критики, Библиографии и Смеси» находился «в его редакции» в 1839 г. и с января по апрель 1840 г.¹⁴ Прибавим к указанию Верховского цитату из письма Полевого к брату К. А. Полевому от 5 декабря 1839 г., в котором он делится планами по работе в «Сыне отечества» на будущий год: А. В. Никитенко «примет на себя всю корректурную работу и выправку статей, а я останусь при *Критике, Библиографии, Летописи и Смеси*».¹⁵

Верховский отмечает употребление пословицы «С волками надобно выть» анонимным рецензентом «Сына отечества» и Полевым в «Летописи русских журналов».¹⁶ Прибавим, что пословица оба раза приводится не в общеизвестной форме «С волками жить — по-волчьи выть», что может рассматриваться как дополнительное подтверждение догадки об авторстве Полевого.

К этим аргументам прибавим также указание В. П. Горленко: «Беспощадный отзыв о ней (книжке «Мечты и звуки». — М. С.) Белинского и хвалебные — Полевого и Плетнева — известны. Приведем несколько строк из любопытной рецензии “Литератур<ной> газеты” (1840 года, № 16)».¹⁷ Горленко имеет в виду не анонимную рецензию П. А. Плетнева¹⁸ и не анонимную рецензию В. С. Межевича в указанном номере «Литературной газеты».¹⁹ Анонимные рецензии на сборник Некрасова вышли также в «Библиотеке для

¹⁴ СО. 1840. Апрель. Кн. 2. Отд. VI. Известия и смесь. С. 903; *Верховский Г. П.* С чего начинается некрасоведение... С. 171.

¹⁵ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого с двумя портретами. С.-Петербург: Изд. А. С. Суворина, 1888. С. 484. Далее: Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого.

¹⁶ СО. 1839. № 2. Отд. 4. С. 99; *Верховский Г. П.* Указ. соч. С. 172.

¹⁷ *Горленко В. П.* Литературные дебюты Некрасова // ОЗ. 1878. № 12. С. 150.

¹⁸ [Б. н.] <Плетнев П. А.> 24. Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н. // С. 1840. № 2. (Ц. р. 6 марта 1840 г.). Т. XVIII. Отд. III. Разбор новых книг. Новые сочинения. С. 133—134.

¹⁹ [Б. н.] <Межевич В. С.> Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н. Санктпетербург. 1840. // ЛГ. 1840. № 16. 24 февраля. Стлб. 373—379.

чтения»²⁰ и «Сыне отечества». Но Полевой сотрудничал в «Библиотеке для чтения» в 1836—1837 гг., уходу предшествовал конфликт, который к 1840 г. стал очень острым,²¹ и публикация Полевого в издании Сенковского маловероятна. Следовательно, упоминая о рецензии Полевого, с большей вероятностью Горленко имел в виду именно рецензию в «Сыне отечества».

Таким образом, правомерно отвести предположение Верховского об авторстве рецензии Н. А. Полевого в № 2 «Библиотеке для чтения» и рассматривать как принадлежащую ему рецензию в «Сыне отечества».

Ф. Н. Менцов. «Библиотека для чтения»

Авторство анонимной рецензии, опубликованной в № 2 «Библиотеки для чтения», до сегодняшнего дня оставалось неустановленным (*ЛСС*, I, 641; *Летопись*, I, 59). Принимая во внимание указание Б. В. Мельгунова («О. И. Сенковский, не отказываясь в своей рецензии на первый стихотворный сборник Некрасова от обычного для него ернического тона <...>»),²² отметим *недоказанность* этого указания.

Авторство Сенковского представляется так же мало вероятным, как и авторство Полевого. Сенковский охотно цитирует и пародирует рецензируемые стихотворные фельетоны Некрасова.²³ Юмористическая и сатирическая фактура произведений Некрасова после поэтического сборника оказывалась более благодатным материалом для фельетонного стиля Сенковского. Одобрительный отзыв и цитация стихотворения Некрасова без оттенка иронии и словесной игры заключают несходство этой рецензии с общим стилем Сенковского.

²⁰ [Б. н.] 1. Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н. С.П.-бург, 1840. 2. Стихотворения Алексея Леонова. Харьков, 1839 // БдЧ. Том 38. (Ц. р. 30 января 1840 г.) № 2. Отд. VI. Литературная летопись. Февраль, 1840. Новые книги. С. 29—31.

²¹ *Каверин В.* Собр. соч.: в шести томах. Т. 6. М., 1966. С. 338.

²² *Мельгунов Б. В.* Личность Некрасова в памфлетных портретах 1840-х гг. С. 91.

²³ См., напр., его рецензии на сказку «Баба-Яга, Костяная нога» (БдЧ. 1841. № 2. Т. XLIV. Отд. VI. С. 19—22) и на первый и второй тома книжки «Статьи в стихах, без картинок» (Там же. 1843. Т. 57. Отд. VI. С. 45—50; Там же. 1843. Т. 59 (1). Отд. VI. С. 1—11).

Опираясь на свидетельство В. П. Горленко, Б. В. Мельгунов утверждает: «1839. Вторая половина года» — «Н<екрасов> принимает какое-то участие в Критико-библиографическом отделе “Библиотеки для чтения”» (*Летопись*, I, 41). Возможно, причастность автора поэтического сборника к журналу и появление в нем одобрительного отзыва имеют связь. Но сведений о личном знакомстве Некрасова с Сенковским практически нет. Лаконичное упоминание содержится в мемуарах Е. Н. Ахматовой, но относится не ранее чем к весне 1848 г. Ахматова излагает историю знакомства с А. В. Дружининым, с которым вначале она была в переписке. Их личная встреча состоялась после письма Дружинина от 25 января 1848 г.: «Я познакомилась с О. И. Сенковским, они видались и у меня по субботам, и у Осипа Ивановича <...> Потом и Н. А. Некрасов изъявил желание познакомиться с О. И. Сенковским и мы с А. В. Дружининым устроили пикник в Левашове, за Парголовым, а потом Н. А. Некрасов видел Осипа Ивановича у меня».²⁴ Таким образом, время личного знакомства также не дает оснований считать Сенковского автором положительной рецензии на «Мечты и звуки» Некрасова.

Рецензия могла быть написана Федором Николаевичем Менцовым (1818—1848), с 1839 г. помещавшим в обзорах словесности в «Журнале Министерства народного просвещения» положительные отзывы о поэтических и прозаических опытах Некрасова. Отметим, что в рецензии, напечатанной в № 3 «Журнала...» за 1839 г., в которой Менцов отмечает в Некрасове «не первоклассное, но весьма замечательное дарование», он особенно хвалит стихотворение «Смерти» (*ПСС*, I, 188) и приводит семь строф из девяти (выпустив вторую и четвертую).²⁵ Об этом факте он упоминает в пространной одобрительной рецензии на «Мечты и звуки»: «Мы привели даже в одной из книжек Ж. М. некоторые строфы из его прекрасной и даже, можно сказать, лучшей

²⁴ Ахматова Е. Н. Знакомство с А. В. Дружининым // РМ. 1891. № 12. С. 127—128.

²⁵ ЖМНП. 1839. Т. 23. № 3. Отд. VI. Обзорение русских газет и журналов. VIII. Изящная словесность. С. 79—80.

из всего изданного им ныне собрания пьесы: “Смерти” (ЖМНП. Июль, 1839)».²⁶ Анонимный рецензент «Библиотеки для чтения», хотя и сдержанно, также хвалит дарование автора сборника: «господин Н. Н. имеет талант, который заслуживает одобрения», — и в доказательство таланта приводит стихотворение «Смерти» полностью.²⁷ Это был единственный рецензент Некрасова, столь высоко оценивший именно это стихотворение. Менцов, ученик О. И. Сенковского, ориенталист, поэт и критик, сотрудничал во многих изданиях и публиковал свои стихи в «Библиотеке для чтения».²⁸

Дополнительным аргументом в пользу авторства Менцова является авторитетная версия о большой вероятности личного знакомства Менцова и Некрасова. Б. Я. Бухштаб, указав на тематическую и стилистическую близость стихов только что приехавшего в Петербург Некрасова и второстепенного поэта Менцова, отмечает, что Менцов «узнал <...> Некрасова в инициальной подписи на сборнике “Н. Н.” и, раскрыв ее, поставил в заголовке рецензии, в скобках, имя автора».²⁹ Бухштаб задается вопросом: «Как попал Некрасов в этот ведомственный журнал? Не с помощью ли Менцова?»³⁰ И наконец, Бухштаб со ссылкой на С. А. Рейсера приводит дату разрешительной визы цензуры — 6 февраля 1840 г.,³¹ тогда как Менцов извещает читателей, что Некрасов издал книгу своих стихотворений, еще в 1839 г.,³² на что также указывает Бухштаб.

Рукопись Некрасова была представлена в цензуру 26 июня 1839 г., одобрена 25 июля 1839 г., но 8 августа 1839 г. возвращена автору, т. к. на издание не хватило средств. Следующая попытка издать сборник была пред-

²⁶ ЖМНП. 1840. Т. 25. № 6. (Январь, февраль, март). Отд. VI. Новые книги, изданные в России. С. 119.

²⁷ БдЧ. Т. 38. № 2. Ц. р. 30 января 1840 г. Отд. VI. Литературная летопись. Февраль, 1840. Новые книги. С. 29—31.

²⁸ *Ильин-Томич А. А.* Менцов Фёдор Николаевич // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 4. М—П. М., 1999. С. 10—11.

²⁹ Первые печатные отзывы о стихотворениях Некрасова. Сообщение А. Аникиной и Б. Бухштаба // ЛН. Т. 53—54. С. 82.

³⁰ Там же. С. 83.

³¹ ЛН. Т. 53—54. С. 82.

³² См.: ЖМНП. 1839. Т. 24. № 4. Отд. XI. Изящная словесность. С. 183.

принята в декабре 1839 г. при помощи К. А. Данненберга, помогавшего с распространением билетов на сборник (*ПСС*, I, 641). Анонс книги в журнале должен был способствовать ее успеху и мог быть жестом личной помощи со стороны рецензента.

Верховский (со ссылкой на Б. Я. Бухштаба) и А. А. Ильин-Томич³³ поддерживают предположение о личном знакомстве, опираясь на подчеркнuto одобрительный тон рецензий Менцова, его пристальное внимание к литературным опытам молодого поэта, а В. Э. Вацуру, согласившийся с этим предположением, также указывает на связь стихов Некрасова со стихами самого Менцова («Встреча душ», «Землетрясение», «День рождения»; см.: там же, I, 642, 651, 655, 672).³⁴

* * *

Вероятность личного знакомства Менцова с Некрасовым и его участия в последнем отражена в нашем предположении, что Менцов, так же как Д. И. Успенский, Г. А. Окулов и «студент Медико-хирургической академии» (*ПСС*, XIII, кн. 2, 431—432), является одним из прототипов учителя латыни в автобиографических записях Некрасова (*ПСС*, XIII, кн. 2, 47).³⁵

Практически сразу по приезде в столицу, в конце лета — начале осени 1838 г., Некрасов знакомится с М. А. Гамазовым,³⁶ родственником И. И. Панаева, служившего в это время в редакции «Журнала Министерства народного просвещения». Переписка Панаева с Белинским содержит, в частности, отзывы Панаева о второстепенных поэтах, о которых Белинский писал еще в

³³ См.: *ПСС*, I, 642; *Верховский Г. П.* С чего начинается некрасоведение... // О Некрасове: Статьи и материалы. Вып. IV. Ярославль, 1975. С. 153; *Ильин-Томич А. А.* Менцов Фёдор Николаевич // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 4. М—П. М., 1999. С. 10—11.

³⁴ *Вацуру В. Э.* К литературной истории стихотворения Некрасова «Землетрясение» // Некрасовский сборник. Л., 1973. [Вып.] V. С. 276—277.

³⁵ См.: *Степина М. Ю.* Два сюжета из раннего Некрасова («Юность Ломоносова» в контексте творчества; О прототипе учителя латыни) // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2012. С. 76—84.

³⁶ *Гамазов М. А.* К «Воспоминаниям» А. Я. Панаевой // ИВ. 1889. Апрель. С. 256.

московских статьях.³⁷ Гамазов (Гамазян), армянин по происхождению, как и Менцов, был востоковедом,³⁸ с Востоком были связаны его карьера и литературная деятельность. В 1839 г. в прошении о праве держать вступительные экзамены в Университет Некрасов указал именно отделение восточной словесности философского факультета. А. М. Берёзкин в своей статье, посвященной литературному источнику «восточного» стихотворения Некрасова,³⁹ указывает на «очевидно, немалый» интерес молодого поэта «к истории и культуре Востока», аргументируя это соображение именно выбором факультета. Но уже в 1839 г., в ходе вступительных экзаменов, Некрасов переменял отделение и держал экзамены на юридический факультет. В 1840 г., вновь поступая на философский, он не стремился попасть на восточное отделение.

В «Мечты и звуки» вошли три стихотворения, обыгрывающие восточную тематику. Это «Турчанка», «Песня Замы» и примыкающее к ним стихотворение «Смуглянке». Восточная тематика была популярна в романтической традиции, множество подобных образцов вышло в «Московском телеграфе» и «Библиотеке для чтения»: их Некрасов читал еще в Ярославле. Но в целом восточная стилистика, мотивы, изречения, даже чисто внешняя образность не заняли заметного места в творчестве Некрасова.

Обращение к теме и выбор факультета совпадают по времени с периодом первого заинтересованного общения Некрасова с Гамазовым и его предположительного знакомства с Менцовым, в стихотворениях которого, как отмечено в цитируемой статье в «Русских писателях», «основное место занимают ориентальные мотивы».⁴⁰

³⁷ В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С. 196—200, 203.

³⁸ В 1839 г. он закончил обучение на Учебном отделении восточных языков при Министерстве иностранных дел по курсу восточных языков.

³⁹ Берёзкин А. М. «Прелестная Зама» и ее «милый» (Литературный источник некрасовского стихотворения «Песня Замы») // Некрасовский сборник. Вып. XIV. С. 246—250.

⁴⁰ Ильин-Томич А. А. Менцов Фёдор Николаевич. С. 43.

Обратимся к автобиографическим записям Некрасова — воспоминаниям о занятиях с учителем, который готовил его к поступлению в Университет:

«...Пугала латынь. На Итальянской встретил в увеселительном заведении Успенского — профессора духовной академии. С откровенностью молодости рассказал свои нужды. „Я вас выучу латыни, приходите жить ко мне“.

Поселился у него на Охте. Подле столовой за перегородкой темный чулан был моей квартирой. Успенский в полосатом халате пил запоем по несколько недель, очнется: „Давай буду тебя учить“. Две, три недели учит очень хорошо, там опять запьет. Ходил с ним к дьякону Прохорову. То была права рука у митрополита бывшего Серафима, все духовенство валялось у его ног. У отца дьякона вечный картеж. Тут я выучился играть в преферанс» (ПСС, XIII₂, 47).

В комментариях к автобиографическим записям поэта Б. Л. Бессонов доказывает, что рассказ о пьянстве Успенского, картеже и темном чулане не соответствует фактам. Сомнение исследователя вызывают знакомство Некрасова с Успенским в «увеселительном заведении» (они познакомились, скорее всего, у Н. А. Полевого через Н. Ф. Фермора); приверженность Успенского к запойному пьянству на рубеже 1930—1840-х гг.; проживание у него в «темном чулане», фактически нежилом; участие Некрасова в карточной игре у дьякона Прохорова (из-за разницы в возрасте и статусе). Соответствует фактам лишь указанный адрес Успенского (у Малоохтинского перевоза) (ПСС, XIII₂, 429—433). Бессонов объясняет эти несоответствия тем, что «Некрасову было свойственно рассуждать о себе в вызывающе уничижительном тоне, жертвуя достоверностью в фактографии ради концепции собственной личности как дворянина по происхождению и разночинца по обстоятельствам жизни»; «В воспоминаниях о Д. И. Успенском образ учителя латинского языка подсказан не памятью о данном лице, а стремлением изо-

бразить своих первых наставников, а отчасти и себя самого <...> приверженцами спиртного» (ПСС, XIII₂, 429, 432).

Объяснение, данное исследователем, подтверждается при обращении к различным эпизодам биографии молодого Некрасова и в ходе анализа мемуарных источников. Б. Л. Бессонов предполагает, что Успенский был не единственным репетитором Некрасова, и называет имя Григория Андреевича Окулова, предшественника Успенского на его должности в духовной семинарии, а также упомянутого Некрасовым «студента Медико-хирургической академии» (ПСС, XIII₂, 431—432). Образ учителя латыни, следовательно, мог иметь собирательный характер. Подобную беллетризацию автобиографического материала у Некрасова Бессонов рассматривает в статье «Некрасов и Бенецкий (предание и факты)».⁴¹

В воспоминаниях современников говорится, что Менцов много занимался репетиторством.⁴² Менцов был подвержен пьянству, отчего и умер в 30 лет. Он также был карточным игроком. Воспоминания современников сохранили свидетельства о его внешнем виде: высокий, плотный, заикающийся, с копной рыжих волос,⁴³ он носил «изысканно неопрятный костюм».⁴⁴ Портрет схож с тем, что отразил Некрасов.

Не исключено, что Некрасов предпринял *несколько* попыток выучиться латыни. В числе его учителей мог быть Менцов, теоретически — он мог предоставить ученику кров, и этот кров мог быть менее устроенным, чем у Успенского.

⁴¹ Бессонов Б. Л. Некрасов и Г. Ф. Бенецкий (предание и факты) // Некрасовский сборник. Вып. X. Л.: Наука, 1988. С. 33—52.

⁴² «В свободное время, Ф. Н. Менцов приготовлял бедных молодых людей в разные учебные заведения, — и эта черта делает особенную честь сердцу Менцова, — приготовлял необыкновенно быстро, и приготовленные им поступали всегда в числе первых; это обстоятельство делает особенную честь методе его педагогики» (СО. 1852. Кн. IX. Смесь. С. 46).

⁴³ СПбВед, 1848, № 30; ЛГ, 1848, 12 февр.; Ведомости Петербургской городской полиции. 1848. 24 марта; Зотов В. Р. Петербург в сороковых годах // ИВ, 1890, № 5, с. 311; Старчевский А. В. Воспоминания старого литератора // ИВ, 1890, № 9, с. 529—530.

⁴⁴ Чежин Г. Г. Некролог // Ведомости Петербургской городской полиции. 1848, 9 марта.

Этот эпизод биографии можно предположительно датировать. Датировка, во-первых, не должна противоречить документально установленным фактам, во-вторых, должна охватывать относительно протяженный временной промежуток.

Первым таким промежутком становится время после расставания Некрасова с Д. И. Успенским и до встречи с К. А. Данненбергом. Время расставания в «Летописи...» датировано сентябрем или началом октября (*Летопись*, I, 47).⁴⁵ Адрес Успенского указан Некрасовым как его место жительства в прошении на имя ректора университета о приеме его вольнослушателем от 4 сентября 1839 г. (*ПСС*, XIII₂, 310, 430). Таким образом, Некрасов съехал от Успенского не ранее 4 сентября. Встреча с Данненбергом в «Летописи...» датирована серединой октября (*Летопись*, I, 48) на основании специальной статьи В. Э. Вацура.⁴⁶ В промежуток между 4 сентября и серединой октября укладывается проживание Некрасова на Васильевском острове с договоренностью о цене за месяц (*Летопись*, I, 47).

Более весомым видится другое предположение о времени возможного проживания Некрасова у Менцова. Некрасов расстался с Данненбергом предположительно в мае 1840 г.,⁴⁷ а 24 июля 1840 г. указал в прошении о допуске к вступительным экзаменам в университет, что проживает на Свечном пер., в доме купца Щанкина. В «Летописи...» эти два адреса указаны один за другим, без промежутка (*Летопись*, I, 64).⁴⁸ Логично предполагать, что попытка подготовиться к вступительному экзамену по латыни пришлась именно на этот временной промежуток. Предположение подкрепляется тем фак-

⁴⁵ Ср.: Рейсер С. А. Революционные демократы в Петербурге. Л., 1957. С. 45—48, 162; Ломан О. В. Некрасов в Петербурге. Л., 1985. С. 18—26, 242—243; Бессонов Б. Л. Некрасов и Г. Ф. Бенецкий... С. 33—52.

⁴⁶ Вацура В. Э. Некрасов и К. А. Данненберг // Русская литература. 1976. № 1. С. 140.

⁴⁷ Вацура В. Э. Некрасов и Данненберг... С. 142.

⁴⁸ С. А. Рейсер определяет временные промежутки с большей предположительностью (*Рейсер С. А. Революционные демократы в Петербурге...* С. 162). О. В. Ломан не выставляет правую границу предыдущего адреса, совместно с Данненбергом (*Ломан О. В. Некрасов в Петербурге...* С. 242—243), несмотря на то, что статья В. Э. Вацура указана ею в списке основной литературы (Там же, с. 245).

том, что на экзамене Некрасов получил по латыни тройку (*Летопись*, I, 66), дважды вопреки свидетельству поэта: «Латинист Фрейтаг был очень строг, но и он с латыни поставил мне 5» (*ПСС*, XIII₂, 47). Согласно опубликованным С. А. Рейсером ведомостям, в 1839 г. латынь и имя Ф. К. Фрейтага не упоминаются, а в 1840 г. оценку 3 на экзамене по латинскому языку Некрасов получает у Э. Е. Шлиттера.⁴⁹ О. В. Ломан полагает, что «латинист Д. И. Успенский все же чему-то научил своего пытливого ученика и постояльца».⁵⁰ Однако после расставания с Успенским прошло около десяти месяцев, занятых для Некрасова напряженными поисками заработка.

Предположение об участии Менцова в судьбе отмеченного им молодого поэта Некрасова в качестве учителя латыни с мая по июль 1840 г. не опровергается ни документально подтвержденными, ни апокрифическими адресами проживания Некрасова в этот период и по протяженности допускает суждение: «пил запоем по несколько недель <...> Две, три недели учит очень хорошо, там опять запьет» (*ПСС*, XIII₂, 47).⁵¹ Недостаточная же подготовленность Некрасова по латыни легко объяснима не только его ссылкой на запои учителя, но и его плотной занятостью в литературно-театральном мире.

Высказанные предположения связывают и дополняют представление о личных и литературных отношениях поэта в 1839—1840 гг. с авторами первых критических отзывов о его стихах.

* * *

⁴⁹ Рейсер С. Некрасов в Петербургском университете // ЛН. Т. 49—50. С. 360.

⁵⁰ Там же. С. 26.

⁵¹ Тем не менее, и в этом случае необходимо помнить о характерных смещениях хронологических границ в автобиографических записях и устных высказываниях Некрасова см.: Бухштаб Б. Я. Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. М., 1966. С. 50—52; Бессонов Б. Л. Некрасов и Г. Ф. Бенецкий... С. 33—52; Стетина М. Ю. О топонимике петербургского текста Некрасова («Еду ли ночью по улице темной...» и «Я посетил твоё кладбище») // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2007. С. 111—121.

Таким образом, к ряду критических высказываний Менцова о Некрасове прибавляется второй его отзыв о сборнике «Мечты и звуки», опубликованный в «Библиотеке для чтения» без подписи.

Авторство всех выявленных на сегодняшний день рецензий на сборник установлено.

§ 3. РЕЦЕНЗИИ НА СБОРНИК «МЕЧТЫ И ЗВУКИ»

По признанию Некрасова, принятому некрасововедами за основу, неуспех сборника стал переломным пунктом в его творчестве, когда он «перестал писать серьезные стихи и стал писать эгоистические» (ПСС, XIII₂, 58); «Отказался писать лирические и вообще нежные произведения в стихах» (ПСС, XIII₂, 47). Общий обзор критических отзывов также представляет собой некую отправную точку в динамике персональных оценок Некрасова и в осмыслении русской критикой текущей литературы, в которой деятельность Некрасова становилась всё более заметной. Он также позволяет наблюдать соотнесенность индивидуального творческого пути Некрасова с критическими оценками современников.

Рецензия *Н. А. Полевого*⁵² носит одобрительный и отчасти «педагогический» характер. Рецензент отмечает в дебютанте *талант, поэтическую технику* («механизм стиха очень ловок»), его произведения рецензент относит к *истинной поэзии*, пожелание «более самобытности мыслей» указывает на подражательность, хотя формулировка смягчена.

Рецензия *П. А. Плетнева*⁵³ также носила одобрительный характер. Несмотря на упреки в «некоторой небрежности в отделке стихов» — «неточность в выражениях, неправильные ударения», — Плетнев увидел «в каждой пьесе» «создание мыслящего ума или воображения». «Здесь не только *мечты*

⁵² [Б. н.] СО. 1840. Т. I. (Ц. р. 31 дек. 1839 г.) Отд. IV. Критика и библиография. Современная русская библиография. Новые книги 1839 и 1840 гг. С. 894.

⁵³ [Б. н.] Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н. // С. 1840. № 2. Т. XVIII. Отд. III. Разбор новых книг. Новые сочинения. С. 133—134.

и звуки, — утверждает критик, — но и мысли, и чувства, и картины. Книжка, заключающая в себе почти одни лирические стихотворения, исполнена разнообразия». Таким образом, в рецензии на первый поэтический сборник Некрасова Плетнев положительно оценил попытки следовать близкой критике поэтической *традиции; разнообразие; изобразительную силу* («картины»); *мысль; чувство*.

Н. В. Савельев-Ростиславич в пространной рецензии⁵⁴ отметил в Некрасове: «дарование несомненное»; связь его поэтических опытов с *традициями* «прежней школы» — *элегической поэзии; их подражательность; в части содержания* стихов склонность поэта, в традициях элегической поэзии, «находить поэтическое в одних чувствах грусти, безнадежности, отчаяния».

В рецензии **Л. В. Бранта**⁵⁵ говорится, что для «юного, очень юного поэта» «стихотворения его более нежели удачны». Брант отмечает в стихах: *элегические мотивы; ставит их в связь с предполагаемым жизненным опытом автора* (грусть, лишения); при этом желает автору большей связи стихов с *действительностью* и большей «определенности» поэтических идей.

Таким образом, Брант выделяет связь творчества дебютанта с *традицией элегии* и недостаточную зрелость и самостоятельность его поэтической мысли.

По оценке **Ф. Н. Менцова**, высказанной в анонимной статье в «Библиотеке для чтения»,⁵⁶ «стихи <...> хороши; местами даже проглядывает чувство, и вообще видно, что господин Н. Н. имеет талант, который заслуживает одобрения». Однако, отмечает рецензент, «звуки» в стихах «лучше, нежели мечты». Т. о., с точки зрения критика, у поэта есть *чувство, талант, форма* его стихов заслуживает более высокой оценки, чем *содержание*, поэтическая

⁵⁴ Н. С. 34. Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н. С. Петербург, 1840 года // СП. 1840. № 59. 14 марта. Русская литература. С. 234—235.

⁵⁵ Л. Брант. Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н. С.-Петербург. 1840 // Русский инвалид или военные ведомости. 1840. № 130. 13 июня. Библиография. С. 324.

⁵⁶ [Б. п.] 1. Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н. С.П.-бург, 1840. 2. Стихотворения Алексея Леонова. Харьков, 1839 // БдЧ. Том 38. (Ц. р. 30 января 1840 г.) № 2. Отд. VI. Литературная летопись. Февраль, 1840. Новые книги. С. 29—31.

мысль. Особой похвалы удостоено стихотворение «Смерти», приведенное в полном объеме.

Рецензия Менцова посвящена двум поэтическим сборникам, одобренным приблизительно в равной степени. Второй сборник — «Стихотворения. 1834—38» Алексея Леонова,⁵⁷ чей «талант к поэзии» отметил и В. Г. Белинский.⁵⁸

Вторая рецензия Менцова вышла в «Журнале Министерства народного просвещения».⁵⁹ Рецензент напоминает о похвале, которая печатно прозвучала о нескольких ранее опубликованных стихотворениях Некрасова, и о цитации одного из них: «Мы привели даже в одной из книжек Ж. М. некоторые строфы из его прекрасной и даже, можно сказать, лучшей из всего изданного им ныне собрания пьесы: “Смерти” (ЖМНП. Июль, 1839)». Менцов вновь отмечает стихотворения «Моя судьба» и «Жизнь», а из ранее не знакомых читателю называет «пьесы, которые носят на себе печать поэтической независимости. Такими признаем мы: “Два мгновения”, “Рукоять”, “Покойницу” и “Песню Заме”. Эти стихотворения, за исключением “Смерти”, — лучшие между изданными донныне г. Некрасовым»; «Достойны также одобрения следующие: “Ангел смерти”, “Поэзия”, “Моя судьба”, “Землетрясение” и “Истинная мудрость”, где есть много прекрасных мыслей». Похвалы сопровождаются обширными цитатами из стихотворений «Два мгновения» и «Истинная мудрость».

Основные акценты в рецензии Менцова: он отмечает *талант* Некрасова, причем раскрывает фамилию автора сборника «Н. Н.», стоявшую под его более ранними публикациями; заявляет о цели своей рецензии — «одобрить»

⁵⁷ См. о нем: Заяц А. А. Леонов Алексей Алексеевич // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. К—М. С. 321—322.

⁵⁸ Там же. С. 321; см. также: Б-13, III, 231.

⁵⁹ ЖМНП. 1840. Т. 25. № 6. Отд. VI. Новые книги, изданные в России. С. 118—124. Отметим, что и в оглавлении книжки журнала, и в названии рецензии раскрыта фамилия поэта: «Мечты и звуки. Стихотворения Н. Некрасова. (р<азбор>. Ф. Менцова)» (оглавление), «Мечты и звуки. Стихотворения (Н. Некрасова). С. Петербург, 1840. Стихотворения Елисаветы Шаховой. С. Петербург, 1839».

«прекрасный талант», напомнить читателю о прежних публикациях, которые отмечает «в числе лучших». Отмечает *подражательность* стихов автора сборника; в целом в качестве объектов подражания он видит Подолинского и Бенедиктова, но в отдельных стихотворениях не усматривает подражания конкретному образцу. Наряду с ученической *подражательностью* Менцов видит природную *самостоятельность* таланта Некрасова и представляет его подражательность как органичный этап становления молодого поэта; говорит о необходимости изучения лучших образцов и теории поэзии как о средстве занять достойное своего таланта место. Менцов указывает перспективу Некрасова — впоследствии занять видное место в отечественной литературе.

Отметим, что полтора года спустя в анонимной статье в «Журнале Министерства народного просвещения» Менцов вновь упоминает сборник Некрасова: «Между оригинальными поэтическими произведениями, обогатившими в минувшем трехлетии русскую литературу, первое место бесспорно занимают “Сочинения“ (9 томов) “Пушкина”. После сих образцовых творений можно поставить отличные стихотворения Бенедиктова и Лермонтова. Нельзя также пройти молчанием прекрасных опытов гг. Некрасова “Мечты и звуки” <...>» (далее перечислены оригинальные и переводные произведения).⁶⁰

В упомянутой статье Верховского подробно говорится о благожелательности Менцова-критика, а также о его тенденции к чрезмерному сближению, почти уравниванию поэтов слишком разного масштаба. Обилие одобрительных высказываний о Некрасове позволяет думать, во-первых, что для малоопытного и очень молодого автора эти отзывы могли служить подтверждением его состоятельности. Во-вторых, «смена курса» у Некрасова произошла, когда Менцов продолжал одобрительно оценивать опыт, уже оцененный самим автором как неудачный. Этот пример наглядно демонстрирует

⁶⁰ ЖМНП. 1841. Ч. XXXII. № 10—12. Отд. VI. Обзорение книг, вышедших в России. С. 284—285.

творческую самостоятельность Некрасова, с одной стороны, разброс и неопределенность критических оценок — с другой стороны.

Две другие рецензии на сборник Некрасова остро полемичны по отношению к отзывам Менцова, Полевого, Плетнева, Бранта, и Савельева-Ростиславича.

Одна из них была написана *В. С. Межевичем*.⁶¹ Рецензент отрицает достоинства сборника и его автора. По его утверждению, стихи молодого поэта не обладают достоинствами: они оставляют впечатление «пустоты, безответности, неопределенности впечатлений». По выражению критика, «г. Н. Н.» стоит в том же ряду, что и «гг. Якубович, Раич, Тимофеев, Менцов, Стромилов, Бахтурин, Струйский, Бернет, Сушков, Траум, Банников и пр., и пр., и пр.», и все они «суть нечто до тех пор, пока не издадут полного собрания своих сочинений: тогда они становятся ничто». Свое печатное выступление Межевич объясняет просьбой автора, лично принесшего ему свой сборник.

Критическая оценка Межевича, во-первых, носит характер личного выпада, а во-вторых, не содержит четких критериев, по которым читатель может судить о достоинствах (либо их отсутствии) литературного произведения. Дополнительные соображения о критической манере Межевича содержатся в гл. II, § 7, 8.

Менее резкой, но еще более неутешительной была рецензия *В. Г. Белинского*.⁶² Критик также отказал молодому поэту в сколько-нибудь заметных достоинствах. Однако в его выступлении был сформулирован основной критерий поэтического произведения: «художническая фантазия», преобразующая мысли и чувства автора в нечто эстетически постигаемое и эстетически значимое для другого. С точки зрения Белинского, Некрасов, как и ряд других стихотворцев, не обладает этим качеством: в их поэтических опытах читатель находит «все знакомые и истертые чувствованья, общие

⁶¹ [Б. н.] Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н. Санктпетербург. 1840 // ЛГ. 1840. № 16. 24 февраля. Библиография. Стлб. 373—379.

⁶² [Б. н.] Мечты и Звуки Н. Н. С.-Петербург. 1840 // ОЗ. 1840. Т. IX. (Ц. р. 14 марта 1840 г.) Отд. VI. Библиографическая хроника. Русская литература. С. 8—9.

места, гладкие стишки» и только в качестве исключения «стих, вышедший из души в куче рифмованных строчек» (Б-13, IV, 119).

Таким образом, Белинский обращает внимание на *форму*, которая в стихах Некрасова представляется ему не более чем ученически- либо эпигонски-гладкой, и на отсутствие основного достоинства, определяющего, является ли *поэтом* автор сборника стихов.

Эта статья полемична по отношению ко всем семи приведенным выше. В них просто высказывается оценка, либо, в дополнение к оценке (одобри- тельной), высказываются частные соображения и пожелания, носящие уни- версальный характер. Пожелание дебютанту расширять кругозор, следовать достойнейшим поэтическим образцам и традициям, обогащать духовный и жизненный опыт и работать над формой вполне универсальны и актуальны вне времени, но не отвечают на вопрос, что делает достойнейшее произведе- ние таковым. Белинский, формулируя свои соображения о современном по- этическом искусстве, по форме высказывания переводит разговор о «Мечтах и звуках» и ему подобных сборниках в сферу публицистического обсужде- ния, по существу — предлагает к осмыслению и обсуждению актуальную эс- тетическую проблему: что есть поэзия.

§ 4. КРИТИЧЕСКИЕ ОТЗЫВЫ НА СБОРНИК НЕКРАСОВА И ЕГО ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ

Поэтический дебют Некрасова — от первой публикации до выхода первого сборника стихов — вызывал критические высказывания, которые, как принято считать, способствовали переориентации творческого пути. Анализ динамики творческих исканий Некрасова и параллельно критических высказываний о нем показывает, что в действительности критика этого пе- риода не сыграла столь значительной роли в становлении поэта и, шире, ли- тератора.

Общий обзор критических отзывов демонстрирует положение критики и частично причины «перемены курса» Некрасова: почему (и/или зачем) он «перестал писать серьезные стихи и стал писать эгоистические».

Пять из семи рецензентов высказалась о молодом авторе как о подающем надежды поэте. Условно можно назвать третий неодобрительный отзыв, принадлежащий А. В. Никитенко и произнесенный им с университетской кафедры. В качестве источника выступает публикация Н. Глушицкого, восходящая к устным рассказам.⁶³ В. Э. Вацуро включил упоминание об отзыве А. В. Никитенко в комментарии к «Мечтам и звукам» (*ПСС*, I, 643). Мнение университетского профессора, произнесенное публично, могло усилить впечатление Некрасова о своей неудаче. Но представляется спорным, чтобы резкие критические отзывы могли сыграть решающую роль в перемене взглядов Некрасова на себя.

В процитированных суждениях заметна расплывчатость в критериях. В них оценка «талант» (Менцов, Полевой, Савельев-Ростиславич) соседствует с оценками «посредственность», «отсутствие оригинального таланта» (Межевич, Белинский). С оценкой «хорошая поэтическая форма» (Менцов) соседствует оценка поэтической формы как всего лишь эпигонски-гладкой (Межевич, Белинский) или содержащей грамматические и стилистические погрешности (Плетнев). Критики расходятся во мнении, есть ли в стихах Некрасова поэтическая мысль. Отношение к историко-литературному ряду расценивается одними как безликое эпигонство (Межевич, Белинский), другими — как следование традиции (Плетнев, Брант, Савельев-Ростиславич). Рецензии не свободны от субъективности: многие рецензенты знали молодого автора лично и желали поддержать его первый опыт.⁶⁴ Первый крупный поэтический опыт вызывает оценки, не то чтобы взаимоисключающие друг друга, но указывающие в равной мере на неопределенность поэтического лица автора

⁶³ См.: Глушицкий Н. Письмо в редакцию по поводу биографии Н. А. Некрасова, помещенной в «Отечественных записках» // Петербургский листок. 1878. 1 июня. № 107.

⁶⁴ Этот аспект подробнее освещен в разд. 2.

сборника и на неопределенность критериев современной ему критики, за исключением Белинского.

Но, как аргументирует Б. Я. Бухштаб,⁶⁵ суждение Белинского, наиболее весомое субъективно для зрелого Некрасова и объективно для исследователей, в 1840 г. едва ли явилось для поэта решающим доводом против «серьезных» стихов и, главное, в пользу перехода к юмористике и впоследствии к сатире. В качестве иллюстрации исследователь приводит достаточно категоричное суждение Белинского, который «в эту пору резко отрицательно относился не только к развлекательно-юмористическим стишкам <...> но и к серьезной сатире. <...> Даже в конце 1840 года Белинский еще пишет: “Явление <...> сатиры относится скорее к истории общества, а не искусства, не поэзии” (Б-13, IV, 415)».⁶⁶

К тому же отметим, во-первых, что рецензия Белинского на сборник Некрасова не заключала советов автору в виде определенной программы, которая бы подразумевала поиск поэтом индивидуального начала, тем более в этой области.

И во-вторых, в 1840 г. Белинский, по всей видимости, еще не был воспринят Некрасовым так, как уже воспринят, например, И. И. Панаевым, написавшем о ярком впечатлении от «Литературных мечтаний».⁶⁷ В ретроспективе Некрасов, конечно, отмечает отзыв Белинского: «Меня обругали в какой-то газете <...> Все это происходило в 40-м году. Белинский тоже обругал мою книгу» (ПСС, XIII₂, 58). Но другая автобиографическая запись — «О моих стихах» — позволяет думать, что литературное значение Белинского стало для Некрасова яснее в следующие годы:

«NB о стихах “М<ечты> и з<вуки>”, анекдот о “М<ечтах> и з<вуках>”, Бенецкий, Жук<овский>, Белинский, казенные урок<и>, юмор<истические> стих<отворения> с признаком толку.

⁶⁵ Бухштаб Б. Сатирическая поэзия Некрасова 1840—1850-х годов // Бухштаб Б. Н. А. Некрасов. Проблемы творчества. Л., 1989. С. 184—185.

⁶⁶ Там же. С. 185.

⁶⁷ Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 137—139.

Поворот к правде, явившийся отчасти от писания прозой, крит<ических> ст<атей> Белинского, Боткина, Анненкова и др<угих>. Тургенев, Кр<аевский>, Панаев, Панае<ва>» (*ПСС*, XIII₂, 56).

Позиция М. С. Макеева, обоснованная во 2-й главе его монографии,⁶⁸ как нам представляется, во многом убедительна. Исследователь также отмечает более благосклонный, чем осуждающий настрой критики, которая едва ли послужила причиной творческой переориентации Некрасова. Макеев говорит о ведущей роли экономической подоплеки в мотивации Некрасова и, соглашаясь с Б. Я. Бухштабом, указывает на непрямую связь между отказом от «романтических» произведений, которые Некрасов продолжает писать и публиковать после неудачи со сборником, и практикой «эгоистических» стихотворных фельетонов для заработка.⁶⁹ Переход же к «эгоистическим» стихам фактически совершился до читательского суда над сборником.⁷⁰

Поддержим соображение исследователя о понимании Некрасовым литературного имени как своего рода капитала. Оно убедительно объясняет игру Некрасова с настоящим именем и псевдонимом.

Однако достаточно категоричное возражение Макеева против концепции формалистов, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Исследователь возражает, с одной стороны, против несколько прямолинейного целеполагания,

⁶⁸ *Макеев М. С.* Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель. Очерки о взаимодействии литературы и экономики. М., 2009. С. 32—50.

⁶⁹ Там же. С. 34.

⁷⁰ «Мечты и звуки» вышли в свет 14 февраля, а 20 февраля прошел цензуру № 2 «Пантеона» с первой частью «Провинциального подьячего в Петербурге» (*Летопись*, I, 58). Еще в сентябре или начале октября 1839 г. Некрасов, расставшись с Д. И. Успенским, «задумал стишонки забавные писать. Напечатал их на листочках и стал гостинодворским молодцам продавать. Разошлись» (*Григоревич Д. В.* Литературные воспоминания. М., 1987. С. 229) (*Летопись*, I, 47). Осенью, сойдясь с К. А. Данненбергом, Некрасов пишет либретто к опере «Испанка» (*Летопись*, I, 48, 50). В конце года Некрасов начинает сотрудничать с «Пантеоном русского и всех иностранных театров» Ф. А. Кони в качестве корректора (*Летопись*, I, 51—52), т. е., имеет стабильный заработок.

приписываемого Некрасову.⁷¹ С другой стороны — против недостаточной рационализированности в их осмыслении процесса.⁷²

Причины социально-исторического и экономического характера, которые объясняют переориентацию поэта, потерпевшего неудачу со сборником, самоочевидны и не нуждаются в подтверждении. Нуждаются в анализе причины творческого характера.

Представление Б. М. Эйхенбаума о пародии как об «отталкивании» и средстве обновления художественного языка применительно к ситуации с Некрасовым после сборника, действительно, выглядит достаточно схематично, если рассматривать его именно с позиций *сознательного* целеполагания, рациональной деятельности. Такой осмысленной позиции еще не могло быть у начинающего литератора, который в свои девятнадцать лет — несмотря на незаурядный ум и любовь к литературе — имел неоконченное гимназическое образование, отрывочные сведения из нерегулярно посещаемых университетских лекций и недостаточную начитанность, в которой сам признавался. Подобная схема упростила бы и представление об освоении читательской и пишущей аудиторией сложного поэтического наследия Пушкина и Лермонтова.

Едва ли Некрасов сознавал свою творческую задачу в том виде, в каком впоследствии она сформулирована литературоведами. И в этом отношении скепсис современного исследователя по поводу «инновационно-ориентированной концепции истории поэзии» — если понимать ее как сознательную, рациональную, — закономерен, во всяком случае, легко объясним.

⁷¹ «Отказ Некрасова в начале 1840-х годов от высокой романтической поэзии и переход к пародийной, фельетонной <...> послужили для Ю. Н. Тынянова и Б. М. Эйхенбаума прекрасной иллюстрацией и подтверждением развивавшейся русскими формалистами инновационно-ориентированной концепции истории поэзии. Некрасов предстает в их работах как поэт, остро почувствовавший рутинизацию определенных приемов и быстро отреагировавший на нее отказом от устаревших поэтических форм и их пародированием» (Макиев М. С. Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель... С. 32).

⁷² «<...> описывать процесс, который происходит с Некрасовым после выхода сборника “Мечты и звуки”, нужно не в терминах мифического “быстрого исчерпывания этого рода поэзии” <...>» (Там же. С. 50).

Столь же очевидно, что Некрасов не сознавал свою ближайшую творческую задачу так, как она была обозначена критиками сборника. Он не последовал советам благожелательно настроенных критиков и не ушел из литературы под влиянием оценок Межевича и Белинского. И это важно для анализа развития русской критики и ее роли в творческом пути поэта.

На коротком отрезке между неудачей сборника и обретением веры в свой поэтический талант примерно в середине-конце 1840-х гг. легко и логично объяснить обращение Некрасова к юмористике и сатире необходимостью заработка. Этот род деятельности «из хлеба», действительно, имеет косвенное отношение к литературе. Так и утверждает Бухштаб,⁷³ оговаривающий, впрочем, *литературное* значение этих коммерческих поделок, ставшее явным позднее. Но, зачеркнув себя как *поэта*, Некрасов на этом этапе, тем не менее, не зачеркнул вообще себя *пишущего* и *печатающегося*, что подтверждают и его попытки найти себя в драматургии. Исходя из целостного представления о творческой биографии крупнейшего поэта, было бы неправомерно вычленять этот период. Так или иначе, Некрасов зарабатывал свой хлеб *литературным*, а не иным, трудом, и его наработки этих лет вскоре и надолго оказались востребованными *литературой* — его собственным многолетним творчеством и опытом современных ему литераторов. Следовательно, остаётся признать целостность творческой биографии, даже если пошаговое изучение ее наводит на мысль о разрывах. Это — биография *литератора*.

Эту целостность, возможно, имеет в виду Ю. М. Прозоров, хотя и применительно к другой историко-литературной задаче — «проблеме преодоле-

⁷³ «Разумеется, на путь стихотворной юмористики Некрасов вступил “из хлеба”, без всякой мысли о серьезных социально-сатирических задачах; но когда, через несколько лет, под сильным влиянием Белинского, у Некрасова возникло стремление выразить в своей поэзии демократические и социалистические идеи, это стремление естественно воплотилось сперва в тех формах, какие были разработаны в поэзии Некрасова к тому времени» (Бухштаб Б. Я. Указ. соч. С. 185).

ния романтизма»⁷⁴ в творчестве поэта. Его интерпретация представляется «совершенно бессодержательной» М. С. Макееву,⁷⁵ который рассматривает дистрибуцию подписей Некрасова в аспекте его сознательного созидания литературного имени как специфического капитала.⁷⁶ Но усилия по созданию литературного имени также свидетельствуют о включении литературных опытов этого периода в индивидуальный творческий поиск.

Даже соглашаясь с тезисом, что Некрасов стремился разграничить «серьезные» стихи и сочинения «из хлеба», мы получаем рабочий вывод: подражание, перепев, пародия, каламбур, юмор и попытки сатиры, лубок для него в начале 1840-х гг. суть то, что, по-видимому, *не* составляет искусство, тогда как представления об искусстве (эпигонски-романтические), уже поставленные под сомнения, побуждают пародировать то, что недавно хотелось или все еще иногда хочется писать «всерьез». Таким образом, деятельность даже «из хлеба» так или иначе соотносится с поиском границ искусства.

⁷⁴ Говоря о разграничении Некрасовым публикаций под псевдонимами и под своим именем, Ю. М. Прозоров рассматривает его как «его желание видеть в своем творчестве два изолированных раздела, к одному из которых отошли бы произведения “заказные”, написанные для заработка, однодневные, к другому же — “серьезная поэзия”. “Я перестал писать серьезные стихи и стал писать эгоистические”, — вспоминал позднее Некрасов о своей юношеской литературной работе, подчеркивая ее дифференцированность (*ПСС*, XII, 22). Историко-литературная ситуация, однако, сложилась вскоре таким образом, что мнимо серьезная романтика обнаружила свою художественную несостоятельность, а произведения, писавшиеся с “эгоистической” целью, оказались подлинно серьезным шагом к созданию новой литературы» (*Прозоров Ю. М.* Некрасов после книги «Мечты и звуки». К проблеме преодоления романтизма в творчестве Н. А. Некрасова 1840 года // Н. А. Некрасов и русская литература второй половины XIX — начала XX веков. Вып. 57. Ярославль, 1980. С. 17).

⁷⁵ *Макеев М. С.* Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель... С. 39.

⁷⁶ «Неудача с продажей книги не должна была его непременно обескуражить потому, что вырученные деньги не являются единственным видом капитала, который может принести литературное предприятие. Тот капитал, к которому стремился Некрасов, не зависит напрямую от читательского спроса на книгу и не ограничивается положительными рецензиями. <...> Этот специфический капитал — литературное, писательское *имя*. <...> Известное, популярное, знаменитое или, наоборот, неизвестное, скомпрометированное имя является не просто знаком определенного содержания, формирующим читательские ожидания. Оно является одним из главных объектов литературной экономики, основой взаимоотношений между издателем и писателем, влияющим на размеры гонораров, желание издателей публиковать или не публиковать тексты, им подписанные» (Там же. С. 37).

Уже на этом этапе можно видеть «многослойность» творческой биографии Некрасова как научной проблемы — и, следовательно, «многослойность» проблемы критического восприятия поэта современниками. Некрасов декларировал отказ от романтических стихов, писал романтические стихи и одновременно пародии на романтические произведения. Он искал индивидуальный поэтический стиль, одновременно позиционируя себя как «литературного промышленника», человека, зарабатывающего на хлеб литературным трудом. Творческий поиск поэта и декларация, выстраивающая литературную репутацию Некрасова, оказываются в антагонистических отношениях. Поясним на малом количестве примеров.

Проанализированная ситуация с оценками и советами критиков первого сборника Некрасова соотносится с воспоминанием В. И. Немировича-Данченко. Мемуарист привел суждение Некрасова о творческом пути поэта: «Некрасов не любил давать начинающим советов, как и что писать. Он говорил: каждый должен вырабатываться сам. Учись ходить без посторонней помощи. Не оглядывайся на других. Сам спотыкайся и, разбивая себе нос, не рассчитывай, что сосед вовремя схватит тебя под локоть. Учителя у тебя одни: твой талант и наблюдение. Старайся видеть больше. Именно — видеть. Читатель смотрит — а ты видишь. Чтобы наблюдать, надо также учиться. Не кляни неудачи, они лучшие профессора. Неизвестно еще, что полезнее — чтение плохих или образцовых вещей. Во всяком случае, первое тоже приносит свои плоды чуткому писателю: в каждом из нас заложены минусы. Ты видишь их ясно у плохого писателя и, если в тебе нет самовлюбленности, скоро, благодаря дурной книге, заметишь и в своем поле скверную траву и выполешь ее».⁷⁷

В этом суждении достаточно явно прочитывается, во-первых, опыт писателя, который преимущественно обязан самообразованию. Во-вторых — опыт «практика», человека действия.

⁷⁷ Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 304.

В последующих главах рассматриваются личные и творческие связи молодого Некрасова с литераторами, сыгравшими в его жизни «учительную» роль. Во всех случаях, не исключая и Белинского, которого Некрасов называл «Учителем», на характер отношений Некрасова со старшим по возрасту и литературному опыту влияла ранняя самостоятельность и высокая степень личной активности молодого литератора. В первую очередь формирование этой писательской позиции по отношению к критике в свой адрес прослеживается на примере личных и творческих отношений Некрасова с Ф. А. Кони, чьи печатные оценки этого периода немногочисленны, но дополняются при анализе автобиографической прозы.

В позднейшем признании Некрасова о смене направления прозвучало декларативное противопоставление «поэта» и «не-поэта» (автора «эгоистических» стихов и фельетонов, «писателя» в широком смысле). Она, конечно же, ближайшим образом связана с двумя художественными декларациями: «Разговором книгопродавца с поэтом» А. С. Пушкин (1824) и «Журналистом, читателем и писателем» М. Ю. Лермонтова. Отметим, что стихотворение Лермонтова написано 20 марта 1840 г. Мысль об отношении художника с печатной культурой и характером отношений писателя и читателя, журналиста и читателя была актуальной: в журналистике ближайшего времени обращение к этому стихотворению Лермонтова обрело особое значение.⁷⁸ Едва ли Некрасов с его жизненным и литературным опытом в 1840 г. осмыслил это произведение Лермонтова в полной мере. Как представляется, правильней было бы предполагать, что и осмысление, и фабула автобиографии («перестал писать серьезные стихи и стал писать эгоистические») сложились значительно позже. Но в 1840 г. в «смене курса» Некрасова, по-видимому, сказалось его чутье, с которым он улавливал новые мысли. В данном случае можно предполагать, что такой новой мыслью для молодого и несостоявшегося (как он мог заключить) поэта явилась актуализация противопоставления «поэта» и

⁷⁸ Подробней об этом: Вацуро В. Э. «Журналист, читатель и писатель» // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 170—172.

«журналиста». Помимо того, что Некрасов сделал выводы о возможностях своей дальнейшей деятельности, он воплотил свои представления в модели поведения, способствовавшей формированию его литературной репутации.

Поскольку после стихов Пушкина и Лермонтова и споров в публицистике относительно роли и судьбы поэта текущего дня понятия «поэт» и «журналист» приобретали оттенки антагонизма, в репутации Некрасова с этого времени присутствовали значения-«антагонисты». *Журналист* может быть *автором стихов*; но значение слова «*поэт*» явно не исчерпывается значением «*автор стихов*» и, возможно, перечеркивается словом «журналист». Эти колебания в объеме понятий связаны, в частности, с теми «глубокими структурными изменениями», «которые претерпевали в 1830-е русское общество и русская литература»: ⁷⁹ расширением читательской аудитории, ее демократизацией, коммерциализацией печатных изданий, началом «“смирдинского периода”, или периода “торгового направления” в русской словесности». ⁸⁰

Пересмотр понятия совершается постепенно. Отметим здесь, что декларация «я — поэт» выразилась в «Стихотворениях Н. Некрасова» 1856 г., в открывающем его стихотворении «Поэт и Гражданин». Ее отметил А. И. Герцен в письме к И. С. Тургеневу: «как-то Некрасову вовсе не идут слова Муза, Парнас — где это у него классическая традиция? Да и что за чин “поэт”... пора и это к черту. Так же глупо говорить о себе: “Я поэт и живу вдохновением”, как “Я очень умен и любезен”». ⁸¹

В суждении Герцена отражены колебания в объеме понятия «поэт»: Герцен не сводит его явно к значению «автор поэтических произведений», но явно скептичен по отношению к уже архаичному романтическому представлению о поэте как о личности особого типа. В 1840-х гг. определение объема

⁷⁹ Ларионова Е. О. Последние годы // Пушкин в прижизненной критике. СПб., 2008. Т. 4. С. 9.

⁸⁰ Там же. С. 10.

⁸¹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1962. Т. XXVI. С. 69.

понятия «поэт» было актуальной задачей критики. Об этом свидетельствуют словоупотребления Белинского.⁸²

Противопоставление «поэта» — «журналисту» и «автору “эгоистических” стихов», вообще человеку, зарабатывающему на хлеб литературным трудом, — отвечает специфике восприятия современниками поэтического творчества Некрасова, вступившего в литературу в роли «поэта», активно продолжившего свою деятельность в разных ипостасях и впоследствии вновь заявившего о себе как о «поэте». Именно в случае с Некрасовым осмысление критических отзывов о его поэзии требует обращения к проблеме его литературной репутации, в которой ипостась «поэта» оказывается противопоставленной другой ипостаси. Поскольку литературная репутация есть специальная научная проблема, требующая самостоятельного освещения, в рамках данного исследования мы ограничимся отдельными замечаниями и констатациями, опирающимися на анализ избранных фрагментов творческой биографии.

* * *

Завершая анализ реакции критики на сборник «Мечты и звуки» и реакции Некрасова на критические отзывы, отметим, что проанализированные критические отзывы и оценки появились в печати по вполне традиционной схеме: поэт пишет и публикует стихи, критика выносит оценку, которую поэт ждет и которую он, возможно, учтет. Эта схема в чистом виде присутствует, пожалуй, только на этом отрезке поэтической биографии Некрасова. В дальнейшем Некрасов переосмыслил свое отношение к собственным стихам и своему поэтическому дарованию, а выступления на литературном поприще продолжались в разных ипостасях. Расхождение во мнениях, изначально высказанных *о Некрасове*, далее отчетливо обозначили принципиальный харак-

⁸² См.: Струганов М. В., Трифажженкова И. А. Словарь филологических терминов В. Г. Белинского. Тверь, 2010. С. 216—228.

тер полемики, звучащей зачастую *по поводу Некрасова*. Высказывания же *о Некрасове* во многих случаях обнаруживают противоречивую неполноту: недостаточную продуманность и оформленность суждения эстетического характера при явном понимании масштаба фигуры современного литературного процесса.

Обращение к разным планам литературного и историко-культурного контекста проявляет и уточняет существенные смысловые нюансы и процитированных (1838—1840), и последующих критических оценок поэтического творчества Некрасова.

2. «ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ» КРИТИКА

Словосочетание «“педагогическая” критика» не является терминологическим, и потому определение «педагогическая» заключено в кавычки. Речь не идет и о так называемой «школьной критике». Словосочетание «школьная критика», тоже не являющееся терминологическим, часто употребляется для обозначения критических суждений, включенных в школьную программу.

В этом параграфе рассматриваются личные и творческие контакты молодого Некрасова с несколькими людьми, сыгравшими в его жизни «учительную» роль, и их отзывы, в которых преимущественно прочитывается «педагогическая» установка. Подобные отзывы в периодических изданиях достаточно типичны; в данной главе упомянут отзыв Ф. Н. Менцова о дебюте Елизаветы Шаховой, помещенный под одним заголовком с отзывом на «Мечты и звуки», и в главе, посвященной П. А. Плетневу, его отзывы о молодых поэтах.

Хронологически подобные критические суждения о Некрасове высказывались в 1838 — конце 1841 гг.: со времени приезда Некрасова в Петербург до его отъезда в Ярославль в связи с домашними обстоятельствами и конфликтом с Ф. А. Кони (включая переписку с Кони осенью 1841 г., когда обсуждались причины конфликта и возможности сотрудничества). В истории творчества к этому периоду относятся первые публикации, выход сборника «Мечты и звуки», проба себя в юмористическом стихотворном жанре, первые опыты в прозе и драматургии, работа в качестве обозревателя, фельетониста и критика. «Учительная» роль Белинского относится к более позднему времени, но критика Белинского не подпадает под рабочее определение «педагогической» критики.

В первой главе было показано, что реальная ситуация с критическими отзывами и переориентацией творческой деятельности Некрасова отлична от той, которая отражена в позднейших автобиографических записях. Переори-

ентация Некрасова начала совершаться до выхода сборника, а разносторонняя деятельность на фоне разнобоя в критических оценках подтверждает установку на творческую самостоятельность. Отметим, что подражание, впоследствии перепев, затем перелицовки и пародии не противоречат тезису о творческой самостоятельности, поскольку так вырабатывался индивидуальный стиль.

§ 1. Ф. Н. МЕНЦОВ

«Педагогическая» критика демонстрирует ситуацию, когда критик высказывает суждение о *начинающем*, молодом поэте, которому, как представляется, уместно дать ободрение и назидание. Эта критическая позиция сформулирована в рецензии Ф. Н. Менцова на «Мечты и звуки». В ней высказывается убеждение критика, которое, по-видимому, в той или иной мере разделяли с ним авторы первых печатных отзывов о Некрасове: «Как первая, так и вторая книга (Некрасова и Е. Шаховой. — М. С.), первые опыты молодых поэтов (едва ли достигших еще двадцатилетнего возраста), опыты, проявляющие значительный талант и подающие лестные надежды. — Само уже по себе разумеется, что *на подобные произведения литературы критика должна смотреть не столь строгим оком*, как на собрания поэтических творений писателей, или снискавших уже себе некоторую известность <...> или <...> достигших уже такого возраста, когда человеку остается небольшое поприще для усовершенствования <...> между тем как *молодые поэты, подобные г. Некрасову и госпоже Шаховой, как бы просят критику только решить: “есть ли у меня дарование, и видит ли критика во мне поэта, могущего, если не составить прочное украшение той словесности, на языке которой я начинаю писать, то по крайней мере, могущего обогатить ее достойными внимания и памяти произведениями?”* Вот с какой точки зрения, полагаем мы, должно смотреть на книги, которых названия представлены в начале этой статьи, и вообще на опыты молодых людей, только начинающих свое лите-

ратурное поприще. И потому, да не дивятся читатели, если мы будем судить г. Некрасова и госпожу Шахову снисходительнее, нежели, может быть, следовало бы: похвалами умеренными и справедливыми мы имеем целью ободрить их прекрасные таланты и поощрить к дальнейшим трудам в пользу отечественной словесности»⁸³ (курсив мой. — М. С.).

Аналогичное суждение Менцов высказывает в более ранней статье, опубликованной в том же номере журнала, в котором был помещен первый отзыв Менцова о Некрасове: «Не первоклассное, но весьма замечательное дарование нашли мы в г. Некрасове, молодом поэте, только в нынешнем году выступившем на литературную арену <...> Приятно надеяться, что г. Некрасов окажет дальнейшие успехи в поэзии, в дарах которой не отказала ему природа»⁸⁴ (цитируется стихотворение «Смерти». Акцентируется молодость автора, положение дебютанта; несмотря на оговорку «не первоклассное», похвала высока, аргументы же — опущены. В подобной формулировке ощущается «задание», высказываемое критиком по другому поводу.

В разделе «Теория словесности и критика» той же книжки Менцов пишет: «Наше мнение в рассуждении литературной критики таково: писателей, которых дарования и труды известны большинству читателей, которых каждый новый труд должен обогащать сокровищницу отечественной литературы, которых строгость критики не может лишить духа и ревности к служению Музам, — таких писателей судить не только, как и всех, беспристрастно и благонамеренно, но и строго <...>; напротив того, писателей молодых, начинающих, неопытных, не доверяющих своим способностям, писателей, которым нужно одобрение критики и публики, чтобы не остановиться на нача-

⁸³ Менцов Ф. Н. Мечты и звуки. Стихотворения (Н. Некрасова). С. Петербург, 1840. Стихотворения Елисаветы Шаховой. С. Петербург, 1839. // ЖМНП. 1840. Т. 25. № 6. (Январь, февраль, март). Отд. VI. Новые книги, изданные в России. С. 118—119. Это же убеждение Менцов выражает в другой статье. См.: ЖМНП. 1840. Т. 26. № 8. Июль, август, сентябрь. Отд. VI. Обзорение русских газет и журналов. VI. Теория словесности и критика. С. 41—42.

⁸⁴ ЖМНП. 1839. Т. 23. № 3. Отд. VI. Обзорение русских газет и журналов. VIII. Изящная словесность. С. 79—80.

том пути, которые каждое резкое замечание критика могут принять за убеждение в недостатке дарований, — таких писателей, говорим мы, критика должна щадить по возможности, открывать в них скорее хорошие, нежели дурные стороны, и легкими одобрениями поощрять к дальнейшей деятельности».⁸⁵

Менцов формулирует основные отличия критического отзыва о дебютанте от отзыва о более опытном литераторе. Речь вовсе не идет о перспективах отечественной литературе или общих представлениях о художественности, и критик заведомо не стремится к возможно полной объективности.

Еще одно обстоятельство не оговорено Менцовым специально, но легко прочитывается. Дебютант с большой долей вероятности лично знаком критику.

Некоторые из критиков, чьи высказывания о дебюте Некрасова процитированы в предыдущем разделе, принимали участие в его судьбе. В ряде случаев это участие имеет документальное подтверждение (Н. А. Полевой, Ф. А. Кони, П. А. Плетнев, В. Г. Белинский); иногда оно опирается на гипотезу, которая, однако, не противоречит общей картине. Таковы, например, гипотезы о личном знакомстве Некрасова с самим Ф. Н. Менцовым и Н. В. Савельевым-Ростиславичем.

Фигура Менцова в этом явлении очень показательна. Из соображений лаконизма опустим подробный разбор дальнейших его критических высказываний о Некрасове, тем более что они частично введены в научный оборот и прокомментированы в упомянутой статье Г. П. Верховского. Укажем, однако, что в дальнейших оценках Некрасова — поэта и прозаика Менцов продолжает сочетать похвалу с поучением и отсутствием квалифицированного комментария того, что он, как критик, считает достоинствами или их противоположностью. Так, в третьей книжке за 1840 г. он пишет: «“Дни благословенные”, г. Некрасова (Лит. Газ. № 7) отличаются прекрасным стихом и хотя

⁸⁵ ЖМНП. 1839. Т. 23. № 3. Отд. VI. Обзорение русских газет и журналов. VI. Теория словесности и критика. С. 65.

не новою, но изящно выраженной мыслию. Вообще заметим мы здесь об этом молодом писателе, что он вступает в небольшой ряд лучших наших поэтов, и что русская поэзия приобрела в нем один из тех свежих и сильных талантов, которые много обещают в будущем. Желательно только, чтоб вкус и начала Религии и чистой нравственности, без чего нет истинной поэзии, управляли его вдохновением».⁸⁶ И похвала, и пожелания имеют достаточно общий характер.

Аналогичен отзыв Менцова о Некрасове-прозаике (1841): «Укажем еще на необыкновенный комический талант г. Перепельского (псевдоним), обнаружившийся в рассказах его, которые были помещаемы в “Литературной газете”. Многие журналы наши отдали уже ему должную справедливость, а мы можем пожелать только, чтоб он, подобно г. Гоголю, первому из всех современных наших юмористов, прилагал более стараний на обработывание своих произведений».⁸⁷ Сопоставление с Гоголем, хотя логичное ввиду заметной ориентации Некрасова-прозаика, не комментируется; в таком ряду упоминание двух имен выглядит похвалой дебютанту «с превышением».

Отметим, что несколько других упоминаний и кратких отзывов о Некрасове в «Журнале Министерства народного просвещения», принадлежавших И. Галанину,⁸⁸ А. Бычкову,⁸⁹ П. Билярскому⁹⁰ и А. Старчевскому,⁹¹ го-

⁸⁶ ЖМНП. 1840. Т. 26. № 8. Июль, август, сентябрь. Отд. VI. Обзорение русских газет и журналов. VIII. Изящная словесность. С. 63—64.

⁸⁷ ЖМНП. 1841. Ч. XXXI. Июль—август. Отд. VI. Обзорение русских газет и журналов. X. Изящная словесность. С. 28—29. В 1842 г. Менцов упоминает среди прозаических произведений года рассказ «Опытная женщина» (ЖМНП. 1842. Часть XXXIV. № 5. Отд. VI. С. 129).

⁸⁸ Хотя имя Некрасова не называется, намек на него и его прозу прочитывается в пассаже критика, явно посвященном произведениям «натуральной школы»: «О некоторых оригинальных произведениях прозаических заметим, что их можно назвать опытами в подражании направлению Французских романистов. Оставляются мало по малу грязные картины — и это было бы утешительно для любителей Словесности; но с другой стороны часто облагораживаются безнравственные поступки, возвышаются слабости, и то, что должно бы отталкивать душу, возмущая против себя человеческую природу, нередко получает, к нареканию для Писателей, значение высокое. Это жалкое заблуждение есть плод подражания худому на Западе, и удаляет многие таланты от истинной цели» (ЖМНП. 1847. Ч. LIV. VII. Обзорение русских газет и журналов за четвертое трехмесячие 1846 года. IX. С. 9). См. также: ЖМНП. 1849. Ч. LXII. Отд. VI. Обзорение русских газет и журна-

раздо более сдержанны и наводят на мысль скорее о том, что имя Некрасова было на слуху и вызывало некий общий интерес, нежели о том, что его произведения побуждали критика рассуждать о них.

Завершая разговор о Ф. Н. Менцове, укажем на существенное для нас свидетельство современника, приведенное в некрологической статье: «В ночи с 3 на 4 февраля 1848 г. смерть мгновенно прервала нить жизни Ф. Н. Менцова. Похороны его на Смоленском кладбище (7 февраля) представляли картину вполне семейную: тут не было никого, нежная привязанность которого к покойному подлежала бы сомнению; *тут не было также ни одного литератора или ученого*, привязанность которых к Ф. Н. Менцову была больше умственная, нежели сердечная...»⁹² (курсив мой. — М. С.).

Таким образом, по всей видимости, на раннем этапе творчества Некрасова Менцов, был его личным знакомым и участвовал в его судьбе. Личное участие выражалось в печатных отзывах, носивших характер одобрения и поощрения, но не содержащих серьезного разбора.⁹³ Свидетельств об их

лов. IX. Изящная словесность. С. 120; ЖМНП. 1849. Т. LXIII. Отд. VI. Обзорение русских газет и журналов. IX. Изящная словесность. С. 107; ЖМНП. 1850. Т. LXVI. Отд. VI. Обзорение русских газет и журналов. XI. Изящная словесность. С. 83; ЖМНП. 1850. Т. LXVII. Отд. VI. Обзорение русских газет и журналов. VIII. Критика. С. 22—23; Там же. X. Изящная словесность. С. 29; последние две статьи посвящены статье Некрасова «Русские второстепенные поэты»; ЖМНП. 1850. Т. LXVIII. VI. Обзорение русских газет и журналов. IX. Изящная словесность. С. 267.

⁸⁹ ЖМНП. 1843. Т. XXXIX. Январь, февраль, март. Отд. VI. Обзорение русских газет и журналов. X. Изящная словесность. С. 222—223.

⁹⁰ «В “Современнике” помещены: “Деревня”, IX стихотворений И. Тургенева (№ 1) и три стихотворения Н. Некрасова: “Псовая охота” (№ 2); “Нравственный человек” (№ 3) и “Тройка” (№ 1). Стихотворения г. Тургенева изображают картины сельской природы; можно сказать — это ландшафтная живопись в стихах. Два стихотворения г. Некрасова отличаются сатирическим направлением; но нельзя не пожелать ему более разборчивости в выборе предметов и выражений» (ЖМНП. 1847. Т. XV. Отд. VII. Обзорение русских газет и журналов за первое трехмесячие 1847 года. VII. Изящная словесность. С. 43).

⁹¹ «Из стихотворений, писанных в народном духе, мы встретили: “Огородник”, И. (так! — М. С.) Некрасова (От. Зап. № 4). Размер стихов и самые выражения удачно приурочены к народному быту, но содержание этой пиесы вовсе не в народном духе» (ЖМНП. 1846. Т. LII. VI. Обзорение книг и журналов. X. Изящная словесность. С. 53).

⁹² СО. 1852. Кн. IX. Смесь. С. 46.

⁹³ Такого разбора мог ожидать поэт, поскольку Менцов, по оценке Белинского, был «поэт даровитый и критик основательно тонкий» (Б-13, V, 189). Г. П. Верховский называет этот отзыв Белинского «язвительным» (Верховский Г. П. С чего начинается некрасове-

контактах после 1840 г. нет; нет и косвенных данных, наводящих на мысль о продолжении знакомства. Напротив, свидетельство об отсутствии литераторов на погребении Менцова говорит о том, что Менцов остался в рамках раннего этапа литературной биографии Некрасова. Неминуемо возникающие соображения этико-психологического характера способны косвенно подтвердить исчерпанность его критического слова для Некрасова.

* * *

Рассмотрим еще три примера, иллюстрирующие специфику отношения критика-«наставника» к личности молодого поэта, что сказывается на общей оценке его литературной деятельности и, как следствие, — на печатных оценках его творчества.

§ 2. Н. В. САВЕЛЬЕВ-РОСТИСЛАВИЧ

Единственный известный отзыв Николая Васильевича Савельева-Ростиславича (если принять наши аргументы в пользу его авторства) также начинается суждением, указывающим на «педагогическую» направленность его рецензии:

«Обязанность критика особенно трудна, когда приходится говорить о произведении писателя, только что выступающего на литературное поприще. <...> если перед вами первые труды юного дарования, строгий приговор может иногда совершенно убить в зародыше талант, который не имеет мужества не страшиться первых неудач?... Что же тогда прикажете делать критику? Неужели молчать и хвалить все без разбора?... Совсем нет: выскажите истину, вполне, беспристрастно, откровенно, справедливо и, прибавим, снисходи-

дение... С. 152), опираясь на перечень и иерархию упоминаемых Менцовым поэтов и, в частности, на похвалы В. И. Красову. Но в эти годы Красов был в числе поэтов, хвалимых и отмечаемых Белинским; они были дружны и состояли в переписке (*Б-13*, III, 607; В. Г. Белинский и его корреспонденты. С. 107—113). Поэтому правомерно думать, что, несмотря на иронию Белинского, его оценка критического чутья Менцова не предполагала противоположного смысла.

тельно. <...> Итак, снисходительность одно из главных условий критики, если перед нею еще первые опыты юношеского пера, особенно когда в авторе заметно дарование, которое впоследствии может более развернуться».⁹⁴

В схему «педагогической» критики легко укладывается предположение о характере взаимоотношений Некрасова с Савельевым-Ростиславичем. Студентом Московского университета Савельев-Ростиславич усердно посещал лекции по словесности. В № 5 за 1838 г. в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» вышла его статья «Новости западно-славянской литературы», в 1843 г. — большая статья «Жизнь Г. Р. Державина», открывающая Собрание сочинений поэта.⁹⁵

Логично предполагать, что историк, любитель литературы, по московским временам друг Белинского и Полевого со вниманием отнесся к талантливому молодому человеку, беседовал с ним, написал одобрительную рецензию на его книжку стихов. Предположение об общении абитуриента Университета с историком России объясняет возможные причины, почему на экзамене по русской истории в 1840 г. Некрасов получил 2 балла, тогда как в 1839 г. — 1 балл (*Летопись*, I, 44, 46). Влияние этих предполагаемых бесед также можно усмотреть в «драматической фантазии в стихах» Некрасова «Юность Ломоносова» (1840) (*ПСС*, VI, 7—20). Ломоносов был любимым героем русской истории у Савельева-Ростиславича, так же как у Полевого. Обращение к образу молодого гения, идущего тернистым путем к образованию и славе «первого» «певца Российского Парнаса», выглядит достаточно произвольным без учета ближайшего окружения Некрасова, но вполне органичным в предполагаемом контексте бесед.

⁹⁴ Н. С. <Савельев-Ростиславич Н. В.> Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н. С. Петербург, 1840 года. // Северная пчела. 1840. № 59. 14 марта. Четверг. Русская литература. С. 234—235.

⁹⁵ Сочинения Державина. Часть первая. СПб., 1843. С. I—LXXXII.

Дальнейшая литературная судьба Савельева-Ростиславича просматривается слабо. Он умер 14 сентября 1855 г. вдали от Петербурга.⁹⁶ Сведений о его контактах с Некрасовым до отъезда критика из Петербурга не выявлено. Совокупность косвенных данных дает основания предполагать, что на раннем этапе литературного пути Некрасова Савельев-Ростиславич сыграл роль доброжелательного критика и, возможно, собеседника-учителя, помогавшего сориентироваться молодому человеку, который стремился к образованию. Собственно литературная составляющая его рецензии не содержала той продуктивной составляющей, которую мог использовать Некрасов-поэт в середине 1840-х гг., когда его поэтические опыты носили более сознательный характер по отношению к собственному голосу.

§ 3. Л. В. БРАНТ

Доброжелательная рецензия Леопольда Васильевича Бранта (Брандта) (1813—1884), плодовитого критика и беллетриста, на сборник «Мечты и звуки» также носила «педагогический» характер. Брант писал: «В стихотворениях молодого поэта видно преобладание грустного, печального, может быть от того, что он рано встретил суровость земных испытаний и горьких лишений, рано брошен в мир нужд и утраты всего, что делает прекрасными воспоминания детства: попечения кровных друзей, небо родины, счастливые, беззаботные дни отрочества. *Говорим это не без основания, не по одним догадкам* — и потому нисколько не расположены порицать того грустного направления фантазии, которое заметили мы в стихотворениях Н. Н. — Некоторые критики вообще нападают на поэтов за то, что в их произведениях встречается иногда жалобы на жизнь, недовольство своим жребием, ропот: если все это не вымышлено и если мирные, кроткие жалобы поэтов выражены в гармонических стихах, излившихся из души, из сердца, их тоскующие звуки всегда

⁹⁶ В деревне Дьяковка Льговского уезда Курской губернии (ОЗ. 1855. Т. 98. № 1—2. Отд. VI. С. 8).

найдут сочувствие в читателях: не плясать же, не кривляться же перед ними поэтам, когда горе давит грудь и сердце хочет разделить с другими свои тяжелые ощущения. — Необходимо однако ж условие — обладать искусством поэтическую печаль свою облекать в образы и формы, возбуждающие живой интерес и участие читателя <..>»⁹⁷ (курсив мой. — М. С.).

Судя по оговорке, выделенной в цитате курсивом, рецензии на сборник Некрасова и в этом случае предшествовало личное знакомство дебютанта и опытного литератора. Сведений о личных контактах Бранта и Некрасова не обнаружено, хотя эти контакты могли быть.⁹⁸

С точки зрения оценки литературного мастерства и замечаний о перспективах литературного процесса, рецензия Бранта аморфна. По оценке современников и по суждениям литературоведов настоящего времени, это был автор «третьесортной беллетристики»,⁹⁹ притом склонный к многословию. Критические статьи Бранта также отличает стремление к большому объему и высокая степень субъективности.

В 1840-е гг. большое число критических выступлений Бранта было направлено против Некрасова и против «натуральной школы». Брант печатался в «Северной пчеле», и в целом его критика вполне отвечала духу и задачам издания и не диссонировала с «голосом» Ф. В. Булгарина. Оценка художественных достоинств, художественного потенциала автора и эстетической новизны некрасовских проб в поэзии и прозе и изданий делалась с идеологических позиций, а по методу критика Бранта, как и критика Булгарина, была ближе к фельетону с общественно-политической подоплекой, нежели к эстетическому разбору.

⁹⁷ Брант Л. В. Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н. С.-Петербург. 1840 // Русский инвалид или военные ведомости. 1840. № 130. 13 июня. Библиография. С. 324.

⁹⁸ Н. Н. Мостовская, автор комментария к роману «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» и статьи о Бранте в словаре «Русские писатели», также предполагает, что Брант и Некрасов были знакомы (*ИСС*, VIII, 722).

⁹⁹ Мостовская Н. Н. Брант, Брандт Леопольд Васильевич // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. А—Г. С. 325.

Фельетонная критика «Северной пчелы» подробно проанализирована в гл. VI, разд. 3. В рамках данной работы из соображений лаконизма подробный анализ последующих критических статей Бранта не приводится.

Отметим, что Некрасов в рецензиях Бранта — это либо молодой дебютант-поэт, нуждающийся в покровительстве (рецензия на «Мечты и звуки»), либо одна из активных фигур во враждебном его изданию «направлении». В этом подходе не остается возможности для беспристрастной оценки эстетических достоинств и объективного взгляда на творческую индивидуальность. Возвращаясь к декларации Ф. Н. Менцова о задачах критики, посвященной первому опыту начинающего поэта, констатируем: в случае с Л. Н. Брантом это направление критики исчерпалось в первой, одобрительной и достаточно общей по содержанию, рецензии на поэтический сборник Некрасова. Сходным образом оно исчерпалось в случае с Н. В. Савельевым-Ростиславичем, самим Менцовым, не в малой мере — в случае с Н. А. Полевым и отчасти — с П. А. Плетневым.

Рецензии *Н. А. Полевого* и *П. А. Плетнева* на «Мечты и звуки» представляют собой яркие примеры «педагогической» критики. Ввиду важности этих двух фигур в литературной биографии Некрасова их рецензии более подробно рассмотрены в посвященных им главах монографического характера, в которых прослеживается динамика творческих отношений с Некрасовым и критического восприятия его произведений и деятельности в целом.

Особое значение имеют критические отзывы *Ф. А. Кони*. Анализ творческих связей и взаимных оценок Кони и Некрасова демонстрирует формирование позиции поэта по отношению к критике в свой адрес в силу специфики этой критики.

ГЛАВА II

Ф. А. КОНИ: СТРУКТУРА ОТНОШЕНИЙ И ПЕЧАТНЫЕ ОЦЕНКИ

§ 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА И ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках данного исследования представляется наиболее актуальным обратиться к истории личных и творческих отношений Ф. А. Кони и Некрасова, ограничившись временем литературного дебюта поэта и следующим, 1841-м, годом, когда в основном вследствие конфликта с Кони Некрасов на несколько месяцев оставляет литературный Петербург. Выбор периода обусловлен несколькими соображениями.

Первое: Федор Алексеевич Кони (1809—1879) пережил Некрасова, их личные и литературные отношения в той или иной мере продолжались до конца жизни, поэтому монографическая структура главы в данном случае не соответствовала бы общей логике исследования, посвященного литературному процессу 1840-х гг.

Второе: участие Кони в Некрасове и его критические суждения, высказанные в начале 1840-х гг. в печати и в личных беседах, хотя внешне отличались от процитированных суждений «педагогического» характера, определенно были мотивированы педагогическими соображениями — в отличие от критических высказываний В. С. Межевича, которому в этой главе посвящен отдельный параграф.

Третье соображение: начало 1840-х гг. — это первые годы пребывания Некрасова в Петербурге, когда Некрасов стремился к образованию. Эти годы считаются временем его литературного ученичества и профессионального становления, которое формировало литературную репутацию. Следовательно, критические отзывы Кони содержат оценку первых опытов Некрасова и

его потенциала — и оценку Некрасова как сотрудника, а разносторонняя журнальная практика с ее прагматикой была неотделима от роста литературного мастерства Некрасова.

Поэтому, анализируя критические оценки Кони, мы рассматриваем, в какой мере его суждения могли быть полезны для начинающего художника слова — и в какой мере они подчинялись журнальной политике и отвечали статусным, финансовым и личным отношениям, вне соображений чисто литературных. Этот анализ позволяет уточнить, насколько критические суждения о литературных опытах Некрасова соответствовали видимому на тот день его потенциалу и литературному росту, который он успел обнаружить, и какие стороны его литературной деятельности на том этапе были в первую очередь заметны его современникам.

Анализ рецензий на сборник «Мечты и звуки» демонстрирует, что одобрение части критиков не помешало Некрасову пересмотреть свои литературные ориентиры и начать осваивать нечто новое; критические же замечания не помешали ему и дальше писать и публиковать лирические стихотворения. С одной стороны, критика не предложила начинающему автору ничего, кроме оценки и универсальных советов (чем исчерпывалась задача «педагогической» критики, оценивающей именно *выступление дебютанта*). С другой стороны, этот опыт определенно связывается с позднейшим убеждением Некрасова, что поэт должен выработаться сам.¹

С первыми годами сотрудничества Некрасова и Кони связан опыт Некрасова — драматурга, театрального критика и обозревателя. В автобиографической прозе Некрасов пишет и что эта работа была для него способом заработка (*ЛСС*, VIII, 186), и что драматургическая деятельность сильно увлекала его (*ЛСС*, VIII, 213, 179—181).

¹ Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. С. 304 (см.: гл. I, разд. 1, § 4).

Минуя подробности в истории отношений Некрасова с театром,² отметим, что в прижизненном и позднейшем осмыслении его творчество получило положительную оценку. Премьера водевиля «Шила в мешке не утаишь — девушки под замком не удержишь» состоялась 24 апреля 1841 г. и была встречена большим успехом. Л. М. Лотман, автор комментария к водевилю, указывает, цитируя А. И. Вольфа,³ что эта постановка явилась «“блистательнейшим” дебютом Некрасова в качестве водевилиста» (*ИСС*, VI, 688). «Феоклит Онуфрич Боб» был сыгран два раза (2 и 5 мая 1841 г.). Спектакль не имел успеха, хотя критика отметила удачные куплеты⁴ (*ИСС*, VI, 661). «Актер», премьера которого состоялась 13 октября 1841 г., когда Некрасов находился в Ярославле, поссорившись с Ф. А. Кони, имел успех и надолго обрел популярность (*ИСС*, VI, 674). «Дедушкины попугаи», впервые поставленные 1 декабря 1841 г., не имели столь шумного успеха, но были сыграны еще шесть раз (*ИСС*, VI, 696). «Материнское благословение», которое впервые было сыграно 19 октября 1842 г., шло с большим успехом.⁵ Впоследствии водевили Некрасова долго шли на петербургской сцене. Другие драматургические опыты были высоко оценены в последующую эпоху,⁶ а театральная

² Она освещена в монографиях: *Евгеньев-Максимов В. Е. и др.* Некрасов и театр. Л.—М., 1948; *Гин М., Успенский Вс.* Некрасов — драматург и театральный критик. Л.; М., 1958.

³ Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. Составил А. И. Вольф. Часть I. СПб., 1877. С. 93. Далее: *Вольф*.

⁴ [Б. п.] <Белинский В. Г.> Русский театр в Петербурге // Отечественные записки. 1841. Т. XIV. № 6. Отд. VII. Смесь. Театральная летопись. С. 119—120; *Кони Ф. А.* Обозрение новых пьес, представленных на Александринском театре. Статья вторая // ЛГ. 1841. № 54. 20 мая, вторник. Русский театр. С. 214.

⁵ В. П. Горленко в 1878 г. пишет: «Драма эта обошла все столичные и провинциальные сцены и еще недавно давалась здесь в каком-то клубе или на загородных театрах» // *Горленко В. П.* Литературные дебюты Некрасова. С. 157.

⁶ Интересно суждение П. П. Гнедича — писателя, переводчика, историка искусства, драматурга, с 1901 г. по 1908 г. — заведующего репертуаром и управляющего труппой Александринского театра: «“Осенняя скука” поразила меня. Это весь Чехов со всеми своими “Хмурыми людьми”. Это великолепный драматург, который дает актерам не те шаблонные, картонные образы, что Перепельский [Псевдоним Некрасова для водевилей, игравшихся на Александрийской сцене. (Прим. автора. — М. С.)] давал в переделанных с французского водевилях, а глубокий знаток того помещичьего быта, среди которого он

критика Некрасова стала предметом специальных исследований и рассматривается в «Очерках истории русской театральной критики».⁷ Интерес Некрасова к драматическому роду, обращение к нему и органическая связь с ним прослеживается в его поэтической практике⁸ и в критических отзывах о его поэзии.⁹ Однако по возвращении в Петербург после конфликта 1841 г., несмотря на видимый успех, Некрасов посвящает себя этому роду непродолжительное время, а в дальнейшем его обращения к драматургии имели точечный характер.

Анализ критических отзывов о его драматургических опытах также позволяет уяснить, насколько высоко были оценены произведения Некрасова, насколько аргументированной для него была эта критика и насколько он сам, как литературный и театральный критик, был склонен считаться с печатными мнениями в определении своего дальнейшего творческого пути. Критические суждения и оценки Ф. А. Кони на этом этапе представляются наиболее важными и показательными.

Соображения о роли Кони в судьбе Некрасова дополнительно освещают представление о «петербургских мытарствах» поэта как о непрерывном поиске подчас черной работы ради спасения от голодной смерти.

Концепция «литературного пролетария» окончательно сложилась в первой трети XX в.,¹⁰ когда широкий читатель уже располагал множеством

вырос и который знал не хуже Тургенева» (*Гнедич П. П.* Книга жизни. Воспоминания. 1855—1918. М., 2000. С. 262—263).

⁷ *Королева Н. В.* Н. А. Некрасов // Очерки истории русской театральной критики. Конец XVIII — первая половина XIX века / Под ред. А. Я. Альтшуллера. Л., 1975. С. 322—331.

⁸ И прозаической. Подробнее см.: *Степина М. Ю.* Образ В. Н. Асенковой в творчестве современников // Печать и слово Санкт-Петербурга. СПб., 2013. С. 55—71.

⁹ Приведем известное суждение Н. Н. Страхова из его статьи «Сочинения Я. П. Полонского. СПб. Т. I и II. 1869; Т. III. 1870; Стихотворения Н. Некрасова. Издание пятое. Четыре части. Н. Некрасова. Цена 15 коп. СПб. 1870»: «настоящей школой, университетом г. Некрасова был Александринский театр, откуда он заимствует и сюжеты своих стихов и тот водевильный склад, который сохранился у него до последних дней» (*Заря*. 1869. № 9. С. 139).

¹⁰ Характерно название одной из базовых работ этого периода, принадлежащей В. Е. Евгеньеву-Максимову, — «Исповедь раннего разночинца» (см.: Жизнь и походе-

мемуарных свидетельств о жизни и личности Некрасова, в том числе — о молодом Некрасове.¹¹ Она была призвана корректировать в читателе представление о финансовых трудностях демократического поэта, дворянина по происхождению, в годы его ранней молодости вследствие богемного образа жизни. Именно эта концепция была основополагающей в некрасоведении XX в. в силу объективных социально-исторических причин. Она явственна в первой работе, в которой подробно освещены взаимоотношения Кони и Некрасова: монографии В. Е. Евгеньева-Максимова «Н. А. Некрасов и его современники», в которой указанной теме посвящена отдельная глава.¹²

Эта глава по сей день сохраняет свое научное значение. Она содержит анализ отношений, связывавших поэта с Ф. А. Кони и его сыном, А. Ф. Кони. Анатолий Федорович Кони, который лично общался с Некрасовым, касаясь роли своего отца в жизни поэта (и теме «дна»), делает акцент именно на образе жизни, а не на вопиющей бедности Некрасова. В его изложении событий Ф. А. Кони, познакомившись с Некрасовым, «предложил ему в своем издании хороший по тогдашним временам заработок, ценя молодого писателя, давая ему иногда по целым неделям приют у себя и оберегая его от возвращения к привычкам бродячей и бездомной жизни».¹³ Личные беседы Евгеньева-Максимова с А. Ф. Кони представляются важным источником.¹⁴ В кон-

ния Тихона Тросникова. Новонайденная рукопись Некрасова. М.; Л., 1931. С. 11—28). В современных изданиях фамилия героя пишется «Тростников».

¹¹ Николай Алексеевич Некрасов. Его жизнь, последние минуты и отрывки из сочинений. СПб., 1885; Н. А. Некрасов в воспоминаниях и документах. Л., 1930.

¹² *Евгеньев-Максимов В. Е.* Н. А. Некрасов и его современники. М., 1930. С. 7—43.

¹³ *Кони А. Ф.* Николай Алексеевич Некрасов // Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. М., 1989. С. 196.

¹⁴ Несмотря на впечатления К. И. Чуковского, записанные в его дневнике: «Кони забыл, что уже четыре раза рассказывал мне содержание своих лекций об этике, — и рассказал опять с теми же интонациями, той же вибрацией голоса и т. д. <...> он в хорошо обработанных фразах буква в букву повторял старое» (*Чуковский К.* Дневник 1901—1929. М., 1991. С. 100); «Был у Кони. Он выпивал мою кровь по капле, рассказывая мне анекдоты, которые рассказывал уже раз пять» (Там же. С. 228); «рассказывает старые свои анекдоты, которые рассказывал тысячу раз <...> я <...> даю ему полную волю плагиировать себя самого. Нового содержания его душа уже не воспринимает. Вся его речь состоит из N-ного количества давно изготовленных штучек, машинально повторяемых теперь» (Там же. С. 399).

тексте беседы можно прояснить сложные нюансы, возможно, не вошедшие в книгу, но питающие ход размышлений и выводы.

Однако критические отзывы Кони о Некрасове в освещении Евгеньева-Максимова предстают в самых общих чертах. Их можно было бы свести либо к самым общим констатациям, либо — к замечаниям частного характера.

Едва ли не диаметрально противоположная оценка отношениям Некрасова и Кони дана К. Чуковским в статье «Тросников — Некрасов (Черты автобиографии в найденных произведениях Некрасова)», опубликованной в составе книги, которая вышла под совместной редакцией Чуковского и Евгеньева-Максимова, — «Жизнь и похождения Тихона Тросникова. Новонайденная рукопись Некрасова».¹⁵ Опираясь на художественный текст как на биографический источник, Чуковский заключает, что «писательская физиономия Федора Кони с самого начала казалась молодому Некрасову весьма неприглядной», а «благодарственное письмо, адресованное Федору Кони, было написано самим же Федором Кони и что он, Некрасов, только подписался под этим письмом, вынуждаемый к тому крайнею бедностью!».¹⁶

Речь идет об открытом письме «В редакцию “Литературной газеты”» (ПСС, XIII₂, 6—7; см. также письмо Некрасова к Кони: ПСС, XIV₁, 36—37). Оно было написано в ответ на несколько печатных высказываний В. С. Межевича и является важным эпизодом в конфликте, вследствие которого Некрасов и Кони, по всей видимости, предполагали разрыв сотрудничества. Несмотря на то, что письма поэта уже были введены в научный оборот (см.: ПСС, XIV₁, 239), а в упомянутом письме Некрасов ссылается на мнение Кони о «недостатке таланта» у него, критическая оценка Кони творческого

¹⁵ Чуковский К. Тросников — Некрасов (Черты автобиографии в найденных произведениях Некрасова) // Жизнь и похождения Тихона Тросникова. Новонайденная рукопись Некрасова / Под ред. В. Евгеньева-Максимова и К. Чуковского. С приложением статьи Гр. Чуковского «Неизданные повести Некрасова в истории русской прозы». М.; Л., 1931. С. 25—37.

¹⁶ Там же. С. 36. Отметим, что «доверие» Чуковского к тексту выборочно: в ряде случаев он уверенно говорит о вымысле или художественных преувеличениях Некрасова. Предлагаемый им «сюжет» отношений он не подтверждает анализом других источников.

потенциала Некрасова и оценка его представленных публике литературных опытов обойдена вниманием К. Чуковского.

В настоящее время тема «Ф. А. Кони и Некрасов» нашла освещение в работах П. Б. Котиковой¹⁷ и Г. П. Талашова, обратившегося, в частности, к печатным отзывам Кони о Некрасове.¹⁸ Отношения двух литераторов в начале 1840-х гг. и образ Кони в прозе Некрасова рассмотрены в отдельной главе монографии М. С. Макеева.¹⁹ Статьи Г. П. Талашова, содержащие обширные цитаты, расположенные в хронологическом порядке, имеют преимущественно обзорный характер. Кроме того, эти статьи свидетельствуют о сомнениях исследователя в авторстве ряда критических суждений о Некрасове.²⁰ В мо-

¹⁷ Котикова П. Б. У истоков русского национального репертуара (Ф. Кони — водевилист и теоретик театра). М.; Тайбэй, 2008.

¹⁸ Талашов Г. П. 1) Н. А. Некрасов и Ф. А. Кони // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 2009. Вып. VI. С. 143—154; 2) Федор Кони о Н. А. Некрасове — поэте и драматурге // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 2011. Вып. VII. С. 126—146.

¹⁹ Макеев М. С. На службе у Ф. А. Кони. Литературное имя // Макеев М. С. Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель. Очерки о взаимодействии литературы и экономики. М., 2009. С. 32—50. См. также: Степина М. Ю. Непротиворечивый облик: рецензия на книгу М. С. Макеева // Русская литература. СПб., 2010. № 1. С. 250—251.

²⁰ Так, Г. П. Талашов цитирует и комментирует отзыв о поэзии и прозе Некрасова, опубликованный в «Пантеоне» в 1855 г. (Март. Кн. 3. Отд. VI. Петербургский вестник. С. 6), как принадлежащий Ф. А. Кони (Талашов Г. П. Некрасов и Ф. А. Кони. С. 151—152). В другой своей статье Г. П. Талашов с небольшим сокращением приводит это же высказывание о Некрасове как принадлежащее В. Р. Зотову (Талашов Г. П. Федор Кони о Н. А. Некрасове — поэте и драматурге. С. 141—142). Никакой аргументации ни в пользу авторства Кони или Зотова, ни против авторства кого-либо Г. П. Талашов не приводит ни в первой, ни во второй статье, как и ссылок на аргументацию своих предшественников.

Журнал выходил под редакцией Ф. А. Кони, который в 1852 г. в объявлении о подписке на журнал на объявил, что вся театральная летопись пишется им: ««Театральную летопись» “Пантеона” постоянно будет вести сам редактор, Ф. А. Кони» (Подписка на литературно-художественный журнал «Пантеон и при нем Репертуар русской сцены», издаваемый Ф. А. Кони на 1852 год. Пантеон. 1852. Кн. 1). «Московский вестник» и «Петербургский вестник» посвящены не театру, во всяком случае, если о театре идет речь, то в контексте обзора журналистики и новинок литературы.

В статье В. А. Викторovichа в «Русских писателях» о В. Р. Зотове указано, что Зотов писал театральную критику в «Пантеоне» (Викторovich В. А. Зотов Владимир Рафаилович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. Г—К. С. 354).

В статье Б. Ф. Егорова о «В. Р. Зотов — критик и публицист» указано, что в «Пантеоне» в 1852 г. в № 3—12 «Петербургский вестник» писался Зотовым; что подраздел «Современное» он «вел, очевидно, в течение 1852—1856 гг.»; что Зотов занимался именно разборами журналов в подразделе «Журналистика» и «регулярно вел этот раздел вплоть до мая 1855 г.» (Егоров Б. Ф. В. Р. Зотов — критик и публицист 1850-х гг. // Уче-

нографии и статьях П. Б. Котиковой анализ критических отзывов Кони о Некрасове не привлекает основного внимания исследовательницы, хотя подробно освещается критическая манера Кони и процитирован высказанный им принцип: «всегда быть умеренным в порицаниях и похвалах; это не приведет нас к конечному разочарованию, не заставит не уважать собственных своих мнений и впоследствии печатно торжественно от них отказаться».²¹ Декларируемая «умеренность в порицаниях и похвалах» существенна для анализа критических отзывов Кони о Некрасове.

М. С. Макеев рассматривает сотрудничество Некрасова и Кони в связи со стремлением поэта создать себе «литературное имя» как своего рода «капитал». Ряд суждений исследователя касается проблемы критической оценки, высказанной Кони о Некрасове. Создание Некрасовым своего литературного имени, использование настоящего имени и псевдонима (раскрытие которого считается одной из причин конфликта 1841 г.), требования анонимности от Некрасова со стороны Кони, — всё вышперечисленное имеет отношение к самооценке поэта, которая поверяет себя оценкой критика.

Ценным представляется наблюдение исследователя, что «отрицательные оценки сборника “Мечты и звуки” исходили именно от критиков, сотрудничавших в тех изданиях, которые были “союзными” или редактировались Кони: “Отечественных записках” и “Литературной газете” (свою отрицательную рецензию на “Мечты и звуки” Межевич написал, будучи еще сотрудником “Литературной газеты”, то есть она, скорее всего, не противоречила тому, что думал о книге Кони)».²² Хотя сделанный исследователем вывод о близости критической оценки Кони и Межевича не представляется нам безоговорочно верным, это наблюдение плодотворно в русле истории отно-

ные записки Тартуского Государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. II. Тарту, 1962. Вып. 78. С. 134, 135).

Здесь оставим цитируемый отзыв «Пантеона» 1855 г. о прозе и поэзии Некрасова без комментариев. За рамками данной работы остаётся и подробный анализ критических отзывов В. Р. Зотова.

²¹ ЛГ. 1842. №117. С. 472.

²² Макеев М. С. Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель... С. 47—48.

шений между Кони, Межевичем и Некрасовым и между печатными органами.

Говоря о критической оценке Кони, М. С. Макеев достаточно определенно делает вывод, что «таланта редактор в Некрасове не находил».²³ Нам представляется, что оценка Кони была более сложной, с развитием сотрудничества она претерпела определенную динамику и не исчерпывалась *печатными* суждениями. Более того — возможно, именно *устные* оценки Кони, высказанные Некрасову, были более предметны, более развернуты и более весомы для начинающего литератора.

Поэтому в этой главе будет еще раз проанализирована структура отношений Кони и Некрасова в первые годы их знакомства, когда участие Кони в судьбе Некрасова было очень большим, а печатные отзывы — немногочисленными и лаконичными. Рассуждения о критических высказываниях Кони в адрес Некрасова — поэта и водевилиста в некоторых случаях опираются на автобиографическую прозу и журнальный контекст соответствующего периода, т. е., доступны нам в передаче другого человека, вдобавок с учетом художественной природы текста.²⁴ Анализ структуры отношений проясняет некоторые нюансы в реконструируемых оценках Кони, высказанных печатно и в частных беседах.

В отношениях Кони и Некрасова особое место занимает упомянутый конфликт с участием В. С. Межевича, произошедший в 1841 г. Его анализ, предлагаемый в § 8, во-первых, иллюстрирует и дополняет сложившиеся соображения о структуре отношений Некрасова и Кони, отразившейся на специфике критической оценки. Во-вторых, он уточняет представление о роли самого поэта в этом, одном из самых значительных эпизодов биографии мо-

²³ Там же. С. 47.

²⁴ Принимая во внимание, что в ходе художественной переработки фактического материала художник может допускать анахронизм или «передавать» действия и оценки одного персонажа другому, в рамках данного исследования выборочно рассмотрим несколько свидетельств в их отношении к установленным фактам с целью гипотетической реконструкции.

лодого Некрасова. Уточнения касаются датировки и причинно-следственных связей ряда событий, а также авторской принадлежности нескольких критических отзывов о Некрасове. Наконец, доводы в пользу атрибуции ряда отзывов и высказываний Василию Степановичу Межевичу дополняют представления о критической позиции этой фигуры, достаточно заметной в биографии Некрасова 1840-х гг.

§ 2. Ф. А. КОНИ: ЗНАКОМСТВО С НЕКРАСОВЫМ И УЧАСТИЕ В ЕГО СУДЬБЕ

Ф. А. Кони был разносторонне одаренным человеком, и его профессиональная деятельность проявилась в широком диапазоне разнообразных занятий.²⁵ По оценке Н. В. Королевой, «Ф. А. Кони был одним из образованнейших людей своего времени»; в области театра он писал «не просто как летописец и хроникер, а как чуткий критик и историк театра, умеющий в каждом явлении различить черты отживающего и нового, в событии сегодняшнего дня найти черты уходящей и наступающей эпох искусства».²⁶ Он обучался в Московском университете на медицинском отделении и отделении словесных наук, имел звание «лекаря второго отделения» и преподавателя российской словесности, немецкого и французского языков, истории и географии. Оценка его ума и образованности приводится в прозе Некрасова, хотя уже в ироническом переосмыслении.²⁷ Заостренную ироничность можно отнести на счет жанровых особенностей памфлета.

²⁵ Подробнее о нем: *Кошелев В. А.* Кони Федор Алексеевич // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. К—М. С. 56—57.

²⁶ *Королева Н. В.* Ф. А. Кони // Очерки истории русской театральной критики: Конец XVIII — первая половина XIX века / Под ред. А. Я. Альтшуллера. Л., 1975. С. 331.

²⁷ «Дмитрий Петрович был в моих глазах тем же, чем в глазах всех поклонников своего высокого дарования: я считал его одним из умнейших и остроумнейших людей XIX столетия и верил слепо в непогрешительность его суждений» (*ПСС*, VIII, 154—155).

Ср. с впечатлением Д. В. Григоровича: «человек <...> с черными, быстрыми, умными глазами, смотревшими сквозь стекла золотых очков» (*Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. С. 65).

Ср. также с описанием Ю. К. Арнольда: «Основное свое образование получил он в Московском университете, но дальнейшим, многосторонним развитием своих познаний и

Журналист, с чьим именем связано одно из интереснейших изданий эпохи — «Литературная газета», литературный и театральный критик, поэт и писатель, наиболее известный, однако, как успешный и популярный водевилист, Кони, несомненно, имел и педагогическую жилку.²⁸ Он служил преподавателем с 1833 по 1850 г. (в Кадетском корпусе и Дворянском полку).

В. П. Горленко в статье «Литературные дебюты Некрасова» приводит устные рассказы самого Ф. А. Кони, к которому он обратился: «По словам свидетеля, на которого мы уже ссылались, в то время Некрасов читал очень много и с жадностью, и особенно любил чтение европейских классиков, с которыми, по незнанию европейских языков, должен был знакомиться по многочисленным русским переводам. Иногда Кони брал того или другого поэта и переводил подстрочно».²⁹ Понятно, что и подстрочный перевод, и сама рекомендация познакомиться с творчеством того или иного автора, и — логично предполагать — сопутствующие пояснения Кони и его оценки этого автора и его произведений в равной степени влияли и на общее образование молодого поэта, и на его знакомство с взглядами критика и манерой его суждений.

«Учительная» роль Ф. А. Кони в жизни Некрасова признана самим поэтом: «я понимаю теперь, мог ли бы я выкарабкаться из сору и грязи без помощи Вашей... Я не стыжусь признаться, что всем обязан Вам» (*ПСС*, XIV₁, 36) (письмо Некрасова к Кони от 16 августа 1841 г. из Ярославля). Последующий пересмотр Некрасовым своих отношений и отсутствие свидетельств

удивительным не-поверхностным знакомством с литературой наибольшей части европейских языков он всецело и единственно обязан собственному неусыпному трудолюбию и светлому, логически устроенному своему от природы уму. <...> Выражение лица было умное и выказывало мыслителя, но вместе с тем также какое-то постоянное, беспокойное брожение дум <...> Говорил он ясно, и не очень торопливо, образцово-логичную, художественно-построенную речь, как человек вполне владеющий и даром языка и самым языком» (Воспоминания Юрия Арнольда. М., 1892. Вып. II. С. 172—173).

²⁸ Ю. К. Арнольд пишет: «он любил отыскивать, поддерживать, развивать и руководить талантливых молодых людей» (Там же; см. также с. 186—187).

²⁹ Горленко В. П. Литературные дебюты Некрасова. С. 155.

об Ф. А. Кони в его дошедших до нас автобиографических записях, оставшихся неоконченными, не отменяет признания, сделанного в 1841 г.

То, что сам Кони сознавал свою роль воспитателя по отношению к Некрасову, ясно уже из биографии незаурядного преподавателя, многократно награждаемого «за отлично-усердную службу»,³⁰ и прочитывается из процитированных воспоминаний его сына.

Согласно «Летописи...», во второй половине декабря 1839 г. (?) Г. Ф. Бенецкий по просьбе Ф. А. Кони знакомит его с Некрасовым, и Кони привлекает Некрасова к работе в качестве корректора в «Пантеоне...» (*Летопись*, I, 51—52).

Датировка опирается на процитированную статью В. П. Горленко, который пишет со слов Кони: «В числе товарищей Бенецкого по Дворянскому полку был Ф. А. Кони, также преподаватель, и в то время уже издатель “Пантеона”. Услышав от Бенецкого отзывы о Некрасове как о юноше, очень даровитом и начинающем поэте, он просил Бенецкого познакомить его с ним, что тот и исполнил».³¹ Второй источник датировки — воспоминания Н. А. Белоголового о М. Т. Лорис-Меликове,³² третий — статья Б. Л. Бессонова «Некрасов и Г. Ф. Бенецкий (предание и факты)»,³³ в которой проанализированы смысловые и хронологические смещения событий в биографических и автобиографических источниках.

Уточним, что знакомство (хотя бы самое поверхностное) могло быть возобновлено: возможно, *состоялось* оно раньше, судя по дневниковой записи Полевого от 6 декабря 1838 г., дня его именин: «Посетители — Ободовский, Кони, Песоцкий, Романович, Кологривые, Болотов, Бурхардт, Д. И. Ус-

³⁰ Сообщено Г. П. Талашовым.

³¹ Горленко В. П. Литературные дебюты Некрасова. С. 150.

³² Белоголовый Н. А. Граф Михаил Тариэлович Лорис-Меликов // РС. 1889. № 9. С. 599.

³³ Бессонов Б. Л. Некрасов и Г. Ф. Бенецкий (предание и факты) // Некрасовский сборник. Вып. X. Л.: Наука, 1988. С. 33—52.

пенский, Сушков, Некрасов».³⁴ Визитеры могли прийти в разное время, а могли застать друг друга. Возможно, что встрече предшествовало заочное знакомство: в 1839 г. Ф. А. Кони перешел от Ф. В. Булгарина к А. А. Краевскому в «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”»,³⁵ и именно в них в марте, апреле и июле печатаются стихи Некрасова. Сборник Некрасова был передан в Санкт-Петербургский цензурный комитет в июне (*ПСС*, I, 641). Рекомендация Бенецкого и интерес Кони к начинающему поэту в связи с этим событием легко объяснимы.

К такому предположению о времени сближения Некрасова и Кони косвенно подводят фрагмент романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», в котором герой повествует об издании сборника своих стихотворений: «<...> одною из первых глупостей <...> было издание моих стихотворений <...> к этому необдуманному поступку <...> подвигло меня не столько собственное самоослепление, которое, впрочем, было довольно сильно (в ту счастливую эпоху моей жизни я почитал себя поэтом), сколько похвалы приятелей, в особенности издателя газеты, знаменитой замысловатостью эпитафия» (*ПСС*, VIII, 154).

§ 3. ОЦЕНКА НЕКРАСОВА-ПОЭТА

Приведенная цитата из автобиографического романа, помимо указания на время сближения с Ф. А. Кони, содержит свидетельство об устной оценке, которую Кони дал его стихам. Между тем, Кони не опубликовал своего отзыва о сборнике.

Поскольку речь идет о художественном произведении, необходимо учитывать возможные несоответствия свидетельств автора реальным фактам, вплоть до вымысла. Правомерно предполагать, что Некрасов сдвигает временные рамки, преуменьшает собственное желание самоутвердиться и ги-

³⁴ Дневник Н. А. Полевого... С. 673.

³⁵ Кошелев В. А. Кони Федор Алексеевич. С. 56.

перболизирует степень похвал своих знакомых. Возможно, он преувеличивает и степень «приятельства» более опытных литераторов, принявших в нем участие. Логично предполагать, что в «приятеле», одобряющем выпуск поэтического сборника, отразились черты Г. Ф. Бенецкого (одного ли его, вместе ли с Ф. А. Кони).

Но, даже предполагая желание Некрасова отмежеваться от прежних литературных связей и выстроить «исправленную» версию автобиографии, укажем, что мы не располагаем фактами, *опровергающими* возможность одобрительной оценки Кони по отношению к молодому поэту. Она могла не найти отражения в критических статьях, но высказываться устно. В этом случае речь идет именно об оценке *дебютанта*, о поощрении начинающего и нуждающегося в образовании и развитии очень молодого человека.

Эта возможность подтверждается и другим фактом. 19 февраля 1840 г. Кони пишет П. А. Корсакову, редактору нового журнала «Маяк современного просвещения и образованности», об издании которого сообщалось в прессе (*Летопись*, I, 49—50): «Пантеон русского и всех европейских театров рекомендует почтеннейшему и добрейшему Петру Александровичу *молодого, талантливого поэта* Николая Алексеевича Некрасова, который также не откажется участвовать в прекрасном “Маяке” Вашем, просит покорнейше принять благосклонно экземпляр изданных им стихотворений»³⁶ (курсив мой. — М. С.).

Вполне возможно, что похвальный отзыв о дебютанте обусловлен жанром письма. М. С. Макеев, анализируя этот период творческой биографии Некрасова, делает выводы: что статья Межевича не противоречила мнению Кони о сборнике Некрасова и что Кони «быстро <...> теряет веру в его литературные способности», а не дошедшее до нас письменное высказывание

³⁶ ЛН. Т. 51—52. С. 320.

Кони о недостатке таланта в Некрасове «было частным случаем общего представления редактора о бесперспективности его как литератора».³⁷

На наш взгляд, весной 1840 г. Кони не разочаровался в авторе поэтического сборника, а скорее видел в нем еще не сформировавшегося молодого литератора с возможно богатым потенциалом и — возможно — *не* поэта. В таком случае понятно, почему Кони заботился о постоянной литературной работе для Некрасова и предлагал ему пробовать себя в прозе, драматургии и критике. То, что поэтический дар в дебютанте в эти годы он не исключает, подтверждается печатной похвалой его куплетов в водевиле «Феоклист Онуфрич Боб».³⁸

Следующий после письма к Корсакову печатный отзыв Кони о поэтическом выступлении Некрасова содержит иронию по поводу его поспешной публикации, когда «Баба-Яга Костяная нога. *Русская народная сказка в восьми главах*, Спб. 1841 г.» вышла отдельным изданием. Кони в рецензии указывает на некоторые ее достоинства: «сказка довольно занимательна и в ней есть почти везде смысл; (большая редкость) есть несколько не дурных стихов и множество неправильных, жестких, что, может быть, произошло от поспешности автора одеться в печать и обертку. Как бы то ни было, мы думаем, что и для этой сказочки много на Руси найдется читателей, которые *оценят* ее, поймут и раскупят».³⁹

Упрек Некрасову в «поспешности одеться в печать и обертку» и легкая ирония по поводу возможного коммерческого успеха могла иметь под собой недовольство чрезмерным упованием на материальную самостоятельность в молодом человеке, имеющем слишком малый профессиональный опыт и недостаточное образование.

³⁷ *Макеев М. С.* Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель... С. 47.

³⁸ «В нем (водевиле. — *М. С.*), впрочем, есть несколько удачных куплетов, которые в представлении были выпущены» (ЛГ. 1841. № 54. 20 мая, вторник. Русский театр. С. 214).

³⁹ ЛГ. 1841. № 22. 22 февраля. Библиография. С. 88. Подп.: Федор Кони.

Малое количество печатных отзывов Кони о Некрасове в 1840—1841 гг. лишь отчасти может быть объяснено журналистской этикой по отношению к своему сотруднику.⁴⁰ Некрасов не был «официальным» постоянным сотрудником, что порождало напряжение в его отношениях с Кони. Если от решиться от этой подробности, то рецензия на «Бабу-Ягу...» была написана именно в период сотрудничества Некрасова у Кони. В том же тоне написаны отзывы Кони о водевилях, содержащих пересказ и сдержанную похвалу (например, отзывы об «Актере» и «Вот что значит влюбиться в актрису!»), хотя часть их вышла в период конфликта и пребывания Некрасова в Ярославле.

Таким образом, печатные отзывы Кони о поэтических опытах Некрасова в целом объективны и доброжелательны, но малочисленны и не дают оснований предполагать высокую (тем более завышенную) оценку Некрасова.

§ 4. ДИАПАЗОН ОЦЕНОК НЕКРАСОВА — ПРОЗАИКА И ДРАМАТУРГА В 1840—1841 ГГ.

Человек разносторонних дарований, Кони и Некрасову указал на его литературном поприще несколько направлений. Это: проза, водевили, театральная критика (в форме обзоров), регулярная журнально-издательская деятельность. В каждой из этих областей в большей или меньшей степени Некрасов реализовал свой литературный дар и обрел признание. Кони предоставляет Некрасову возможность активно печататься в редактируемых им изданиях, дает советы творческого характера и участвует в судьбе молодого человека в роли наставника.

Б. В. Мельгунов предположил, что на торжественном обеде 21 января 1840 г., данном в честь выпуска первого номера нового журнала «Пантеон русского и всех европейских театров», в числе упоминаемых в воспоминани-

⁴⁰ Только это объяснение даёт Г. П. Талашов: «Во время сотрудничества Ф. А. Кони и Н. А. Некрасова в “Пантеоне...” и “Литературной газете” оценки редактором творчества своего ближайшего сотрудника и помощника по этическим причинам были единичны» (Талашов Г. П. Федор Кони о Н. А. Некрасове — поэте и драматурге. С. 132).

ях Ю. К. Арнольда «молодых будущих сотрудников», возможно, был Некрасов.⁴¹ Предположение представляется обоснованным логикой развития событий.

Оценка, которую Кони давал потенциалу и деятельности Некрасова — прозаика и драматурга в 1840—1841 гг., в его печатных отзывах выражена достаточно скупой. Однако представление о ней можно дополнить при помощи гипотетической реконструкции, которая проделана в § 5.

Кони инициировал обращение Некрасова к прозе как к более доходному занятию,⁴² но отзывов о прозе Некрасова в эти годы он не оставил. Анализ позднейших отзывов Кони, как уже оговорено, остается за рамками данного исследования.

Свой опыт прозаика сам Некрасов впоследствии подытожил критически (*ПСС*, XIII₁, 60). В своей оценке он выступает как критик по отношению к тому, что было им написано. Но в течение жизни, помимо рассказов, повестей, двух романов, написанных в соавторстве с А. Я. Панаевой (Н. Станицким), и неоконченных романов, он замышлял написать автобиографию (*ПСС*, XIV₁, 204) и даже написал «листов 12 печатных» своих «Записок».⁴³ Таким образом, художественное мышление прозаика было ему не чуждо.

Обратимся к контексту суждений о Некрасове, высказанных другими критиками. Критические оценки прозы Некрасова середины 1840-х гг. подробней проанализированы в гл. III, разд. 2, § 5. Критические суждения о прозе Некрасове, относящиеся к 1840 и 1841 гг., были гораздо бледнее. Здесь рассмотрим их.

⁴¹ Мельгунов Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете». (Хроника, гипотезы, находки). СПб., 1995. С. 3—4.

⁴² Горленко В. П. Литературные дебюты Некрасова. С. 151.

⁴³ Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Текстол. расшифровка Н. А. Роскиной. Подгот. текста Д. Рейфилда и О. Е. Макаровой. Лондон; М., 1999. С. 8. Далее: Дневник Алексея Сергеевича Суворина.

До отъезда в Ярославль летом 1841 г. Некрасов опубликовал три рассказа в «Пантеоне...» в 1840 г.: «Макар Осипович Случайный»,⁴⁴ «Без вести пропавший пиита»,⁴⁵ «Певица»,⁴⁶ — а в 1841 в «Литературной газете»: «Двадцать пять рублей»,⁴⁷ «Ростовщик»,⁴⁸ «Капитан Кук»,⁴⁹ «Карета»,⁵⁰ «Жизнь Александры Ивановны»,⁵¹ в «Пантеоне...» — «Несчастливец в любви, или Чудные любовные похождения русского Грациозо». ⁵²

В 1840 г., в первых отзывах о прозаических опытах Некрасова, речь во все не идет ни об оценке потенциала, ни о пути развития молодого прозаика. Лаконичные упоминания о Перепельском встречаются в отзывах «Северной пчелы»⁵³ и «Русского вестника». ⁵⁴ Оба отзыва посвящены «Пантеону русского и всех европейских театров» и сводятся к однозначно негативной оценке молодого писателя: он предстаёт случайным и незначительным явлением, иллюстрирующим неудачу редактора в подборе сотрудников.

Автором рецензии, опубликованной в «Русском вестнике», был **Н. В. Кукольник**: «Чем же г. Кони дополнил Пантеон всех театров? Повестями Сувестра, Новомлинского, Гребенки, Перепельского, Воскресенского, Александровой, Медведовского и Струйского <...>». ⁵⁵

⁴⁴ П. 1840. № 5.

⁴⁵ П. 1840. № 9.

⁴⁶ П. 1840. № 11.

⁴⁷ ЛГ. 1841. № 9 и 10, 21 и 23 января.

⁴⁸ ЛГ. 1841. № 25 и 26, 1 и 4 марта.

⁴⁹ ЛГ. 1841. № 42, 19 апреля.

⁵⁰ ЛГ. 1841. № 60, 3 июня.

⁵¹ ЛГ. 1841. № 84, 85, 86, 87, 29 и 31 июля, 2 и 5 августа.

⁵² П. 1841. № 5. Ц. р. 31 августа.

⁵³ СП. 1840. № 291. 24 декабря. Вторник. Русская литература. Репертуар Русского Театра, издаваемый И. Песоцким. Спб., 1840. Десять книжек, в большую 8 д. л., в два столбца, компактного издания. Пантеон Русского и всех Европейских Театров. Издание В. Полякова (под редакцией г. Кони). Спб., 1840. Десять книжек, в большую 8 д. л., в два столбца, компактного издания. С. 1163.

⁵⁴ РВ. 1841. № 1. (Ц. р. 20 декабря 1840 г.) Критика. Репертуар Русского Театра, издаваемый И. Песоцким 1839 и 1840 годы. Спб. В тип. И. Глазунова и К^о. Пантеон Русского и всех Европейских Театров. Редактор Ф. А. Кони; издание книгопродавца В. П. Полякова. Спб. 1840. Первые десять книжек. С. 220.

⁵⁵ РВ. 1841. № 1. (Ц. р. 20 декабря 1840 г.) Критика. Репертуар Русского Театра, издаваемый И. Песоцким 1839 и 1840 годы. Спб. В тип. И. Глазунова и К^о. Пантеон Русско-

Отзыв «Северной пчелы» был анонимным: «Возбудив любопытство публики великолепную программой и сначала заманив ее действительно чем-то похожим на дело, он стал потом помещать плохие водевили, *игранные* на сцене; после начал угощать ее еще более плохими повестями <...> а наконец, забыв совершенно свое значение и назначение, ударился в полемику самую мелочную, не литературную, наполняя книжки свои пиесами, недостойными названия *литературных произведений*, каковы “Петербургские квартиры”, фарс г. Кони, окрещенный громким именем *комедии*-водевиля, “Макар Осипович Случайный”, какого-то г-на Перепельского, и т. п.».⁵⁶

В «Летописи...» авторство отзыва не раскрыто, хотя на той же странице упоминается принадлежащий Ф. В. Булгарину фельетон в № 281 «Северной пчелы», также посвященный «Пантеону...» (*Летопись*, I, 72). Судя по упрекам в «недостойной полемике»⁵⁷ и упоминания в этом контексте «Петербургских квартир», отзыв в № 291 от 24 декабря можно предположительно атрибутировать **Ф. В. Булгарину**.

По сути дела, оба отзыва посвящены полемике между изданиями и адресованы не Некрасову, а Ф. А. Кони. Аналогично Кони адресовано пренебрежительное упоминание имени его сотрудника Перепельского в другой статье Булгарина.⁵⁸ Полемическая направленность критики дополнительно раскрывается в гл. IV, посвященной Н. А. Полевому.

го и всех Европейских Театров. Редактор Ф. А. Кони; издание книгопродавца В. П. Полякова. СПб. 1840. Первые десять книжек. С. 220.

⁵⁶ СП. 1840. № 291. 24 декабря. Вторник. Русская литература. Репертуар Русского Театра, издаваемый И. Песоцким. СПб., 1840. Десять книжек, в большую 8 д. л., в два столбца, компактного издания. Пантеон Русского и всех Европейских Театров. Издание В. Полякова (под редакцией г. Кони). СПб., 1840. Десять книжек, в большую 8 д. л., в два столбца, компактного издания. С. 1163.

⁵⁷ Один из характерных приемов Булгарина — упреки оппонентам в недостойных приемах журнальной борьбы. Подробнее метод Булгарина проанализирован в гл. VI, разд. 3.

⁵⁸ [Б. п.] <Булгарин Ф. В.> Журнальная всякая всячина // СП. 1842. № 261. 20 ноября. Александринский театр. С. 1043.

Отзыв *В. Г. Белинского*, также в обзоре книжек «Пантеона...» и «Репертуара...»,⁵⁹ вполне отвечает схеме полемики двух «литературных партий» и не выглядит проявлением интереса критика к молодому прозаику, хотя и содержит предметные, конструктивные замечания: «<...> За нею следует повесть, или, вернее сказать, рассказ, г. Перепельского (псевдоним) “Макар Осипович Случайный”. Рассказ этот не лишен занимательности; жаль только, что автор любит пускаться в отступления, рассуждения и мечтания, которые все очень скучны, и вдается в растянность» (*Б-13*, IV, 290).

В 1841 г. один анонимный отзыв, написанный *Ф. Н. Менцовым*,⁶⁰ содержал общие пожелания способному начинающему писателю: «Укажем еще на необыкновенный комический талант г. Перепельского (псевдоним), обнаружившийся в рассказах его, которые были помещаемы в Литературной газете. Многие журналы наши отдали уже ему должную справедливость, а мы можем пожелать только, чтоб он, подобно г. Гоголю, первому из всех современных наших юмористов, прилагал более стараний на обработывание своих произведений».⁶¹ Несмотря на общий характер пожеланий, все-таки в рецензии сказано о развитии «комического таланта».

В целом проза молодого автора не представляется критикам примечательной. Несмотря на констатацию дарования в авторе, одобрение и замечания высказаны автору беллетристического произведения, а не начинающему художнику. Суждения о прозе Некрасова еще не сопряжены напрямую с развитием мысли об отечественной беллетристике — особой области словесно-

⁵⁹ Репертуар русского театра, издаваемый И. Песоцким. Шестая книжка. Месяц июнь. С.-Петербург. В типографии А. Плюшара. 1840. 29, 4, 12 стр.; Репертуар русского театра, издаваемый И. Песоцким. Седьмая книжка. Месяц июль. С.-Петербург. В типографии А. Плюшара. 1840. 35, 16, 48 стр.; Пантеон русских и всех европейских театров. Часть II. № 5. Май. Санкт-Петербург. 1840. 106 стр.; Пантеон русских и всех европейских театров. Часть II. № 6. Июль. Санкт-Петербург. 1840. 83 стр. // ОЗ. 1840. Т. XI. № 7 (Ц. р. 14 июля). Отд. VI. С. 16—20.

⁶⁰ Атрибутировано Менцову: Первые печатные отзывы о стихотворениях Некрасова (Сообщение А. Аникиной и Б. Бухштаба) // ЛН. Т. 53. С. 82.

⁶¹ ЖМНП. 1841. Ч. XXXI. Июль—август. Отд. VI. Обзорение русских газет и журналов. X. Изящная словесность. С. 28—29.

сти, как они будут развернуты впоследствии Белинским, но они вполне в контексте этой мысли.

Если печатные оценки Кони о прозе Некрасова не выявлены, то образ его действий в отношении прозы Некрасова позволяет догадываться о его позиции и критической оценке. Кони указывает Некрасову на путь прозаика и даёт возможность помещать свои первые опыты вначале в «Пантеоне...», а затем, несмотря на критику своих журнально-газетных оппонентов, — в «Литературной газете». За отсутствием положительных рецензий Кони факт регулярных публикаций Некрасова в его изданиях свидетельствует о признании редактором определенного если не уровня, то потенциала.

Отзывы Кони о водевилях Некрасова были в целом одобрительными, но сдержанными. До конфликта, в ходе которого он высказал Некрасову свое мнение о его «таланте», отзывов не выявлено. В комментарии к водевилю «Феоклист Онуфрич Боб» Кони атрибутирован отзыв, опубликованный 20 мая 1841 г.: «Водевиль “Ф. О. Боб”, как заметно, написан слишком наскоро, притом он слишком длинен, а потому не имел успеха. В нем, впрочем, есть несколько удачных куплетов, которые в представлении были выпущены»⁶². Однако позднее этот отзыв, являющийся фрагментом статьи второй «Обозрение новых пьес, представленных на Александринском театре», атрибутирован А. Я. Максимовичем и М. Я. Поляковым Некрасову (*Н-12*, IX, 782—784; *ПСС*, XI₁, 452, 453). Таким образом, в издании, редактируемом Кони, уместна (иди по крайней мере допустима) положительная авторецензия молодого автора и сотрудника газеты, но от собственной печатной похвалы Кони воздерживается.

Отметим замечание об удачных куплетах. Если для первого некрасовского водевиля («Утро в редакции»:⁶³ *ПСС*, VI, 655—657) куплеты написал

⁶² Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. VI. С. 661. Далее: Н-12. Впервые опубликовано: ЛГ. 1841. № 54. 20 мая, вторник. Русский театр. С. 214.

⁶³ Впервые опубликовано: ЛГ. 1841. № 15 и 16, 4 и 6 февраля. Водевиль на сцене не ставился.

Кони,⁶⁴ то в водевиле «Феоклист Онуфрич Боб» Некрасов сам успешно справился с этой задачей.

Отсутствие печатных высказываний Кони о прозе Некрасова и его относительный лаконизм в оценках водевилей Некрасова говорит о четырех аспектах его оценки, помимо его общего принципа «всегда быть умеренным в порицаниях и похвалах».

Первый — соображения журнальной этики, не объясняющей всё, но объясняющей многое.

Второй — что Кони, как и Белинский, в совете писать *прозу* имеет в виду только *беллетристику*. Этот совет в таком его прочтении вполне соотносится с суждениями Белинского об отношениях беллетристики к искусству,⁶⁵ включая тот, который почти прямо высказан в его рецензии на «Мечты и звуки».⁶⁶ Эта предполагаемая оценка уже касается потенциала. Возможно, Кони (как впоследствии Белинский) считал Некрасова многообещающим журнальным сотрудником, но в области литературы способным лишь на уровень поделок для заработка и в лучшем случае для популяризации расхожих сюжетов и тем.

Третий аспект — что оценка Кони была невысока в отношении не вообще творческого потенциала, но художественных достоинств первых прозаических опытов Некрасова. Будучи не высказана вслух, его оценка могла

⁶⁴ Мельгунов Б. В. Журнальный контекст водевиля Н. А. Некрасова и Ф. А. Кони «Утро в редакции» // Н. А. Некрасов в контексте русской культуры: Материалы конференции / Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха»; ред.-сост. Е. В. Яновская. Ярославль, 2006. С. 3—4.

⁶⁵ Напр., в статье «Басни Ивана Крылова. В восьми книгах. Сороковая тысяча. Санкт-Петербург. В типографии А. А. Плюшара. 1840. В 8-ю д. л. 300 стр.»: «беллетристика относится к искусству, как статуйки для украшения каминов, столов, этажерок и окон, бюстики Шиллера, Гёте, Пушкина, Вольтера, Жан-Жака Руссо, Франклина, Тальони, Фанни Эльслер и проч. относятся к Аполлону Бельведерскому, Венере Медичейской и другим памятникам древнего резца, — и как эстампы относятся к оригинальным картинам великих мастеров» (Б-13, IV, 148—149).

⁶⁶ «Точно так же, как повесть, в сравнении с другими родами поэзии, есть самый благодарный род для людей, недаренных художнической фантазией, но одаренных воображением, чувством и способностью владеть языком, — точно так же проза вообще благодарнее для них, чем стихи. Если в прозе нет даже и чувства и воображения, то может быть ум, остроумие, наблюдательность, или хоть гладкий язык <...>» (Б-13, IV, 118).

на тот момент заключать в себе сомнение в таланте конкретно Некрасова-прозаика, так же как Некрасова-поэта (но не критика или водевилиста — правомерно предполагать, что в отдаленной перспективе Кони мог видеть в энергичном сотруднике конкурента). В противном случае талантливому человеку можно было бы печатно высказать самые серьезные претензии, которые рядом с признанием таланта не опровергали бы его значимости.

И четвертый аспект — «педагогический»: давая молодому писателю возможность писать, печататься и зарабатывать этим на хлеб, воспитывая этот еще не вполне раскрывший свои возможности самородок, не хвалить его печатно, тем побуждая к большей требовательности к себе.

§ 5. ОТЗЫВЫ И ОЦЕНКИ КОНИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ НЕКРАСОВА

Наряду с документально подтвержденными фактами, в качестве источников представляется уместным привлечь автобиографическую прозу Некрасова с учетом ее художественной природы. Сопоставительный анализ произведений Некрасова с повестью И. И. Панаева «Литературная тля» и монологом *Сочинителя* из философической сказки В. Р. Зотова «Жизнь и люди»⁶⁷ в свете изложенных фактов и соображений позволяет с бóльшим основанием говорить и о жанровой обусловленности образов, и о вероятном фактическом материале.

В 1843 г. Некрасов пишет «Необыкновенный завтрак. Эпизод из жизни сотрудника газеты, знаменитой замысловатостью эпитафиа» (*ПСС*, VII, 308—332), в 1845 г. — «Очерки литературной жизни» (*ПСС*, VII, 355—376). Время написания романа датируется 1843—1848 гг., и в названных произведениях прослеживается развитие замысла, в котором, начиная с 1843 г., фигурирует «издатель газеты, знаменитой замысловатостью эпитафиа», по имени Дмитрий Петрович. Его прототипом был Ф. А. Кони.

⁶⁷ Статейки в стихах. Без картинок. Том II. СПб., 1843. С. 10—11.

В февральской книжке «Отечественных записок» того же 1843 г. выходит «Тля. Не-повесть» И. И. Панаева, включенная автором впоследствии в собрание сочинений под названием «Литературная тля». Название сразу же становится именем нарицательным и охотно используется литераторами, в частности, Некрасовым в его критических статьях (*ПСС*, XI₁, 140, 158) и «Очерках литературной жизни».

В романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843—1847: *ПСС*, VIII, 713—715), помимо приведенного фрагмента, Некрасов пишет об устных оценках персонажа, чьим прототипом также был Кони: «он постоянно раздувал мое самолюбие похвалами самыми обольстительными...» (*ПСС*, VIII, 155); «Издатель газеты, знаменитой замысловатостью эпиграфа, которому я отдавал безденежно мои небольшие статейки и стихотворения, продолжал разжигать мое самолюбие словесными и нередко печатными похвалами, которые даже мне самому казались преувеличенными» (*ПСС*, VIII, 213). Прогноз персонажа относительно критических отзывов о сборнике выглядит более чем оптимистическим: «журналисты наши <...> не найдут в ваших стихотворениях ничего для своих придирок, кроме опечаток да каких-нибудь двух-трех недосмотров» (*ПСС*, VIII, 155).

Отзывы Кони в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» не обнаружены. Но свидетельство о «словесных» похвалах заслуживает внимания: они могли быть, и в этом случае они воспринимались как форма литературной критики, тем более важной, что она исходила от «командира» (обращение Некрасова к Кони: *ПСС*, XIV₁, 32, 33, 34) — работодателя и педагога.

В повести Панаева также фигурирует «издатель какой-то газеты» по имени Александр Петрович, который расточает похвалы начинающему литератору, поскольку хочет заполучить не лишнего способностей, влюбленного в литературу, неопытного человека в сотрудники. «Издатель какой-то газеты» руководствуется двумя мотивами. Первый — желание «не допустить»

дебютанта до враждебной литературной партии.⁶⁸ Второй — неопытность молодого человека, которого «он мог бы обсчитывать в случае нужды при денежных расчетах».⁶⁹ В романе Некрасова похвалы «издателя газеты» имеют эту же подоплеку: «В простоте сердца я верил магическому действию своего имени и усердно принялся за работу; издатель газеты, знаменитой замысловатостью эпиграфа, также нередко присылал ко мне дружеские записочки, нет ли какой-нибудь статейки, уверяя, что без моего участия газета его видимо делается хуже» (*ПСС*, VIII, 216).

И. Г. Ямпольский обращает внимание на общность прототипов и создаваемых образов именно в связи с освещением образа Ф. А. Кони у обоих писателей.⁷⁰ Ямпольский воздерживается от детального анализа, ограничиваясь констатацией, что «между “Литературной тлей” и “Петербуржским фельетонистом” Панаева и “Тихоном Тростниковым” и “Очерками литературной жизни” Некрасова есть много общего не только в отдельных эпизодах и деталях <...> но и в самой художественной манере».⁷¹

Добавим к наблюдению И. Г. Ямпольского несколько соображений. Близость творческой манеры представляется закономерной. Отмечаемый Некрасовым «поворот к правде», связанный, по его свидетельству, с творчеством Панаева (*ПСС*, XIII₂, 56), указывает на сознательную ориентацию молодого прозаика на более опытного автора. Но речь идет не только о сознательном следовании в области индивидуальной поэтики. В 1843 г. происходит их личное сближение, а также сближение Некрасова с Белинским в литературной гостининой Панаева и планирование общих литературных предприятий. Оно подкрепляется событиями, происходящими в журнальном мире.

⁶⁸ Панаев И. И. Сочинения. Л., 1987. С. 359.

⁶⁹ Там же. С. 364.

⁷⁰ Ямпольский И. Г. Из истории литературной борьбы начала 1840-х годов («Петербургский фельетонист» и «Литературная тля» И. И. Панаева) // Ямпольский И. Г. Поэты и прозаики: Статьи о русских писателях XIX — начала XX в. Л., 1986. С. 106.

⁷¹ Там же. С. 106—107.

Если в 1840—1841 гг. Кони редактировал «Пантеон...» и его журнал находился в полемических отношениях с «Репертуаром...» (а в связи с этим противостоянием «Литературная газета» и «Отечественные записки» полемизировали с изданиями Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина — «Северной пчелой» и «Русским вестником»), то в 1842 г. «Пантеон» сливается с «Репертуаром» и с XV книжки начинает выходить под редакцией Ф. В. Булгарина, а в 1843 г. редакция перешла к В. С. Межевичу, «перебежавшему» в 1840 г. из «Литературной газеты» в «Северную пчелу». Ход событий объясняет остроту памфлетных характеристик Кони и «перебежчика» Межевича в произведениях Панаева и Некрасова, тем более что негативное отношение к Межевичу определилось у Некрасова к 1841 г., у Панаева — еще ранее.⁷²

Несмотря на характерную для памфлета гиперболизацию, сопоставительный анализ выявляет повторяющиеся подробности, позволяющие говорить о возможной фактической подоплеке.

Панаев в образе Гребешкова изобразил отчасти себя, отчасти В. С. Межевича,⁷³ отчасти же, несомненно, — Некрасова.⁷⁴ Б. В. Мельгунов, высказавший это соображение и также сославшийся на близость произведений Некрасова и Панаева,⁷⁵ привлекает в качестве доказательства монолог *Сочинителя* из «философической сказки» В. Р. Зотова «Жизнь и люди».

⁷² См.: Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 76, 169—170, 221—222.

⁷³ Там же. С. 108.

⁷⁴ Иное мнение высказывает О. Б. Кафанова на основании анализа пассажа Панаева о критической статье Гребешкова, посвященной Жорж Санд: «Панаев, очевидно, метил в Сенковского, поскольку характеристика, данная французской романистке Гребешковым, почти дословно воспроизводила мнение о ней редактора “Библиотеки для чтения”, лейтмотивом проходившее через все его публикации с середины 1830-х гг.» (Кафанова О. Б. Жорж Санд и русская литература XIX века (Мифы и реальность) 1830—1860 гг. Томск, 1998. С. 177).

Соображение исследовательницы едва ли подкрепляется биографическими фактами: Панаев изображает юного необразованного дебютанта, тогда как Сенковский был ученый, педагог и опытный журналист зрелых лет. Но это наблюдение органично в русле представлений о типологической фигуре и маске *фельетониста*, о специфике фельетонной критики и роли Сенковского в ней (об этом подробнее: гл. VI, разд. 2).

⁷⁵ См.: Мельгунов Б. В. 1) Некрасов-журналист. С. 14—15, 19—20; 2) Личность Некрасова в памфлетных портретах 1840-х гг. // Некрасовский сборник. Вып. XIV. СПб., 2008. С. 93—94.

Авторская принадлежность этого монолога Зотову, Некрасову или им обоим вызвала сомнения некрасоведов. А. М. Гаркави, автор комментария к стихотворениям Некрасова 1840—1855 гг. в т. I Полного собрания сочинений поэта, утверждает, что Некрасов не был соавтором Зотова и текст сказки «Жизнь и люди» весь принадлежит Зотову (*ПСС*, I, 707). Б. В. Мельгунов, составитель «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова» за 1843 г., счел нужным осветить проблему авторства отдельных фрагментов сказки (см. *Летопись*, I, 519—520). Исследователь поддерживает предположение А. Ф. Крошкина о причастности Некрасова к этому монологу.⁷⁶ Возможно, намек на авторство содержался в рецензии О. И. Сенковского: в ней именно Белопяткин (псевдоним Некрасова) произносит монолог *Сочинителя*.⁷⁷ В монологе, как и в прозе Некрасова и Панаева, упоминаются неумеренные похвалы журналиста молодому поэту и сотруднику его газеты.⁷⁸

⁷⁶ Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист. С. 19—22; Крошкин А. Ф. Об участии Некрасова в создании поэмы «Жизнь и люди» // Докл. Восьмой науч.-теорет. конф. Ростовское книжное изд-во, 1966. С. 67.

⁷⁷ БдЧ. 1843. № 7. Отд. VI. С. 3.

⁷⁸

Я с юных дней
Весны моей
Стишки маракал.
Один оракул,
Фельетонист
И аферист,
Чтоб дать мне ходу,
Всеми народу
Вдруг прокричал
В своей газете,
Что чудо в свете
Он отыскал.
И это чудо
Был я покуда. <...>
Писал я, грешный,
А он, сердечный,
Меня всегда
Хвалил ужасно
И понапрасну,
И без стыда»

(Статейки в стихах. Без картинок. Том II. СПб., 1843. С. 10—11).

Был ли Некрасов негласным автором монолога *Сочинителя* (о чем промолчал Зотов, но могли догадаться современники), или он отредактировал текст Зотова, или Зотов самостоятельно написал для Некрасова этот монолог, хорошо зная историю прототипа *Сочинителя*, скорее всего, обсуждавшуюся среди знакомых, — вопрос, едва ли решаемый дальше предположений. Существенно другое: история Некрасова, сходным образом переданная им самим, Зотовым (?) и Панаевым, предстаёт как некое «литературное объяснение» журнальных отношений и утверждает определенные факты — даже принимая во внимание их гротескную заостренность.

Факты, актуальные для данного исследования, таковы: устная одобрительная оценка Кони, даваемая стихам Некрасова; устная одобрительная оценка его литературным способностям; стремление таким способом заполучить полезного сотрудника.

Оценка Кони драматических произведений Некрасова также нашла отражение в романе. Упомянув о преувеличенных похвалах «издателя газеты», Некрасов продолжает: «Впрочем, надо заметить, что о достоинстве моего водевиля он отозвался довольно глухо и вовсе не упомянул о блистательном вызове, которым удостоила меня публика. Он сам подвизался на драматическом поприще и всякий посторонний успех почитал личною для себя обидою» (*ПСС*, VIII, 213). В сопоставлении с печатными отзывами Кони о водевилях Некрасова заметно произвольное обращение с фактами в пользу концепции: стихи Некрасова он неумеренно хвалит (в печати — молчит), о водевиле говорит скупно (на деле — сдержанно, но достаточно объективно). В то же время ревнивое отношение Кони к собственной славе и любовь к собственным произведениям — одна из знаковых черт его образа у Панаева и Некрасова, так же как «перебежки» Межевича. Она преувеличена в силу законов жанра, но, по всей видимости, узнаваема.⁷⁹

⁷⁹ Ср. в водевиле Д. Т. Ленского «Лев Гурыч Синичкин», в котором Кони выведен в образе драматурга Федора Семеновича Борзикова:

Ветринский. <...> в одном из журналов ваши водевили всегда очень хвалят.

В целом в освещении Некрасова критические высказывания Кони выглядят как составляющая отношений между работодателем и сотрудником (хвалит, поощряет), но не как эстетический разбор или эстетическая программа. Такое освещение даёт достаточно опытный литератор, каким был Некрасов во второй половине 1840-х гг. Его восприятие отличается от восприятия дебютанта на рубеже 1830—1840-х гг. в чьем представлении понятие критики синонимично понятиям «хвалят» или «ругают».⁸⁰

Характер оценок Кони прослеживается в его суждениях о Некрасове как о сотруднике. В художественном освещении их отношений «издатель» «хвалит» новичка, на котором лежит мало оплачиваемая повседневная работа; из-за низкой оплаты отношения приходят к конфликту; в ходе конфликта издатель отзывается о молодом литераторе как о человеке, лишенном таланта и не представляющем ценности для издания.

Обращаясь к эпистолярике, в письме Некрасова к Кони от 25 ноября 1841 г. находим несколько фраз, представляющих собой оценку Кони в пересказе Некрасова: «В исчислении достоинств Вашего будущего сотрудника Вы намекаете мне, что во мне недостает аккуратности, деятельности, постоянной любви к труду и мало ли еще чего, даже и таланта, как, кажется, намекают некоторые слова письма» (*ПСС*, XIV₁, 40). Если бóльшая часть качеств характеризует *сотрудника*, то оценка *таланта* прямо относится к творческой сфере, тем более что ее даёт критик — критику, поэту, прозаику и драматургу, которому он же и указал творческий путь.⁸¹

Борзиков. Да, хвалят. (*В сторону.*) Эти похвалы-то я сам себе пишу. (*Ленский Д. Т. Водевиль. М., 1937. С. 210—211.*)

⁸⁰ Ср. у Панаева: «На литературных вечерах издателя какой-то газеты, куда сходилась вся литературная тля его прихода, только и толков было, <...> какого сочинителя в каком журнале разругали или расхвалили» (*Панаев И. И. Сочинения. С. 362.*)

⁸¹ Отметим, что если обвинения «журналиста» в краже чужих мыслей, которые в романе Некрасова вставляет в свой водевиль автобиографический герой (*ПСС*, VIII, 187), могут рассматриваться как органичная для пасквиля гиперболизация, то анонимная критическая статья Некрасова в ближайшем будущем могла восприниматься как статья, написанная Кони. Пример тому находим в статье Ф. В. Булгарина, посвященной рецензии на «Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого» (*ПСС*, XI₁, 61—67, 84): «<...> Это говорит г. Кони о Н. А. Полевом! <...> Г. Кони взял к себе в сотрудники *известных*

Однако оценка таланта даётся не в рецензии, не в контексте разговора о творчестве, а в ситуации конфликта между работодателем и бывшим, ныне безработным, сотрудником. Судя по сделанному Некрасову предложению «писать, когда вздумается» (ПСС, XIV₁, 40), то есть — без ограничений, в «Литературную газету», слова Кони о недостатке таланта представляются частью его манипулятивного поведения в ходе конфликта. Выявленные печатные отзывы Кони о Некрасове этого периода в контексте его деятельности не подводят к мысли, что эта оценка равнозначна итогу творческого роста Некрасова. Иными словами, оценка творческого потенциала Некрасова, выраженная Кони в письме, лишь формально, по видимости может быть отнесена к литературной критике.

В качестве причин конфликта в анализируемых источниках называются 1) финансовые разногласия, 2) конфликт по поводу некорректных действий Некрасова в адрес Кони, известных Кони в пересказе Межевича.

Как нам представляется, пружины конфликта лежали глубже. Конфликт был обусловлен структурой отношений между Некрасовым и Кони, и подлинная (возможно, не высказанная Кони) оценка таланта Некрасова, его деловых и личных качеств сыграла в нем значительную роль.

§ 6. РЕПУТАЦИЯ НЕКРАСОВА И СТРУКТУРА ЕГО ОТНОШЕНИЙ С КОНИ

Несколько биографических подробностей, на первый взгляд необязательных, но достаточно устойчивых в литературной репутации Некрасова, полезны для более полного представления о строе личности двух участников ситуации, Кони и Некрасова, и о характере их взаимоотношений.

В. Е. Евгеньев-Максимов в книге «Некрасов и его современники», приводя свидетельство А. Ф. Кони о стремлении отца «оберечь» Некрасова от

остроумием драматургов и вояжеров — гг. Перепельского и Дершау, и *судит* о русской литературе, *пишет и печатает* <...>» ([Б. п.] <Булгарин Ф. В.> Журнальная всякая всячина // СП. 1842. № 261. 20 ноября. Александринский театр. С. 1043).

привычек «бродячей и бездомной жизни», продолжает: «В цитируемых словах пишущему эти строки почувствовалась некоторая недоговоренность, и он позволил себе упомянуть об этом в беседе с автором воспоминаний. Анатолий Федорович ответил примерно следующее: “Мне не хотелось вдаваться в подробности, характеризующие заботы моего покойного отца о Некрасове. Но вам я могу сказать, что труднее всего было отучить его от привычки выпивать. Отцу немало пришлось потратить усилий, прежде чем он добился в этом отношении определенных результатов”».⁸²

Евгеньев-Максимов анализирует источники, подтверждающие наличие этой привычки у Некрасова (в основном свидетельства современников относятся к 1840-м гг.).⁸³ Отметим и другие свидетельства людей, знавших Некрасова в более поздние годы. Эти свидетельства исследователь не приводит, хотя они ему, несомненно, были хорошо известны. Рассмотрим три из них.

Н. А. Белоголовый, знавший Некрасова в его последние годы, не оставляет свидетельств о пристрастии поэта к спиртному.⁸⁴ А. М. Скабичевский называет Некрасова «знатоком по кулинарной и питейной части»,⁸⁵ который, однако, «после стерляжьей ухи в 5 рублей тарелка и двадцатипятирублевого токайского» «не брезговал самою сомнительной сивухой и мутненьким баварским пивом в грязненьком загородном трактирчике»,⁸⁶ но при этом неизменно «так упорно и крепко держал в ежовых рукавицах все свои бурные страсти и таким был строгим хозяином самого себя, что, кто не знал его близко, тому он мог показаться человеком совершенно бесстрастным».⁸⁷ Познакомившись с Некрасовым также в его зрелые годы, Скабичевский делает

⁸² *Евгеньев-Максимов В.* Некрасов и его современники. М., 1930. С. 15—16.

⁸³ Там же. С. 14—15. Исключение, на первый взгляд, составляет свидетельство самого Некрасова, записанное Пыпиным после беседы с поэтом в марте 1877 г., но воспоминания Некрасова относятся к явно более давним временам: предположительно до середины 1850-х.

⁸⁴ Хотя упоминает о случаях неводержанности в отношении тяжелой и жирной пищи (*Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. 4-е изд. СПб., 1901. С. 400).

⁸⁵ *Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М., 2001. С. 311.

⁸⁶ Там же. С. 265.

⁸⁷ Там же. С. 259.

вывод о стержневом свойстве его характера, исключавшем чрезмерную зависимость от привычек.⁸⁸

Ю. К. Арнольд, знавший Некрасова в первые годы его петербургской жизни, отмечает: «Вакха только допускал он как условного собеседника».⁸⁹ Литературный портрет поэта в этом тексте далек от идеализации, что позволяет думать о непредвзятости приведенного свидетельства.

Не прибегая к цитации этих источников, Евгеньев-Максимов делает сходный вывод: «<...> если нельзя отрицать значительность той роли, которую Кони сыграл в жизни Некрасова, то, с другой стороны, не менее ошибочно было бы думать, что без помощи Кони Некрасов был обречен на гибель. В своей последующей жизни и деятельности Некрасов проявил столько железной выносливости и умения приспособляться к обстоятельствам, что едва ли можно сомневаться в том, что эти качества в конце концов помогли бы ему и без содействия Кони подняться с того дна, на которое он вынужден был опуститься».⁹⁰

Вывод Евгеньева-Максимова, созвучный мнениям людей, лично знавших Некрасова, наводит на два соображения о задачах исследователя и его книги.

Первое, имеющее более общий характер: исследователь отмечает целеустремленность и силу характера, чтобы задать читателю желательное пред-

⁸⁸ «Несмотря на свои восемнадцать лет, он представляется нам вовсе не таким беспечным и нерасчетливым юношей, который что получал, то сейчас же и проживал, путаясь в долгах. Ничуть не бывало. Довольно сказать, что в течение первых же двух лет пребывания в Петербурге, как раз в такое время, когда ему приходилось иногда ночевать на улицах или в нищенских вертепах, он тем не менее успел скопить такую сумму денег, что был в состоянии издать на свой счет и риск книжечку своих первых стихотворений» (Там же. С. 254). Ср. с отзывами о Некрасове Н. А. Белоголового: «При всей скрытности своего характера и необыкновенном умении владеть собой...» (*Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи.* С. 391); А. С. Суворина: «Некрасов принадлежит к числу тех богатых, даровитых натур, которые рано становятся самостоятельными и умственно крепкими, способными вести за собой других и не теряться среди жизненного моря, как бы ни была опасна своей непрочностью та ладья, на которой им приходится плыть» (Новое время. 1877. № 103).

⁸⁹ Воспоминания Юрия Арнольда. Вып. II. С. 194.

⁹⁰ *Евгеньев-Максимов В.* Указ. соч. С. 16.

ставление о мере богомных привычек Некрасова и мере необходимости «воспитательной роли» Кони, так сказать, ослабить значение оговорок о безупречности Некрасова. Утверждение формирует хрестоматийный образ поэта-классика, закрепившийся в литературоведении XX в.

Нам представляется важным подчеркнуть другое обстоятельство. Если бытовые привычки и профессиональные навыки молодого Некрасова нуждались в сильной коррекции, то потенциал его характера уже определился. Это был потенциал явного лидера, обладающего, несмотря на общительность, закрытым характером.⁹¹ С нашей точки зрения, именно это обстоятельство во многом влияло на характер взаимоотношений Некрасова и Кони с ярко выраженной разницей в статусе — работника и работодателя, младшего и старшего, «воспитанника» и «воспитателя» — и характер печатных оценок Кони.

Второе, более частное: за усилиями Кони отвратить Некрасова от спиртного могли стоять, кроме воспитательных, соображения журнально-газетной политики. Евгеньев-Максимов приводит цитату из записки Ф. Б. Булгарина к Л. В. Дубельту. В ней Булгарин отзывается о политической неблагонадежности Я. П. Буткова и Некрасова и советует способ их разоблачения.⁹² Свидетельство Булгарина относится к весне 1848 г. Воспоминания современников о более ранних годах Некрасова тоже позволяют отметить его

⁹¹ Приведем гораздо более позднее суждение о характере Некрасова, высказанное М. Е. Салтыковым после смерти поэта: «Он вот и при жизни такой же был: все один, все в особинку да втихомолку» (М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников // М., 1957. С. 270). Салтыков признавал в Некрасове сильное лидерское начало: «<...> С потерей его утратится центр, а скоро ли наладится другой — неизвестно» (*Салтыков-Щедрин* М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1976. Т. XIX. Кн. 1. С. 49—50. Письмо к П. В. Анненкову от 15 марта 1877 г.). О своей закрытости Некрасов писал П. А. Ефремову: «В жизни многие люди терпят от излишней болтливости, я же часто терпел от противоположного качества <...>» (*ПСС*, XV₂, 121). Ср. с высказыванием сестры поэта А. А. Буткевич: «Характер его вообще был сосредоточенный, молчаливый и скрытный» (Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. С. 389).

⁹² «Бутков и Некрасов любят оба выпить, а Бутков таскается по трактирам и недавно едва не был схвачен за вранье <...> Некрасов ведет себя повыше и упивается шампанским, а упившись — врет. — Нельзя ли найти человека, который бы напоил их и порасспросил» (Видок Фиглярин... С. 558; см. также: *Евгеньев-Максимов В. Некрасов и его современники*. С. 14).

любовь к неофициальному общению, осведомленность и остроумие.⁹³ Можно предполагать, что Кони заботила социальная сторона: нежелательные разговоры его молодого, недостаточно опытного, но активного сотрудника с широким кругом знакомых в «неформальной обстановке».

Талант, молодость и целеустремленность Некрасова вызывали в его «воспитателях» стремление помочь. Его смелость и предприимчивость — желание предостеречь от неверного пути, направить к образованию (Плетнев, Полевой). Ранняя самостоятельность, стремление к самоутверждению, активность, вкупе со склонностью к богеме, — желание «взять в рамки», подчинить правилам, воспитать в нем исполнительность и дисциплинированность. Этими мотивами, по всей видимости, в общении с Некрасовым руководствовался Кони, многолетний воспитатель юношей в военных учебных заведениях. Не случайны его претензии к Некрасову, которые тот пересказывает в процитированном выше письме к Кони: «В исчислении достоинств Вашего будущего сотрудника Вы намекаете мне, что во мне недостает *аккуратности, деятельности, постоянной любви к труду* и мало ли еще чего, даже и таланта, как, кажется, намекают некоторые слова письма» (ПСС, XIV₁, 40) (курсив мой. — М. С.). Это — требования *руководителя к исполнителю*, в роли которого оказался молодой человек с сильными задатками лидера. Письмо написано на стадии завершения их конфликта, время и обстоятельства которого стали переломным моментом в биографии Некрасова.

Поэтому, как представляется, сдержанность Кони в печатных поощрениях Некрасова была продуманной. Оставляя мотив зависти и ревности опытного Кони к славе начинающего Некрасова как принадлежащий художественному образу, попытаемся определить позицию редактора, работодателя и учителя. Позиция определялась требовательностью к богато одаренному, инициативному, самостоятельному, но недостаточно образованному и

⁹³ Отметим впервые опубликованное в Летописи письмо студента-медика И. В. Павлова о гощении Некрасова в Москве: «Он чудный малый! Только мошенник, должно быть, ужасный. <...> Он каждый вечер является навеселе и рассказывает тьму забавнейших анекдотов о петербургской литературе» (*Летопись*, I, 183).

дисциплинированному сотруднику и стремлением четко обозначить *status quo*.

Представляется также вполне вероятным, что для людей, принимавших в Некрасове участие, была очевидной его общая одаренность, но не талант в более узком понимании — талант поэта, талант прозаика, драматурга или критика. Возможно также, что любой его частный талант был менее заметен вследствие известной разбросанности начинающего литератора, пробующего себя сразу во всем.

Поэтому в процитированном Некрасовым письме Кони действительно могло содержаться замечание (а не намек) о недостатке таланта. Его мнение о недостаточном поэтическом, или прозаическом, или драматургическом таланте Некрасова, скорее всего, опиралось только на первые и достаточно поспешные опыты молодого человека, стремящегося к более высокому положению в литературе и действительно написанные «из хлеба». Правомерно предполагать, что сама по себе оценка Кони была строгой, а в письме к Некрасову — еще и намеренно заниженной, что возымело желаемое действие: в ответном письме Некрасова есть подробный анализ мотивов и причин его действий, а конфликт завершился укреплением сотрудничества.

Эта оценка и лаконизм Кони дополнительно проясняется и обретает принципиальное значение, если обратиться к ближайшему контексту. Ближайшим контекстом является цепочка событий, приведших Некрасова и Кони к серьезному конфликту.

Рассмотрим одну из версий возникновения конфликта: что он был спровоцирован *В. С. Межевичем*, который стремился внести раздор в «лагерь» «Литературной газеты». В некрасововедении с именем Межевича связаны, во-первых, уничижительная статья о сборнике «Мечты и звуки» (1840), и, во-вторых, конфликт вокруг раскрытия тайны псевдонима «Перепель-

ский», совершенного, как принято считать, 20 мая 1841 г. в № 108 «Северной пчелы»⁹⁴ (*Летопись*, I, 83).

§ 7. В. С. МЕЖЕВИЧ: ПОЛЕМИКА С НЕКРАСОВЫМ И КОНИ

Василий Степанович Межевич (1814—1849) в творческой биографии Некрасова конца 1830 — начала 1840-х гг. был достаточно заметной фигурой. Его отзыв о «Мечтах и звуках», в отличие от других литераторов, процитированных в этой главе, не был дан с «педагогической» целью. Не обнаруживают ее и другие его действия и высказывания, несмотря на то, что в одном из фельетонов он заявляет о своей учительной роли по отношению к Некрасову.

Межевич, литературный и театральный критик, поэт, выпускник Московского университета, преподаватель словесности и логики в Московском дворянском институте, в середине 1830-х гг. близкий знакомый Белинского, сотрудничал в «Телескопе», «Молве», «Галатее», «Московском наблюдателе». В январе 1839 г. по приглашению А. А. Краевского он стал критиком «Отечественных записок», но вскоре разочаровал своего работодателя и в июле того же года уступил место В. Г. Белинскому, однако сотрудничал в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» и затем в «Литературной газете». В 1839—нач. 1849 гг. он печатался также в «Ведомостях С.-Петербургской городской полиции» и в журналах «Репертуар русского театра» (1839—1841) и «Пантеон» (1842—1848), в котором в 1843—1846 гг. стал редактором и одним из издателей. В 1840—1844 гг. он сотрудничал в «Северной пчеле» как театральный критик и фельетонист, но скрывал этот факт от людей, близких к изданиям Краевского.⁹⁵

⁹⁴ Л. Л. <Межевич В. С.> Александринский театр // СП. 1841. № 108. 20 мая. С. 430—431.

⁹⁵ Подробней см.: Мельгунов Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете»... С. 9; Кармазинская М. А. Межевич Василий Степанович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. К—М. С. 562 (вся статья — с. 562—563); Кошелев В. А. Кони Федор Алексеевич. С. 56—57. Мельгунов отмечает: «Сам редактор

М. А. Кармазинская оценивает ранние критические разборы Межевича как свидетельствующие «о его литературном вкусе и основательном подходе к предмету», а его стихи — как «поэтические банальности, иногда небрежно исполненные с точки зрения рифмы и ритма».⁹⁶ Судя по оценке автора биографической статьи, более ярко Межевич проявил себя в области театральной критики и в жанровой форме фельетона.⁹⁷

Заметный спад деятельности Межевича пришелся на вторую половину 1840-х гг., но свидетельство И. И. Панаева (отметим, очень пристрастное) и приведенные им слова Белинского показывают, что уже в начале 1840-х гг. Межевич испытывал творческие затруднения и неуверенность в себе.⁹⁸

Позицию Межевича начала 1840-х гг. проясняет обращение к воспоминаниям А. Я. Панаевой, излагающей некоторые подробности сотрудничества Межевича в петербургских изданиях, которые в биографической статье даются в перечислении:

«В доме Межевича при мне возникла мысль издавать журнал “Пантеон”. Это придумали Межевич, Строев и Аполлон Григорьев.

У их приятеля Песоцкого были деньги, они и подбили его издавать журнал.

<...> Журналом редижировали Межевич, Строев и еще кто-то, а Песоцкий только платил деньги. <...> Но подписка на журнал была плохая, а расходов на него много. Песоцкий был щедр, скоро ухлопал все свои деньги и передал “Пантеон”, кажется, Кони».⁹⁹

Г. В. Краснов уточняет в комментариях, что речь идет не о «Пантеоне...», а о «Репертуаре русского театра», и не об А. А. Григорьеве, а об арти-

“Литературной газеты” в 1841 году мало занимался этим изданием» (*Мельгунов Б. В.* Указ. соч. С. 26). Г. П. Талашов утверждает: «Кони редактировал “Литературную газету” с августа 1840 по декабрь 1843 г. и с мая по декабрь 1845 г.» (*Талашов Г. П.* «Литературная газета» 1840—1845 годов. СПб., 2005. С. 5).

⁹⁶ *Кармазинская М. А.* Межевич Василий Степанович. С. 562.

⁹⁷ Там же, с. 563.

⁹⁸ *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. С. 76, 169—170, 221—222.

⁹⁹ *Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания. М., 1972. С. 105—106.

сте и водевилите П. И. Григорьеве.¹⁰⁰ Несмотря на ошибки, легко реконструировать ситуацию, в которой формируется отношение Межевича к Некрасову.

В то время как в 1839 г. Межевич устранен Краевским из «Отечественных записок», с весны того же года Некрасов в газете Краевского «Литературные приложения к “Русскому инвалиду”» печатает несколько стихотворений. В 1839 г. начинает выходить «Репертуар...» под редакцией Межевича, и правомерно предполагать, что основание театрального журнала имело для Межевича прямое отношение к самоутверждению и реваншу. В 1840 г. появляется «Пантеон русского и всех европейских театров», который, по оценке Н. В. Королевой, «был задуман Кони как издание, противоположное “Репертуару”». ¹⁰¹ В острой полемике по поводу этих двух изданий приняла активное участие «Северная пчела», в которой Кони начинал как театральный рецензент и откуда он ушел в 1839 г. к А. А. Краевскому, став редактором двух видных изданий. Должность редактора «Литературной газеты», которую Кони принял также в 1840 г., до него неофициально занимал Межевич. Некрасов начинает сотрудничество в «Пантеоне...» в качестве корректора, но практически сразу там печатаются его стихи, а затем и проза; в начале 1840 г. выходит сборник его стихов. В 1840 г. Межевич еще сотрудничает в «Литературной газете» под началом Кони, но, ощущая свое положение ненадежным, уходит в «Северную пчелу». В конце августа — начале сентября Некрасов начинает сотрудничать в «Литературной газете»,¹⁰² а в 1841 г. его вклад в издание становится все более профессиональным и весомым.¹⁰³

¹⁰⁰ Там же. С. 414—415.

¹⁰¹ Королева Н. В. Театральная критика в 1840—1850-е годы // Очерки истории русской театральной критики: Конец XVIII — первая половина XIX века / Под ред. А. Я. Альтшуллера. Л., 1975. С. 227.

¹⁰² Мельгунов Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете»... С. 12.

¹⁰³ Б. В. Мельгунов отмечает: «Сам редактор “Литературной газеты” в 1841 году мало занимался этим изданием» (Там же. С. 26). Г. П. Талашов утверждает: «На самом деле Кони редактировал “Литературную газету” с августа 1840 по декабрь 1843 г. и с мая по декабрь 1845 г.» (Талашов Г. П. «Литературная газета» 1840—1845 годов. СПб., 2005. С. 5).

Таким образом, Межевич оказывается вытесненным из «Отечественных записок» и «Литературной газеты» Белинским и Кони, инициированный им «Репертуар...» потеснен «Пантеоном...», а молодой сотрудник, активно пробуящий себя в поэзии, прозе, написании водевилей и журнальной работе, фактически заменяет его в качестве фельетониста и негласного редактора в отсутствие Кони.¹⁰⁴

Отношения Некрасова и Межевича просматриваются достаточно отчетливо. Время их личного знакомства не установлено, но в 1839 г. они уже могли встречаться у общих знакомых; к тому же у обоих был интерес к театру. В романе Некрасов пишет о Межевиче: «Я был с ним несколько времени в довольно дружеских отношениях» (*ПСС*, VIII, 190). Несомненно, эти отношения предшествовали отзыву Межевича о сборнике «Мечты и звуки» — самому пространному из всех напечатанных, построенному на пародировании стихов дебютанта.

Межевич в одной из статей обстоятельно излагает свою версию личного знакомства, в которой Некрасов изображается не бывшим приятелем, а безвестным просителем. Избыточность подробностей очевидна по цитате, приводимой без купюр:

«В одно прекрасное утро является ко мне на квартиру молодой человек, с книгою в руках, которую он просит принять меня, как знак своего ко мне *уважения*, и замолвить за нее словечко в газете. Я принял его со всею ласкою, как обыкновенно делается в таких случаях, поблагодарил за внимание и обещал высказать со всем чистосердечием и снисхождением мнение свое о его стихотворениях, когда удосужусь прочесть их. Молодой человек ушел. Раскрываю книгу — на внутренней стороне обертки обыкновенная надпись: *Милостивому Государю такому-то*, и пр. Название книги “Мечты и звуки”».

¹⁰⁴ Так и выглядит ситуация в изложении Панаева: «издатель» изобличил «перебежчика», «устранил» его и предложил герою место «присяжного критика» (*Панаев И. И. Сочинения*. С. 365—366).

Я прочел все стихотворения; особенных признаков дарования нет, видно, однако ж, что автор их человек не совершенно бездарный. Что сказать о такой книге? Я пишу, что стихи г-на Н. Н. гладки, звучны, но и только; в них нет ничего ни положительно дурного, ни положительно хорошего; что мы не ставим в вину Г. Перепельскому стихотворений его, однако же лучше советовали бы ему учиться да учиться..... Такие стихи, какие он пишет, очень легко не только писать, а импровизировать, например..... и для шутки, поддельваясь под тон молодого стихотворца, я написал две, три пиески на одни с ним темы. Многие смеялись этой шутке, в которой однако ж не было никакой злобы, никакого желанья огорчить молодого писателя. Нельзя же сказать юноше прямо в глаза, и притом печатно: учись, братец, учись, а не торопись печатать свои стишонки..... Статья моя была написана со всем желанием добра молодому человеку и, скажу более, со всем уважением к молодости автора, пришедшего просить у меня моего мнения и совета.

С тех пор я совершенно потерял из виду автора и ничего не слыхал про него, радуясь однако ж, что не вижу более в журналах его стихотворений. Верно, юноша послушался моих добрых советов, думал я.....»¹⁰⁵

Тон Межевича, намеренная пространность изложения говорят о его желании обозначить свой статус: с молодым безвестным просителем он берет на себя роль и критика, и наставника. Последнее, несмотря на педагогический опыт Межевича, явно не соответствовало фактам: его рецензия не содержала совета «учиться да учиться». Не соответствовало фактам и заявление, что он «потерял из виду» автора.

Рецензия Межевича на сборник, очень остро воспринятая Некрасовым,¹⁰⁶ отличается от других своей жанровой природой. Межевич обладал

¹⁰⁵ Л. Л. <...> Актер, оригинальный (??!) водевиль в одном действии, соч. Н. А. Перепельского <...> // СП. 1841. № 246. 3 ноября. Александринский театр. С. 981—983.

¹⁰⁶ Некрасов в романе передает свое впечатление от рецензии: «Боже мой! какого дурака, уroda, невежду и негодя сделал из меня рецензент “желтой обертки”! <...> дока-

легким слогом фельетониста, о его успешности в этом жанре говорит оценка Белинского: «русский Жюль-Жанен» (*Б-13*, V, 189). Рецензия на сборник Некрасова являет пример фельетонной критики. Ее особенность заключается в том, что оцениваемое фельетонистом литературное произведение — лишь информационный повод для самоценного текста юмористического характера. Эту цель замечает Некрасов: «По всему видно, что ему нужно было шутить, шутить во что бы ни стало, шутить длинно, остроумно и колко. И вот он избрал предметом своей шутки мои бедные стихотворения и написал об них целые десять страниц» (*ПСС*, VIII, 159). О достижении цели пишет и сам Межевич («Многие смеялись этой шутке»).

Статьи Межевича, посвященные конфликту с Некрасовым, конфликту с «Литературной газетой» по поводу Некрасова, конфликту с «Отечественными записками» по поводу раскрытия им псевдонима Некрасова, также выдают руку не столько принципиального полемиста, сколько умелого фельетониста, который использует скандальную ситуацию для подогрева интереса к себе и печатному органу, в котором он выступает. Пример тому — процитированный фрагмент, объем которого непропорционально велик по отношению к информативности.

Стихотворная пародия как прием выражения критической оценки охотно использовалась Некрасовым, и правомерно полагать, что ближайшим примером, который перенял Некрасов, был именно стиль Межевича. Примеры фельетонной критики рассматриваются в дальнейших главах. Здесь укажем на второе качество рецензии Межевича на «Мечты и звуки», отличающей ее от остальных. Это — ее подоплека: активность Некрасова и благожелательное отношение к нему Н. А. Полевого, П. А. Плетнева, Ф. А. Кони и других, по всей вероятности, уже в 1840 г. формировали в Межевиче мысль о будущем конкуренте.

зывают мне, как дважды два, примерами из моих же стихотворений, что я урод, невежда и дурак первой руки» (*ПСС*, VIII, 158—159).

Предположение об этой подоплеке подтверждается документально. В письме к Кони от 16 августа 1841 г. Некрасов писал о Межевиче: «Еще в прошлом году он распускал нелепые слухи, что редактор “Пантеона” я, а не Вы, что я пишу Вам статьи и поправляю Ваши... Расчет его был самый верный: если б эти слухи дошли до Вас, то, разумеется, Вы бы подумали, что распустил их я, а этого только ему и нужно было, чтоб вооружить Вас против меня. Много подобных вещей делал он... Я все понимал, все видел и молчал до времени...» (ПСС, XIV₁, 35).

Молчание Некрасова легко объяснимо. В 1840 г. эти слухи были неправдоподобны. Опыт его журнальной работы был слишком незначителен, а впечатление неудачи от критических отзывов о сборнике «Мечты и звуки» — слишком свежим и слишком сильным. Но в 1841 г. ситуация изменилась.

Как принято считать, конфликт между Некрасовым и Кони, приведший к длинной паузе в их сотрудничестве, возник, помимо провоцирующих печатных и частных высказываний Межевича, из-за финансовых разногласий.

Предлагаемый анализ реконструируемого эпизода показывает, что пружины конфликта были более сложными, и дополнительно освещает характер отношений между Кони и Некрасовым в 1840 г.

§ 8. ПРИЧИНЫ И РАЗВИТИЕ КОНФЛИКТА 1841 Г.

20 мая 1841 г. в «Литературной газете» вышла статья первая «Обозрения новых пьес, представленных на Александринском театре». Часть статьи была посвящена водевилю Некрасова «Шила в мешке не утаишь — девушки под замком не удержишь».¹⁰⁷

¹⁰⁷ [Б. н.] Обозрение новых пьес, представленных на Александринском театре. Статья первая. Клевета — комедия Скриба, перевод П. С. Федорова. — Боярское слово, драма П. Г. Ободовского. — Записки мужа, водевиль П. И. Григорьева. — Габриель или адъютанты, водевиль с французского П. С. Федорова. — П. С. Мочалов в провинции, вод. Д. Ленского. — Шила в мешке не утаишь, вод. Н. Перепельского. — Лауретта, вод. с фр. — Квакер и танцовщица, вод. с фр. // ЛГ. 1841. № 52. 15 мая. Русский театр. С. 208.

Анонимная статья была написана самим Некрасовым (*ПСС*, XI₁, 283—292, 452). Она содержит рассуждение о трудностях написания водевиля («И чем смешить, и как смешить?» — *ПСС*, XI₁, 284), в особенности куплетов: «А куплеты? Господи боже мой! Что за дьявольская выдумка куплеты! Изволь, видишь, острить непременно, острить напропалую, острить так, чтобы кололо, но не уязвляло, а не то милая, кокетливая публика надует губки. <...> Однако ж у нас некогда были острые куплеты, хотя в малом количестве; теперь их вовсе нет! Отчего? Видно, такой уж черный год: остроты не родились сам-семь» (*ПСС*, XI₁, 285).

Несколькими абзацами ниже Некрасов переходит к авторецензии. Он отмечает: «Водевиль Н. А. Перепельского “Шила в мешке не утаишь — девушки под замком не удержишь” — был принят публикою хорошо; автор был вызван. Действительно, положение действующих лиц невольно заставляет смеяться», — и далее возвращается к теме куплетов: «а несколько удачных куплетов дополняют остальное. Водевиль этот попал в “Репертуар Русского Театра”, в котором сделано из него неприятное для автора исключение. Вот куплет Руперта, который, неизвестно почему, выкинут в печати: <...> (далее помещен текст куплета Руперта. — *М. С.*) Почему бы выкидывать такие штуки? Для любителей куплетов выписываем еще один, который более других понравился публике». Далее помещен текст изъятых куплетов (*ПСС*, XI₁, 288—289).

Авторецензия является и авторекламой, дополнительно привлекающей внимание к себе напоминанием, что автор был вызван. Притом она была не первой и не последней авторекламой. В № 2 «Пантеона...» (ценз. разр. 28 марта 1841 г.) в разделе «Текущий репертуар русской сцены» в анонимной статье сообщалось о готовящихся спектаклях: «...и еще оригинальный водевиль “Шила в мешке не утаишь — девушки под замком не удержишь”, соч. *Н. А. Перепельского*, известного читателям “Пантеона” по статьям его, помещенным в этом издании...» (*ПСС*, XII₁, 8, 380).

Аналогичный, и тоже анонимный, текст находим в № 44 «Литературной газеты», вышедшем 24 апреля: «Сегодня молодой артист нашего русского театра, г. Максимов 1-й, приглашает публику, дарившую его так часто своими благосклонными аплодисманами, в свой бенефис, в Александринский театр. Спектакль составлен довольно заманчиво: “Павел Степанович Мочалов в провинции” — очень забавная шутка г. Ленского; “Квакер и танцовщица” — один из умнейших водевилей Скриба; — а водевиль: “Шила в мешке не утаишь, девушки под замком не удержишь” — есть первое произведение для сцены — молодого, почтенного нашего сотрудника, Н. А. Перепельского, которого забавные повести, помещенные в “Литературной газете”, вероятно, не раз заставляли вас улыбаться. <...> Это интересно. Пойдемте в бенефис г. Максимова 1-го» (*ЛСС*, XII₂, 186, 365).

Такая поспешность Некрасова в самоутверждении понятна. Хотя в романе Некрасов утверждает, что он писал водевили по заказу ради денег (*ЛСС*, VIII, 186), по свидетельству А. А. Алексеева, на момент их знакомства с Некрасовым «еще был он непризнанным поэтом и только что пробовал свои силы в драматургии <...> и заводил дружбу с актерами, которые так или иначе могли содействовать его поползновениям сделаться присяжным драматургом».¹⁰⁸

Содержание и тон авторецензии-авторекламы с пассажем о трудностях написания куплетов и цитацией собственных куплетов были провоцирующими. Куплеты Некрасова действительно имели успех. В. Е. Евгеньев-Максимов приводит суждение А. А. Измайлова о том, что «куплет Кони “в гибкости и звучности уступает куплету Некрасова даже первых его выступлений”», а потому, по мнению исследователя, «нет ничего невозможного, что, помогая Некрасову в его работе над водевилями, <...> Кони заказывал иногда Некрасову куплеты для своих водевилей»; эту мысль исследователь

¹⁰⁸ Алексеев А. А. Воспоминания актера. М., 1894. С. 35.

аргументирует, приводя цитату из водевиля «Утра в редакции» — реплику Пельского.¹⁰⁹

Между тем, как указывает Ю. К. Арнольд, «фабулу и сценарий» водевиля «составил» для Некрасова именно Кони.¹¹⁰ Антипатия мемуариста к Некрасову легко просматривается в других эпизодах и замечаниях о поэте, однако нет свидетельств, опровергающих это заявление. Поэтому в глазах Кони открытая автореклама Некрасова могла граничить с «литературным похищением».

Н. В. Королева цитирует указанную статью Некрасова, говоря о ее значении в корпусе его театральной критики.¹¹¹ Конечно, Некрасов, стремительно осваивающий новые области литературного труда, скорее всего, понимал, насколько еще мал его литературный опыт и насколько велика область приложения сил для человека, всерьез посвятившего себя литературе. Поэтому бойкий тон едва ли соответствовал действительной самооценке. Но он провозгласил на такое восприятие. Заявление о том, что в минувшем году урожай на куплеты, в какой-то мере могло расцениваться недоброжелателями Кони как намек Некрасова на упадок его успешности,¹¹² и оно так и было воспринято.¹¹³

¹⁰⁹ *Евгеньев-Максимов В. Е.* Некрасов и его современники... С. 80—81. Этот же довод исследователь повторяет в своей главе коллективной монографии «Некрасов и театр» (с. 86).

¹¹⁰ Воспоминания Юрия Арнольда. Вып. II. С. 187. Отметим и замечание Арнольда о Некрасове — начинающем куплетисте: «Кони <...> также исправлял куплеты, снабжая их солью легкого остроумия, в чем именно, по правде сказать, у музы г. “Перепельского” оказался не малый недостаток» (Там же).

¹¹¹ *Королева Н. В.* Н. А. Некрасов // Очерки истории русской театральной критики: Конец XVIII — первая половина XIX века / Под ред. А. Я. Альтшуллера. Л., 1975. С. 326. Речь идет о стремлении «натуральной школы» придать водевилю более острое общественно-публицистическое звучание, преодолеть сугубо развлекательный характер жанра.

¹¹² И могло — как пародия. Сходное суждение о трудности каламбуров произносит «журналист-издатель» Дмитрий Петрович в «Очерках литературной жизни» (*ПСС*, VII, 375).

¹¹³ Ревность Кони к чужому успеху, помимо приведенной в § 5 этой главы цитаты (*ПСС*, VIII, 213), выступает в романе Некрасова как главная причина конфликта: «За “Бобровой шапкой” <...> должен был последовать водевиль задумчивого сотрудника, который писал водевили за деньги всем и каждому, кто только пожелал к нему обратиться, а обращались к нему очень многие, потому что первая пьеса его имела счастье понравиться

Отчасти тому способствовали факты. Кони, написав множество водевилей в 1830-е гг., в 1840-м пишет «Деловой человек, или дело в шляпе» и «Петербургские квартиры», после которых состоялся совместный с Некрасовым опыт написания «Утра в редакции». Затем в его деятельности на поприще водевилиста наступает перерыв. Только в № 3 за 1848 г. в «Современнике» опубликован водевиль Кони «Толстяк и тощий» (поставлен на Александринском театре в 1850 г.), а в 1851 г. ставится его «Беда от сердца и горе от ума» (опубликовано в 1852 г. в № 1 «Пантеона»).¹¹⁴

В полемике Межевича с «Отечественными записками», «Литературной газетой» и «Пантеоном русского и всех европейских театров» ощущается его чувство уязвленности, что совпадает с данной современниками характеристикой Межевича как человека слабого, мечущегося, конфликтного и обидчивого, возможно, уже исписавшегося.¹¹⁵ Фигура Некрасова, испытавшего неудачу с поэтическим сборником и при участии Кони успешно пробующего себя на поприще водевилиста и журналиста, виделась Межевичу удобной мишенью.

Рецензии Межевича в «Северной пчеле» отличаются постоянными выпадами, передергиваниями и переходы на личность, которые расценивались современниками и исследователями как провокации, сеющие раздор между его оппонентами. Эту особенность иллюстрируют эпизоды, имеющие ближайшее отношение к нашей теме.

публике и заслужить одобрение почтеннейшего, который, назло непримиримому врагу своему, издателю газеты, знаменитой замысловатостью эпиграфа, сравнил задумчивого сотрудника, который подвизался на драматическом поприще под каким-то диким псевдонимом, с Мольером и советовал издателю взять “несколько уроков в остроумии, наблюдательности, приличии и сердцеведении” у своего сотрудника, за что издатель чуть не отказал последнему от места, но удовольствовался тем, что сотрудник объявил похвалу почтеннейшего для себя унижительною и заключил статью благодарностью издателю газеты, знаменитой замысловатостью эпиграфа, за участие, принятое им в первом драматическом опыте, что много способствовало к успеху пьесы. Эту статью писал сам издатель» (*ПСС*, VIII, 186).

¹¹⁴ Кошелев В. А. Кони Федор Алексеевич. С. 56—57.

¹¹⁵ См. об этом: Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 170.

Реконструкция эпизода объясняет повторы и вариации одних и тех же тем в нескольких близких по времени текстах, напечатанных анонимно или под криптонимом, и атрибутировать их Межевичу.¹¹⁶ Предположительно атрибутируемые Межевичу криптонимное и анонимные высказывания укладываются в известный исследователям причинно-следственный ряд, уточняют и дополняют его существенными подробностями. Рассмотрим их в хронологическом порядке.

10 августа 1840 г. в «Литературной газете» была опубликована рецензия за подписью «Л. Ю.»:

«Кроме того, мы тут встретили нигде не напечатанный романс покойного А. С. Грибоедова, и рассказ в стихах забавного псковского подьячего *Феоклиста Ануфриевича Боба*. Почтенный Феоклист Ануфриевич в экстазе от мелодрамы “Параша Сибирячка” и изливает перед талантами Н. А. Полевого и А. И. Гусевой всю глубину своего уважения и признательности».¹¹⁷

«Словарь псевдонимов» И. Ф. Масанова указывает лишь одного автора, подписывавшегося «Л. Ю.» — Леонида Наумовича Юровского (1884—1938), видного российского экономиста. Правомерно предполагать, что в процитированной публикации присутствует опечатка: «Л. Ю.» напечатано вместо «Л. Л.», криптонима, которым часто подписывался Межевич.¹¹⁸ Под этим криптонимом он выступал в 1838 г. в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”», в 1839 г. в «Отечественных записках», в 1840 г. — в «Репертуаре

¹¹⁶ *Степина М. Ю.* К атрибуции критических отзывов о Н. А. Некрасове (1840-е гг.) // Русская литература. 2012. № 3. С. 127—132.

¹¹⁷ [Б. н.] Пантеон русского и всех европейских театров. Часть III. Книжка седьмая. Редактор: Ф. А. Кони. Издатель: Книгопродавец Поляков. Июль. 1840 // ЛГ. 1840. № 64. 10 августа. Библиография. Стлб. 1444.

¹¹⁸ И. Ф. Масанов указывает: В. М.; Л. Л.; М.; М-ч; М-ч, В; Читатель ex-officio // *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Том второй. М., 1957. С. 309.

русского театра», в 1840—41 гг. — в «Литературной газете», в 1840-х гг. — в «Северной пчеле».¹¹⁹

Процитированная рецензия опубликована в «Литературной газете», редактируемой Кони, и посвящена «Пантеону русского и всех европейских театров», также выходившему под редакцией Кони. Этим объясняется нейтрально-доброжелательный тон по отношению к рецензируемому изданию и сдержанный юмор в оценке стихотворного фельетона Некрасова, имевшего успех. Последующие фельетоны 1841 г. отражают историю конфликта, поставившего под угрозу сотрудничество Некрасова и Кони.

8 марта 1841 г. в «Северной пчеле» был напечатан без подписи фельетон «Журнальные заметки», в котором «г-ну Н. Н.» было указано на его оплошность: упоминание в театральном обзоре спектакля, которого он не видел: «Спрашивается: заслуживают ли после этого факта доверия критики издания?» — пишет фельетонист (*Летопись*, I, 78).¹²⁰ «Журнальным заметкам» предшествовало несколько разделов, один из которых — «Корреспонденция», — помещенный непосредственно перед «Журнальными заметками», подписан криптонимом Межевича «М.».¹²¹ Правомерно предполагать, что весь отдел «Смесь» был написан одним автором. «Летопись...» не содержит предположений об авторстве этого фельетона, тогда как принадлежность Межевичу другого фельетона, также подписанного «М.» и содержащего резкую критику водевиля Перепельского и его авторецензию в «одной газете» («Литературной газете» от 26 апреля 1842 г.) (*ПСС*, XI₁, 310; *Летопись*, I, 112, 109), самоочевидна. Факты и логика событий также позволяют рассматривать большую вероятность авторства именно Межевича.

Как указывает Б. В. Мельгунов, с середины марта, после отъезда Ф. А. Кони в Москву, Некрасов «остаётся фактическим редактором “Пантеона” и

¹¹⁹ Там же. С. 93.

¹²⁰ СП. 1845. № 54. 8 марта. Смесь. С. 215.

¹²¹ Масанов И. Ф. Указ. соч. Том второй. С. 136.

основным сотрудником «Литературной газеты»¹²² (*Летопись*, I, 78). По предположению Мельгунова, Кони приезжал из Москвы в Петербург в первой половине мая.¹²³ Положение дел объясняет, почему появилась столь смелая автореклама Некрасова на страницах «Пантеона...» 7 апреля (ценз. разр. 28 марта) (*ПСС*, XII₁, 380) и «Литературной газеты» 24 апреля (*ПСС*, XII₂, 365). Объясняет и повышающуюся агрессивность Межевича, вскоре выразившуюся открыто: хотя Некрасов расценивал свое положение как недостаточно прочное и не удовлетворяющее его (*ПСС*, XIV₁, 40), со стороны Межевича оно могло расцениваться как завидно быстрый рост.

7 апреля в «Северной пчеле», в разделе «Театральные и литературные известия», анонимный фельетонист сообщает о готовящемся 22 апреля бенефисе А. М. Максимова, который «будет составлен» из нескольких водевилей, в частности, «оригинального водевиля Н. А. Перепельского: “Шила в мешке не утаишь, девушки замком не удержишь” (так! — М. С.)».¹²⁴ Тон анонса нейтральный.

В пользу предположения авторства Межевича говорит наличие в фельетоне пассажа, в котором сочувственно говорится о тяжело больной В. Н. Асенковой. Именно Межевич спустя две недели составил ее некролог.¹²⁵

Номер «Пантеона...» с авторецензией Некрасова вышел в тот же день (*Летопись*, I, 79—80). В этом же номере было напечатано «Необходимое объяснение» Некрасова по поводу попавшего в его театральное обозрение спектакля, на котором он не был (*ПСС*, XI₁, 261). Объясняя свой промах, Некрасов выдвинул аналогичный упрек «Северной пчеле», что стало еще одним поводом к публичному конфликту.

3 мая анонимный фельетонист «Журнальной всякой всячины» в «Северной пчеле» писал о бенефисе В. А. и А. М. Каратыгиных и, в частности,

¹²² Мельгунов Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете»... С. 26.

¹²³ Там же. С. 27.

¹²⁴ СП. 1841. № 75. 7 апреля. Смесь. С. 297.

¹²⁵ СП. 1841. № 90.

заметил: «У нас в Петербурге, в последний бенефис, имел успех водевиль молодого автора г. Некрасова, скрывшегося под псевдонимом Перепельского: “Шила в мешке не утаишь”. Завязка основана на старом анекдоте, но игривость и веселость сцен возбудили веселость в публике, и довольно для водевиля!.....»¹²⁶ Как явствует из текста, псевдоним «Перепельский» был раскрыт еще в фельетоне 3 мая, а не 20 мая.

В «Летописи...» анонимная статья от 3 мая цитируется, но не комментируется; цитируя статью от 20 мая, Б. В. Мельгунов повторяет закрепившееся в некрасововедении мнение, что именно в этой статье Межевич раскрывает тайну псевдонима (*Летопись*, I, 82, 83). Как представляется, авторство Межевича доказывается текстуальным сходством и смысловой связью фельетона от 3 мая с рядом других, подписанных криптонимом «Л. Л.», в первую очередь со скандально известным фельетоном от 20 мая.

15 мая вышел номер «Литературной газеты», редактируемой знаменитым водевилистом Кони, с анонимной авторецензией Некрасова, в которой молодой литератор замечает о сложности написания водевильных куплетов и о скудости удачных куплетов в настоящее время, публикует изъятые ранее в печати куплеты из своего водевиля и сообщает читателю, что автор был вызван публикой и раскланялся.

Стремясь к самоутверждению и позиционируя себя как успешного водевилиста и куплетиста на общем невыразительном фоне, Некрасов на страницах «Пантеона русского и всех европейских театров» напоминает публике, что Перепельский известен «читателям “Пантеона” по статьям его, помещенным в этом издании» (*ПСС*, XII₁, 8), а в «Литературной газете» пишет, что он — «молодой, почтенный сотрудник» «Литературной газеты», и его «забавные повести, <...> вероятно, не раз заставляли вас улыбаться» (*ПСС*, XII₂, 186).

¹²⁶ СП. 1841. № 96. 3 мая. Смесь. II. С. 382.

Эти заявления давали богатую почву для иронии, в особенности человеку, знающему «кухню» издания «изнутри». Им и был Межевич. Его извещение о готовящейся премьере водевиля, опубликованное 7 апреля, нейтрально по тону. Вполне возможно, что для обозревателя Александринского театра и автора фельетонов «Северной пчелы» возможность некорректного выпада приблизилась на спектакле, когда *Перепельский* был вызван публикой, а *Некрасов* раскланялся; авторецензия Некрасова, напомнившая читателю, что «автор был вызван», в каком-то смысле стала «зеленым светом».

20 мая в «Литературной газете» водевилю Перепельского посвящена процитированная выше анонимная краткая авторецензия: «Водевиль “Ф. О. Боб”, как заметно, написан слишком наскоро, притом он слишком длинен, а потому не имел успеха. В нем, впрочем, есть несколько удачных куплетов, которые в представлении были выпущены» (*Н-12*, VI, 661).¹²⁷ И в этот же день, 20 мая, вышел № 108 «Северной пчелы» со статьей Межевича «Александринский театр» (подп.: Л. Л.), в которой, как считалось до сих пор, критик раскрыл тайну псевдонима (на деле — повторно), чем вызвал печатное возмущение Кони¹²⁸ и Белинского.¹²⁹

Рецензия Межевича, вышедшая 20 мая, пространная и на первый взгляд комплиментарная. Опуская пересказ сюжета, приведем ее оценочную часть: «“Шила в мешке не утаишь, девушки под замком не удержишь”, водевиль г. Некрасова, принявшего псевдоним *Перепельского*, очень порадовал нас как первое произведение молодого писателя, только что вступающего на драматическое поприще. <...> Если хотите, в этом водевиле нет водевиля, нет пьесы <...>; но <...> куплеты так забавны и оригинальны, остроты и ка-

¹²⁷ Впервые опубликовано: ЛГ. 1841. № 54. 20 мая, вторник. Русский театр. С. 214.

¹²⁸ Послесловие к Письму в редакцию «Литературной газеты» Н. А. Некрасова (ЛГ. 1841. № 66. 17 июня, вторник. С. 263). См.: *Летопись*, I, 83, 86, 87.

¹²⁹ «Одна газета провозгласила, что г. Перепельский есть не г. Перепельский, а кто-то другой; но дело не в имени; притом же, и зная настоящее имя автора, газета или журнал могут и должны не знать его: литература имеет свои законы приличия, нарушение которых обнаруживает грубость, невежество и страсть к сплётням» (*Б-13*, XIII, 96). (Впервые опубликовано: ОЗ. 1841. Т. XIV. № 6. Отд. VII. Смесь. Театральная летопись. Русский театр в Петербурге. С. 119—120).

ламбуры так новы, что мы душевно порадовались за г-на Некрасова, порадовались тому, что он оставил *Мечты и звуки* и вступил на новое поприще, отличающее в нем дарование неподдельное. Он вступил на драматическое поприще скромно, так скромно, что даже с каким-то странным подобострастием написал в своем водевиле комплименты г-ну Кони, автору “Петербургских квартир”; положим, что господин Кони есть *известный и опытный литератор* <...>, *драматический писатель* <...>, *первый русский остряк и водевилист* <...>, но это нисколько не доказывает, чтобы молодой человек с неподдельным дарованием, только что выступивший на драматическое поприще, не оставил с первого шага далеко за собою препрославленного “Отечественными записками”, “Литературною газетою” и “Пантеоном” автора “Петербургских квартир” и “Женской природы”. Смелее, г. Некрасов! Идите своей дорогой; зачем вам покровительство людей, которые едва ли сами не нуждаются в вашем покровительстве, в вашем таланте, по крайней мере, ведь это знают все, читавшие “Пантеон” и “Литературную газету”.....»¹³⁰

Раскрывая тайну псевдонимов автора водевилей и автора сборника «Мечты и звуки», Межевич указывал на прозрачность тайны авторства анонимных статей Некрасова — обозревателя театральных новостей в «Пантеоне...» и «Литературной газете», самовосхваление которого легко разоблачит читатель. Намек на признание его среди «читавших “Пантеон” и “Литературную газету”» указывал на самохвальство начинающего автора. Оценка его дарования носит двойственный характер. Напоминание о «Мечтах и звуках» характеризует его как неудачливого поэта; в свете этого похвала куплетам, которые у себя похвалил дебютант, обретает обращенный характер. Та же двойственность в похвале водевиля, в котором «нет пьесы». Благодаря утрировке Некрасов выглядит в фельетоне либо подобострастным новичком, ищущим покровителя, — либо неудавшимся поэтом, который преуспел в журнале и газете Кони, где он публикует свои произведения и свои статьи и в

¹³⁰ [Б. н.] Александринский театр // СП. 1841. № 108. 20 мая. С. 430—431.

них же себя хвалит. Сравнение Некрасова с Кони в пользу Некрасова содержит и оценку двум изданиям, в которых хвастливый и подобострастный новичок даровитее «известного и опытного литератора» и редактора. Хвалебный тон давал Межевичу возможность впоследствии изобразить Некрасова как неблагодарного юнца, забывающего тех, кто принимает в нем участие.¹³¹ Но объектом иронии в конечном счете оказывался Кони: он вытеснил Межевича, а теперь его самого явно вытеснил Некрасов, как это следует из иронического освещения событий Межевичем.

Преувеличение Межевича очевидно. Некрасову близки интересы газеты, он разделяет позицию людей, близких к изданиям Кони, что прочитывается в его фельетонной заметке «Что нового у нас?» (<1>):¹³² «Один из наших водевилистов готовит водевиль, который должен произвести большой эффект на сцене. Сюжет заимствован из замысловатого типа И. И. Панаева “Русский фельетонист”. Главное лицо пьесы чрезвычайно оригинально и хорошо очерчено. Это литературный скоморох, искатель приключений и доходов. Он перебегает от хозяина к хозяину, из журнала в журнал, в каждом меняет мнения, хвалит в одном тех, кого бранил в другом, и наоборот. <...> Он всеми силами тарашится в люди. Кумир его — деньги. <...> Где у него не хватает силы к честному литературному бою, там он прибегает к клеветам, к намекам. За деньги пишет он статьи на кого угодно. <...> Наконец, герой водевиля попадает в компанию на акциях и в этой компании, между аферистами,

¹³¹ Напр.: «<...>мы приподняли для вас небольшой клочок завесы, за которую разыгрывается более печальная, нежели забавная комедия... Наше дело было дружески вас предупредить, а там делайте, как знаете. Во всяком случае, мы пожалеем от души, если вы растратите свое молодое дарование на бенефисные водевили, на вздорные мелочи, а вас бы достало на что-нибудь получше и поважнее» (СП. 1841. № 111. 23 мая. Александринский театр. С. 442—443); «И это пишет, подумал я, тот самый, который некогда с таким, по-видимому, чистосердечием приносил на суд мой свои юношеские опыты, уверял в своем ко мне уважении, и пр.!!! <...> Как угодно! Если похвалами моими вы оскорбляетесь, вперед хвалить я вас не буду; бранить точно так же не буду, потому что слишком уважаю самого себя. Предоставляю почтенному наставнику вашему исправлять ваши орфографические и другие промахи <...>» (СП. 1841. № 246. 3 ноября. Александринский театр. С. 981—983).

¹³² Впервые опубликовано: ЛГ. 1841. № 57. 27 мая. С. 225—226.

вроде Присыпочки, торжествует, но во время дележа дивиденда приятели его обсчитывают и выгоняют» (*ПСС*, XII₁, 9—10, 383).

В очерке И. И. Панаева, опубликованном в № 3 «Отечественных записок» за 1841 г., одним из прототипов героя был В. С. Межевич. Присыпочка — персонаж знаменитого водевиля Ф. А. Кони «Петербургские квартиры», в котором изображен Ф. В. Булгарин, в чьем издании печатался Межевич. В заметке Некрасова легко прочитывается и единство позиции в отношении ситуации в литературе и журналистике, и дань уважения к произведениям более опытных коллег по «своим» изданиям, и достаточно хлесткий ответ Межевичу, который в своей якобы хвалебной рецензии задел достоинство Ф. А. Кони. В известном смысле, в заметке анонимный фельетонист солидаризировался с названными им авторами во мнении о Межевиче, выказывая корпоративное единство.

Подлинное положение дел Некрасова на тот момент действительно несколько двойственно. Оно охарактеризовано им в письме к Кони: «...не имея ничего верного, я метался из стороны в сторону, притом еще... Вы на меня смотрели как на работника, и я служил Вам как работник...» (*ПСС*, XIV₁, 40). Кони по-отечески, по-учительски принимал участие в Некрасове, о чем также сказано в письме поэта. Но в отношении трудоустройства Некрасов еще не имел твердой надежды стать его постоянным сотрудником. В письменном объяснении от 16 августа и 25 ноября Некрасов так описывает свое сотрудничество у Кони: «в постоянные сотрудники я Вам не гожусь, а могу писать, когда вздумается, т. е., другими словами, отношения мои с Вашей газетой могут быть только такие, как и со всеми другими журналами; написав что-нибудь, я могу посылать в который мне угодно журнал, пожалуй и в «Литературную газету»» (*ПСС*, XIV₁, 40). В монографии Б. В. Мельгунова, напротив, говорится, что в 1841 г. Некрасов был в «Пантеоне...» «ближайшим помощником редактора журнала»;¹³³ листаж его сочи-

¹³³ Мельгунов Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете»... С. 25.

нений для печати в журнале определялся договором (*ПСС*, XIV₁, 37). Но «по объему реальное участие Некрасова в “Литературной газете” 1841 года было гораздо более значительным, чем в “Пантеоне”». ¹³⁴ Таким образом, фактически Некрасов был деятельным сотрудником изданий Кони. При этом он оценивал свое положение в газете как непостоянное и до известной степени необязательное для Кони, что его беспокоило.

Отметим еще, что всего лишь через полтора года в книге Л. В. Бранта «Жизнь, как она есть» будет дана оценка ума и деятельности Кони и Некрасова и их отношений:

«<...> один из таких газетчиков — облизанный франтик, среднего роста, с глупенькою рожицей, которую хочет облагородить очками, не подозревая, что они так же идут к нему, как к корове седло, как пастуху тога. <...> Он так мелок, ничтожен, просто сказать — глуп, что не стоит даже осуждения. Некоторые из его собратий и сотрудников несколько поумнее его; но тем хуже для них, потому что умишко, направляемых во вред себе и другим, умишко полуобразованный, вертящийся *около того*, чего сам порядочно не понимает, ниже и несноснее невинной природной глупости». ¹³⁵

И хотя романы Бранта и личность их сочинителя были оценены современниками как графоманство не вполне адекватного человека, цитируемый фрагмент — описание «парижского» литературного вечера — был рассчитан на узнавание, и расчет оправдался. ¹³⁶ Самая злая и гротескная карикатура преувеличивает *реальные* черты; кстати, об этом печатно напомнил читателю

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ <Брант Л. В.> Жизнь, как она есть. Записки неизвестного, изданные Л. Брантом. СПб., 1843. Ч. III. С. 116—117.

¹³⁶ См.: *Белинский В. Г.* Жизнь, как она есть. Записки неизвестного, изданные Л. Брантом. Санкт-Петербург. 1843. В тип. К. Жернакова. Три части. В 12-ю д. л. В I части — 236, во II — 230, в III — 260 стр. (*Б-13*, VIII, 123—139; см. также: *ПСС*, XI₁, 76—80); письмо А. А. Краевского к А. В. Никитенко по поводу цензурных купюр в рецензии Белинского (*Б-13*, VIII, 663); Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Издана под редакцией К<онстантина> Я. Грота, ординарного профессора Императорского Варшавского университета. С.-Петербург. Типография Министерства Путей Сообщения, 1896. Т. II. С. 177. Далее ссылки на это издание даются после цитаты в круглых скобках; римская цифра обозначает том, арабская — страницы.

Белинский в статье, посвященной «Петербургским вершинам» Я. П. Буткова:¹³⁷ «сама карикатура есть только преувеличение истины в смешном виде» (Б-13, IX, 356).

Следовательно, можно сделать вывод, что, пусть несколько позже анализируемого конфликта, с искажениями и преувеличениями, Брант отразил некоторые суждения, бывшие на слуху в литературных кругах, и в частности, суждение, что Некрасов умнее Кони.

Применительно к анализируемому эпизоду, речь идет не о том, насколько этот пассаж неэтичен (это самоочевидно), и не о том, насколько справедливой была оценка ума в этом сравнении Некрасова с человеком старше, образованнее и опытнее его. Речь о том, что эти суждения — даже на уровне слухов и сплетен — тоже часть литературной репутации Некрасова.¹³⁸ И, пусть в менее определенной и менее резкой форме, такая репутация и такая оценка ситуации, может быть, отчасти существовала уже в момент конфликта в 1841 г. и точно существовала позднее, а развитие любого конфликта имеет в виду возможную перспективу. Эта оценка, и тем более породившая ее причина, — так же, как лидерский склад характера Некрасова и его укреп-

¹³⁷ [Б. н.] Петербургские вершины, описанные Я. Бутковым. Книга первая. Санкт-Петербург. В тип. Н. Греча. 1845 // ОЗ. 1845. Т. XLIII. № 12. Отд. VI. С. 96—97.

¹³⁸ Отметим, что репутация Некрасова как исключительно умного человека была устойчивой. В позднейших отзывах о личности Некрасова содержится стабильная подчеркнута высокая оценка его ума, напр.: «Он действительно был <...> человек великого ума» (*Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1950. Т. XV. Письма. С. 88); «Не говорю уже о том, что он необыкновенно умен» (А. Н. Плещеев) (*ЛН*. Т. 51—52. С. 437); «<...> уже минут через пять свидания прелесть очень большого и деятельного ума выступила передо мною на первый план <...>» (Д. И. Писарев) (*Соловьев Е. Д.* И. Писарев, его жизнь и литературная деятельность. 2-е изд. СПб., 1894. С. 142); «Прежде всего это был необыкновенно умный человек» (П. И. Вейнберг) (*Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов. М., 2008. С. 288) и др.

Укажем, однако, что, скорее всего, в первую очередь в этой оценке имелся в виду именно *практический ум* Некрасова. Очень иллюстративно в этом отношении свидетельство Ю. К. Арнольда, чье личное знакомство с Некрасовым, как пишет мемуарист, превралось в 1841 г., но, судя по воспоминаниям, основные представления о личности поэта сформировались именно в это время: «Вообще, должно было признать за Некрасовым необыкновенную сметливость и великий практический ум, прозорливость и верное соображение тонкого администратора широких предприятий. Этот редкий талант он в особенности доказал как главный двигатель возобновленного в 1847-м году “Современника”» (Воспоминания Юрия Арнольда. Вып. II. С. 194).

ляющаяся репутация, — противоречила статусным отношениям «работодатель—работник» и «учитель—ученик».

Некрасов, искавший возможность упрочить свое положение, возможно, заявил об успехах своих литературных трудов чрезмерно, с точки зрения редактора на «работника», — и тем более чрезмерно, с точки зрения «воспитателя» на «воспитанника». Спровоцированный авторецензиями Некрасова, Межевич заявил о его роли и значении, «передернув», преувеличив их до гротеска, выставив действительно полезного молодого сотрудника фактически хозяином положения, самовольно и безнаказанно заявляющим об этом в изданиях Кони, а себя — человеком, произнесшим вслух нечто очевидное. Его похвала неудачливому дебютанту-поэту, который в драматургии и журнальном деле «с первого шага далеко» превзошел своего учителя и работодателя, косвенно выражает пренебрежение к Кони и к уровню редактируемых им изданий, а чтобы увериться в своей правоте, Межевич завуалированно предлагает читателю обратиться к «Пантеону...» и «Литературной газете».

Высказанное Кони и Белинским требование, чтобы Некрасов напечатал опровержение, лишь внешне сводилось к вопросу тайны псевдонима. В ответном открытом письме Некрасова «В редакцию “Литературной газеты”» (ПСС, XIII₂, 6—7), написанном после многословных печатных объяснений Межевича с «Отечественными записками»,¹³⁹ мы наблюдаем коррекцию с преуменьшением.

Опуская полемическую сторону открытого письма, адресованного Кони, рассмотрим автопортрет Некрасова, подписавшегося своим именем: «...я <...> имею честь быть вашим сотрудником <...> Похвалы г. Л. Л. все то же, что явное намерение повредить молодому литератору с первого шага его на новое поприще. <...> Между обвинениями, вымышленными в противность всякой истине вашими недоброжелателями и повторяемыми г. Л. Л. в сотый раз совершенно некстати, заметно желание показать, что вы мне *покрови-*

¹³⁹ Л. Л. Фельетонная заметка // СП. 1841. № 123. 6 июня. С. 490.

тельствуете, и вооружить нас друг против друга. Если г. Л. Л. под словом *покровительство* разумел добрые советы и указания начинающему заниматься литературою, я священным для себя долгом поставляю с удовольствием сознаться, что вы мне действительно *покровительствовали*. Также долгом почитаю, по поводу намеков г. Л. Л., изъяснить вам теперь печатно мою благодарность за ваши советы и замечания при сочинении водевиля “Шила в мешке не утаишь”» (*ПСС*, XIII₂, 5—8).

Акценты расставлены: не Некрасов «покровительствует» Кони, а Кони — Некрасову, и уточнено, в чем выражается это «покровительство»: в «учительной роли». Некрасов предстаёт в этом письме «молодым литератором», делающим «первый шаг», благодарящим своего учителя, и — «сотрудником» Кони. Письмо опубликовано через десять дней после выхода заметки «Что нового у нас?».

Под письмом было напечатано «Послесловие к Письму в редакцию “Литературной газеты” Н. А. Некрасова», написанное Кони: «Он (Л. Л., т. е. Межевич, умышленно называемый его криптонимом. — М. С.) говорит, что надо быть *глухим*, чтоб не *узнать автора*, когда его в театре *вызывают* и он раскланивается из ложи. Г. Перепельский в *первый раз* вступил на драматическое поприще; публика не могла знать, что это г. Некрасов: она вызывала *автора* пьесы; автор вышел, и она убедилась, что видела *Перепельского*, которого имя выставлено на афишке. Почему же может узнать публика, что Перепельский или вызываемый *автор* пьесы, — есть г. Некрасов?» — пишет Кони.¹⁴⁰

Перспективный, талантливый, деятельный, самобытный, вездесущий сотрудник объявлялся «начинающим» и не имеющим имени. Не только газета «может и должна» «не знать его», завсегдадая литературно-театральных кругов и обозревателя, но и публика в театре, даже если она его знает. Это —

¹⁴⁰ Послесловие к Письму в редакцию «Литературной газеты» Н. А. Некрасова (ЛГ. 1841. № 66. 17 июня, вторник. С. 263). См.: *Летопись*, I, 83, 86, 87.

часть политики, но и часть «воспитания». Отметим — и косвенная критическая оценка.

Правомерно предполагать, что немногословность Кони в печатных отзывах о водевилях Некрасова тоже объяснялась отчасти трезвой оценкой произведения, отчасти — предугадываемой полемикой с Межевичем,¹⁴¹ уже начавшим публично «хвалить» Некрасова, до этого высмеянного им в рецензии на «Мечты и звуки».

С точки зрения журнальной этики, шаг был целесообразным. Фактический сотрудник назван сотрудником (а перспективы сотрудничества не обсуждаются), начинающий назван начинающим, редактор и «учитель» — главой издания, направляющим дебютанта. Тайна псевдонима восстановлена в

¹⁴¹ Выпады Межевича продолжались долго. Пренебрежение тайной псевдонима и название настоящей фамилии Некрасова повторяется в статьях Межевича 23 мая (СП. 1841. № 111. 23 мая. Александринский театр. С. 442—443. Подп.: Л. Л.), 6 июня (СП. 1841. № 123. 6 июня. Фельетонная заметка. С. 490. Подп.: Л. Л.), 3 ноября (СП. 1841. № 246. 3 ноября. Александринский театр. С. 981—983. Подп.: Л. Л.); последней подробно пересказывается история с «Мечтами и звуками», уснащенная, по-видимому, вымышленными подробностями. Плохое умение писать куплеты отмечается в статьях Межевича 5 декабря (*Л. Л.* Александринский театр // СП. 1841. № 273. 5 декабря. С. 1091), 29 декабря (СП. 1841. № 290. 29 декабря. Александринский театр. С. 1157—1158. Подп.: Л. Л.), а также в анонимной статье, напечатанной 17 ноября 1842 г. ([*Б. н.*] Александринский театр // СП. 1842. № 258. 17 ноября. С. 1049—1051). Ирония в адрес Некрасова-водевилиста — в статьях 5 декабря, 29 декабря, в обзоре «Александринский театр», напечатанном 18 мая 1842 г. с подписью «М.» и цитируемом в «Летописи...» как принадлежащем Межевичу. Анонимная статья от 17 ноября содержит критику куплетов, недовольство теми, «которые расхваливают эту драму, порицая в то же время безотчетно произведения лучших наших драматических писателей»; упрек переводчику, который «виноват в том, что он чрезвычайно дурно переводит пьесы, не зная вовсе французского языка и плохо владея русским», и неодобрительное упоминание «Литературной газеты», «которая долгом почла выписать <...> куплет в столбцы свои». В 1844 г., когда Некрасов отходит от театральной деятельности, Межевич говорит о его незначительности и вторичности по отношению к Ф. А. Кони: «Другая потеря есть выбытие из ряда небольших драматических писателей г. Перепельского, о котором не стало слышно около года, некоторые из его трудов приходились по вкусу невзыскательных зрителей, это был талант, зажженный искрами водевильного гения г. Кони» (Репертуар и Пантеон. 1844. № 5. С. 165, 171).

Эти упреки закрепляются в фельетонах «Северной пчелы» (См., напр., ближайшую к ним по времени анонимную статью Ф. В. Булгарина (СП. 1842. № 261. 20 ноября. Александринский театр. С. 1041—1043) (*Летопись*, I, 119)) и частично в памфлетных изображениях Некрасова (Счастье лучше богатства. Рукопись, найденная и изданная Ф. В. Булгариным и Н. А. Полевым. Часть третья // БдЧ. 1847. № 2. С. 50—51).

правах, а читателю продемонстрирована взаимная договоренность редактора и сотрудника.

С той же точки зрения журнальной этики, Некрасов признал ошибочным свой следующий шаг, когда он высказал третьему лицу неудовольствие необходимостью выступать с «письмом против Межевича», так как он «в этом деле руководствовался не самим собою, а внушениями других» (ПСС, XIV₁, 36).¹⁴²

Этот шаг объясняется им в ряду других, повлекших конфликт с Кони и необходимость взаимного объяснения. В не дошедшем до нас письме к Кони, упоминаемом в письме Некрасова от 16 августа, Некрасов предлагал ему «известные условия»: «Не корысть была причиной этих условий, а, поверьте, желание сколько я могу быть полезным “Л<итературной> газ<ете>”»; условия, на которых до того я работал у Вас, были мне гораздо выгоднее. Я мог писать сколько хочу и притом когда хочу, *а не когда нужно газете*, что хочу, *а не то, в чем более есть нужды*. Чего бы для меня лучше... Но я видел, что от этого я не столько полезен газете, сколько бы мог. И добросовестно решился связать самого себя условиями... Вы поняли мое предложение в другом смысле... Что делать» (ПСС, XIV₁, 37).

С точки зрения журнальной этики, настороженность Кони объяснима, как и длинный перечень требований к своему сотруднику. Некрасов проявляет избыток лидерских качеств при недостатке исполнительских («аккуратности, деятельности, постоянной любви к труду» (ПСС, XIV₁, 40)). Ведь даже в стремлении быть полезным газете он, а не работодатель, выступает инициатором перемен в условиях работы. Подобная активность способного сотрудника на неопределенных правах и трудноуправляемого великовозрастного «воспитанника» могла вызвать у Кони желание либо дистанцироваться, либо жестче подчинить. Несмотря на то, что Кони, по отзыву современников, был «приветливый, отзывчивый и добрый человек, идеалист и романтик, <...> до

¹⁴² Отметим, что это признание подтверждает авторство Некрасова, хотя бы и при участии Кони.

гроба сохранивший доверие к людям»,¹⁴³ его отношения с младшими строились явно не без оглядки на служебный опыт в Кадетском корпусе и Дворянском полку: именно об этом говорит обращение «командир» в письмах Некрасова к нему (*ПСС*, XIV₁, 32, 33, 34).¹⁴⁴

С точки зрения «педагогике», политика Кони тоже объяснима. «Командир» и «воспитатель» даёт заниженную оценку способному, самолюбивому молодому человеку, который сейчас переживает двойное сиротство: потерю матери и разрыв с ним, объясняет Некрасову его реальные возможности работы у него и ставит высокую (якобы слишком высокую для него) планку для перехода на другой уровень. В ситуации стресса и стремления вернуться в литературу строгость Кони оказала на Некрасова мобилизующее действие.

Вместе с тем, по-видимому, в 1841—1842 гг. учтены и пожелания Некрасова. Кони даёт в своей газете печатные отзывы о водевилях Перепельского, и имя Некрасова появляется в списке сотрудников газеты в объявлении редакции о подписке в 1842 г.¹⁴⁵ Более того — в анонимном «Обзоре прошедшего театрального года и новостях наступающего» Перепельскому посвящено полтора столбца: упоминаются пять его водевилей и вновь подробно излагается версия конфликта с «г. Л. Л.» (*ПСС*, XI₁, 309—311).¹⁴⁶ Вскоре в анонимном обзоре «Петербургские театры» почти на пяти столбцах пересказывается водевиль «Похождения Петра Степанова, сына Столбикова», оценка которого одобрительная, хотя и сдержанная.¹⁴⁷ В № 42 в статье Кони (подписанной его инициалами) семь столбцов посвящено подробному разбору драмы «Материнское благословение, или бедность и честь», дейст-

¹⁴³ Цит. по: *Кошелев В. А.* Кони Федор Алексеевич. С. 57.

¹⁴⁴ В прозе Некрасова, ориентированной на активное задействование реалий, обращение «командир» адресовано «издателю газеты, знаменитой замысловатостью эпиграфа», прототипом которого послужил Ф. А. Кони (*ПСС*, VII, 327) («Необыкновенный завтрак»).

¹⁴⁵ Подробней об этом см.: *Мельгунов Б. В.* Некрасов и Белинский в «Литературной газете»... С. 32.

¹⁴⁶ ЛГ. 1842. № 16. 26 апреля. С. 330—331. М. Я. Блинчевская атрибутирует Некрасову именно этот фрагмент обзора (*ПСС*, XI₁, 457). По форме это авторецензия и очередное литературное объяснение, но по объёму — автореклама.

¹⁴⁷ ЛГ. 1842. № 18. 10 мая. С. 369—371.

вительно имевшей успех.¹⁴⁸ Этот автор, таким образом, оказывается признан газетой и известен газете.

* * *

Анализ отношений Некрасова и Кони в к. 1830 — начале 1840-х гг. позволяет сделать вывод, что Кони не только указал Некрасову путь литературного заработка, но, рекомендовав ему заниматься прозой, драматургией и критикой, стремился раскрыть потенциал молодого литератора. Возможно, в 1841 г., в момент объяснения, он недостаточно представлял себе «профиль» Некрасова, что выразилось в «намек» на «недостаток таланта» и на относительной скупости печатных положительных отзывов. Так, несмотря на видимую похвалу, Кони¹⁴⁹ критически высказался о водевиле «Актер»: «г. Перепельский хотел представить нам только *актера*, а не художника, потому что он вывел человека, высоко думающего о своем призвании, а в самом деле пускающегося на фарсы, на переодевания, на передразнивание разных народов. Настоящее искусство состоит в создании характеров, в обрисовке духовной стороны человека, в верной передаче различных чувствований, а не в быстрых переменах костюмов и выговора. Следовательно, его актер — есть артист, в материальном значении. Но г. Перепельский имел в виду посмеяться и вполне достиг своей цели. Сцены у него ведены очень хорошо, есть несколько острых куплетов, и потому пьеска имела большой успех».¹⁵⁰

Многогранность Некрасова-литератора тоже могла быть еще не столь ясна Кони, поскольку основные художественные, редакторские и издательские свершения Некрасова — вехи последующих лет. Но в целом оценка Федором Алексеевичем Кони деятельности Некрасова — критика, прозаика и

¹⁴⁸ ЛГ. 1842. № 42. 25 октября. С. 863—867.

¹⁴⁹ Рецензия предположительно атрибутирована Ф. А. Кони Б. В. Мельгуновым (*Летопись*, I, 97).

¹⁵⁰ [Б. н.] ЛГ. 1841. № 119. 21 октября. Русский театр. С. 474—475. Отметим, что эта статья вышла за месяц до того письма Некрасову, в котором Кони дал оценку его деловым качествам, включая возможный «недостаток таланта», и на которое поэт ответил, по-видимому, незамедлительно (25 ноября) (*ИСС*, XIV₁, 39—42).

водевилиста — была выше той, которую он высказал печатно и в письме. Этот факт подтверждается уровнем востребованности, которую нашел Некрасов в его издании по возвращении в Петербург.

Что именно в этот период их знакомства было сказано между Кони и Некрасовым о достоинствах и недостатках литературных произведений, о технике литературного мастерства, о литературе и театре вообще, осталось неизвестным. Этой информации нет ни в рецензиях Кони этого периода, ни в автобиографических записях или записях устных автобиографических рассказов Некрасова. Известные нам печатные отзывы Кони о Некрасове содержат лаконичную оценку; степень их информативности, как показано в данной главе, значительно повышается при рассмотрении в контексте журнальных и межличностных отношений. Последующие отзывы Кони о Некрасове свидетельствуют о внимании к его творчеству, но в целом не идут далее частных замечаний.

* * *

В завершение главы интересно вспомнить задачу «педагогической критики» в формулировке Ф. Н. Менцова и в свете сказанного взглянуть на ситуацию с точки зрения потенциала Некрасова. Менцов писал: «...молодые поэты, подобные г. Некрасову и госпоже Шаховой, как бы просят критику только решить: “есть ли у меня дарование, и видит ли критика во мне поэта, могущего, если не составить прочное украшение той словесности, на языке которой я начинаю писать, то по крайней мере, могущего обогатить ее достойными внимания и памяти произведениями?”»¹⁵¹.

Как показал ход событий, Некрасов всю жизнь успешно реализовывал свои лидерские качества, причем масштаб его литературных предприятий рос. В 1840—1841 гг. он вполне проявил склад своей натуры: разносторонние

¹⁵¹ ЖМНП. 1840. Т. 25. № 6. (Январь, февраль, март). Отд. VI. Новые книги, изданные в России. С. 118.

способности, обучаемость, самостоятельность, инициативность, предприимчивость, отсутствие страха перед новым и перед авантюрными решениями, сильную профессиональную хватку. В то же время его художественный потенциал еще не был раскрыт, и «педагогические» критические выступления начала 1840-х гг. в основном были продиктованы спецификой личных или производственных отношений и содержали слишком общие замечания и рекомендации. Ф. А. Кони тому — яркий пример. Исключение составляет критика Белинского, сыгравшая свою роль в следующий период литературной деятельности Некрасова.

ГЛАВА III

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

В биографии Некрасова и в теме «Некрасов в русской критике» имя Виссариона Григорьевича Белинского (1811—1848) занимает центральное место.

Это обусловлено, прежде всего, той ролью, которую Белинский занимал в литературном процессе 1840-х гг. и в последующем литературоведческом осмыслении этого периода. Белинский рассматривался как ведущий критик своего времени; эта оценка просматривается в последующем осмыслении литературного процесса 1840-х гг. литераторами — современниками критика и литературоведами. Критике также отводилась особая роль в литературе, не исчерпываемая указаниями «достоинств» и «недостатков» художественного произведения и определением меры таланта автора.

Некрасов неоднократно упоминается в критических выступлениях Белинского. Упоминание, более или менее лаконичное, содержит определенную оценку, меняющуюся по мере обретения Некрасовым творческой самостоятельности и по мере сближения с Белинским. Анализ кратких упоминаний имени Некрасова в контексте этих полемик наглядно показывает, что начинающего литератора рассматривают в связи с его относительной близостью к более крупной фигуре, и критические замечания в этих случаях зачастую имеют характер «рикошета». Примеры подобных суждений в данной работе многочисленны и подробно разобраны в предыдущей главе, включая критические высказывания Белинского. Когда Некрасов сближается с Белинским, это обстоятельство аналогично находит отражение в печатных оценках Полевого, П. А. Плетнева, Ф. В. Булгарина. Каждый из них по-своему оценивал факт его близости к Белинскому, но сам факт влиял на развитие отноше-

ния к Некрасову и на оценку отдельных его произведений и самобытности (либо подражательности).

Белинский в эти годы активно участвует в широкой полемике, не сводимой к сугубо литературному характеру. Для уяснения его критической оценки творчества Некрасова представляется существенным уточнить, насколько в его критических высказываниях о Некрасове сказывались соображения журнально-газетного противостояния и насколько — соображения чисто литературные, с учетом творческого роста молодого поэта, прозаика и критика.

Большое значение имеют также их межличностные отношения — «Учителя» и «ученика», а также отношения «кружка Белинского». В литературоведении это сообщество связывается прежде всего с «натуральной школой», а роль Белинского — с авторством «программных» критических статей. Однако характер их литературного сотрудничества был достаточно сложным. Младший и «ученик» выступал как единоличный организатор или один из ведущих участников в предприятиях, давших возможность реализации творческих замыслов Белинского, его высказываний, которым в изданиях Некрасова отводилось центральное место. Оценка Белинского формируется в процессе развития личных и творческих взаимоотношений с поэтом, выступавшим в разных литературных ипостасях.

Статей Белинского, прямо посвященных Некрасову, нет. Но есть достаточное количество суждений о его произведениях и упоминаний его имени. Упоминание содержит оценку, меняющуюся по мере обретения Некрасовым творческой самостоятельности и по мере сближения с Белинским. Суждения критика о Некрасове как об авторе (поэте и прозаике) встречали внешние ограничения, такие как цензура и сотрудничество Белинского в изданиях Некрасова. Наиболее открыто это ограничение выражено в упомянутой статье Белинского «Русская литература в 1846 году» (*Б-13*, X, 37). Но и в предыдущие годы это ограничение существовало. Частично оно восполняется выска-

зываниями, которые мы находим в личной переписке Белинского и ближайшего окружения.

Однако было бы упрощением усматривать за разницей между печатными и частными суждениями только условия цензуры и журнальной этики. Так же как придавать излишне большое значение личным и житейским обстоятельствам: болезненному состоянию Белинского, его семейным трудностям (болезнь и смерть малолетнего сына, тяжелая болезнь жены), наконец, конфликту с Некрасовым по поводу невключения Белинского в число пайщиков «Современника». Принципиальность Белинского и связи Некрасова и ближайших людей в журнально-газетном мире позволяют предполагать дополнительные возможности для более подробного высказывания критика о Некрасове. Если этого высказывания не появилось, основной причиной отсутствия специальной статьи, как представляется, следует считать саму критическую оценку Белинского, которую предстоит реконструировать.

Критические высказывания Белинского о Некрасове и упоминания о Некрасове будут рассмотрены в контексте нескольких периодов их творческих взаимоотношений. Для анализа имеют значение: личные и деловые взаимоотношения Белинского и Некрасова с ближайшим кругом; полемика о критическом методе; высказывания критика о поэтах и писателях, с которыми сопоставляются высказывания о Некрасове и по поводу Некрасова.

1. КОНТЕКСТ УПОМИНАНИЙ О НЕКРАСОВЕ ДО ЛИЧНОГО ЗНАКОМСТВА

В этот раздел попадают рецензии Белинского до 1842 г. включительно.

Первая публикация Некрасова состоялась в начале октября 1838 г. До выхода сборника «Мечты и звуки» появилось еще четыре публикации его стихов в «Сыне отечества» (1838—1839), три — в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (1839), одна — в «Библиотеке для чтения» (1839), одна — в «Литературных прибавлениях к “Журналу Министерства народного просвещения”» (1840) и три — в «Пантеоне» (1840). Отношение Белинского к изданию явно определяет характер отзыва о молодом авторе. Поэтому необходимо рассматривать контекст полемики, в которой упоминается Некрасов.

Первое упоминание имени Некрасова появляется еще в рецензии Белинского его «московского периода», в 1839 г. Одна из основных его мыслей в этот период — что критика должна стать «наукой изящного». В этом отношении Белинский выступает как продолжатель С. П. Шевырева и Н. А. Полевого, однако в отношениях с ними начинает проявляться полемический характер, обусловленный различиями в общественно-политической позиции, повлиявшими и на личные отношения. Эта полемика станет особенно яркой в 1840-е гг., и в ней активно примет участие Некрасов. Но если отношения Некрасова с Шевыревым носят сугубо литературный и идеологический характер и мы не располагаем сведениями об их личных контактах (которые могли быть и даже, вероятно, были), то Полевой был одним из первых людей, кто принял личное участие в Некрасове, только что приехавшем в Петербург. Их отношения, так же как отношения Полевого с Белинским, стали частью биографии и личной, и профессиональной. Поэтому, как будет показано, в критике к оценке литературных выступлений Некрасова неизбежно примешивалась субъективная оценка его личности и репутации.

Взаимоотношения Белинского и Шевырева, а также суждения Шевырева о Некрасове в работах последних лет отражены в ряде исследований Н. В. Цветковой¹ и в монографии А. В. Вдовина. Исследователи убедительно прослеживают интерес молодого Белинского к трудам Шевырева и плодотворное обращение к его методологии (сочетанию историзма с эстетическими теориями, почерпнутыми главным образом из немецкой философии) не только в 1830-е, но и в 1840-е гг.² Вообще полемика Белинского (и «натуральной школы») с Шевыревым как идеологическое противостояние «западников» и «славянофилов» освещена в справочной и исследовательской литературе. Известная односторонность этого освещения пересмотрена в статье В. А. Кошелева «Некрасов и славянофилы».³

История взаимоотношений Белинского и Полевого, перемена литературной позиции Полевого после закрытия «Московского телеграфа» и переезда его в Петербург, жесткая полемика Белинского и близких ему писателей с Полевым и изданиями, в которых тот сотрудничал, еще более подробно описаны в научной литературе.⁴ Уже в литературоведении начала XX в. уве-

¹ *Цветкова Н. В.* 1) С. П. Шевырев и петербургская журналистика (1830-е гг.) // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2008. С. 96—103; 2) С. П. Шевырев о «Петербургском сборнике» (1846) Н. Некрасова // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2010. С. 74—81; 3) С. П. Шевырев и петербургская журналистика (1840-е годы). Статья первая // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2011. С. 64—72; 4) Эстетическая теория С. П. Шевырева и поэтика эпических жанров в его критических статьях // Эпические жанры в литературном процессе XVIII—XXI веков: забытое и «второстепенное». VII Майминские чтения 5—9 октября 2011 г. Том I. Псков, 2011. С. 294—306; 5) С. П. Шевырев и петербургская журналистика (1840-е гг.). Статья II // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2012. С. 46—65.

² *Вдовин А. В.* Концепт «глава литературы» в русской критике 1830—1860-х годов. Тарту, 2011. С. 52—61.

³ *Кошелев В. А.* Некрасов и славянофилы // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 1991. С. 35—46.

⁴ См.: *Березина В. Г., Евгеньев-Максимов В. Е.* Николай Алексеевич Полевой: Очерк жизни и деятельности: 1846—1946. ОГИЗ: Иркутское областное издательство, 1947; *Березина В. Г.* Этюды о Белинском — журналисте и критике. СПб., 1991; *Берлинер Г.* Некрасов в борьбе с Полевым и Булгариным: Три неизвестные рецензии Некрасова 1842—1845 гг. Статья и публикация Г. Берлинера // ЛН. Т. 51—52. С. 3—28; *Бороздин А. К.* Журналист двадцатых годов // Бороздин А. К. Литературные характеристики. Десятинадцатый век. Том I. СПб., 1903. С. 220—237; *Ванюшина М. А.* Журнальная работа Н. А.

ренно высказывалось сопоставление Полевого (его «московского периода») и Белинского с точки зрения их общественного значения и авторитета среди читателей, их стремления представить критику как исторически движущуюся систему в ее соотнесенности с новейшей философской мыслью.⁵ В изображении личных отношений достаточно иллюстративны, кроме писем Белинского, дневник Полевого и его письма, опубликованные его братом.⁶

Несмотря на видимую изученность вопроса, в данной работе представляется актуальным коснуться динамики как эстетической мысли Белинского, так и его личных и литературно-общественных взаимоотношений с Полевым. И Полевой, и Белинский поочередно, с первых дней пребывания Некрасова в Петербурге, принимали участие в молодом литераторе, по мере того как тот обретал профессионализм, самостоятельность и имя. Некрасов был втянут в их полемику и проявил себя очень активно, что сказалось на критических оценках с обеих сторон. Эти оценки нередко носили характер «рикошета»: критические высказывания о Некрасове и по поводу Некрасова, в сущности, адресовались тому, с кем он сотрудничает. Причем если Белинский рассматривал Некрасова «в тени» Полевого, а затем другие критики — Некрасова «в

Полевого в последнее десятилетие его деятельности (1836—1846 гг.) // Ученые записки Борисоглебского государственного педагогического института. Выпуск 1. Филологические науки. Борисоглебск, 1956. С. 100—132; *Ганичева В. И.* К полемике В. Белинского с Н. Полевым (1840-е годы) // Ученые записки Ленинградского ордена Ленина Государственного университета им. А. А. Жданова. № 295. Филологический факультет. Серия филологических наук. Выпуск 58. Русская литература. Л., 1960. С. 55—87; *Гин М. Н.* А. Некрасов — литературный критик. Петрозаводск, 1957; *Гин М., Успенский Вс.* Некрасов — драматург и театральная критика. Л.; М., 1958; *Королева Н. В.* Театральная критика в 1840—1850-е годы; В. Г. Белинский (§ 1); Ф. А. Кони; Н. А. Некрасов // Очерки истории русской театральной критики: Конец XVIII — первая половина XIX века / Под ред. А. Я. Альтшуллера. Л., 1975. С. 223—312, 322—346; *Ларионова Е. О.* Полевой Николай Алексеевич // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. П—С. С. 30—38; *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1836—1841. М., 1961; *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842—1849 М., 1967; Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / Ред., вст. ст. и комм. Вл. Орлова. Л., 1934; *Ямпольский И. Г.* Поэты и прозаики: Статьи о русских писателях XIX — начала XX в. Л., 1986.

⁵ См.: *Бороздин А. К.* Указ. соч. С. 229—233.

⁶ Дневник Н. А. Полевого. С. 163—183; Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого с двумя портретами. С.-Петербург: Изд. А. С. Суворина, 1888.

тени» Белинского, то опосредованность оценки относилась и к собственно литературным достоинствам, и к репутации. Это — характерная черта критического восприятия Некрасова в 1840-е гг.

В разделе будут рассмотрены: перипетии литературно-общественного конфликта Белинского и Полевого — контекст первых печатных упоминаний имени Некрасова; степень объективности критики Белинского в адрес Некрасова; степень полноты оценок его литературных выступлений; степень отнесенности оценок Некрасова к литературным достоинствам его произведений или к его литературной репутации.

§ 1. ПОЛЕМИКА С Н. А. ПОЛЕВЫМ О КРИТИЧЕСКОМ МЕТОДЕ

Полемика с Полевым становится заметна в статьях Белинского после отъезда Полевого из Москвы в Петербург (1837), когда после недолгого сотрудничества в «Библиотеке для чтения» О. И. Сенковского Полевой становится редактором «Сына отечества».

В числе полемических выступлений Белинского против Полевого необходимо указать на его статью «Менцель, критик Гёте» (1840).⁷

Традиционно эту статью,⁸ написанную в период его увлечения философией Гегеля, называли «апогеем примирительного настроения Белинского»,⁹ которое было опровергнуто жизненным опытом критика. Как известно,

⁷ Впервые опубликована: ОЗ. 1840. Т. VIII. № 1. Отд. II. Науки и искусства. С. 25—44.

⁸ Так же как «Гамлет», драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета» (1838), «Бородинская годовщина. В. Жуковского. Москва. В университетской тип. 1839. В 4-ю д. л. 8 стр. Письмо из Бородина от безрукого к безногому инвалиду. Москва. В университетской тип. 1839. В 8-ю д. л. 16 стр.» (1839), «Очерки Бородинского сражения (воспоминания о 1812 году). Сочинение Ф. Глинки, автора “Писем русского офицера”. Москва, 1839» (1839), «Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова. Второе издание. С.-П.бург. 1839» (1840).

⁹ Венгеров С. А. Бакунинско-гегельянский период жизни Белинского // Полн. собр. соч. В. Г. Белинского. В двенадцати томах / Под редакцией и с примечаниями С. А. Венгерова. СПб., 1901. Том IV. С. 566.

Белинский стыдился этой статьи,¹⁰ несмотря на ее общепризнанную блестящую памфлетность и эстетическую значимость, признаваемую с рядом оговорок.¹¹

В литературоведении XX — начала XXI в. статья «Менцель, критик Гёте» рассматривается в русле философских идей и общественно-политической полемики. Сохранилось письменное признание Белинского, что в статье о Менцеле он дал «три оплеухи»: О. И. Сенковскому, Н. И. Гречу и Н. И. Надеждину.¹²

Между тем, угадывается и четвертый адресат «оплеухи»: Н. А. Полевой, и эта гипотеза расширяет представления о полемике Белинского с Полевым по поводу метода литературной критики.¹³

Имя Полевого органично возникает рядом с именами трех адресатов «оплеухи» Белинского, поскольку, переехав в Петербург, Полевой сначала сотрудничал в «Библиотеке для чтения» О. И. Сенковского, затем, после конфликта с редактором, перешел в «Сын отечества», редактируемый Н. И. Гречем и Ф. В. Булгариным, и в «Северную пчелу». Издаваемая Гречем и Булгариным «Северная пчела» была негласным органом III Отделения, репутация Булгарина к тому времени давно определилась и стала общеизвестной,

¹⁰ См., напр.: *Б-13*, XI, 576; *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. С. 331—332; *Герцен А. И.* Былое и думы // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. IX. С. 22—23, 27—28; *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения. М., 1983. Т. XI. С. 42—43.

¹¹ См., напр.: *Егоров Б. Ф.* Белинский Виссарион Григорьевич // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. А—Г. С. 210; *Березина В. Г.* Белинский в «Московском наблюдателе». Начало работы в изданиях А. А. Краевского // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1977. Т. 2. С. 532—534; ср.: *Березина В. Г.* Примечания (*Б-13*, III, 593—594, 640—641).

¹² «<...> первая оплеуха Сенковскому, 2-я Надеждину, а третья Гречу, который на своих публичных чтениях тешил публику фразами из моей статьи, как образчиками галиматши» (*Б-13*, XI, 434). Письмо к К. С. Аксакову от 10 января 1840 г.

¹³ Аналогично Л. Я. Гинзбург указывает, что «статья Белинского 1835 года о Бенедиктове — это, собственно, статья о Шевыреве, хотя истинный противник и не назван по имени. <...> В статье 1835 года Белинский допустил только одно умышленно глухое указание на истинного противника <...> Но направленность статьи легко устанавливается тем обстоятельством, что через несколько месяцев, в марте 1836 года, Белинский переходит уже к открытому спору с Шевыревым по вопросу о Бенедиктове» (*Гинзбург Лидия.* О лирике. Изд. второе, доп. Л., 1974. С. 122).

и сотрудничество с Булгариным и Гречем неизбежно сказывалось на репутации Полевого.¹⁴

В пользу этого предположения говорит и анализ статьи в контексте предшествующих печатных выступлений, посвященных критике как особой области литературы.

В письме к брату К. А. Полевому от 1 января 1838 г. (20 декабря 1837 г.) Полевой подробно рассказывает о составе «Сына отечества», который, после его разрыва с Сенковским, будет выходить под его редакцией, и, в частности, сообщает: «Тут всего важнее критика. <...> Первая книжка <...> явится 1-го января, почти в 30 листов. <...> Критика моя будет на книгу Менцеля».¹⁵ Статья, имеющая для Полевого столь большое значение, была опубликована с его подписью в отделе «Критика» и называлась: «Немецкая словесность. Из книги Вольфганга Менцеля. Часть I. СПб., 1837 г.».¹⁶

Далее Полевой пишет: «<...> тут я объявляю свою отдельность от Брамбеуса и независимость мнений моих, говорю истины всем! <...> Теперь тут же шлепнутся о смирдинский прилавок в один день и “Сын отечества” и “Библиотека для чтения”. — Неужели не увидят разницы в языке, тоне, системе, критике? Там бесстыдство и кабак — здесь человеческий язык и ум, скромный, но верный всему доброму и прекрасному».¹⁷

Упования Полевого могли стать известны Белинскому, который по крайней мере до марта 1838 г. навещал К. А. Полевого.¹⁸ В статье первой «Русские журналы»¹⁹ Белинский иронически отзывается о вкусе редактора «Сына отечества», заявляет о своей беспристрастности, подробно и одобри-

¹⁴ Подробнее см.: *Маргулис Т. М.* Литературная репутация Н. А. Полевого: Автореферат дисс. на соискание ... канд. филол. наук. М., 1997; *Акимова Н. Н.* Ф. В. Булгарин: Литературная репутация и культурный миф. Хабаровск, 2002; *Селезнев М. Б.* Литературная репутация Ф. В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820—1840-х годов: Автореферат дисс. на соискание ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008.

¹⁵ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 401, 402.

¹⁶ СО. 1838. Т. I. Отд. VI. Критика. С. 16—66.

¹⁷ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 402.

¹⁸ Там же. С. 380—383; *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 540—541.

¹⁹ Впервые опубликована: МН. 1839. Ч. II. № 3. (Ц. р. 1 марта). Отд. IV. С. 41—52.

тельно высказывается о книжке «Библиотеки для чтения» и обещает разбор «Сына отечества» в следующей статье.

В статье второй «Русские журналы» Белинский уделяет преимущественное внимание именно отделу критики «Сына отечества». Статья открывается упоминанием о слухах: «<...> Поговаривали было уже, что “Библиотеке для чтения” приходит конец, что вот наконец-то явится журнал, который даст нам критику беспристрастную, благородную, независимую, основанную на твердых началах науки изящного, в ее современном состоянии; журнал, который, как на ладони, будет показывать нам современную Европу со стороны ее умственной деятельности и духовного развития» (*Б-13*, III, 168—169). Подробный разбор несостоятельности критического метода Полевого содержит, в частности, следующий пассаж: «Редактор “Сына отечества” видит в Менцеле великого критика и с великим ликованием объявил, что Менцель разругал новый роман г. Лажечникова и расхвалил г. Булгарина. Эка важность! Менцель ругал самого Гёте, и вообще он такой критик, ругательством которого можно гордиться» (*Б-13*, III, 168—169).

В это время И. И. Панаев уже ведет переписку с Белинским, в которой содержатся подробные отзывы о новостях петербургской литературы и о литераторах. В частности, в письме Белинскому от 11 октября 1838 г. Панаев выражает несогласие с комплиментарным мнением критика о переводе «Гамлета», сделанном Н. А. Полевым, и сообщает о возобновленных «Отечественных записках» под редакцией А. А. Краевского.²⁰ Сам же он ведет переговоры с Краевским о приглашении Белинского, который приезжает в Петербург около 24 октября 1839 г.²¹

В цитируемой статье Белинский излагает мысль о развитии литературной критики, которая видится ему как «наука изящного», и в свете этой задачи — о недостаточности фельетонной критики. По его убеждению, немецкая критика «основана <...> на началах науки, сообразно ее современному со-

²⁰ В. Г. Белинский и его корреспонденты. С. 198—200.

²¹ *Оксман Ю. Г.* Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958. С. 212.

стоянию» (Б-13, III, 170). «Наука изящного» соотносится с системой эстетических категорий, изменяющейся с общим историческим процессом: «<...> Лессинг, Шиллер и Шлегели теперь не могут быть законодателями вкуса, <...> немцы изучают их как исторические лица в науке изящного, чтобы чрез это изучение видеть ход и развитие мысли о творчестве» (Б-13, III, 170—171).

Французская критика порицается Белинским за поверхностность, сиюминутность и субъективность: «<...> За что подорожит потомство статейками Жюль-Жанена и статьями Густава Планша, Сен-Бёва, Низара, Филарета Шаля? <...> мысли их родились случайно, как личные мнения, ни на чем не основанные, ни к чему не привязанные <...> их ремесло — высказывать эфемерный вкус толпы, мнение дня. Я в восторге от “Руслана и Людмилы”, а мой лакей без ума от “Еруслана Лазаревича”: мы оба правы, и если бы мой лакей умел написать статью, в которой бы высказал свое личное мнение о высоком достоинстве “Еруслана Лазаревича” и о пошлости поэмы Пушкина, это была бы превосходная критическая статья во французском духе. *Я так думаю, мне так кажется* — вот основание французской критики. Эта произвольность во мнениях часто доходит до <...> нелепостей» (Б-13, III, 171).

Обсуждаемая с Краевским статья Белинского о Менцеле в этом контексте выглядит как набирающая силу полемика с Полевым-критиком по поводу критического метода. Будущая статья видится им обоим как теоретическая: «всего бы лучше придать ей форму статьи не критической по поводу напечатания на русском двух частей книги Менцеля, но научовой, то есть чтоб она годилась в отдел наук. Книга Менцеля вышла у нас еще до начала “Отечественных записок”»: могут укорить нас, что мы толкуем о том, что прочтено и давно забыто; а статья о германской критике, или лучше об одной стороне этой критики, которой представитель Менцель, могла бы иметь интерес со-

временный и живой».²² Панаев по прочтении этого письма, пересланного ему, пишет Белинскому: «Краевского письмо к Вам меня утешило... С какими надеждами отправимся мы с Вами в Петербург... Трепещи Фаддеи и Несторы и все Фарисеи и Саддукеи!».²³

Вероятно, замысел статьи о Менцеле в связи с критикой Полевого принадлежал Белинскому, Краевский же вносил в него коррективы. П. В. Анненков отмечает характерную черту мышления Белинского: «По действию воображения и представительной способности, развитых у него неимоверно, он переносил ненависть на лица, уже отошедшие в область истории, на давно минувшие события, почему-либо возмущавшие его <...> он боролся так же страстно с тенями прошлого, как и с людьми и событиями настоящего».²⁴ Статья годичной давности становится актуальной в связи с обозначившимися соображениями теоретического характера. Для читателя же очередным напоминанием имени Менцеля служила публикация в «Сыне отечества» анонимной статьи «Книжная торговля на Лейпцигской Михайловской ярмарке 1839 г. <Статья Менцеля>».²⁵

«Менцель, критик Гёте» — первая статья Белинского, опубликованная в «Отечественных записках», подписанная его фамилией. Она пишется еще до переезда критика из Москвы в Петербург и обсуждается в переписке с А. А. Краевским. В начале июля 1839 г. статья либо начата, либо задумана (Б-13, XI, 368),²⁶ в августе он предполагает ее закончить (*там же*, 369—370). В этой переписке одновременно со статьей о Менцеле упоминается статья «Очерки русской литературы. Соч. Николая Полевого», опубликованная в том же № 1 «Отечественных записок» за 1840 г., что и «Менцель, критик Гё-

²² В. Г. Белинский и его корреспонденты. С. 96. Письмо А. А. Краевского Белинскому от 17 июля 1839 г.

²³ Там же. С. 206.

²⁴ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 224.

²⁵ СО. 1839. Т. XI. (Ц. р. 29 декабря 1839 г.) Отд. VI. Известия и смесь. С. 69—76. О публикации «Книжной торговли» в «Московском наблюдателе» см.: Данилевский Р. Ю. «Молодая Германия» и русская литература». Л., 1969. С. 95.

²⁶ Письмо А. А. Краевскому от 5 июля 1839 г.

те». В письме от 5 июля Белинский пишет Краевскому: «нынешний день оканчиваю довольно обширное “похвальное слово” другу моему, Николаю Алексеевичу Полевому» (*там же*, 368—369), в письме от 19 августа спрашивает: «Что моя статья о Полевом? Боюсь, что не пропущена» (*там же*, 370), в письме от 24 августа: «Трепещу за участь моей статьи о Полевом. Я писал ее долго и с задором, одна переписка замучила меня: досадно будет, если не пропустят или слишком исказят. Уведомьте меня <...> о ее судьбе» (*там же*, 376). В «Очерках...» были собраны критические статьи Полевого, и обе эти статьи Белинского были посвящены проблеме литературной критики и фигуре критика.

Статья Полевого «Немецкая словесность. Из книги Вольфганга Менцеля...» открывается десятистраничным рассуждением о критике как особой области человеческой мысли. Несмотря на стремление связать свои представления с историческим процессом развития культуры в его национальных проявлениях, в общем Полевой не идет дальше видения критики как *оценки, суждения, мнения*. Процитированное выше замечание Белинского о «личном мнении» лакея как предмете критической статьи есть ответ Полевому. В статье «Менцель, критик Гёте» эта же мысль дана в более развернутом виде: «Истинная критика требует *мысли*, а толпа любит “забавляться”, а не мыслить, и потому, вместо “истинной” критики, создайте “забавную” критику. <...> Скажите, что в искусстве хорошо то, что *вам* нравится, и худо то, что *вам* не доставляет удовольствия. Вам заметят: какое же вы имеете право называть превосходным произведением то, что, по условию личности каждого, многим покажется совсем не превосходным, а для иных и совершенно дурным? Отвечайте: я прав, и они правы, у всякого-де барона своя фантазия. Такая критика очень легка и нравится толпе, которая вообще любит все, что вровень с нею и не оскорбляет ее маленького самолюбия своею “непонятливостью”». ²⁷

²⁷ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 152.

Суждения Белинского о «частном мнении» как подмене критики относятся не столько персонально к Полевому,²⁸ уже «пережившему себя» (*Б-13*, XI, 363) (хотя немногим ранее именно в рецензии на произведение Полевого он раскрыл тогда актуальный для него термин «конкретность», «срастание», говоря о единстве формы и содержания²⁹), сколько к *тону* петербургской журналистики. Фельетонная критика «Северной пчелы» и «Библиотеки для чтения» не подразумевала сосредоточенности на текущем литературном процессе и отношений рассматриваемого произведения к его перспективе. С традицией фельетона для Белинского в первую очередь связана концепция французской литературы, которую он пересмотрел в ближайшие годы. Однако полемика с Полевым, уже острая в конце 1830-х гг., будет нарастать в силу причин общественно-политического характера. Для Белинского она постепенно обретет характер личной вражды, в которой примет участие Некрасов, вначале благодетельствованный Полевым.

§ 2. ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ

Прочтение одновременно пишущихся статей Белинского — «Менцель, критик Гёте» и «Очерки русской литературы. Соч. Николая Полевого» — в контексте отношений внутри литературного сообщества и формирования литературных репутаций делает зримыми и личные мотивы Белинского, и его принципиальные соображения литературного характера. Это — то, что несомненно звучало в его устных беседах с Некрасовым, способствовало формированию критического взгляда и тона Некрасова, а следовательно — этот фактор так или иначе заложен в оценки оппонентов Некрасова, оставивших высказывания о молодом литераторе, активно включившемся в полемику.

²⁸ О преимуществах Белинского по отношению к Полевому подробнее см.: *Ларионова Е. О. Полевой Николай Алексеевич // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. П—С. С. 32.* Отметим, что эта преимущество была осознана уже в начале XX в. (см.: *Бороздин А. К. Журналист двадцатых годов // Бороздин А. К. Литературные характеристики. Деятнадцатый век. Том I. СПб., 1903. С. 229—233).*

²⁹ В рецензии «Уголино. Драматическое представление. Сочинение Николая Полевого. 1838. Санкт-Петербург» (*Б-13*, III, 438).

Белинского с Полевым в Москве связывали теплые, почти дружеские отношения.³⁰ Горюя при расставании с Полевым³¹ и тоже собираясь в Петербург, Белинский надеялся на его помощь, которую, однако, Полевой при всем желании не в силах был оказать.³² Уезжая из Москвы в Петербург, Полевой уже предвидел вероятные необратимые перемены и попросил Белинского: «Но если я буду действовать не так, как следует (он употребил более ясное и резкое выражение), то не вините меня, а пожалейте-с... Я человек, обремененный семейством».³³ Усугубило взаимную напряженность и затруднение с публикацией статьи Белинского о «Гамлете» в переводе Полевого.³⁴

До переезда Белинского его представление о Полевом в Петербурге во многом опиралось на переписку с И. И. Панаевым. Тот подробно писал о новостях петербургской литературы³⁵ и также переживал разочарование в Полевом, с которым недавно познакомился.³⁶ Панаев хлопочет о переезде Белинского в Петербург по настойчивым просьбам критика. Белинский в это время еще не представлял себе реальную обстановку в петербургской журналистике и строил планы, иллюзорность которых ему только предстояло понять: «Кроме г. Краевского, поговорите и с другими <...> я продаю себя всем и каждому, от Сенковского до (тьфу ты, гадость какая!) Б<улгари>на, — кто больше даст, не стесняя при том моего образа мыслей, выражения, словом, *моей литературной совести*, которая для меня так дорога, что во всем Пе-

³⁰ См.: Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 368, 376—377. Несмотря на явную пристрастность автора «Записок...», несмотря на его тенденцию объяснять смену отношений личностными, а не литературными причинами, свидетельства К. А. Полевого представляют интерес для исследователя.

³¹ Там же. С. 377—378.

³² Там же. С. 404.

³³ Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 333.

³⁴ Из этических соображений после публикации начала статьи Белинского о «Гамлете» в «Северной пчеле» (1838, № 4) Полевой затруднился продолжить публикацию в редактируемом им «Сыне отечества» из-за большого объема статьи и чрезмерно обширных цитат из собственного перевода: «я перевел, я издаю журнал, у меня же разбор, могут подумать: видно, попросил» (цит. по: Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 541. Подробнее: Там же. С. 540—541).

³⁵ В. Г. Белинский и его корреспонденты. С. 195—223.

³⁶ См.: Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 105.

тербурге нет и приблизительной суммы для ее купли» (Б-13, XI, 361).³⁷ Н. В. Савельев (пишет Белинский) также «вызвался хлопотать о моем деле у Смирдина, Полевого, Греча, даже у Сенковского. Что делать, пришло такое время, что кто ни поп, тот и батька» (там же, 362).³⁸

Допуская для себя возможность сотрудничества в изданиях Полевого, Греча, Булгарина и Сенковского, Белинский в то же время оговаривает: «Если я буду *крепко* участвовать в “Отечественных записках”, то — уговор лучше денег — Полевой — да не прикоснется к нему никто, кроме меня! Это моя собственность, собственность по праву <...> исключю и истерзаю его. У меня уже готова в голове статья. Люблю и уважаю Полевого, высоко ценю заслуги его, почитаю его лицом историческим; но тем не менее постараюсь сказать и доказать, что он отстал от века <...>» (там же, 362—363).

Как видно из цитаты, отношение критика в эти месяцы не вызвано личной обидой.³⁹ Но «страшное падение человека» было для него падением *лично дорогого* человека, кроме того — исходом ситуации, от которой Белинского избавил ход событий. Его неприятие «продажи литературной совести» было окрашено примериванием себя к возможной финансовой зависимости от Булгарина, чье имя стало именем нарицательным и обозначало человека, не по литературному праву влиятельного, и доносчика (так же как и Менцеля⁴⁰).

Год спустя, уже в Петербурге, чувство ненависти к ситуации, ломающей человека, перерождается в ненависть к человеку, который ломал другого, и к человеку, который дал себя сломать, и чувство Белинского высказыва-

³⁷ Письмо И. И. Панаеву от 18 февраля 1839 г.

³⁸ Письмо И. И. Панаеву от 22 февраля 1839 г.

³⁹ Ср. с суждением И. С. Тургенева о Белинском: «При такой сильной раздражительности — такая слабая личная обидчивость!» (Тургенев И. С. Указ. соч. Т. XI. С. 48).

⁴⁰ Литературной деятельности, репутации и восприятию Менцеля в России посвящены обширные фрагменты монографии Р. Ю. Данилевского: *Данилевский Р. Ю. «Молодая Германия» и русская литература*. По указ.

ется субъективно, агрессивно и пространно.⁴¹ К концу года личное неприятие и враждебность усиливаются.⁴²

Как видно из писем критика, Белинский сознаёт и историческое значение оппонента, и разницу между эстетическим и общественным аспектами полемики, и степень собственной увлеченности чувством неприязни. В силу этого неприязнь к тому, что составило *репутацию* Полевого, становится именно *личным чувством* Белинского, потеснившим на время и историзм мышления, и требования жанра литературной критики, обращенного к реальности художественного текста, а не социальных и межличностных отношений.

В ближайшие годы Полевой станет объектом жестких и агрессивных критических и беллетристических выступлений памфлетного характера со стороны Белинского и — несомненно, под его влиянием — И. И. Панаева и Некрасова (о чем ниже), а закончились они после того, как в 1846 г. Полевой стал редактором «Литературной газеты» Краевского и выступил против Булгарина, однако 22 февраля (6 марта) того же года скончался.

⁴¹ «Очень рад, что тебе понравилась статья о Менцеле. <...> Что ж ты не сказал мне ни слова о моей статейке об “Очерках” Полевого? Ею я больше всех доволен; право, знатная штука. <...> Полевой сделался гнуснее Булгарина. Это человек, готовый на всё гнусное и мерзкое, ядовитая гадина, для раздавления которой я обрекаю себя, как на служение истине. <...> Если увидишься с ним в Москве, наплюй ему в рожу и скажи ему, что он подлец и пакостный писака» (Б-13, XI, 451) (Письмо В. П. Боткину от 18—20 февраля 1840 г.).

⁴² «Нет, никогда не раскаюсь я в моих нападках на Полевого, никогда не признаю их ни несправедливыми, ни даже преувеличенными. Если бы я мог раздавить моею ногою Полевого, как гадину, — я не сделал бы этого только потому, что не захотел бы запачкать подошвы моего сапога. Это мерзавец, подлец первой степени <...> бессовестный плут, завистник, низкопоклонник, дюжинный писака, покровитель посредственности, враг всего живого, талантливого. Знаю, что когда-то он имел значение, уважаю его за прежнее, но теперь — что он делает теперь? <...> Я могу простить ему отсутствие эстетического чувства <...> грубое непонимание Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Марлинского <...> но его дружба с подлецами, доносчиками, фискалами, площадными писаками, от которых гибнет наша литература, страждут истинные таланты и лишено силы всё благородное и честное <...> Личных врагов прощу, с Булгариним скорее обнимусь, чем подам ему руку от души» (Б-13, XII, 7—10) (Письмо В. П. Боткину от 30 декабря 1840 г. — 22 января 1841 г.). В этом духе выдержаны несколько страниц письма.

Сложное соотношение идеологических и собственно литературных соображений отражено в полемике Белинского с Сенковским и Булгариным, которым посвящена глава VI данной работы. Полемика же Белинского с Полевым служит почвой, на которой вырастают первые опыты молодого Некрасова в жанрах фельетона, критики и прозы, — то, что встречает критические отзывы со стороны и Белинского, и Полевого, и других свидетелей конфликта между старшими, поочередно принимавшими участие в дебютанте.

§ 3. ПЕРВЫЕ ОТЗЫВЫ О НЕКРАСОВЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛЕМИКИ

Отзывы о Некрасове — сотруднике Н. А. Полевого

«Петербургский период» Белинского начинается осенью 1839 г. Первое упоминание имени Некрасова появляется, когда критик еще живет в Москве, в апреле 1839 г. В процитированной выше статье второй «Русские журналы» Белинский дает оценку поэтическим произведениям, напечатанным в «Сыне отечества» под редакцией Полевого: «Впрочем, случайно, прошлого года, попало в “Сын отечества” несколько превосходных стихотворений Кольцова. Не знаем как, но только между именами г-д Стромиллова, Некрасова, Сушкова, Гогниева, Банникова, Нахтигаля и многих иных попадалось иногда и имя г. Струговщикова, подписанное под прекрасными переводами из Гёте» (Б-13, III, 176).⁴³ Некрасов в числе «многих иных» противопоставлен двум поэтам, оригинальному (А. В. Кольцову) и поэту-переводчику (А. Н. Струговщикову), чьи произведения часто получают высокую оценку в критических суждениях Белинского.⁴⁴ И Некрасов представлен как фигура, типовая для поэтического отдела «Сына отечества». Сам по себе отдел, возглавляемый редактором, не признавшим позднего Пушкина и Лермонтова, также оценивается Белинским скептически.

⁴³ МН. 1839. Ч. II. № 4 (Ц. р. 8 апр.). Отд. IV. С. 100—138.

⁴⁴ Подробнее см.: Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985. С. 72—90, 102—103; Скотов Н. Н. Кольцов. М., 1983.

Положение дел в петербургской литературе обсуждается в переписке Белинского с И. И. Панаевым, который даёт яркие характеристики известным и малоизвестным литераторам.⁴⁵ Имя Некрасова в известных нам письмах этого периода не встречается. Согласно воспоминаниям М. А. Гамазова, он познакомил Некрасова с Панаевым в марте 1839 г.,⁴⁶ хотя сам Панаев относит знакомство с Некрасовым к более позднему времени.⁴⁷ Но очевидно, что и первые поэтические публикации Некрасова, и первые критические отзывы, принадлежавшие Ф. Н. Менцову и помещенные в «Журнале Министерства народного просвещения», подпадали для Белинского под оценку явления, описанного им еще в статье «“Елена”, поэма г. Бернета» (1838), в которой он рассуждает: «В Петербурге так много журналов и альманахов, которые, и для балласту и для блеска, очень нуждаются в деятельности поэтов, рвут и треплют ее по клочкам и щедро платят за нее похвалами и восклицаниями... (Б-13, II, 419)». «Журнал министерства народного просвещения», в редакции которого с 1836 г. служит Панаев, не рассматривается Белинским как серьезный оппонент ни в идеологическом, ни в литературном отношении.

Следующий отзыв Белинского о поэтических опытах Некрасова появляется 15 марта 1840 г. в № 3 «Отечественных записок» (*Летопись*, I, 60) и посвящен сборнику «Мечты и звуки» (Б-13, IV, 118—119). В том же номере «Отечественных записок», в следующей рецензии — на «Одесский альманах на 1840 год», — опять упоминается имя Некрасова: «Итак, поэтов у нас мало, зато много стихотворцев, из которых только некоторых считают поэтами, но из которых все считают себя поэтами; таковы: гг. и г-жи — Раич, Струйский, Стромиллов, Некрасов, Тимофеев, Сушков, Траум, Банников, Бахтурин, барон Розен, Бороздна, Олин, Глебов, Печенегов, Коровкин, Дич, Вуич, Падерная, Ободовский, Н. Степанов, кн. Кропоткин, Гогниев, Щеткин, Шахова, Чужбинский и пр., — справьтесь сами на обертках некоторых журналов» (Б-13,

⁴⁵ См.: В. Г. Белинский и его корреспонденты. С. 195—223.

⁴⁶ Гамазов М. А. К «Воспоминаниям» А. Я. Панаевой. С. 256.

⁴⁷ Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 284—285.

IV, 121). И в этой оценке Белинского Некрасов выступает как лишенная индивидуальности фигура из ряда незначительных, занимающих периферийное место в современном литературном процессе.

В кратком анализе рецензии Белинского на «Мечты и звуки» (гл. I, § 3) названы основные акценты его суждения: вопрос о «художественной фантазии», объединяющей форму и содержание в нечто эстетически значимое; вопрос о «посредственности», которая в поэзии «нестерпима». Контекстом к этой рецензии выступают статьи Белинского, в которых он касается этих и смежных вопросов.

Так, в статьях 1838 г., посвященных стихотворениям В. Г. Бенедиктова⁴⁸ и драме «Уголино» Н. А. Полевого,⁴⁹ развиваются суждения о форме и «идее», о «конкретности» (срастании) их,⁵⁰ аналогичные высказанным в рецензии на «Мечты и звуки» об их авторе Н. Н. Эта мысль развивается далее в рассуждении о поэзии на примере произведений Ф. Слепушкина и Кольцова (1840).⁵¹

Более того, статья 1838 г., посвященная Полевому, содержит фрагмент, текстуально близкий к рецензии на «Мечты и звуки». Сопоставим две цитаты. О Полевом:

⁴⁸ Стихотворения Владимира Бенедиктова. Вторая книга. 1838. Санкт-Петербург. В типографии Неймана и комп. 107 (Б-13, IV, 420—423).

⁴⁹ Уголино. Драматическое представление. Сочинение Николая Полевого. 1838. Санкт-Петербург. В типографии Сахарова. 204 (Б-13, II, 437—448).

⁵⁰ О Бенедиктове: «<...>во всяком таком стихотворении есть *нечто* <...> Вот этого-то *нечто* и не находим мы в стихотворениях г. Бенедиктова <...> форма остается отделенною от духа, а духа нет, потому что нет таинственного слития между ними. Одновременность идеи и формы есть основной закон акта творчества; но у г. Бенедиктова — так, по крайней мере, кажется *нам* — идея всегда предшествует форме, которая у него приделывается к идее» (Б-13, II, 422).

⁵¹ «<...> орфографии <...> можно выучиться и не выучиться <...> так же, как и быть или не быть прасолом; но нельзя не иметь <...> роскошной фантазии, превращающей в живые поэтические образы всякую живую поэтическую мысль, <...> если природа дала их вам, точно так же, как нельзя их приобрести ни трудом, ни учением, ни деньгами, если природа отказала вам в них» (Б-13, IV, 156) (Новые досуги Федора Слепушкина. Санкт-Петербург. В тип. императорской Российской Академии. 1840. В 8-ю д. л. 107 стр. (Там же, 156—161)). Несмотря на важность понятия народности в поэзии, Белинский достаточно категорично оговаривает, что принадлежность автора к крестьянскому сословию и посвящение стихов этой теме еще не делает его поэтом.

«Человек выдает поэтическое произведение: ему говорят, что в нем нет мысли, потому что нет чувства, и нет чувства, потому что нет мысли. “Помилуйте, — возражает он, — я писал по вдохновению, глубоко чувствовал то, что писал...” — Верим, верим, милостивый государь, но всё-таки ваша поэма есть проза, и проза плохая, а не поэзия. — <...> У вас есть душа, есть чувства, но они и остались в вас и не перешли в ваше произведение, потому что вы не были самим собою, или наперекор своей природе, своему призванию, хотели передать благодатное пламя души вашей в том, чего вам не дано» (Б-13, II, 443).⁵²

О Некрасове:

«Вы видите по его стихотворениям, что в нем есть и душа, и чувство, но в то же время видите, что они и остались в авторе, а в стихи перешли только отвлеченные мысли, общие места, правильность, гладкость и — скука. Душа и чувство есть необходимое условие поэзии, но не ими все оканчивается: нужна еще творческая фантазия, способность вне себя осуществлять внутренний мир своих ощущений и идей, и выводить вовне внутренние видения своего духа» (Б-13, IV, 118).

Белинский стремится ранжировать авторов; Бенедиктов и Полевой, с одной стороны, — Некрасов и некоторое число стихотворцев, с другой стороны, прямо не сопоставлены. Но общий, образно выражаясь, их «изъян», обнаруживающий нехудожественность их творений, позволяет заключить, что в критической оценке Белинского Некрасов соотносится с Полевым по неким определяющим признакам, а не только по факту публикации в его

⁵² Хотя И. Л. Волгин рассматривает суждения Белинского об «идее и форме» как «утилизированные» русской школой для потребления «бесчисленными поколениями школяров» (Волгин И. Л. Белинский как миф: Учитель на все времена // Личность и творчество В. Г. Белинского: Взгляд из XXI века: К 200-летию «неистового Виссариона»: Ежегодник. М., 2011. С. 25) и утверждает: «Белинский может оставаться предметом любви или не-любви, но отнюдь не объектом научных изысканий» (Там же. С. 51), — обращаясь к истории развития русской критики и формирования терминологического аппарата, сочтем эту область научных изысканий еще не вполне исчерпанной, несмотря даже на успешную попытку «Словаря филологических терминов В. Г. Белинского» (Строганов М. В., Трифазенкова И. А. Словарь филологических терминов В. Г. Белинского. Тверь, 2010).

журнале и одобрительной критики в адрес его и ему подобных. Достоинства же его представляются критику слишком незначительными, поэтому он предстаёт в суждениях Белинского как, образно говоря, маленькая фигура «при Полевом».

Отзывы о Некрасове — сотруднике Ф. А. Кони

Оценка Белинского начинает меняться в связи с публикациями Некрасова в «Пантеоне русского и всех европейских театров» Ф. А. Кони.

15 мая 1840 г. (*Летопись*, I, 64) в опубликованной в № 5 «Отечественных записок» рецензии Белинского высказана похвала новому произведению Некрасова — стихотворному фельетону «Провинциальный подьячий в Петербурге» (*ПСС*, I, 282—291). Юмористическое стихотворение Некрасова было напечатано в «Пантеоне русского и всех европейских театров» 1840 г.: первая часть — в № 2,⁵³ вторая часть — в № 3⁵⁴ и третья часть — в № 7.⁵⁵ Несмотря на лаконичность, отзыв Белинского примечателен: «<...> Очень забавны куплеты “Провинциальный подьячий в Петербурге”; они так всем понравились и уже так всем известны, что мы не имеем нужды выписывать их» (*Б-13*, IV, 169).

Прежде всего, из слов Белинского явствует, что юмористические стихи Некрасова были хорошо восприняты читателем. Оценка могла отражать реакцию публики и могла — реакцию близкой Белинскому части литературных кругов. Критических отзывов о «Провинциальном подьячем...» было мало. Кроме Белинского, о нем отозвался В. С. Межевич в рецензии на 3-ю книжку «Пантеона русского и всех европейских театров»: «<...> мы тут встретили нигде не напечатанный романс покойного А. С. Грибоедова и рассказ в стихах забавного псковского подьячего *Феоклиста Ануфриевича Боба*. Почтенный Феоклист Ануфриевич в *экстазе* от мелодрамы “Параша Сибирячка” и

⁵³ Ц. р. 20 февр., вых. в свет 22 февр. (*Летопись*, I, 58).

⁵⁴ Ц. р. 30 марта, вых. в свет 9 апр. (*Летопись*, I, 62).

⁵⁵ Ц. р. 31 июля, вых. в свет 5 июля (*Летопись*, I, 66).

изливает перед талантами Н. А. Полевого и А. И. Гусевой всю глубину своего уважения и признательности». ⁵⁶ Говорящее упоминание «провинциальных подьячих» встречается в частной переписке Плетнева (см. гл. V, § 4). Хороший прием в публике косвенно подтверждается тем фактом, что в 1841 г. Некрасов вывел своего героя в водевиле «Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке» (*ПСС*, VI, 72—115).

Говоря о реакции литературного круга, прежде всего следует вспомнить, что стихотворный фельетон был написан Некрасовым практически одновременно с выходом его сборника «Мечты и звуки». Он свидетельствует о переориентации творчества поэта, которая совершалась постепенно и лишь частично под влиянием критических отзывов о сборнике (см. гл. I, § 4). Кроме того, фельетон был опубликован в «Пантеоне...», выходившем под редакцией Ф. А. Кони, чья роль в жизни и творчестве Некрасова в этот период становится очень значительной. Одновременно происходит расхождение с Полевым. Уже в третьей части «Провинциального подьячего...» за преувеличенным восторгом героя-рассказчика явственно звучит ирония Некрасова по поводу Полевого и его пьесы «Параша-Сибирячка» (*ПСС*, I, 290) (которая, вопреки замечанию Межевича, угадывается и в первой части фельетона), и ее, по-видимому, положительно оценил Белинский.

В целом этот отзыв — пример полемики между изданиями: «Отечественные записки», «Литературная газета» и «Пантеон русского и всех иностранных театров» против «Репертуара русского театра, издаваемого И. Песоцким». «Репертуар...» издавался с 1839 г., в нем печатались пьесы репертуарных авторов Александринского театра — Н. А. Полевого, П. Г. Ободовского и др. Подчеркнем, что эти пьесы были написаны для постановки на театре с учетом творческих возможностей будущих исполнителей, но не как

⁵⁶ Л. Ю. <Межевич В. С.> Пантеон Русского и всех Европейских Театров. Часть III. Книжка седьмая. Редактор: Ф. А. Кони. Издатель: Книгопродавец Поляков. Июль. 1840 // ЛГ. 1840. № 64. 10 августа. Библиография. Стлб. 1444. Атрибутировано Межевичу: Степина М. Ю. К атрибуции критических отзывов о Некрасове (1840-е гг.) // Русская литература. 2012. № 3. С. 123—132.

самостоятельное литературное произведение в драматическом роде. «Пантеон...» был основан в противовес этому изданию и стремился говорить именно о литературных достоинствах новинок всех родов литературы, включая драматический. Заключительные строки обзора Белинского прямо полемичны: «Из всего этого видно, что в “Пантеоне” есть чего и почитать, есть над чем и подумать, есть чем и позабавиться и развлечься. С нетерпением ожидаем следующей книжки, в надежде, что и в ней будет о чем поговорить нам с читателями. А то, право, ведь и поговорить-то почти не о чем: плохие самодельные романы, да “Репертуар” г. Песоцкого — о чем тут будешь говорить?...» (Б-13, IV, 290).

Не случайно обзор «Пантеона...» открывается пространным рассуждением об опубликованном переводе «Бури» Шекспира и мировом значении дарований Шекспира и Пушкина как поэтов «действительности», виртуозно владеющих формой и поэтому не понятых широкой читательской аудиторией. «Пантеон...» противопоставляется «Репертуару...» как издание, претендующее на достаточно высокий уровень художественных произведений и критики. В свете этого беглая похвала Некрасову звучит комплиментарно, однако, опять-таки, Некрасов предстаёт как начинающий, малоизвестный автор, зато сотрудничающий в «правильном» издании.

В № 7 «Отечественных записок» вновь появляется обзор Белинского, посвященный и «Репертуару...», и «Пантеону...». В нем содержится отзыв о прозаическом опыте Некрасова, процитированный и проанализированный в гл. II, § 4. В отношении его литературных достоинств отзыв Белинского близок к оценкам Н. В. Кукольника и Ф. В. Булгарина, проанализированным там же, но полемика *по поводу* Некрасова — сотрудника «Пантеона...» Кони будет продолжена, и предметом ее станут некрасовские водевили.

Полемика, в которой даются критические отзывы о водевилях Некрасова, также проанализирована в гл. II, § 4. К сказанному можно добавить несколько наблюдений.

Анонимные рецензии Белинского⁵⁷ содержат подробный пересказ сюжета, поощрение и краткие, но предметные замечания.⁵⁸ Отношение Белинского к водевилю как жанру, вначале неприязненное, претерпевает изменение в связи с жанровыми же изменениями водевиля: наряду с традиционными сюжетами на сцене все чаще ставятся водевили с остросоциальной тематикой, с памфлетным изображением известных лиц, как, например, «Петербургские квартиры» Ф. А. Кони. Некрасов, сотрудник и ученик Кони, получает одобрительную оценку. Но основной акцент рецензии — замечание «одной газете», а точнее — персонально В. С. Межевичу, раскрывшему тайну псевдонима и этим нарушившему этические нормы. Это лишь частный эпизод активной и обширной полемики Белинского с Межевичем, когда-то его московским приятелем. И для Межевича, и для Белинского Некрасов выступает поводом для обоюдных выпадов; собственно литературная составляющая его выступления — достоинства этого произведения, рост молодого литератора, его потенциал и т. д. — явно не интересуют Белинского, так же как Межевича.

Отметим, что в отзыве, посвященном водевилю «Актер» и опубликованном в октябрьской книжке «Отечественных записок» 1841 г.,⁵⁹ Белинский

⁵⁷ Впервые опубликовано: ОЗ. 1841. Т. XIV. № 6. Отд. VII. Смесь. Театральная летопись. Русский театр в Петербурге. С. 119—120.

⁵⁸ О водевиле «Шила в мешке не утаишь — девушки под замком не удержишь»: «Водевил очень забавен на сцене, и это тем приятнее, что он — первый опыт в этом роде нового лица, выступающего на драматическом поприще. Есть и недостатки — автор, по неопытности в этом новом для него деле, часто прибегает к пустым эффектам, основанным на беспрестанно, кстати и не кстати повторяемой брильянтиком поговорке “около того”; но, несмотря на то, желательно, чтоб г. Перепельский не оставлял поприща, так удачно начатого» (Б-13, XIII, 96).

О водевиле «Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке»: «Второй опыт г. Перепельского был не так удачен, как первый. Это произошло, как можно заметить, более от поспешности в сочинении и неопытности, чем от неумения. Пьеса пала, но в ней все-таки заметна способность автора <...> Комические сцены, бывшие следствием этого столкновения обстоятельств, несколько искупают уродство целой пьесы. Советуем автору больше трудиться над композицией содержания и меньше прибегать к карикатурам <...> и к тривьяльным эффектам» (Там же).

⁵⁹ ОЗ. 1841. Т. XIX. (Ц. р. 31 окт. 1841 г.) № 11. Отд. VII. Смесь. Театральная летопись. Русский театр в Петербурге. С. 42—43.

ограничивается одним пересказом сюжета (*Б-13*, V, 503). Конфликт Некрасова и Кони еще не разрешен.

Из характера отзывов Белинского можно сделать предположительный вывод о его оценке Некрасова. По всей видимости, он был солидарен с Ф. А. Кони в желании умерить инициативу молодого сотрудника. Воспоминания современников свидетельствуют, что Белинский мог «холодно и резко» осадить молодого человека.⁶⁰ Оценка достоинств последующих его сочинений остается сдержанно-неодобрительной.

Приведем несколько цитат из анонимных рецензий на водевили Некрасова, опубликованных в «Отечественных записках». В собрании сочинений Белинского они включены в раздел «Dubia». Б. В. Мельгунов, составитель этого периода «Летописи...», не включил упоминания о них в издание. В своей монографии «Некрасов и Белинский в “Литературной газете” (Хроники. Гипотезы. Находки)» исследователь не касается вопроса об их авторстве. Не имея дополнительных соображений по их атрибуции или атетезе, рассмотрим их как принадлежащие Белинскому.

Некрасов в это время сотрудничает в «Литературной газете» Ф. А. Кони. Однако, согласно выводам Б. В. Мельгунова, с весны 1842 г. происходит резкий спад его журнальной деятельности, вызванной частыми болезнями, о которых он сообщает сестре Анне, и вследствие безденежья он собирается поступать на службу (*ПСС*, X, 36, 37). С апреля по декабрь он работает над несколькими водевилями,⁶¹ критические отзывы о которых и рассматриваются здесь.

О водевиле «Похождения Петра Степанова сына Столбикова» (1842), написанной Некрасовым (Перепельским) в соавторстве с П. И. Григорьевым

⁶⁰ Панаев описывает встречу Белинского с его учеником К. Д. Кавелиным на улице, когда Белинский в ответ на радостное приветствие «взглянул на студента холодно и резко, как бы спрашивая: “что вам от меня нужно?” <...> — <...> я терпеть не могу, когда мальчишки пристают ко мне, — ну, о чем толковать с ними? Что я могу иметь с ними общего?» (*Панаев И. И.* Литературные воспоминания. С. 220—221).

⁶¹ Мельгунов Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете»... С. 32, 41.

(Григорьевым 1-м) и П. С. Федоровым, Белинский пишет: «Комедия — как надо быть комедии, выкроенной из неудавшегося юмористического романа нашими доморощенными водевилистами: тут и преувеличенные против образа фарсы, и потребное количество двусмыслиц, и куплеты — главное куплеты, — в которых остроумию составителей обыкновенно бывает полный простор», а главный герой «лубочно-смешной и круглый дурак» (*Б-13*, XIII, 148—149).⁶² Отзыв беглый, тон его пренебрежительный, низкая оценка относится и к жанровой форме, имеющей успех, и к общему уровню и некому общему стилю авторов, работающих в этом жанре. Индивидуальность Перепельского (Некрасова) остаётся вне оценки.

Следующие отзывы Белинского о драматических опытах Некрасова скорее одобрительны. Первый из них — краткая рецензия на «Материнское благословение, или Бедность и честь» (переложение с франц. яз.).⁶³ Критик хвалит «очень удачный» выбор пьесы и куплеты, которые «переведены очень мило», и замечает, что «пьеса произвела сильное впечатление» (*Б-13*, XIII, 158). Вторая рецензия посвящена водевилю «Кольцо маркизы, или Ночь в хлопотах».⁶⁴ Рецензия очень краткая и начинается словами: «Очень хорошенький водевиль, если его хорошо обставить и хорошо разыграть на сцене» (*Б-13*, XIII, 162—163).

Благодушие и отсутствие весомых замечаний свидетельствуют о том, что, добросовестно отмечая все новинки, критик в массе рассматривает их как малоинтересные однодневные поделки. Несмотря на то, что водевили Перепельского имели успех и ставились на театре даже в 1860-е гг., будучи новинками, они не стали интересны ни театральной критике, ни — тем более — литературной.

⁶² Впервые опубликовано: ОЗ. 1842. Т. XXII. (Ц. р. 30 апр. 1841 (так!) г.) Отд. VIII. Смесь. Театральная летопись. Русский театр в Петербурге. С. 108.

⁶³ Впервые опубликовано: ОЗ. 1842. Т. XXV. № 11. Отд. VIII. Смесь. Театральная летопись. Русский театр в Петербурге. С. 42.

⁶⁴ Впервые опубликовано: ОЗ. 1842. Т. XXV. № 12. Отд. VIII. Смесь. Театральная летопись. Русский театр в Петербурге. С. 113.

2. ЗНАКОМСТВО И СБЛИЖЕНИЕ

§ 1. К ДАТИРОВКЕ ЗНАКОМСТВА

Принято считать, что Некрасов и Белинский познакомились в начале 1843 г. Б. В. Мельгунов указывает в «Летописи...» такую последовательность событий: в конце 1842 г. Некрасов начинает бывать у Панаева (*Летопись*, I, 122); в январе-феврале 1843 г. Некрасов узнаёт, что Белинский «обращает внимание» на некоторые его «статейки»: «Случалось так: обругаю Загоскина в еженедельной газете, потом читаю в ежемесячном журнале о том же» (*ПСС*, XIII₂, 59).

Уточним: статья Некрасова «“Кузьма Петрович Мирошев” М. Загоскина. Части первая—четвертая» (*ПСС*, XI₁, 43) была опубликована в «Литературной газете» 1 марта 1842 г. (*там же*, 375). Статья Белинского об этом же романе вышла в мартовском номере «Отечественных записок» (*Б-13*, VI, 712). В 1841 и особенно в 1842 г. рецензии Некрасова стали достаточно яркими, чему пример — скрытая полемика с ними П. А. Плетнева (см. гл. V, § 6).

По мнению Б. В. Мельгунова, Некрасов «сближается с В. Г. Белинским» в конце февраля 1843 г. (*Летопись*, I, 126), а чтение «Петербургских углов» и знакомство с В. П. Боткиным происходит в доме Панаевых между 31 августа и 4 сентября 1843 г., что привязано к дате приезда Боткина в Петербург (*Летопись*, I, 136—137). Как представляется, и здесь датировка знакомства Некрасова и Белинского может быть скорректирована.

И. И. Панаев указывает: «В начале 40-х годов к числу сотрудников “Отечественных записок” присоединился Некрасов; некоторые его рецензии обратили на него внимание Белинского, и он познакомился с ним. До этого Некрасов имел прямые сношения с г. Краевским».⁶⁵ Факт «прямых сноше-

⁶⁵ Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 284—285.

ний» с А. А. Краевским следует хотя бы из письма Некрасова к Ф. А. Кони от 16 августа 1841 г. Некрасов пишет, что он напрямую обращался к Краевскому в ситуации личного и финансового конфликта с Кони, приехав с К. Е. Вельсбергом к Краевскому на дачу: «Ему я действительно сказал, что Вы остались мне должны и дали записку, — больше ничего, уверяю вас» (ПСС, XIV₁, 35). Из повествования Панаева можно сделать вывод, что возобновление его знакомства с Некрасовым произошло не ранее знакомства поэта с Белинским, а сближение происходило одновременно: «С этих пор мы виделись чаще и чаще. Он с каждым днем более сходил с Белинским <...>». ⁶⁶

Таким образом, можно предполагать, что Некрасов познакомился с Белинским еще в 1842 г. Знакомство же с А. Я. Панаевой и В. П. Боткиным, действительно, логичней всего связывать с датой приезда Боткина в Петербург.

§ 2. ОЦЕНКА НЕКРАСОВА В ПЕРИОД ПЕРВОГО ЗНАКОМСТВА

Критические отзывы Белинского о стихах, прозе и водевилях Некрасова до личного знакомства говорят об отсутствии интереса критика к молодому автору. Некрасов заинтересовал его своими выступлениями в жанре критики. Более подробно суждения Белинского о творческом потенциале Некрасова в пору их знакомства и сближения отражены в воспоминаниях И. И. Панаева и А. Я. Панаевой.

Панаев пишет, что «литературная деятельность Некрасова до того времени не представляла ничего особенного. Белинский полагал, что Некрасов навсегда останется не более как полезным журнальным сотрудником, но когда он прочел ему свое стихотворение “На дороге” («В дороге» (1845). — М. С.), у Белинского засверкали глаза, он бросился к Некрасову, обнял его и сказал чуть не со слезами в глазах:

⁶⁶ Там же. С. 285.

— Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?». ⁶⁷

Панаева замечает, что до знакомства с Белинским и до появления в их доме «Некрасов переделывал французские водевили на русские нравы с куплетами для бенефисов плохих актеров, вращался в кругу всякого сброда и сотрудничал в мелких газетах». ⁶⁸ Преувеличения и неточности очевидны: в водевилях Некрасова были заняты известные актеры, «Литературную газету» и журнал «Пантеон русского и всех европейских театров» едва ли можно считать «мелкими газетами». Тем не менее, мемуаристка акцентирует внимание на том, что представлял собой Некрасов до вхождения в их гостиную и знакомства с Белинским, и что — после того.

Панаева также указывает, что Белинский высоко оценил прозу Некрасова, приводя высказывание критика: «Я дам голову на отсечение, что у Некрасова есть талант и, главное, знание русского народа, непониманием которого мы все отличаемся... Я беседовал с Некрасовым и убежден, что он будет иметь значение в литературе». ⁶⁹

Отметим: мемуаристка пишет, что Некрасов читал «Петербургские углы», опубликованные в 1845 г. в «Физиологии Петербурга». ⁷⁰

И наконец, по свидетельству Панаевой, Белинский хвалил дар Некрасова — рецензента и критика. ⁷¹

Итак, оценка Белинского в передаче двух мемуаристов выглядит следующим образом.

Белинский видит в Некрасове талантливого прозаика (Панаева). (Отметим: вопреки печатным критическим суждениям, которые проанализированы выше). Признание поэта совершается через несколько лет (Панаев). Оценка «полезный журнальный сотрудник» (Панаев) не соответствует представлению, что Белинский уже признал критический дар Некрасова (Панаева). Воз-

⁶⁷ Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 285—286.

⁶⁸ Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 98.

⁶⁹ Там же. С. 98.

⁷⁰ Там же. С. 97. Подробней об этом см. в § 5.

⁷¹ Там же. С. 99.

можно, потому, что Некрасов только начинает как критик; возможно, потому, что более поздние суждения Белинского о критической манере Некрасова просто не вошли в воспоминания Панаева (из-за несогласия мемуариста с критиком или из-за того, что он не успел дописать свои «Литературные воспоминания»).

В периоде от первого знакомства до признания поэта важны три аспекта оценки Белинским литературной деятельности Некрасова: проза; критический и критико-публицистический жанры; предпринимательский талант.

§ 3. О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМ ТАЛАНТЕ НЕКРАСОВА

Оценка предпринимательского таланта Некрасова была едва ли не определяющей в оценке его деятельности Белинского и ближайшего окружения критика в период с 1843 по 1848 гг. Именно в 1840-е гг. Некрасов из случайного безымянного журнального сотрудника вырастает до соиздателя, фактически соредактора журнала «Современник» — во-первых, основанного Пушкиным, во-вторых, ставшего серьезным конкурентом «Отечественных записок», крупнейшего журнала своего времени. Переходу журнала от П. А. Плетнева к И. И. Панаеву и Некрасову предшествовало несколько успешных предприятий Некрасова, о которых Белинский отзывался печатно, или устно, или в дружеской переписке. Анализ этих отзывов помогает уточнить особенности критического восприятия творчества Некрасова, также отличающегося в этот период заметным ростом.

И. И. Панаев писал: «Некрасов произвел на Белинского с самого начала очень приятное впечатление. Он полюбил его за резкий, несколько ожесточенный ум, за те страдания, которые он испытал так рано, добываясь куска насущного хлеба, и за тот смелый практический взгляд не по летам, который вынес он из своей труженической и страдальческой жизни — и которому Белинский всегда мучительно завидовал».⁷²

⁷² Панаев И. И. Литературные воспоминания. 285.

Белинский, охотно рассуждавший в письмах о практической стороне жизни, не ощущал в себе такого дара. Согласно воспоминаниям А. Я. Панаевой, когда она (прежде чем Некрасов) предложила Белинскому издать свой сборник, он счел себя неспособным к этому: «...разве я способен на такие дела? Тут надо уметь <...> Да и я буду мучеником от мысли: вдруг издание не окупится, и у меня на шее очутятся долги. <...> Мне, вероятно, выпала доля весь век остаться батраком в литературе».⁷³

Известно, что приобретение Панаевым и Некрасовым «Современника» было прямо связано с надеждой, «что это будет журнал Белинского, что он основывается для того, чтобы вырвать его из когтей эксплуататора Краевского».⁷⁴ В дневнике А. С. Суворина записано устное свидетельство Некрасова: «Один я между ними был практик, и, когда мы заводили журнал, идеалисты эти прямо мне говорили и возлагали на меня как бы миссию создать журнал».⁷⁵

В современном языке «миссия» как экономическое понятие означает предназначение, цель, причину существования некой организации, ее философию, отличающую именно эту организацию от других, подобных ей. Несмотря на то, что миссия была *возложена* на Некрасова, для окружения Белинского *миссией* был Белинский. Литературный и полемический талант Белинского, его способность к учительской и лидерской роли, его любовь к литературе и убежденность в ее ценностях, его способность вовлекать ближайший круг в осмысление новой идеи и в новую модель отношений, — всё это, имеющее в кружке Белинского значение приоритетных ценностей, осознавалось как смысл и цель сегодняшнего дня литературы. Белинский стал для близких к нему людей (современников, а затем и людей последующих поколений) тем, кто будит мысль, прививает сознание ценности человеческой личности. Поэтому не только «журнал Белинского» — крупное периодиче-

⁷³ Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 145.

⁷⁴ Кавелин К. Д. Собр. соч. СПб., 1899. Т. III. С. 1092.

⁷⁵ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 7.

ское издание, распространяющее мысли Белинского, его литературное и нравственное влияние на писательскую и читательскую часть населения, — мог осознаваться как «миссия». *Сам Белинский, могущий говорить, пока он жив*, осознавался как миссия для его ближайшего окружения. Такое отношение питалось совокупностью разнородных факторов: талантом критика, складом и обаянием его личности, явным для окружающих угасанием его здоровья, бедностью и финансовой беспомощностью, уязвимым положением человека, находящегося под наблюдением III отделения.⁷⁶

Поэтому разнообразные издательские предприятия, к которым имели отношение Белинский и Некрасов, всегда учитывали положение Белинского. Речь идет и о возможности донести мысли Белинского до широкой аудитории, и о финансовых выгодах критика.

В письме к В. П. Боткину от 3 апреля 1843 г. Белинский сообщал: «По обыкновению я весь *промотавшись* и потому замышляю подняться на афферы. Некрасов на это золотой человек...» (Б-13, XII, 154).⁷⁷ Отметим: я замышляю «афферы», *Некрасов* принесет мне в них успех.

В письме к Боткину от 17 апреля Белинский выражал надежду: «Добрый Некрасов взялся хлопотать достать мне денег или у книгопродавца на подряд работы, или займы на вексель» (Б-13, XII, 157). В письме от 30 апреля Белинский пишет: «Некрасов денег достать не мог, а потому надо издыхать и отчаиваться в Петербурге, на его болотах» (Б-13, XII, 158).

Обсуждая намерение издать собственный альманах, Белинский в письме к жене от 11 июня 1846 г. выражает надежду, что *Некрасов*, пока издаётся альманах, успеет завести книжную лавку, которая необходима для выгодной продажи его альманаха (Б-13, XII, 286).

⁷⁶ Подробнее см.: *Степина М. Ю.* 1) К истории одного литературного конфликта (Белинский и «Современник» 1847 г.). Статья 1. К вопросу о литературном портрете В. Г. Белинского // Вестник МГУ. 2011. № 3. С. 45—62; 2) К истории одного литературного конфликта (Белинский и «Современник» 1847 г.). Статья 2. «Фраза»: жизнь и воспоминания // Вестник МГУ. М., 2012. № 1. С. 133—145.

⁷⁷ См. также: Там же, с. 157, 158.

Речь идет об альманахе «Левиафан», который также собирался при участии Некрасова: «Некрасов <...> стал уговаривать Белинского, долго его уламывал, наконец уломал. <...> Некрасов взял на себя все хлопоты по изданию и переговоры о кредите. <...> Некрасов предлагал, что будет кредитоваться на свое имя в типографии и за бумагу, так он уверен, что убытка не будет. Белинский верил, как он выражался, в “спекулятивную жилку Некрасова” и заметно приободрился, когда получил известие из Москвы, что <...> приятели <...> дадут ему статьи. Некрасов подбивал Белинского издать книгу как можно объемистее и придумал уже название “Альманах Левиафан” <...> Некрасов высчитал, сколько за всеми расходами может остаться барыша», и Белинский уверовал в возможность материальной выгоды: «Да я буду Крез!...». ⁷⁸

Известно, что материалы альманаха были переданы Белинским в портфель редакции «Современника», что Некрасову было поставлено в укор. Известно также, что за материалы, доставшиеся Белинскому бесплатно, критик получил от редакции журнала 1859 руб. 20 коп. (*ЛСС*, XIII₂, 173).

Сохранилось свидетельство А. Я. Панаевой об участии Белинского в «Петербургском сборнике» Некрасова: «Некрасов задумал издать “Петербургский сборник”. Им уже были куплены статьи у некоторых литераторов. Белинский принял горячее участие в этом издании, упросил Панаева написать что-нибудь для сборника... <...> Белинский находил, что тем литераторам, которые имеют средства, не следует брать денег с Некрасова. Он проповедовал, что обязанность каждого писателя помочь нуждающемуся собрату выкарабкаться из затруднительного положения, дать ему средства свободно вздохнуть и работать — чту ему по душе. <...> Герцен, Панаев, Одоевский и даже Соллогуб отдали свои статьи без денег. Кронеберг и другие литераторы сами очень нуждались, им Некрасов заплатил». ⁷⁹ Сохранилось и свидетельство Некрасова: «В 45 году издал я “Петербургский сборник” <...> Сборник

⁷⁸ Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 146.

⁷⁹ Там же. С. 140—141.

дал мне чистых 2000 рублей. Я был тогда молод, деньги отдал Белинскому на поездку в Малороссию со Щепкиным. Здоровье Белинского было сильно расстроено» (*ПСС*, XIII₂, 48—49).

Последний год жизни Белинского, тяжелое состояние здоровья его самого, жены и детей, материальные обстоятельства и расчеты с редакцией журнала (*ПСС*, XIII₂, 173—174; *Летопись*, 1, 257—262, 524—525) широко освещены в литературе.⁸⁰

Таким образом, в оценке Белинского играют заметную роль межличностные отношения с Некрасовым — «Учителя» и «ученика», а также отношения внутри «кружка Белинского». Младший и «ученик» выступал как единственный организатор или один из ведущих участников в предприятиях, давших возможность для реализации творческих замыслов Белинского. В петербургском кружке Белинского литературная деятельность Некрасова во многом определялась практической пользой, которую эта деятельность приносила Белинскому.

Было бы слишком прямолинейно рассматривать ситуацию как открытый расчет Белинского и использование Некрасова в своих целях: позицию самого Некрасова обеспечивали и его литературное чутье, и его личная финансовая трезвость. Однако развитие его литературного дарования для Белинского и ближайших друзей, по всей видимости, было второстепенным по отношению к деятельности Некрасова — издателя и редактора, обеспечивающего «трибуну» критику. Творческие опыты Некрасова в глазах окружения Белинского, по-видимому, затенялись его «аферами». При этом, понимая высокую цену имени и личного авторитета Белинского, друзья критика (авторы «его» альманаха) явно не умели вполне оценить роль издателя⁸¹ — того

⁸⁰ Достаточно указать классические труды: *В. Евгеньев-Максимов*. Некрасов и его современники. С. 70—92; *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» в 40—50 гг. С. 88—90; *Оксман Ю.* Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958.

⁸¹ Так, в «Воспоминаниях о В. Г. Белинском» К. Д. Кавелина достаточно подробно описаны события тех дней и, очевидно, общий взгляд на ситуацию: «Белинский попал на удочку с всегдашней своей младенческой доверчивостью. Что Панаев стал редактором

посредника, без которого связь между автором и публикой как культурной прослойкой в 1847 г. уже эфемерна: литература вышла далеко за пределы кружковой и салонной.

Отметим кстати, что Белинский в статьях 1845 и 1846 гг., отвечая «Северной пчеле», пропагандирует роль Некрасова — издателя и редактора. Так, в статье «“Северная пчела” — защитница правды и чистоты русского языка» он пишет: «в 234 ее номере снова является грозная статья на эту книгу. Статья начинается изъявлением удивления, что г. Некрасов мог быть редактором этой книги. А почему же бы он не мог быть ее редактором, как и всякий другой? — спросите вы. “Пчела” отвечает вам на это, что “быть редактором сочинения значить иметь право исправлять и переделывать его”. Вот новость! <...> г. Некрасов не почел себя вправе коснуться ни одной статьи, напечатанной в его сборнике. Редактор сборника — не то, что редактор журнала. По общему мнению, быть редактором сборника, значит набрать статей, сделать им выбор и расположить их, а потом присмотреть за изданием. Так и поступил г. Некрасов, и для этого ему не нужно было иметь никаких особенных прав и преимуществ» (Б-13, IX, 374).

В статье «Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым»: «Всему читающему русскому миру известно, что г. Некрасов сделал страшное литературное преступление: не будучи знаменитым литератором, т. е. лет двадцать не печатая своего имени над всякого рода сочинениями и, следова-

“Современника” — это было еще понятно. Он дал деньги. Но каким образом Некрасов, тогда мало известный и не имевший ни гроша, сделался тоже редактором, а Белинский, из-за которого мы были готовы оставить “Отечественные Записки”, оказался наемщиком на жалованьи, — этого фокуса мы не могли понять, негодовали и подозревали Некрасова в литературном кулачестве и гостиннодворчестве, которые потом так блистательно им доказаны» (цит. по: В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. С. 178).

Судя по формулировке Кавелина, в ближайшем кружке организационная работа молодого, но уже успешного издателя и редактора (как показали последующие десятилетия — одного из самых выдающихся российских издателей и редакторов) не рассматривалась как заслуживающая вознаграждения. Некрасов, умевший распознать и донести до читателя в печатном виде заслуживающие внимания литературные произведения, расценивался как выскочка (малоизвестный и неимущий), желающий нажиться на других. Между понятиями «организатор» и «аферист» в сознании окружения Некрасова и Белинского, как явствует из процитированных суждений, практически ставится знак равенства.

тельно, не приобретя права поправлять чужих сочинений, хотя бы они были лучше его собственных, он издал очень интересный сборник статей под именем “Физиология Петербурга”, где поправлял только свои собственные статьи, не касаясь чужих... Да где ж тут преступление? Мы и сами не видим его, но есть люди, которые находят тут преступление, о чем и объявляют во всеуслышание. Но г. Некрасов не верит справедливости обвинения, что будто для издания сборника непременно нужно иметь право поправлять чужие статьи, и вот снова дарит публику прекрасным сборником, в котором он опять-таки поправлял только то, что было написано им самим. (*Б-13*, IX, 475).

Отметим походя сделанную оценку произведений Некрасова: сочинения приглашенных им авторов «лучше его собственных». Эта оценка не отменяется отзывом о стихах Некрасова: «В “Петербургском сборнике” <...> девять мелких стихотворений, из которых в особенности должна быть замечена пьеса самого издателя альманаха, называющаяся: “В дороге”» (*Б-13*, IX, 476) (рецензия на «Петербургский сборник»). Ср. в статье «Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым»: «Мелких стихотворений в “Петербургском сборнике” немного. Самые интересные из них принадлежат перу издателя сборника, г. Некрасова. <...> Вот лучшее из них — “В дороге”. Пусть читатели сами судят, справедливо ли наше мнение» (*Б-13*, IX, 573, на стр. 574—575 стихотворение процитировано полностью). Стихотворение, вызвавшее восторг критика при первом прочтении, в статье охарактеризовано все-таки как «пьеса издателя».

Это соображение корректирует общее представление о причинах, по которым Белинский не очень много высказывался о Некрасове в печати. Недоценка роли издателя объясняет и малое количество суждений критика о поэте в мемуарах.

§ 4. О КРИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКРАСОВА

Интерес Белинского к Некрасову возник при знакомстве с его критическими статьями. Некрасов писал: «Отзывы мои о книгах обратили внимание Белинского, мысли наши в отзывах отличались замечательным сходством, хотя мои заметки в газете по времени часто предшествовали отзывам Белинского в журнале» (*ПСС*, XIII₂, 48). Можно предполагать, что сходство было результатом сознательной ориентации Некрасова на статьи Белинского: на раннем этапе литературной деятельности элементы подражания были для Некрасова действенным приемом литературного ремесла. Помимо известного свидетельства поэта о подражательности своих ранних стихов (*ПСС*, XIII₂, 56, 57), в ранней фельетонистике Некрасова просматривается определенная ориентация на стиль В. С. Межевича.

1840-е гг. — время наиболее активной деятельности Некрасова-критика. Уже в 1841—1843 гг. критические статьи Некрасова отличаются уверенностью и разнообразием приемов. Некрасов выступает в жанре обзора, критической статьи, фельетона, сочетая с критическим жанром элементы художественного творчества (в частности, пародии) и публицистики. Приемы Некрасова и полемика с ним как критиком рассмотрены в главах, посвященных Н. А. Полевому и П. А. Плетневу.

К 1843 г. относится похвала Белинского, высказанная, по предположению Г. О. Берлинера, памфлетной статье Некрасова «“Очерки русских нравов, или лицевая сторона и изнанка рода человеческого” Ф. Булгарина» (*ПСС*, XI₁, 87—93, 391). Отзыв о мастерстве Некрасова-критика Белинский дал в письме к К. Д. Кавелину от 7 декабря 1847 г., делая сравнение с Некрасовым не в свою пользу: «<...> я нисколько не ослеплен объемом моего таланта, ибо знаю, что это далеко не бог знает что. Вот, например, Некрасов — это талант, да еще какой! Я помню, кажется, в 42 или 43 году он написал в “Отечественных записках” разбор какого-то болгаринского изделия с такой

злостью, ядовитостью, с таким мастерством — что читать наслаждение и удивление <...>» (Б-13, XII, 456).

Возможно, этот разбор имеет в виду А. Я. Панаева, которая вспоминает о начале сотрудничества поэта в «Отечественных записках»:

«Раз вышла очень смешная сцена. Боткину очень понравился разбор одной книги в библиографии, и он говорил: “Тонко, умно Белинский разобрал книгу, живо, остроумно, прекрасно!” — и при свидании стал хвалить Белинскому его разбор.

— Находите, тонко, остроумно я написал? — спросил его Белинский.

— Прелестно, изящно! — отвечал Боткин.

Белинский рассмеялся и сказал:

— Передам вашу похвалу Некрасову, это он разобрал книгу». ⁸²

Аналогичную оценку (и также со сравнением не в свою пользу) Белинский даёт Некрасову-критику в письме к И. С. Тургеневу от 1/13 марта 1847 г., передавая свой разговор с Некрасовым: «Вы отнимаете у “Современника”, в своем лице, талантливом сотруднике. Вашими рецензиями дорожил и Кр<аевский>, хоть этого и не показывал. Вы писывали превосходные рецензии в таком роде, в котором я писать не могу и не умею» (Б-13, XII, 344).

Статьи Некрасова, заслужившие похвалу Белинского, отличает сильное памфлетное начало. В большой степени это касается его критических и художественно-публицистических выступлений против Н. А. Полевого (см. гл. IV). Не опровергая объективности критики Некрасова, отметим, что высокую частоту его выпадов против Полевого, жесткость и хлесткость его печатных выступлений и проходных замечаний о Полевом правомерно считать следствием личного влияния Белинского.

Рецензия Белинского на первый том книжки «Статейки в стихах. Без картинок» (см. гл. V, § 7) подтверждает его интерес именно к Некрасову-критику.

⁸² Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 99.

Суждения о стихах достаточно ироничны: «Автор этой микроскопической книжки, названной им *первым томом*, должен быть человек умный: это особенно доказывается тем, что он не выставил на ней своего имени. Стихи его — водевильная болтовня о том, о сем, а больше ни о чем, — болтовня, которая не может не понравиться той многочисленной публике, которая восхищается, в Александринском театре, водевильным остроумием наших доморощенных драматургов. <...> Впрочем, есть в книжке места, даже слишком высокие для публики, хлопающей пьесам вроде “Федосьи Сидоровны” и “Еще Руслан и Людмила” <...> В этих шуточных стихах целая история жизни многих людей... Жаль, что автор их не наполнил всей книжки своей такими стихами и через то не придавал ей другой цели и значения, кроме удовольствия “почтеннейшей” публики, составленной из разного мелкочиновного народа. Впрочем, ведь и этому народу надо же что-нибудь читать, и он будет читать и смеяться, и даже запасется готовыми остротами, чтоб удивлять ими товарищей и пленять своих дам, а книжка, должно быть, очень недорога...» (Б-13, VII, 8—11).

Белинский пишет об авторе, на которого он уже обратил внимание и с которым уже лично знаком и даже увлечен им. Словосочетание «водевильная болтовня» дополнительно подтверждает, что драматургическая деятельность Некрасова не представляется критику значимой. Рецензия включает две обширные выдержки из некрасовского текста. В первой из них, иллюстрирующей, что это не более чем «водевильная болтовня», содержится ироническое упоминание о Полевом. Таким образом, выпад против оппонента достоин цитации, даже при низких литературных достоинствах текста. Вообще оценка «шуточных стихов» показывает, что *автор стихов* — не *поэт*, эти стихи не имеют отношения к поэзии. Поучительность этих «шуточных стихов» сродни той пользе, которую Белинский видит в беллетристике (при этом отличая ее от прозы). Похвала (хотя и ироническая, а следовательно, ставящая достоинства под сомнение) уму, остроумию и содержательности отдельных

фрагментов показывает, что стихотворный текст Некрасова воспринимается Белинским больше на рациональном уровне, нежели на уровне образности.

Критика занимает промежуточное место между творчеством, имеющим иррациональную природу, и научным познанием, имеющим природу рациональную. Похвала уму и мысли, таким образом, демонстрирует, что в восприятии современника текст Некрасова ближе к критическому или критико-публицистическому, нежели к художественному. При этом прямая оценочность и остроумие («готовые остроты»), присущие публицистике (в частности, фельетону и памфлету), в 1843 г. для Белинского более актуальны, нежели рассуждения о критике как «науке изящного», что занимало его в предыдущие годы.

Пристрастие Белинского к жанровой форме памфлета в эти годы выразилось в его признании, которое приводит И. И. Панаев: «Да и если бы знали вы, какое вообще мучение повторять зады, твердить одно и то же — все о Лермонтове, Гоголе и Пушкине; не смей выходить из определенных рам — все искусство да искусство!.. Ну какой я литературный критик! — Я рожден памфлетистом — и не смей пикнуть о том, что накопело в душе, отчего сердце болит!». ⁸³

В этом смысле показательна рецензия Белинского на сборник «Первое апреля», ⁸⁴ внешне не касающаяся критической деятельности Некрасова и содержащая оценку его издательской деятельности, прозы и стихов. В оценке Белинского альманах охарактеризован так: «Вся эта книжка — не больше, как болтовня, но болтовня живая и веселая, местами даже лукавая и злая» (*Б-13*, IX, 604). Как явствует из фразы, критик не оценивает литературное достоинство текстов, включенных в альманах. «Веселая», «лукавая» и «злая» «болтовня» — это социальная публицистика с сильным элементом сатиры, к какой относится и жанр памфлета, уже вобравший в себя функцию критики.

⁸³ Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 342.

⁸⁴ Впервые опубликована: ОЗ. 1846. Т. XLV. № 4. Отд. VI. С. 87—89.

Основной объем рецензии составляют избранные тексты из «Первого апреля», в частности, некрасовский памфлет «Пушкин и ящерицы» (*ПСС*, XII₁, 249).⁸⁵ В короткой заметке карикатурно изображен С. П. Шевырев, читающий лекцию в Московском университете. Неизвестно, слушал ли Некрасов лекции Шевырева, но он, безусловно, знал памфлет «Педант» Белинского (1842), в котором критик изобразил Шевырева, и был причастен к последующей полемике «западников» и «славянофилов», в которой Белинский высказывался с присущей ему эмоциональностью. Эта полемика, памфлет Белинского и, несомненно, его устные высказывания в частных беседах послужили также материалом в написании автобиографического романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», обещанного к печати, но не опубликованного при жизни поэта: эта преемственность указана в комментарии к роману (*ПСС*, VIII, 721).

Отметим, что в рецензии Белинского на «Первое апреля», в похвале некрасовского памфлета, принципиальные аспекты полемики даже не упомянуты. Между тем, критика С. П. Шевырева носила принципиальный характер. Н. В. Цветкова, обращаясь к вышедшей в 1846 г. статье Шевырева, посвященной «Петербургскому сборнику»,⁸⁶ отмечает, в частности, что, анализируя идеи и форму произведений «натуральной школы», Шевырев приходит к выводу «о “копировании действительности” в произведениях натуральной школы, что свидетельствует об их низком уровне “в художественном отношении” <...> Отсутствие художественности рождает беллетристику, появляющуюся тогда, “когда искусство человеческое теряет дар Божий”».⁸⁷ Этот

⁸⁵ Другой памфлет — «Славянофил» — упоминается в комментарии к рецензии Белинского как включенный в раздел «Dubia» Полного собрания сочинений Некрасова в 12 т. (*Б-13*, IX, 782). О недостаточности оснований для атрибуции «Славянофила» Некрасову см.: *ПСС*, XII₂, 424—425. Возможно, массовый читатель 1846 г. принял этот текст как принадлежащий Некрасову.

⁸⁶ *С. III. <Шевырев С. П.> Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым // М. 1846. № 2. Критика. С. 163—191; С. Шевырев. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым (Окончание) // М. 1846. № 3. Критика. С. 186—188.*

⁸⁷ *Цветкова Н. В. С. П. Шевырев о «Петербургском сборнике» (1846) Н. Некрасова. С. 78.*

вывод полемичен по отношению к рассуждениям Белинского об актуальности беллетристики.

Как показывает исследовательница, шевыревская оценка «Петербургского сборника» вытекает из концепции современного искусства и критики. Искусство должно быть обращено к «внутреннему человеку», писатель не может быть только «изобразителем действительности», поскольку «не действительность составляет достоинство искусства», а нравственная и эстетическая пропаганда идеала.⁸⁸

Н. В. Цветкова связывает концепцию С. П. Шевырева прежде всего с его религиозным, православным началом. Отметим, что приведенные рассуждения Шевырева, с точки зрения теории литературы, вполне отвечают современному представлению о художественном произведении и, в частности, сатире: действительность (всегда несовершенная) напоминает об этическом и эстетическом идеале, в сатирическом изображении — через гротескно заостренное изображение антиидеала. Как утверждает современный исследователь, «одно из лучших определений С<атиры> — не как жанра, а как особого отношения творящего к изображаемой им действительности — дал Ф. Шиллер. Примем его за исходный пункт. Вот оно: “Действительность как недостаточность противопоставляется в сатире идеалу как высшей реальности. Действительность, таким образом, обязательно становится в ней объектом неприятия” («О наивной и сентиментальной поэзии», 1795—96)».⁸⁹ Как убеждает полемика вокруг «Мертвых душ», художественный язык сатиры еще не воспринимается критикой как самодостаточный. Язык «натуральной школы», вырабатываемый в русле развития *беллетристики*, также представляется критикам несколько ущербным.

⁸⁸ Там же. С. 77.

⁸⁹ *Попова И. Л.* Сатира // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2003. Стлб. 937 (вся статья — стлб. 935—955).

В оценке стихов Некрасова как определенной эстетической декларации и одновременно эстетического критерия суждение Шевырева⁹⁰ сближается с критическими высказываниями столь разных критиков, как П. А. Плетнев⁹¹ и Л. В. Брант,⁹² что повлекло за собой надолго закрепившееся их сближение.⁹³ И если Плетнев последователен в своих эстетических взглядах, то аргументация Бранта, так же как Ф. В. Булгарина, зачастую отсутствует либо подменяется суждениями, спекулирующими на других смысловых сближениях (подробнее см. гл. VI, разд. 3).

⁹⁰ «<...> он рисует вам в стихах извощика, пьяницу... Но пьяница его только что пьяница, а извощик только что извощик, говорящий стихами. Всего замечательнее его подражание колыбельной песни Лермонтова. Мы достойно можем поставить ее в заключение всей этой галереи новых произведений нашей изящной словесности» (М. 1846. № 2. С. 184).

⁹¹ «<...> напомним читателям “Колыбельную песню” — пародию песни Лермонтова, напечатанную в прежнем сборнике. Это сочинение составляет как бы образец, по которому выработаны все пьесы в сборнике новом. <...> Ужели есть жалкие читатели, которым понравится собрание столь грязных и отвратительных исчадий праздности? Это последняя ступень, до которой могла упасть в литературе шутка, если только не преступление называть шуткою то, чего нельзя назвать публично собственным его именем» ([Б. п.] <П. А. Плетнев> Первое апреля. Комический иллюстрированный альманах, составленный из рассказов в стихах и прозе, достопримечательных писем, куплетов, пародий, анекдотов и пухов // С. 1846. Т. XLII. № 5. Новые сочинения. С. 217—218. Подробнее см.: гл. V, § 11, 12.

⁹² «Остановимся на поэзии самого издателя “Сборника”, г. Некрасова, как известно, одного из натуральнейших представителей «натуральной» школы, поместившего тут четыре свои стихотворения, в том числе одно под заглавием “Пьяница”. Уж не слишком ли “натурально”? Можно бы, г. Некрасов, ограничиться и рассказом *ямщика*, который у вас, вместо *то есть*, говорит: *тоушь* (NB: натура!)? Читатели, конечно, удивятся, что г. Некрасов, с своим бесспорно “натуральным” дарованием, плохую свою “Колыбельную песню” называет *подражанием* Лермонтову и берется *переделывать* одно из ненапечатанных стихотворений его. Но читатели всему перестанут удивляться, прочитавши стихотворение “Пьяница”» (Я. Я. Я. [Брант Л. В.] Петербургский Сборник, изданный Н. Некрасовым. (Окончание) // СП. 1846. № 26. 31 января. Русская литература. С. 103).

⁹³ В. А. Кошелев в 1991 г. обращает внимание на то, что «современное некрасоведение, кажется, совершенно удовлетворено давним тезисом монографии В. Е. Евгеньева-Максимова о том, что “и журнальный триумвират, и партия «официальной народности», и славянофильство рассматриваются Некрасовым как враждебные группировки» <...> Тезис этот отражает прежде всего уровень изучения славянофильства в 1940—1950-е годы, когда это своеобразнейшее явление раннего российского либерализма рассматривалось в одном ряду с охранительными группировками, подобными болгаринской («Северная пчела», «Маяк») или погодинской («Москвитянин»), когда славянофилы искусственно противопоставлялись западникам и объявлялись идеологами крепостничества и самодержавия» (Кошелев В. А. Некрасов и славянофилы. С. 35—36).

Вернемся к рецензии Белинского. В ней не развиваются соображения о специфике сатиры. В ней также не аргументируется похвала «анекдоту» о «профессоре». Сатирическая направленность рецензии Белинского созвучна памфлетности некрасовского текста и усиливает основной акцент: «профессор» достоин насмешки, насмешка над ним достойна похвалы.

Оценка стихов Некрасова также лаконична и одобрительна: «Стихи в “Первое апреля” интересны не менее прозы. Вот, например» (далее цитируются три стихотворения Некрасова) (*Б-13*, IX, 606).

Краткий отзыв дан только к одному из трех цитируемых стихотворений — «Ревности», пародии на В. Г. Бенедиктова, подписанной псевдонимом «Владимир Бурнооков» (*ПСС*, I, 446, 698, раздел «Dubia»). Белинский пишет: «Впрочем, между стихотворениями “Первого апреля” есть и серьезные. Лучшее из них называется “Ревность”. Выписываем его для восторга и удивления наших читателей» (*Б-13*, IX, 607). И далее: «Прочтя это стихотворение, кто не согласится, что сам г. Бенедиктов едва ли в состоянии возвыситься до такой образности и силы в выражении неистово-клокочущей и бешено-раздирающей грудь страсти...» (*Б-13*, IX, 608). Таким образом, к «серьезным» стихам, заслуживающим серьезной похвалы, критик относит пародию, причем отмечает мастерство пародиста, заострившего узнаваемые черты пародируемого поэта.

Два других стихотворения Некрасова Белинский цитирует без комментариев. Одно из них — «Он у нас осьмое чудо...» (*ПСС*, I, 33), памфлет, изображающий Ф. В. Булгарина. Второе — «И скучно, и грустно!» (*ПСС*, I, 409), представляющее собой перелицовку стихотворения М. Ю. Лермонтова. Лермонтовский размер, строфика, рифмы, отдельные обороты наполняются принципиально иным содержанием, контрастирующим с трагическим смыслом философской лирики. Стихотворение Некрасова пародийно изображает размышления карточных игроков. Похвала Белинского относится к сатирическому элементу в изображении лиц и типов. В жанровом отношении пере-

лицовка вторична. Но оценка критика обходит литературные достоинства двух стихотворений Некрасова. В них отдается предпочтение публицистической и сатирической составляющей. По сути, Белинский хвалит в Некрасове не *поэта* и *прозаика* (и даже не *беллетриста*, популяризирующего в изящной форме чужую мысль), а *полемиста* и *памфлетиста*, *пользующегося* то стихотворной, то прозаической *формой*.

Из приведенных примеров, число которых легко умножить, можно видеть, что Некрасов ассоциируется с «натуральной школой», пропагандируемой Белинским, а следовательно — с самим Белинским, с кругом его основных идей и деклараций. В качестве примера приведем выдержку из анонимной статьи, посвященной «Первому апреля»: «Если после этого кто-либо не поверит, что автор книги не только обладает высоким *натуральным* талантом, но даже *гениальностию*, и если усомнится в изяществе вкуса хвалителей этой книги, “Отеч.<естественных> записок”, и справедливости их суждений о произведениях литературы, то уж, конечно, не мы виноваты! Мы представили дело на лице, с казового конца. Весьма желательно, чтоб г. Некрасов, отличавшийся и отличающийся изящными своими критиками в “Литературной газете”, изданием *Сборников* изящного и изящными статьями в стихах и прозе собственного своего сочинения, писатель, превозносимый “Отеч.<естественными> записками”, как один из важных деятелей и поборников *новой, натуральной* школы, разобрал критически-*натурально* альманах: *Первое Апреля*, а мы сознаемся, что у нас не хватит на этот подвиг ни ума, ни дарования!»⁹⁴

Акцентированное повторами и шрифтовым выделением (курсив автора) употребление словосочетания «натуральная школа», слов «натуральный», ироническое признание в оппонентах «гениальности», «изящества», ироническое же самоуничижение позволяют предположительно атрибутировать эту статью Ф. В. Булгарину.

⁹⁴ [Б. н.] Первое Апреля. Комический иллюстрированный Альманах, и проч. // СП. 1846. № 80. 12 апреля. Новая русская литература. С. 319.

Это почти полное отождествление сохранится и в будущем. В статье К. С. Аксакова, которую, согласно датировке составителя и автора комментариев В. А. Кошелева, критик писал в начале 1850 г., Аксаков говорит о «петербургском литературном обществе, лишенном мысли самостоятельной»: «в Петербурге открылась новая фабрика повестей и романов под названием натуральной школы <...> высыпала целая толпа: “Сто-один”, Дружинин, Корф, Гончаров, Некрасов, Станицкий, и пр<очие>. Станки литературной фабрики пришли в движение».⁹⁵

Отметим, что «критики» Некрасова и «Отечественных записок» (т. е., Белинского) упомянуты как два голоса, говорящие в унисон, хотя Некрасов, признавая в Белинском «Учителя», обретает свой взгляд и свой стиль. Именно это «бытовое <...> “школьное” представление» «о дружбе Некрасова и Белинского, в котором последний выступает как “учитель”, а первый, соответственно, как “ученик”», рассматривает В. А. Кошелев в статье «Некрасов и славянофилы», поскольку, по мнению исследователя, это представление ошибочно «приводит едва ли не к утверждению знака равенства в общественных воззрениях знаменитого критика и начинающего поэта».⁹⁶ Исследователь обращает внимание и на издательскую политику Некрасова-«практика», которая, по его мнению, «избавляла его от непосредственно “лозунгового” участия в общих и частных полемиках 40-х годов и делала даже неудобным это участие»,⁹⁷ и на не подкрепляемое анализом стремление ряда ученых приписать критическим статьям Белинского и Некрасова большее «совпадение» идей и мнений, нежели они содержали.⁹⁸ По мнению Кошелева, Некрасов «намеренно и вполне сознательно» избрал для себя «нейтральную позицию».⁹⁹

⁹⁵ Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 199.

⁹⁶ Кошелев В. А. Некрасов и славянофилы. С. 35.

⁹⁷ Там же. С. 38, 40—43.

⁹⁸ Там же. С. 38—40.

⁹⁹ Там же. С. 43.

Исследователь подходит к выводу: «Именно вследствие этой позиции сам Некрасов-поэт оказывается в 40-е годы едва замечен критикою: Белинский высказывается о его новых произведениях походя <...> Шевырев приводит их в качестве негативных примеров литературной “разнузданности”, К. Аксаков прямо включает Некрасова <...> в число “посредственностей”, В. Майков вовсе об нем не высказывается. Некрасов не был интересен для литературных “партий” — и потому не был замечен как “поэт, и поэт истинный”».¹⁰⁰

Действительно, Некрасов в середине и второй половине 1840-х гг. фигурирует в критике как издатель и как критик, а стихи его и проза — как сочинения «издателя».¹⁰¹ С одной стороны, это закономерно, поскольку он действительно ярко проявил себя в эти годы как критик и издатель. С другой стороны, вывод В. А. Кошелева созвучен изложенным в этой и других главах наблюдениям о том специфическом восприятии Некрасова, к которому подходит определение «литературной партийности». Причем отметим, что наблюдение исследователя позволяет говорить о временных рамках, когда Некрасов испытывал сильное влияние Белинского, заметное в полемике против Н. А. Полевого. По-видимому, с середины 1840-х гг. восприятие Некрасовым Белинского становилось более зрелым и трезвым.

Суждение же В. А. Кошелева о «нейтральной позиции» Некрасова, занятой в полемике со славянофилами, подтверждается еще одним фактом. В письме к И. С. Тургеневу Белинский сетовал, что Некрасов не пишет критических статей (*Б-13*, XII, 343—344). Заметное сужение этого рода деятельно-

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ В статье В. П. Горленко явственно видно, насколько мощным конкурентом поэтической славе был успех издателя: «В том же году печатаются новые, зрелые стихотворения Некрасова, те, которые Белинский заучивал наизусть и пересылал в письмах к друзьям («На родине», «В дороге» и друг.) и которые нашли вскоре такой отголосок во всей России и положили основание славы “певца народных страданий”. В конце года является предвестник “Современника” “Петербургский сборник” и встречается огромным по тому времени успехом» (*Горленко В. П. Литературные дебюты Некрасова*. С. 164). Хотя, по словам современника, стихи Некрасова будут услышаны «вскоре», в 1846 г. признание поэта — еще дело будущего.

сти в творческой биографии Некрасова представляется закономерным и объясняемым не только напряженной работой по журналу.¹⁰² С 1845 г. он пишет значительно больше стихов, чем в начале 1840-х, и, по свидетельству современника, это уже были «первые *настоящие* некрасовские произведения».¹⁰³ Но, хотя Белинский уже признал в Некрасове «поэта истинного», он больше сожалел о потере в его лице рецензента и фельетониста.

Изложенные наблюдения уточняют оценку Белинским Некрасова-критика.

Эта оценка была очень высокой, однако и достаточно узкой. Она подразумевала похвалу Некрасову — полемисту, оппоненту идеологических противников, мастеру памфлетной формы, — сужая в читателе представление о критике, которое все больше сближалось с представлением о публицистике. При этом одобрение Белинского высказывалось критику, поражавшему оппонентов Белинского.

«Партийные» интересы этой критики и развитие публицистического начала способствовали тому, что литературная репутация в критических статьях занимала все более заметное место, сравнительно с проблемами историко-литературного и эстетического характера. Это обстоятельство объясняет особенность восприятия Некрасова критикой в 1840-х гг.: в полемике, где обе стороны не скупилась на острые и подчас гротескные характеристики оппонентов, репутация молодого критика, наиболее ярко в литературном отношении проявившего себя в первой половине 1840-х гг. на этом поприще, затеняла его литературное мастерство (подробней см. в гл. III).

Оценка эстетических взглядов, чутья и начитанности Некрасова, его владение жанром за рамками памфлетной формы, по всей видимости, мало интересовали Белинского. Если они и были предметом устных бесед, то не отражены в его печатной критической оценке.

¹⁰² Личные обстоятельства (тяжелый конфликт с Белинским, болезнь, рождение и смерть первого сына), несмотря на их весомость, также представляются вторичными по отношению к его творческому поиску.

¹⁰³ Горленко В. П. Литературные дебюты Некрасова. С. 158.

Интерес Белинского к Некрасову возникает на его повороте интереса от критики как «науки изящного» к критике, тесно связанной с публицистикой и питающейся традициями фельетонной критики и прозы, точнее — беллетристики. Некрасов как пишущий человек изначально заинтересовывает Белинского именно в этой ипостаси.

§ 5. О ПРОЗЕ НЕКРАСОВА

Рассматривая критическую оценку прозы Некрасова, прежде всего следует оговорить, что оценка могла даваться *прозе*, а могла — *беллетристике*.

Понятие «проза» могло выступать в противопоставлении понятию «поэзия» в частном смысле: разница была обусловлена особой ритмической и фонетической организацией текста, определяющей семантику слова. Противопоставление могло касаться общего смысла: «проза» была принципиально отлична от того, что было признано «искусством», «художеством». В этом смысле «прозой» могли быть названы посредственные стихи.

Точно так же в противопоставлении прозы и беллетристики под «прозой» подразумевалось, во-первых, всё, что написано не стихами (и не в драматическом роде), во-вторых — то, что претендует на художественность. Под беллетристикой — явление другого порядка.

Приведенная выше цитата из статьи К. С. Аксакова о «литературной фабрике» может быть расширена: «Статьи литературной фабрики пришли в движение. Точь-в-точь как фабрика совершенствуется, поставляет более тонкие и приятные ткани, так совершенствовалась и новая литературная школа, т. е., она набивала руку. Иногда о произведении ее можно сказать: хорошая работа! недурная отделка! Но такое достоинство изделия в произведении литературном наводит тоску невообразимую, так что плохое, грубое произведение открываешь чаще, на нем отдыхает чувство измученное гладкою отделкою копированного снимка. Впрочем, у нас уже нет грубых произведений: все гладко, пригнато и примерено, приемы известны, все выучились со-

чинять и для большего успеха по двое садятся за работу, как напр<имер>, Некрасов и Станицкий. Наскучило раздолье посредственности».¹⁰⁴

Отметим мотив «литературной промышленности», признание мастерovitости, противопоставление подобных «изделий» искусству (в пользу даже «плохому, грубому производству»), прямую оценку («посредственность»), примененную непосредственно к Некрасову.

Суждение Аксакова адресовано также, несомненно, бывшему другу и нынешнему оппоненту Белинскому, в чьих статьях открыто говорится о пользе беллетристики в современном литературном процессе. При этом в определении беллетристики Белинский схож с Аксаковым. Повторно (см. сн. 65 в гл. II, § 4) процитируем фрагмент из статьи 1840 г. «Басни Ивана Крылова»: «беллетристика относится к искусству, как статуйки для украшения каминов, столов, этажерок и окон, бюстики Шиллера, Гёте, Пушкина, Вольтера, Жан-Жака Руссо, Франклина, Тальони, Фанни Эльслер и проч. относятся к Аполлону Бельведерскому, Венере Медичейской и другим памятникам древнего резца, — и как эстампы относятся к оригинальным картинам великих мастеров» (*Б-13, IV, 148—149*).

Белинский говорит о пользе того, что выходит из массового производства и не оригинально. Хорошая (или замечательно хорошая) форма (исполнение) ценна постольку, поскольку она хорошо передаёт уже известное. «Бюстик Шиллера» не претендует на художественное решение, но он хорош, когда Шиллер сразу узнаваем, и еще лучше — если сразу узнаваем и Шиллер, и оригинал, с которого сделан слепок для отливки бюстика.

Речь идет о популяризаторской роли беллетристики. Этой области творчества, вызывающей интерес исследователей, посвящены специальные работы.¹⁰⁵ В современном литературоведении признана польза и эстетические достоинства этой «серединной» области словесного творчества, которая

¹⁰⁴ Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. С. 199—200.

¹⁰⁵ Напр.: Чернов А. В. Русская беллетристика 20-40-х годов XIX века: Вопросы генезиса, эстетики и поэтики. Новгород, 1997; Вершинина Н. Л. Русская беллетристика 1830-х — 1840-х годов. Проблемы жанра и стиля: Монография. Псков, 1997.

соприкасается как с массовой литературой, так и с ее высокими образцами.¹⁰⁶ Просветительская ценность беллетристики признавалась и в середине XIX в. Для Белинского в 1840-х гг. беллетристика, как и критика, связывалась именно с просветительской ролью, публицистическим началом и общественной мыслью, с общим образованием в форме легкого чтения низших и средних слоев общества (см.: *Б-13*, IX, 399). Изящество формы, заложенное в самом термине (фр. *belles letters* — изящная словесность), было для него второстепенным в оценке произведения.

Именно эта тенденция просматривается в оценках, которые Белинский давал произведениям Некрасова. Суждения о прозе Некрасова начала 1840-х гг. рассмотрены в гл. II, § 4. Здесь рассмотрим более подробные и комплиментарные отзывы Белинского, относящиеся к середине 1840-х гг.

В центре внимания критика оказывается очерк «Петербургские углы (Из записок одного молодого человека)».¹⁰⁷ Литературные источники этого произведения, усвоение им гоголевской поэтики, контекст очерка и его трансформация в дальнейших прозаических опытах Некрасова освещены Н. Н. Мостовской в комментарии к очерку (*ПСС*, VII, 583—584).

По воспоминаниям А. Я. Панаевой, Некрасов читал «Петербургские углы», опубликованные в 1845 г. в «Физиологии Петербурга».¹⁰⁸ Нам представляется, что это могла быть «Повесть о бедном Климе», над которой Некрасов начал работать в 1841 г. и интенсивно работал в 1842-м (*ПСС*, VIII, 700—701) и которая осталась неопубликованной.

Название «Петербургские углы» обнимает описания в повести разнообразных петербургских казенных мест и жилищ и, в частности, ветхого флигеля, в котором лежал больной Клим (*ПСС*, VII, 23—24), и артельной квартиры нищих (*ПСС*, VII, 37—39). Хотя прямая связь повести и очерка не называется авторами комментария к «Повести о бедном Климе» Т. П. Голо-

¹⁰⁶ Так определяется беллетристика в справочной литературе: Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2003. Стлб. 79.

¹⁰⁷ Впервые опубликовано: ФП. Ч. 1. СПб., 1845. С. 254—303.

¹⁰⁸ Там же. С. 97.

вановой и В. И. Коровиным, ее очевидность просматривается в указании близких источников, включая автобиографические рассказы и личные впечатления (*ПСС*, VII, 701—703). Н. Н. Мостовская в комментарии к роману «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» прямо указывает на использование Некрасовым «Петербургских углов», как «Повести о бедном Климе», в романе (*ПСС*, VIII, 705, 706, 709 и т. д.). Работая над романом (тоже оставшимся неопубликованным при жизни автора; известная нам рукопись не завершена), Некрасов усилил традиции авантюрного романа¹⁰⁹ (с учетом и переосмыслением произведений Ф. В. Булгарина) и включил в текст ранее опубликованные очерки, отражающие повседневную жизнь современной журналистики и театра и сохраняющие фельетонный стиль (в чем сказалась ориентация на И. И. Панаева).

Отметим, что ни сюжет (а сюжетная занимательность — качество, ценное в беллетристике), ни даже фельетонная острота некрасовской прозы не запечатлена в сохранившихся оценках Белинского.¹¹⁰ Что касается «Повести о бедном Климе», то она подходит под определение «сентиментальный натурализм».¹¹¹ Опыт такой манеры письма легко объясняет восхищение, с кото-

¹⁰⁹ Ее подробно освещает в своей монографии Г. А. Шпилева (см.: *Шпилева Г. А. Динамика прозы Н. А. Некрасова*. Воронеж, 2006).

¹¹⁰ С некоторой натяжкой можно указать, напр., на следующий отзыв, сделанный в статье «Русская литература в 1843 году». Имя Некрасова и название его рассказа упоминается в длинном ряду других авторов и произведений: «Вот перечень лучших оригинальных повестей в прошлогодних журналах: “Тля” г. Панаева; “Чайковский” г. Гребенки; “Из записок неизвестного”, юмористический очерк Сергея Нейтрального (в «Отечественных записках»); “Вакх Сидоров Чайкин” В. Луганского; “Райна, королева болгарская” г. Вельтмана (в «Библиотеке для чтения»); “Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту” Луганского; “Хмель, сон и явь” его же (в «Москвитяине»); “Черный таракан” (фантастический роман из жизни одного чиновника) В. Зотова (в «Репертуаре и пантеоне»). Сверх того, в “Отечественных записках” были помещены повести: “Ярмарка” г-жи Закревской, “1812 год в провинции”, рассказы Г. Ф. Основьяненко, “Ничего, хроника петербургского жителя” барона Ф. Бюлера, “Две сестры” г-жи Жуковой, “Дженнат и Бока”, чеченская повесть Л. Ф. Екельна, “Необыкновенный завтрак” Н. А. Некрасова; — в “Библиотеке для чтения”: “Хозяйка” г. Ф. Фан-Дима, “Историческая красавица” Н. В. Кукольника, “Тримаса моего доктора” И. И. Лажечникова, “Волгин” г. В., “Хижина под скалами” г. П. Корсакова, “Идеальная красавица” Барона Брамбеуса» (*Б-13*, VIII, 95).

¹¹¹ «Берутся сентиментальные жанровые разновидности и приспособляются к натуралистической манере рисовки. Происходит смещение точек зрения, и восприятие мира

рым был встречен Некрасовым и Д. В. Григоровичем роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». В художественном отношении «Повесть о бедном Климе» уступает «Бедным людям» и в сюжете, и в выработанности характеров, и в прорисовке сюжетных коллизий. Некрасов конспективен в диалоге и пространен в описании. Более того, по собственному его признанию, Некрасов испытывал трудности в построении сюжета. Об этом пишет Ю. К. Арнольд.¹¹²

Впоследствии манера «сентиментального натурализма» (или сложившейся манеры Достоевского, которая воспринимается им таким образом) вызывает у Некрасова иронию (что демонстрирует история разрыва Достоевского с кружком Белинского), а фельетонная и особенно очерковая традиция просматривается в неоконченном романе «Тонкий человек, его приключения и наблюдения» и в замысле, которым он в конце жизни делился с А. С. Сувориным.¹¹³ В позднейшей самооценке Некрасов — сам опытный критик —

преломляется сквозь призму подставного рассказчика, “бедного человека”» (*Виноградов В. В.* Гоголь и натуральная школа. Л., 1925. С. 69;). Сам термин «сентиментальный натурализм» введен Ап. Григорьевым (см. также: *Виноградов В. В.* Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский. Л., 1929. С. 211).

¹¹² «<...> в сентябре месяце 1841 года Некрасов, быв у меня, жаловался даже на то, что ему *хотелось бы* что-то порядочное, серьезное написать, но что у него *сюжета нет*»; (далее Арнольд рассказывает о собственном замысле романа, который Некрасов попросил у него для переработки): «Продай мысль и план романа <...> мне-то не легко дается хорошие сюжеты придумать» (Воспоминания Юрия Арнольда. Вып. II. С. 192).

Как представляется, трудность в придумывании сюжета при сильной склонности и способности к авторефлексии выдаёт склад лирика. Не случайно опыт работы Некрасова с прозой, сюжетом и крупной формой выливается в написание поэм.

¹¹³ Замысел был связан с впечатлениями об игре и игроках: «Об игре я бы целую книжку написал. Какие тут люди, что я испытал тут. Один Абаза чего стоит! Это герой мой был бы. Все были бы в книжке люди, которых мы ежедневно встречаем, а не сочиненные какие-то особенные “игроки”. Четыре женщины вывел бы тоже очень интересные. Это была бы особая часть записок» (Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 8). Речь идет об упомянутых в гл. II, § 4, сн. 43 «Записках»: «После того как простили меня Антонович и Жуковский, я стал писать свои “Записки”, листов 12 печатных написал, потом бросил» (Там же).

Отметим: речь идет о людях, о типах, о переживаниях. Всё это близко жанру воспоминаний, очерка, но не романа, не случайно Некрасов говорит о «книге», а не о «романе» или даже «повести». Это наблюдение согласуется с признанием поэта, что ему трудно даются сюжеты.

пишет о себе-прозаике как об авторе «Петербургских углов» и лишь с оговоркой — авторе «Тонкого человека...».¹¹⁴

Именно мастерство очеркиста и отмечает Белинский в прозе Некрасова, неизменно выделяя из написанного им «Петербургские углы». Проанализируем несколько цитат.

«Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов, под редакцию Н. Некрасова»: «<...> Остальные четыре статьи составляют *практическую* и, следовательно, главнейшую часть книги. Лучшие из них — “Петербургский дворник” В. И. Луганского и “Петербургские углы” г. Некрасова. <...>

“Петербургские углы” г. Некрасова отличаются необыкновенною наблюдательностью и необыкновенным мастерством изложения. Это живая картина особого мира жизни, который не всем известен, но тем не менее существует, — картина, проникнутая мыслью» (Б-13, IX, 50—51). Далее следует обширная цитата из некрасовского очерка.

Несмотря на высокую оценку — «необыкновенное мастерство изложения», — именно художественная форма оказывается вторичной. Критик акцентирует внимание на наблюдательности, с какой автор очерка выбрал «картину особого мира жизни», познавательную ценность этой картины, «мысль».

В другой статье, также полемизирующей с «Северной пчелой» и содержащей похвалу Некрасову, Белинский говорит не о достоинствах языка, композиции, образов и т. д., а о правомочности выборе *такого* объекта:

«Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов, под редакцию Н. Некрасова. (С полнотипажами). Часть II»: «Первая часть “Физиологии Петербурга” имела большой успех. И не удивительно: статьи “Дворник” и “Петербургские углы” могли бы украсить собою всякое издание

¹¹⁴ «Прозы моей надо касаться осторожно. Я писал из хлеба много дряни, особенно повести мои, даже поздние, очень плохи — просто глупы; возобновления их не желаю, исключая “Петербургские углы” (в «Физиологии Петербурга») и, разве, “Тонкий человек” (начало романа в «Современнике») (ПСС, XIII, 60).

<...> Одна газета <...> выписала <...> несколько строк из “Петербургских углов” и коротко, без изложения содержания статьи, без доказательств, объявила, что статья плоха, исполнена сальностей, грязи и дурного тона. <...> Но никакой истинный аристократ не презирает в искусстве и литературе изображения людей низших сословий и вообще так называемой низкой природы, — чему доказательством картинные галереи вельмож, наполненные, между прочим, и картинами фламандской школы. Уж нечего и говорить о том, что люди низших сословий прежде всего — люди же, а не животные, наши братья по природе и о Христе, — и презрение к ним, особенно изъясляемое печатно, очень неуместно» (*Б-13*, IX, 217).

Контекстом этой полемики выступает спор о Гоголе, который различные издания вели много лет и в ходе которого Белинский оставил множество кратких и развернутых суждений, проанализированных в научной литературе. Прямая преемственность Некрасова по отношению к Гоголю, замеченная его современниками, также подробно освещена в комментариях к его произведениям и специальных работах, посвященных его прозе¹¹⁵ и поэзии. Общим местом этого спора являются тезисы о правдивом изображении реальной действительности, типизации характеров, художественном праве на изображение «низкой» действительности, с одной стороны, — о неправомерности художника выбирать «низкое» в качестве объекта изображения, если наряду с «низким» не представлен идеал, о специфике искусства, которое требует для изображения отбора из того, что есть в действительности. Понятие «натуральная школа», введенное Ф. В. Булгариным, обязано мысли о «дагерротипном» копировании «натуры», мысли, что авторы превратно и однобоко видят и представляют себе «натуру» как средоточие «низкого», грязного и злого. Искусство, таким образом, в освещении Булгарина, рискует обратиться в «дагерротип», «карикатуру» или «пасквиль».

¹¹⁵ См., напр.: *Вершинина Н. Л., Мостовская Н. Н.* «Из подземных литературных сфер». Очерки о прозе Некрасова. Вопросы стиля: Учеб. пособие по спецкурсу. Псков, 1992; *Штилевая Г. А.* Динамика прозы Н. А. Некрасова, и т. д.

Это суждение, как уже отмечалось, разделяли и оппоненты «Северной пчелы» (см., напр., сн. 93 в § 4 этой главы). Поэтому полемические выступления Белинского, с полным основанием трактуемые как мысль о просвещении, демократизации литературы, расширении диапазона изображаемого, имеют не меньшее отношение к теории литературы, нежели к общественной мысли. Спор о «натуре», идеале, «высоком» и «низком» влечет за собой осмысление центральных этических и эстетических категорий, представлений о жанре и терминологии критики.

Из соображений лаконизма оставляя здесь в стороне полемику собственно о творчестве Н. В. Гоголя, отметим, что ряд высказываний «Северной пчелы» о «натуре», «дагерротипе», «пасквиле» проанализирован в гл. VI, разд. 3, посвященном Булгарину-критику.

Отметим одно высказывание Белинского, содержащее косвенную оценку Некрасова. Оно сделано в статье «Русская литература в 1845 году»¹¹⁶ в перечислении наиболее замечательных произведений и посвящено В. И. Далю (Казаку Луганскому): «Из этих последних статей мы должны указать на “Денщика” В. И. Луганского как на одно из *капитальных* произведений русской литературы. В. И. Луганский создал себе особенный род поэзии, в котором у него нет соперников. Этот род можно назвать *физиологическим*. Повесть с завязкою и развязкою — не в таланте В. И. Луганского. И все его попытки в этом роде замечательны только частностями, отдельными местами, но не целым. В физиологических же очерках лиц разных сословий он — истинный поэт, потому что умеет лицо типическое сделать представителем сословия, возвести его в идеал, не в пошлом и глупом значении этого слова, т. е. не в смысле украшения действительности, а в истинном его смысле — воспроизведения действительности во всей ее истине. <...> После Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе» (Б-13, IX, 398—399).

¹¹⁶ Впервые опубликована: ОЗ. 1846. Т. XLIV. № 1. Отд. V. С. 1—22.

Это суждение примечательно. Во-первых, речь идет о продолжателях (а не «первооткрывателях»), вдобавок не наделенных даром строить сюжет. Тем не менее, в подобном авторе признаётся талант, а словосочетание «истинный поэт» указывает, что созданное им произведение — «художественное» произведение. Иными словами, признание художественности говорит об узаконивании жанра очерка, который имеет репутацию несамостоятельного, вспомогательного, уделе копииста. Во-вторых, оценивая «истинного поэта» Даля как «решительно первого» после Гоголя, Белинский определяет место Некрасова¹¹⁷ как низшее по отношению к Далю. Речь идет и о Некрасове — авторе прозаических произведений, в том числе физиологических очерков, хотя Некрасов — автор поэтических произведений уже удостоился фразы Белинского, что он — «поэт истинный».

Обращение к прозе Некрасов рассматривал как важный этап своего творческого становления. Письменное свидетельство поэта даёт достаточно объективное представление о содержательной стороне критики Белинского, усвоенной Некрасовым. Некрасов пишет: «Поворот к правде, явившийся отчасти от писания прозой, крит<ических> ст<атей> Белинского, Боткина, Анненкова и др<угих>. Тургенев, Краевский, Панаев, Панаева» (*ПСС*, XIII₂, 56).

Имя А. А. Краевского соотносится с журналом «Отечественные записки», который притягивал лучшие силы русской литературы и сотрудниками которого были Белинский, Некрасов и другие упомянутые поэтом литераторы, за исключением А. Я. Панаевой. Упоминание имени И. С. Тургенева, несомненно, включает в себя и его деятельность до «Записок охотника», начавшихся в 1847 г. Знакомство Некрасова с Тургеневым состоялось в 1843 г. (*Летопись*, I, 126). Тургенев был другом, собеседником и адресатом писем Белинского, что было важным обстоятельством во внутрикружковых отношениях. Имя А. Я. Панаевой связано в первую очередь с повестью «Семейст-

¹¹⁷ Его произведения упомянуты в этой статье в числе «особенно замечательных» (*Б-13*, IX, 391).

во Тальниковых», первым произведением писательницы. Повесть была опубликована в «Иллюстрированном альманахе» (1848) и, вместе с повестью А. В. Дружинина «Лола Монтес», стала причиной цензурного запрета издания.¹¹⁸ По-видимому, Некрасов проделал серьезную редакторскую работу над повестью (*ПСС*, XIV₁, 104—105). Влияние И. И. Панаева (*ПСС*, VIII, 720—721) касается и круга чтения в начале 1840-х гг., и усвоения жанрово-стилистических приемов очерка и фельетона.

Совет обратиться к прозе прозвучал еще в рецензии Белинского на «Мечты и звуки»: «Точно так же, как повесть, в сравнении с другими родами поэзии, есть самый благодарный род для людей, не одаренных художнической фантазией, но одаренных воображением, чувством и способностью владеть языком, — точно так же проза вообще благодарнее для них, чем стихи. Если в прозе нет даже и чувства и воображения, то может быть ум, остроумие, наблюдательность или хоть гладкий язык» (*Б-13*, IV, 118). Этот факт отмечает и Ю. Н. Тынянов, анализирующий *прозаичность* стихов Некрасова как поиск новых стиховых форм: «Не случайно отзыв Белинского о “Мечтах и звуках” начинался с указания на то, что автору лучше писать в прозе».¹¹⁹

В совете Белинского обратиться к прозе явственно слышится компромисс по отношению к дебютанту. Он говорит о составляющих *таланта*, однако и его арифметических составляющих, и самого таланта еще недостаточно для того, что быть «поэтом истинным». Это рассуждение высказано в статье, также посвященной В. И. Далю и характеризующей его дар, — «Повести, сказки и рассказы казака Луганского»:¹²⁰

«Для литературных успехов, для приобретения славы писателя в наше время мало одного таланта: необходимо еще, чтобы талант от самой природы был означен печатью самостоятельности. <...> Оригинальность таланту сообщается углом зрения, с которого представляется автору мир, цветом сте-

¹¹⁸ Подробнее см.: Долгих У. М. Цензурная история «Иллюстрированного альманаха» // Русская литература. 1977. № 2. С. 124.

¹¹⁹ Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М., 1993. С. 214.

¹²⁰ Впервые опубликовано: С. 1847. № 2. Отд. III. С. 134—138.

кол, сквозь которые отражаются в глазах ума его все предметы. <...> Без самобытности нельзя иметь великого таланта, а небольшой — в таком случае ничего не стоит.

Вглядываясь в произведения самобытного таланта, всегда находите в них признаки сильной склонности, иногда даже страсти к чему-нибудь одному, и по тому самому такой талант становится для вас истолкователем овладевшего им предмета. Он делает его для вас доступным и ясным, рождает в вас к нему симпатию и охоту знать его» (Б-13, X, 79—80).

В этом рассуждении перифрастически изложена мысль о необходимости *любви*, которая впоследствии найдет отражение в поэтической формуле Некрасова «любить и ненавидеть», воспринятой именно в беседах с Белинским,¹²¹ и в критических суждениях о «любви» и «ненависти» в поэзии Некрасова.¹²² Можно предполагать, что именно об осознанном выборе личных «наклонностей», о поиске самобытности говорит П. В. Анненков: «В 1843 году я видел, как принялся за него <Некрасова. — М. С.> Белинский, раскрывая ему сущность его собственной природы и ее силы, и как покорно слушал его поэт, говоривший: “Белинский производит меня из литературного бродяги в дворяне”». ¹²³

Воспоминания П. П. Гнедича сохранили оценку творческих возможностей и перспектив Некрасова, вынесенную Белинским и другими современниками в середине 1840-х гг. Гнедич пишет:

«Некрасова как прозаика знал я по его “Петербуржским углам”, напечатанным в “Физиологии Петербурга”. Д. В. Григорович много мне рассказывал о нем и отзывался как об огромном беллетристе, забросившем свою настоящую профессию ради стихотворства, на которое его направил Белин-

¹²¹ Подробнее см.: *Степина М. Ю.* Поэтическая формула «любить и ненавидеть» у Некрасова // «Карабиха»: Историко-литературный сборник. Ярославль, 2013. Вып. VIII. (В печати).

¹²² См., напр.: *Степина М. Ю.* «Записки охотника» И. С. Тургенева и лирика Н. А. Некрасова в критических суждениях С. С. Дудышкина // Спасский вестник. Тула, 2013. Вып. 20. С. 128—132.

¹²³ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 3. С. 552.

ский, утверждавший, что из него выйдет великий поэт. То же самое Белинский утверждал и относительно Тургенева, но И. С. не дослушал его, и похвалы его “Параши” не остановили его отдаться тому призванию, что влекло его. Хотя Некрасов впоследствии, “молясь многострадальной тени” Белинского, восклицал:

Учитель! Пред именем твоим
Дозволь смиренно преклонить колена!

Но тем не менее именно Белинский, а не кто другой, был виновник того, что мы в лице Некрасова лишились, быть может, первостепенного романиста и драматурга». ¹²⁴

В примечании мемуарист указывает: «О Некрасове как прозаике мною напечатана статья в “Sertum bibliologicum” в честь проф. А. И. Малеина (Петроград, 1922 г.), где подробно указаны мотивы на значение (так! — М. С.) Некрасова, ведущего за собой таких писателей, как Достоевский и Тургенев, и в то же время бывшего плоховатым версификатором». ¹²⁵

В этом фрагменте воспоминаний запечатлено несколько важных констатаций.

Первая: Некрасов в середине 1840-х гг. относился к прозе как к «настоящей профессии». Даже учитывая репутацию Д. В. Григоровича как человека, склонного к преувеличениям и способного лгать, следует учесть его замечание. Проза Некрасова — одна из постоянных составляющих издаваемых им сборников и альманахов «натуральной школы». При этом читатель увидел лишь небольшую часть написанного: многие начатые в эти годы прозаические произведения Некрасова остались неопубликованными либо опублико-

¹²⁴ Гнедич П. П. Книга жизни. Воспоминания. 1855—1918. М., 2000. С. 262—263.

¹²⁵ Там же. Оценка «плоховатый версификатор» в сопоставлении с анкетой, предложенной К. И. Чуковским современным поэтам, и несколькими литературоведческими статьями (напр.: Эйхенбаум Б. М. Некрасов. Пг., 1922; Эйхенбаум Б. М. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924; Тынянов Ю. Н. Стиховые формы Некрасова; Чуковский К. И. Проза ли? // Чуковский К. Некрасов. Л., 1926. С. 134—179), отражает неотчетливость общего представления о поэте Некрасове в те годы, когда в первую очередь его поэтическая техника (а не биография и популяризируемая им общественная мысль) вызывала наиболее острый интерес.

ванными частично (главы из романа «Тонкий человек, его приключения и наблюдения» — *ПСС*, VII, 609) и, судя по состоянию дошедших до нас рукописей, незавершенными. Таким образом, несмотря на позднейшую переоценку, для Некрасова критические суждения о его прозе могли иметь принципиально важное значение.

Вторая: Белинский видел в Некрасове и в Тургеневе потенциал «великого поэта».

Третье: Именно Белинский (вначале посоветовавший стихотворцу писать прозой) «направил» как будто бы многообещающего беллетриста Некрасова на путь «стихотворства», а не прозы.

Таким образом, его оценка дара Некрасова-прозаика и достоинств его прозаических произведений в печати была высокой в контексте пропаганды «натуральной школы» и просветительской ценности очеркистики и беллетристики, но в этой сфере она совпадала с оценкой его оппонентов: Некрасов-прозаик был для Белинского писателем определенного направления, группировки, но не индивидуальностью, приносящей новое художественное открытие, не «поэтом истинным».

3. ПРИЗНАНИЕ ПОЭТА

Похвала «Статеек в стихах» (*Б-13*, VII, 8—11) (разд. 2, § 4) не означала признания поэта. По свидетельству И. И. Панаева, оценку «поэт истинный» Белинский дал Некрасову, когда тот прочел ему стихотворение «В дороге» (1845)¹²⁶ (см. разд. 2, § 2). Письмо Белинского к А. И. Герцену также содержит отзыв об этом стихотворении: «Ты прав, что пьеса Некрасова “В дороге” превосходна; он написал еще несколько таких же и напишет их еще больше» (*Б-13*, XII, 264). Известен отзыв Белинского, сделанный в письме к И. С. Тургеневу, о стихотворении «Нравственный человек» (1847): «Некр<асов> написал недавно страшно хорошее стихотворение. Если не попадет в печать <...> то пришлю к Вам в рукописи. Что за талант у этого человека! И что за топор его талант!» (*Б-13*, XII, 336).

И. И. Панаев упоминает также: «Его стихотворение “Родина” привело Белинского в совершенный восторг. Он выучил его наизусть и послал его в Москву к своим приятелям...».¹²⁷

В. П. Горленко оставил отзыв о 1846 годе: «В том же году печатаются новые, зрелые стихотворения Некрасова, те, которые Белинский заучивал наизусть и пересылал в письмах к другим («На родине», «В дороге» и друг.)».¹²⁸

В автобиографических записях Некрасова содержится такое свидетельство:

«Я сблизился с Белинским. Принялся немного за стихи. Приношу к нему около 44 года стихотворение “Родина”, написано было только начало. Белинский пришел в восторг, ему понравились задатки отрицания и вообще за-

¹²⁶ Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 285—286.

¹²⁷ Там же. С. 286.

¹²⁸ Горленко В. П. Литературные дебюты Некрасова. С. 164.

рождение тех мыслей, которые получили свое развитие в дальнейших моих стихах. Он убеждал продолжать.

<...> Прибегают от Белинского. Иду туда, впервые встречаю Тургенева,¹²⁹ читаю ему “Родину”. Он в восторге: “Я много писал стихов, но так написать не могу, — сказал Тургенев, — мне нравятся и мысли, и стих”» (ПСС, XIII₂, 48).

Написание «Родины» в ПСС датировано 1845—1846 гг. (ПСС, I, 586). Признание поэта совершается одновременно с выходом «Физиологии Петербурга» и «Петербургского сборника», и печатные критические суждения Белинского этих лет содержат оценку поэзии Некрасова.

§ 1. ОЦЕНКА ПОЭЗИИ НЕКРАСОВА В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА «НАТУРАЛЬНОЙ ШКОЛЫ»

Общая оценка Белинского, относящаяся ко всем составителям «Физиологии Петербурга» (1845), и в частности Некрасова, высказана им во «Вступлении»: «Что касается лично до составителей этой книги, — они совершенно чужды всяких притязаний на поэтический или художественный талант» (Б-13, VIII, 384). Белинский формулирует программу издания: сборник беллетристических произведений, написанных «обыкновенными талантами», «удовлетворяющих насущную потребность ее (публики. — М. С.) ежедневных досугов» (*там же*, 379). В сравнении с устным признанием «поэт истинный» оценка выглядит сниженной и деиндивидуализированной.

Оценка стихотворения Некрасова «Чиновник» изложена в рецензии на вторую часть «Физиологии Петербурга», в которой «Чиновник» в ряду «статей», помещенных в сборнике, назван «самой лучшей из них»: “Чиновник”, пьеса в стихах г. Некрасова, есть одно из тех в высшей степени удачных произведений, в которых мысль, поражающая своею верностью и дельностью, является в совершенно соответствующей ей форме, так что никакой, самый

¹²⁹ Знакомство Некрасова с И. С. Тургеневым датируется концом февраля 1843 г. (*Летопись*, I, 126) на основании воспоминаний Тургенева.

предприимчивый критик, не зацепится ни за одну черту, которую мог бы он похулить. Пьеса эта написана в юмористическом духе и верно воспроизводит одно из самых типических лиц Петербурга — *чиновника*» (Б-13, IX, 218). Далее следует обширная цитата из стихотворения. За ней Белинский предвосхищает замечание оппонентов о выборе недостаточно возвышенного объекта изображения и возражает: «мы ценим литературные произведения прежде всего по их выполнению, а потом уже и по их содержанию, предмету и цели <...> эта пьеса — одно из лучших произведений русской литературы 1845 года» (*там же*, 220).

Стихотворение не называется поэтическим произведением. Это «пьеса в стихах». Она отвечает требованиям очерка как жанра беллетристики по мысли и по форме. Стихотворение, критический отзыв и обширная цитата в нем представляют собой декларацию принципов «натуральной школы».

Та же декларация звучит в рецензии Некрасова на вторую часть «Физиологии Петербурга», содержащей авторецензию и автоцитацию: «Вторая статья “Чиновник” написана стихами г. Некрасовым. Если это не полная физиология чиновничьей жизни, не совсем определенный очерк его побуждений, надежд, степени нравственного развития, то в ней все-таки встречается много верных черт низшего слоя служебников, которых жизнь ограничивается рождением, ежедневной работой в присутственном месте и, наконец, весьма обыкновенной смертью» (ПСС, XI₁, 220) (далее следует цитата).

Авторецензия Некрасова не тождественна авторекламе (см. гл. VI, разд. 1, § 3) (в отличие от авторецензий и анонсов собственных водевилей — см. гл. II, § 8). И поэт (он же — критик собственного стихотворения), и критик в оценке стихотворения подходят к нему как к «статье», «очерку», популяризирующему определенную мысль, содержащему полезную информацию, которая доступна пересказу. Стихотворная форма выступает как несущественная подробность. Речь не идет о поэтическом языке, принципиально отличном от языка прозы. Таким образом, оценка «поэт истинный» не относится к

стихотворению «Чиновник» и вообще не выражена Белинским в отношении Некрасова.

В этом отношении оценка Белинского противопоставлена оценке его оппонентов (например, П. А. Плетнева (гл. V, § 10), Л. В. Бранта¹³⁰) в том, что он находит *полезными* произведения, написанные людьми без «поэтического или художнического таланта», а два других, во всех отношениях разных, критика считают их бесполезными, — но не в оценке *таланта* Некрасова. «Поэт истинный» фигурирует в его рецензии как полезный, соответствующий требованиям направления автор «без поэтического или художнического таланта».

* * *

В «Петербургском сборнике», вышедшем 15 января 1846 г. (*Летопись*, I, 202), было опубликовано четыре стихотворения Некрасова: «В дороге», «Пьяница», «Отрадно видеть, что находит...» и «Колыбельная песня».

В рецензии на «Петербургский сборник»¹³¹ Белинский отмечает: «В “Петербургском сборнике” семь статей в прозе, две поэмы стихами <...> девять мелких стихотворений, из которых в особенности должна быть замечена пьеса самого издателя альманаха, называющаяся: “В дороге”» (*Б-13*, IX, 476).

Аналогичный отзыв Белинский даёт в обширной статье, посвященной «Петербургскому сборнику».¹³² Критик пишет: «Мелких стихотворений в “Петербургском сборнике” немного. Самые интересные из них принадлежат перу издателя сборника, г. Некрасова. Они проникнуты мыслию; это — не стишки к деве и луне; в них много умного, *дельного* и современного. Вот лучшее из низ — “В дороге”. Пусть читатели сами судят, справедливо ли наше мнение» (*Б-13*, IX, 573). Стихотворение приведено целиком.

¹³⁰ СП. 1845. № 236. 19 октября. Русская литература. С. 942—943.

¹³¹ ОЗ. 1846. № 2. Отд. VI. С. 46—47.

¹³² ОЗ. 1846. № 3. Отд. V. С. 1—30.

В рецензии стихотворение, которое побудило Белинского «чуть не со слезами в глазах» признать в Некрасове «поэта истинного», просто упомянуто им в числе «мелких стихотворений». Хотя оно «в особенности должно быть замечено», оно не удостоено специального суждения. В статье дан краткий разбор, но и здесь оценка больше относится к соответствию программе «натуральной школы», нежели к поэтической индивидуальности, наконец, поэтической технике. Более того: в обоих случаях стихотворение называется «пьеса самого издателя альманаха».

Открытие поэтического таланта не повлияло на формулировку (ср. с возможной: «*поэт* Некрасов, чьи замечательные стихи помещены в сборнике, успешно справился с ролью *издателя*, уже знакомой ему»). Более того: в процитированном выше письме к А. И. Герцену, в котором Белинский называет стихотворение «В дороге» «превосходным» (Б-13, XII, 264), критик утверждает: «Пьеса Некрасова “В дороге” нисколько не виновата в успехе альманаха» (*там же*, 265). Действительно, главную роль в успехе сборника сыграл роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Однако оценка стихотворения Некрасова, и открывшего Белинскому «поэта истинного», и соответствующего задачам «натуральной школы», выглядит достаточно низкой, несмотря на внешнюю комплиментарность.

Отметим, что стихотворение «В дороге» было наиболее часто упоминаемым и ценным Ап. Григорьевым. В статье «Стихотворения Н. Некрасова» (1862) критик отметит: «Две вещи “Сборника” произвели общее сильное впечатление: “Бедные люди” и некрасовское стихотворение “В дороге”». ¹³³ Это замечание также свидетельствует о сдержанности оценки Белинского.

Ап. Григорьев посвятил «Петербургскому сборнику» анонимную рецензию, в которой писал: «Из стихотворений “Сборника” в особенности замечательна пьеса самого издателя под названием “В дороге”, проникнутая

¹³³ Григорьев Аполлон. Сочинения: В двух томах. М., 1990. Том второй. С. 295—296.

горьким юмором и злой грустью».¹³⁴ Несмотря на текстуальную близость двух цитат, отметим, что в первой рецензии Некрасов для Григорьева «издатель»: легко представимая формулировка «пиеса г. Некрасова» заявляла бы о самостоятельном значении поэтического творчества, тогда как «пиеса издателя» указывает на определенную доминанту в литературной репутации (ср.: разд. 2, § 3).

В другой своей рецензии, опубликованной в «Финском вестнике», Ап. Григорьев более развернуто характеризует Некрасова именно как поэта, хотя опять упоминает «В дороге» как «стихотворение издателя»: «Из стихотворений сборника более прочих замечательны стихотворения самого издателя г. Некрасова. Одно из них в особенности. “В дороге” chef-d’œuvre простоты, горького юмора и злой грусти. Питая полное уважение к таланту г. Некрасова, мы при первом удобном случае выскажем о нем наше мнение как о таланте замечательном и обнаружившемся не раз по различным родам изящной словесности».¹³⁵

Но доминанта (издатель, а не поэт) прослеживается и в других критических суждениях. Так, Н. В. Кукольник упоминает стихи Некрасова следующим образом: «Мы не сказали ни слова о стихах г. Некрасова из благодарности за издание “Петербургского сборника”».¹³⁶ Оценка издания положительная, но ироническое замечание о стихах указывает, что как поэт Некрасов не воспринимается. В оценке В. Н. Майкова, критика, ценимого Некрасовым и кругом «Современника»,¹³⁷ роль Некрасова — издателя и редактора «Петербургского сборника» освещена иронически, а стихи критик вовсе не упоминает.¹³⁸ А. В. Никитенко, посвятивший «Петербургскому сборнику» две пространные статьи, пишет: «Публика должна быть благодарна господи-

¹³⁴ Ведомости С.-Петербургской городской полиции. 1846. № 33.

¹³⁵ ФВ. 1846. Т. IX. Отд. V. С. 34.

¹³⁶ Иллюстрация. 1846. № 4. С. 59.

¹³⁷ В 1847 г., не покидая «Отечественных записок», куда он был приглашен после ухода Белинского, Майков начал сотрудничать в «Современнике».

¹³⁸ Майков В. Н. Литературная критика: Статьи. Рецензии. Л., 1985. С. 199—200.

ну Некрасову за его “Петербургский сборник”: он издан добросовестно и включает в себе несколько пьес замечательного литературного достоинства»,¹³⁹ — но также не упоминает о стихах Некрасова.

Белинский подробнее говорит о стихах Некрасова в полемике с авторами неодобрительных отзывов. Однако не во всех случаях.

Так, Л. В. Брант в окончании статьи, посвященной «Петербургскому сборнику», пишет: «Остановимся на *поэзии* самого издателя “Сборника”, г. Некрасова, как известно, одного из натуральнейших представителей “натуральной” школы, поместившего тут четыре свои стихотворения, в том числе одно под заглавием “Пьяница”. Уж не слишком ли “натурально”? Можно бы, Г. Некрасов, ограничиться и рассказом *ямщика*, который у вас, вместо *то есть*, говорит: *тоись* (NB: натура!)? Читатели, конечно, удивятся, что г. Некрасов, с своим бесспорно “натуральным” дарованием, плохую свою “Колыбельную песню” называет *подражанием* Лермонтову и берется *переделывать* одно из ненапечатанных стихотворений его. Но читатели всему перестанут удивляться, прочитавши стихотворение “Пьяница”. Украсим статью нашу несколькими стихами из этого высокого дифирамба»¹⁴⁰ (далее следует фрагмент стихотворения).

Статья Белинского, посвященная «Петербургскому сборнику» (Б-13, IX, 475—476),¹⁴¹ открывается ответом на обвинение Бранта, выдвинутое в начале цитируемой статьи Некрасову — редактору и издателю «Физиологии

¹³⁹ БдЧ. 1846. Т. LXXV. № 3. Отд. V. Критика. С. 15—16.

¹⁴⁰ СП. 1846. № 26. 31 января. Русская литература. С. 103.

Ср. с отзывом С. П. Шевырева о Некрасове, уже процитированном выше, как и суждение Бранта (разд. 2, § 4, сн. 90 и 92): «Он думает быть Орловским в поэзии; он рисует вам в стихах извозчика, пьяницу... Но пьяница его только что пьяница, а извозчик только что извозчик, говорящий стихами» (М. 1846. № 2. С. 184). Суждение Шевырева связано с поиском меры «натуры» и «натуральности» в искусстве (см. гл. VI, разд. 3, § 6). Перед нами частный случай сходства в суждениях, послужившего причиной излишне прямолинейного сближения московской славянофильской печати и петербургской «охранительной» (см. об этом замечание В. А. Кошелева: разд. 2, § 4, сн. 93).

¹⁴¹ Цензурное разрешение № 2 «Отечественных записок», в котором вышла эта статья, было получено около 31 января (Б-13, IX, 768) — дня выхода статьи Бранта с отзывом о стихах Некрасова.

Петербурга»: Бранта возмутило, что «малоизвестный» Некрасов «объявляет себя направителем дарований литераторов русских!..».¹⁴²

Разбор Брантом стихов Некрасова Белинский упоминает в статье «Современные заметки», опубликованной уже в 1847 г.¹⁴³ и написанной в ответ на «Журнальную всякую всячину» Ф. В. Булгарина, который иронизировал над статьей Ап. Григорьева с сочувственным отзывом о поэзии Некрасова.¹⁴⁴

Белинский полемичен по отношению и к Григорьеву, и к Булгарину. По поводу «Пьяницы» он пишет: «Вы с презрением говорите об ее героях, — но неужели поэзия должна и теперь, как в ваше время, даже мотыльков и собачек с розовыми ошейничками предпочитать людям простого звания или изображать только благовоспитанных и образованных чиновников? Поэзия нашего времени и не думала восхвалять пьяницу или находить запой высоким чувством, как вы уверяете: приписывать ей это, значит возводить на нее небылицу. К чему же такие восклицания: “Ужели поэзия наша должна воспевать такие предметы, и ужели *русской душе* нет наслаждения, кроме прославления *запой* и драки?” Да кто же прославлял запой и драку? Неужели представить в стихотворении человека, спившегося с кругу от нищеты и горя и глубоко чувствующего свое падение, — неужели это значит — прославлять запой? Неужели заставить мужика наивно удивляться тому, что жена его чахнет, когда он знает, что никогда не бивал ее, *разве под пьяную руку*: неужели это значит — воспевать драку?..

Таким образом, приписывая натуральной школе мнения, которых она никогда не изъявляла, превратно толкуя ее произведения, фельетонист видит в этом ее неисправимость и стыдит ее сравнением ее произведений с произведениями сентиментальной эпохи нашей литературы» (Б-13, X, 173—174).

И далее о позиции Булгарина: «В его глазах успех произведений натуральной школы основан ни на чем ином, как на интригах партии, и, по его

¹⁴² СП. 1845. № 234. 17 октября. С. 934—935.

¹⁴³ С. 1847. № 5. Отд. IV. С. 109—133.

¹⁴⁴ См.: Обзорение журнальных явлений за январь и февраль текущего года // МГЛ. 1847. № 52. 5 марта.

мнению, к этой партии принадлежат решительно все, кто находит что-нибудь хорошее в современной русской литературе» (*там же*, 181).

Ответ Белинского на обвинение в «интригах партии» содержит аргументацию литературного характера: размышление об объекте изображения в литературе разных эпох (см. гл. VI, разд. 3, § 1, 6). Рассуждение посвящено поэтике «натуральной школы» на примере одного из ее авторов — но не персонально поэту, автору упоминаемых стихов.

Частными выглядят возражения Белинского К. С. Аксакову (г. Имрек) в его рецензии на «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год»: ¹⁴⁵ «Г-н Имрек <...> говорит: “<...> стихотворение г. Некрасова «В дороге» <...> было бы очень хорошо, *если б не было мелочных подделок под русскую речь, как-то: тот, эта и эти*”. Оставляя в стороне условную похвалу, делающую, конечно, честь великодушию г-на Имрек, обратим внимание читателя на то, что в стихотворении, о котором говорит г. Имрек, **ни разу не употреблено ни тот, ни эта, ни эти**. Конечно, это произошло совершенно случайно, потому что избегать с намерением общеупотребительных слов никто не станет, — и стихотворению г. Некрасова и без этих слов ничто не мешает быть преисполненным “мелочных подделок под русскую речь”, если г-ну Имрек так угодно, — но зачем же такая странная и неблагоприятная неправда?» (*Б-13*, X, 206—207). ¹⁴⁶

Таким образом, отзывы Белинского о поэзии Некрасова в контексте его суждений о «натуральной школе» лаконичны, одобрительны, иллюстрируют дорогие критику мысли об актуальных задачах литературы. Но эти отзывы не раскрывают читателю «поэта истинного» Некрасова и «сущность его натуры». Объяснение этому кроется частично в условиях журнальной этики и

¹⁴⁵ См.: Три критические статьи г-на Имрек // Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 117—151. Впервые опубликовано: Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847. Критика. С. 1—44.

¹⁴⁶ В возражении Белинского на замечания к языку слышится отголосок полемики с «Северной пчелой», в которой упреки «натуральной школе» в искажении литературного языка были постоянными. Ср. с приведенным выше отзывом Бранта о «Пьянице».

цензуры, частично — в роли издателя, которая и поглощала время и силы Некрасова, и, очевидно, была более востребованной в кружке Белинского.

Частичное объяснение, как представляется, можно найти в еще одном указании на литературную традицию в автобиографической записи Некрасова.

§ 2. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ НЕКРАСОВА ПО ОТНОШЕНИЮ К М. Ю. ЛЕРМОНТОВУ И ОЦЕНКА БЕЛИНСКОГО

Преемственность Некрасова по отношению к М. Ю. Лермонтову была указана еще современниками. Так, Г. П. Данилевский заметил в 1850 г.: «Г-н Некрасов — издатель одного из лучших наших журналов — писал очень мало стихов. Но все, что ни написал он, — истинно прекрасно и интересно. Если бы не трудный род поэзии, по-видимому более всего близкий его природе, он мог бы стать одним из любимейших поэтов русской публики, до сих пор перечитывающей “Демона” и “подражания Гейне” Лермонтова. <...> Г-н Некрасов *понял* лучше многих из нас Лермонтова... Этим самым он нам подал большие надежды! Чувствование почти равносильно творчеству!...».¹⁴⁷

Не останавливаясь подробно на позднейших сближениях Некрасова и Лермонтова в прижизненной критике, напомним, что в классических работах Б. М. Эйхенбаума¹⁴⁸ подробно рассматриваются такие вопросы, как прозаизация стиха, ритм и интонация у Лермонтова и Некрасова как преемника его традиции. В литературоведении XX в. к этой проблеме обращались многие исследователи. Их наблюдения и библиография трудов приводятся в статье И. А. Битюговой в «Лермонтовской энциклопедии».¹⁴⁹ Вкратце проследим общеизвестные факты, перечисленные исследовательницей.

¹⁴⁷ СПбВ. 1850. № 11.

¹⁴⁸ *Эйхенбаум Б. М.* 1) Некрасов. Пг., 1922.; 2) Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924.

¹⁴⁹ *Битюгова И. А.* Некрасов Николай Алексеевич // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981. С. 338—339.

Мотивы и цитации из Лермонтова отмечаются еще в сборнике «Мечты и звуки». Затем Некрасов обращается к перепевам, перелицовкам, пародийному обыгрыванию тем и мотивов, размеров и рифм. Одним из таких опытов стало его стихотворение «Колыбельная песня», опубликованное в «Петербургском сборнике» (см. § 1 этого раздела; см. также гл. V, § 11, 12), вызвавшее резкую критику и повлекшее за собой вызов Некрасова к управляющему III Отделением Л. В. Дубельту (*Летопись*, I, 208).

Обращение Некрасова к творчеству Лермонтова происходит в контексте разговоров с Белинским. В эти годы в массовом сознании Лермонтов ассоциируется с романтической традицией и, в частности, с творчеством А. А. Бестужева (Марлинского): полярностью и исключительной силой чувств героя, протестным пафосом, усилением субъективного, личностного начала. Белинский, называвший прозу Лермонтова «противоядием чтению повестей Марлинского» (*Б-13*, III, 188), в своих критических выступлениях много говорит об огромном поэтическом значении Лермонтова, оценивая его как одну из главных фигур в отечественной литературе.

Эта оценка и интерпретация Белинского вызывала несогласие. Так, П. А. Плетнев замечает: «Белинский задает себе тему, что́ должен писать поэт. После прикладывает к этой задаче произвольно выбираемые из него места, имеющие сходный предмет с его темою. Встречая у поэта особенности от его произвольных требований, он начинает глумиться над автором, называя его рабом идей того века или поклонником тогдашних пороков, и думает, что прекрасно уничтожает тем его достоинство, подтверждая, что оно прочувствовано лишь Лермонтовым, который по его воззрению везде верен одной высоко-философической идее: ругать и презирать человечество в виде произвольно сотворенных им уродов» (I, 28).¹⁵⁰

¹⁵⁰ Письмо к Я. К. Гроту от 6 марта 1843 г.

Отметим также частотные замечания «Северной пчелы» о преемственности «натуральной школы» по отношению к Лермонтову в неоправданно критичном взгляде на жизнь.¹⁵¹

Действительно, Белинского привлекает в лермонтовском творчестве пафос протеста и отрицания: «Отрицание — мой бог», — пишет он Боткину (*Б-13*, XII, 70). Некрасов писал о впечатлении Белинского от его стихотворения «Родина»: «Белинский пришел в восторг, ему понравились задатки отрицания и вообще зарождение тех мыслей, которые получили свое развитие в дальнейших моих стихах. Он убеждал продолжать» (*ПСС*, XIII₂, 48).

На тематическом уровне это «отрицание» легко прослеживается в стихотворениях «Родина», «В неведомой глуши, в деревне полудикой...» (к которому Некрасов впоследствии приписал подзаголовок «(Подражание Лермонтову)» (*ПСС*, I, 590—591)) и ряде пародийных стихов. Несмотря на «восторг», вызванный стихотворением «Родина», Белинский не упомянул в печати эти стихи. Стихотворение «Родина» было впервые опубликовано в 1856 г. (*ПСС*, I, 585), а «В неведомой глуши, в деревне полудикой...» — в 1851 г. (*ПСС*, I, 590), — спустя годы после смерти критика. Ни цитация этих стихов, ни какая-либо ссылка в его критической статье была невозможна. Однако в отзывах Белинского о Некрасове и не просматривается каких-либо допускающих намеков на эти или сходные стихи рассуждений о преемственности молодого поэта по отношению к Лермонтову, чьи произведения продолжали публиковаться после его гибели.

Причины, почему Белинский промолчал, понятны. Во-первых, подражательность, а затем ученическое освоение в творчестве Некрасова этих лет были самоочевидны. Во-вторых, по всей видимости, Белинский рассматривал преемственность Некрасова по отношению к Лермонтову (и преемственность

¹⁵¹ См., напр., в фельетоне Ф. В. Булгарина: «...по мнению “Современника”, требование века и русская народность состоят в том, чтоб изображать одно грязное в народе, одно недужное, только нищету, нужду и пороки <...> Новые писатели, провозглашенные гениями в “Отечественных записках” и “Современнике”, подражают одним недостаткам Гоголя и Лермонтова» (СП. 1848. № 7. С. 27).

по отношению к Гоголю) как популяризацию писателем «без поэтического или художнического таланта» идей великих писателей и поэтов. В этом смысле под «задатками отрицания» можно предполагать идейно-тематическое наполнение, выражающееся в диапазоне от пародии до инвективы и широко использующее антитезы, характерные для стихов Лермонтова.¹⁵² И в отношении ранней лирики Некрасова такое предположение и правомочно, и достаточно.

Но анализ более поздних его лирических произведений показывает, что идея «отрицания» была воспринята Некрасовым более глубоко. Такому анализу посвящена специальная статья,¹⁵³ в которой рассматривается развитие поэтической мысли на примере текстов, содержащих формулу «любить и ненавидеть»,¹⁵⁴ с учетом контекста — бесед поэта с Белинским, склонным открыто выражать крайние формы любви и ненависти и ждать этого от других.

Кажущаяся по свидетельствам мемуаристов антитетичность мышления Белинского корректируется его признанием, сделанным в письме к В. П. Боткину: «Безумная жажда любви всё более и более пожирает мои внутренности, тоска тяжелее и упорнее. Это мое, и только это мое. <...> Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную» (Б-13, XII, 52). С этим суждением увязывается известное хвалебное высказывание Белинско-

¹⁵² Напр.:

«Я молод, молод...! Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил <...>»

(курсив мой. — М. С.) (*Лермонтов М. Ю. Собр. соч.*: В 4 т. Изд. второе, исправленное и дополненное. Л., 1980. Том второй. Поэмы. С. 408).

¹⁵³ *Степина М. Ю.* Поэтическая формула «любить и ненавидеть» у Некрасова // «Карабиха»: Историко-литературный сборник. Ярославль, 2013. Вып. VIII. (В печати).

¹⁵⁴ Восходящая к Катутлу (лат. «*Odi et amo*» (ненавижу и люблю)) и одна из знаковых и наиболее запоминающихся в поэзии Некрасова: «Как много сделал он, поймут, / И как любил он — ненавидя!» (*ПСС*, I, 98) («Блажен незлобивый поэт...» (1852)); «То сердце не научится любить, / Которое устало ненавидеть» (*ПСС*, I, 182) («Замолкни, Муза мести и печали!» (1855)) и др. В корпусе его лирики насчитывается десять употреблений этой формулы, включая две очень близких по смыслу.

го о стихотворении Некрасова «Нравственный человек»: «Некр<асов> написал недавно страшно хорошее стихотворение <...> Что за талант у этого человека! И что за топор его талант!» (Б-13, XII, 336). Оставим сейчас в стороне социальное наполнение признания Белинского, сделанного Боткину.

Этот ход мысли отражает усвоенное Белинским понятие диалектики в философии Гегеля: переход одного определения в другое и заложенное в определении самоотрицания.¹⁵⁵ Несмотря на декларируемое Белинским отчуждение от идей Гегеля, судьба учения немецкого философа в его наследии была более сложной. И мысль о «задатках отрицания» в поэзии Некрасова и Лермонтова на языке Белинского означала не только протестное отношение к социальной системе. В таком ракурсе мысль художника, действительно, способна переродиться в статичную оценку, опирающуюся на антитезы (благо—зло, порицать—прославлять и т. п.), и поэтическое произведение будет сведено к «дидактике», в которой современники зачастую упрекали поэта. В словах о «задатках отрицания», как представляется, необходимо видеть не наличие антитез, отражающих полярные явления и вызываемые ими чувства, но контекстуальные семантические отношения между антитезами. Развитие этих смысловых нюансов и дает основания для оценки потенциала поэтической мысли. В данном случае анализ должен учитывать исторически актуальный для критика и поэта — его ученика — тезис об отрицании как необходимом условии развития отдельной мысли.

Обратимся к анализу поэтического текста Некрасова. Отметим, что попытки увязать произведения Некрасова с общественно-политическими и общественно-литературными событиями и полемиками, определить прототипы и протосюжеты, при всей их продуктивности, выдают подход к этим стихам как к прозе — с оговоркой о стихотворном размере и рифме. Между тем еще Ю. Н. Тынянов в статье «Стиховые формы Некрасова», посвященной роли прозаизмов в произведениях поэта, констатирует применительно к Некрасо-

¹⁵⁵ См.: Ильенков Э. В. Гегель (Hegel), Георг Вильгельм Фридрих // Философский энциклопедический словарь. 2 изд. М., 1989. С. 111.

ву: «Поэтическое произведение отличается от прозаического вовсе не имманентным звучанием, не ритмом как данностью, не музыкою, непременно осуществленною», а «заданным рядом, ключом. Это создает глубокую разницу между обоими видами; значение слов модифицируется в поэзии звучанием, в прозе же звучание слов модифицируется их значением. Одни и те же слова в прозе значат одно, в поэзии другое»¹⁵⁶ Осмысление *поэтической* мысли Некрасова на уровне «значения слов» остаётся неполным.

Рассмотрим одно из стихотворений, в котором поэтическая формула использована в несколько измененном виде, — «Песню Еремушке» (1859):

«С этой *ненавистью* *правою*,
С этой *верою* *святой*
Над неправдою *лукавою*
Грянешь божьею *грозой*...» (ПСС, II, 67)

(курсив мой. — М. С.). «Вера святая» в этой формуле занимает место «любви», но эпитеты «правая» и «святая» делают «веру» (и по ассоциации с другими стихотворениями «любовь») и «ненависть» синонимами, тогда как бытовое сознание рассматривает любовь и ненависть как антонимы. Таким образом, два этических понятия — «любовь» и «ненависть» — в структуре поэтической формулы Некрасова не являются дихотомией личного отношения (то есть, разделением целого на две взаимоисключающие части), а представляют его диалектику (то есть, мышление, имеющее противоречие в своей основе как предмет для развития мысли):¹⁵⁷ *ненависть* предстаёт *гранью любви*. Переход понятия в свою противоположность совершается, мысль пластична и подвижна.

Это стихотворение, как и другие, содержащие формулу «любить и ненавидеть», написано после смерти Белинского, в 1850-х гг. Но впервые это движение поэтической мысли можно наблюдать в стихотворении «Поражена потерей невозвратной» (1848) (ПСС, I, 68), написанное вскоре после смерти

¹⁵⁶ Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М., 1993. С. 221.

¹⁵⁷ Ильенков Э. В. Гегель (Hegel), Георг Вильгельм Фридрих // Там же. С. 111.

новорожденного первого сына Панаевой и Некрасова, т. е., возможно, около 16 марта 1848 г. (подробнее см.: *ПСС*, I, 597). Следовательно, Белинский (хотя и был уже тяжело болен) мог быть знаком с этим текстом.

«Ей все равно — холодный сумрак гроба,
Позор ли, слава, *ненависть, любовь*».

В черновом автографе ГБЛ: «Позор [и] слава, *ненависть, любовь...*» (*ПСС*, I, 479). Формула присутствует на стадии написания. Она воспринимается как обозначение одной из сильнейших и одновременно базовых составляющих эмоциональной сферы личности. Перед нами цепочка антитез: смерть («гроб») — жизнь; жизнь (жизненное состояние), в свою очередь, это: позор—слава, ненависть—любовь. Дихотомичность снимается словами автора «Ей все равно»: исключительно сильные и определяющие личность эмоции и чувства переходят в свою противоположность — безразличие, отрицающее значимость этих чувств. Безразличие, в свою очередь, обозначает крайнюю степень горя — исключительно острого и глубокого переживания, вызванного исключительно важным событием. На этом примере мы опять видим диалектическое развитие поэтической мысли Некрасова, о котором впоследствии скажет И. С. Тургенев: «какой прелестный, оригинальный ум у него выработался — это надобно видеть, описать этого нельзя».¹⁵⁸

Формула «любить и ненавидеть», по всей видимости, была воспринята Некрасовым у Белинского. Ряды антитез, сила чувства, скепсис мысли, протестное мироощущение Некрасов ближайшим образом наследует от Лермонтова. Скорее всего, подобное видение мира было изначально близко поэту, но в поэтическую формулу оно могло оформиться в процессе общения с Белинским. Формулой, превращающей антитезу в исполненное энергии душевное движение, его сделали воспринятые через разговоры с критиком понятие *отрицания* и диалектический метод мышления. И, как показывает хроноло-

¹⁵⁸ Тургенев. Т. 3. Письма. С. 73, 75. Письмо к П. В. Анненкову от 9 (21) декабря 1855 г.

гия, Некрасов «выработал» эту формулу уже после смерти Белинского, что соответствует его признанию: «каждый должен вырабатываться сам».¹⁵⁹

Как указывает Л. Я. Гинзбург в главе «Поэзия мысли» книги «О лирике», «в творчестве Лермонтова Белинский найдет то, что он искал, — мысль, сплавленную с чувством; образ личности, преображающий значения традиционного поэтического слова».¹⁶⁰ Этот же сплав демонстрирует анализ поэтической формулы «любить и ненавидеть» у Некрасова, в чьих самых первых стихах разные критики независимо друг от друга отметили *мысль* (см. гл. I, разд. 1, § 3).

В середине 1840-х гг., когда молодой поэт в немногочисленных стихотворениях шел путем освоения приемов лермонтовской поэтики, его преемственность по отношению к Лермонтову была недостаточной для печатной критической оценки Белинского. К тому же идея создания сильной «серединной» литературы — беллетристики — интересует критика больше, чем положение в поэзии текущего дня.

Некрасов обретает свой поэтический голос, когда дни Белинского сочтены, критик находится под наблюдением III Отделения, издание «Современника» затруднено болезнью ведущего критика и меняющейся политической обстановкой.

Эти обстоятельства объясняют, почему, несмотря на закрепившееся мнение, что признание Белинским в Некрасове «поэта истинного» совершилось, в печатных критических выступлениях Белинского оно не просматривается на уровне аргументированных суждений.

С другой стороны, правомерно предполагать, что личные беседы (и, возможно, не дошедшие до нас поэтические тексты Некрасова или хотя бы их наброски) подтверждали в нем или давали возможность предугадывать для Белинского те «*задатки отрицания*» (курсив мой. — М. С.), которые он считал перспективными для занятий поэзией.

¹⁵⁹ Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. С. 304.

¹⁶⁰ Гинзбург Лидия. О лирике. Л., 1974. С. 126.

* * *

Аналогичные предположения мы вправе делать, рассматривая признанную в литературоведении поэтическую преемственность А. В. Кольцов — Некрасов. В статье «Русские второстепенные поэты» (1849) Некрасов укажет: «Собственно, публика считает у нас за последний литературный период пять поэтических имен: Пушкина, Жуковского, Крылова, Лермонтова, Кольцова» (*ЛСС*, XI₂, 44). Первые упоминания Белинского о Некрасове содержат противопоставление дебютанта Кольцову (*Б-13*, III, 176) (см. разд. 1, § 3). М. С. Макеев высказывает соображение о возможной ориентации Некрасова на Кольцова в выстраивании собственной биографии (визит к В. А. Жуковскому) и освоении кольцовского наследия в своем творчестве.¹⁶¹ Чтение статей Белинского и устные беседы с ним, несомненно, укрепили в Некрасове интерес и признательность по отношению к недавно (24 октября 1842 г.) умершему поэту. Изданный Некрасовым совместно с Н. Я. Прокоповичем сборник «Стихотворения Кольцова. С портретом автора, его факсимиле и статьей о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским» (СПб. 1846. С. I—LXXX), вызвавший одобрительные отзывы критики,¹⁶² свидетельствует о пристальном внимании поэта к Кольцову и высказываниям о нем Белинского. Рассуждения Некрасова в статье «Русские второстепенные поэты»: «Беседующий теперь с читателями крепко не любит педантических разделений и подразделений писателей на гениев гениальных талантов, просто талантов и так далее. Подобные деления ему всегда казались более или менее произвольными и всегда смешными» (*ЛСС*, XI₂, 61) — прямо полемичны по отношению к пространным «разделениям и подразделением писателей» в статье Белинского о Кольцове (*Б-13*, IX, 526—531).

О сходстве поэтической манеры Некрасова и Кольцова в критике будет говориться позже, хотя, как уже было указано во Введении, впервые Некра-

¹⁶¹ Макеев М. С. Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель... С. 24—27, 55—58.

¹⁶² Напр., В. Н. Майков опубликовал рецензию на издание в «Отечественных Записках» и «Финском вестнике» (см.: *Летопись*, I, 222—223).

сова и Кольцова сопоставил Ап. Григорьев в начале марта 1847 г.¹⁶³ В ближайшем по времени критическом суждении о Некрасове (а затем неизменно в его критических статьях последующих лет) Ап. Григорьев хвалит стихотворение «В дороге».¹⁶⁴ По всей видимости, именно этим стихотворением в суждении Григорьева Некрасов обязан оценке «талантливый».¹⁶⁵

Белинский в статье о Кольцове, выстраивая несколько громоздкую и противоречивую систему определений «гениев» и «талантов», высказывает мысль о *личности* поэта, дающей определенность его дарованию.¹⁶⁶ Как показывает анализ печатных высказываний критика о стихах Некрасова, в них Белинский отмечал *не* личность, а «полезного» производителя стихотворных пьес из ряда «обыкновенных талантов».

Между тем, еще при жизни Белинского именно личность поэта-лирика Некрасова была отмечена в критических отзывах «Литературной газеты». Их автором был, возможно, В. Р. Зотов (*Летопись*, I, 282, 302). Один из этих отзывов был опубликован 18 сентября 1847 г. В кратком сопоставительном обзоре «Отечественных записок» и «Современника критик» отмечает в сентябрьских книжках обоих журналов «много любопытного» и, говоря о «Современнике», оценивает стихотворение Некрасова «Еду ли ночью по улице темной...» (опубликованное в № 9 журнала) как «превосходное стихотворение». Критик утверждает, что «г. Некрасов один из лучших современных поэтов»: «в каждом новом стихотворении его столько чувства, юмора и ориги-

¹⁶³ А. Г. <Григорьев А. А.> Обзорение журнальных явлений за январь и февраль текущего года (Окончание) // МГЛ. 1847. 5 марта. № 52. С. 207—208.

¹⁶⁴ А. Г. <Григорьев А. А.> Обзорение журналов за март 1847 года (Продолжение) // МГЛ. 1847. № 68. 31 марта. С. 273.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ В связи с чем вспоминается свидетельство П. В. Анненкова о том, как в 1843 г. Белинский в разговорах с Некрасовым раскрывал ему «сущность его собственной природы и ее силы» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 3. С. 552).

нальности, сколько не наберется во всех сочинениях писателей *ненатуральной* школы, взятых вместе». ¹⁶⁷

Второй вдумчивый и хвалебный отзыв о Некрасове тоже вышел при жизни Белинского, 5 февраля 1848 г. Анонимный критик (В. Р. Зотов?) размышляет именно о поэтической индивидуальности Некрасова, ища ее в сближениях: «стихотворения Гейне и некоторых из наших поэтов Фета, Некрасова не подойдут ни под какой разряд поэзии, принятой риторикою; так в недавнее время составилась новый род стихотворений, который французы называют *poesie intime*, и который мы может назвать *личною поэзиею*, потому что подобные стихотворения выражают личные чувства и думы поэта, его отношения к другим людям, его домашнюю, так сказать закулисную жизнь». ¹⁶⁸

Говоря о поэтической части «Современника», критик пишет: «Между стихотворениями журнала первое место занимают произведения Некрасова, которых по несчастью весьма немного. Его “Тройка” и “Еду ли ночью по улице темной...” принадлежат к числу лучших стихотворений во всей русской поэзии. Этими небольшими пьесками и двумя прежними — “Огородник” и “В дороге” — Некрасов составил себе громкое имя. Стих его, звонкий, желчный и сильный, напоминает знаменитого английского юмориста Томаса Гуда и некоторые из сатир Бартеlemi и Барбье. В одном стихе Некрасова больше народности, чувства и мысли, чем в целых томах хулителей его дарования». ¹⁶⁹

Таким образом, к началу 1848 г., когда Белинский еще жив, поэтический голос Некрасова определился и обрел индивидуальность для критики. В глазах Белинского он уже стал «поэтом истинным». Но в печати эта оценка и характер поэтического дара Некрасова Белинским не высказаны, а высказаны

¹⁶⁷ [Б. н.] <Зотов В. Р.??> Петербургские письма // ЛГ. 1847. № 38. 18 сентября. С. 608.

¹⁶⁸ [Б. н.] <Зотов В. Р.??> Очерк библиографической истории русской словесности в 1847 году. (Статья вторая) // ЛГ. 1848. № 6. 5 февраля. Критика. С. 86.

¹⁶⁹ Там же. С. 89—90.

двумя другими критиками, чья мысль о поэзии Некрасова получит развитие несколько лет спустя, после двух лет почти полного молчания поэта, выхода его стихотворений и поэм и, наконец, сборника 1856 г.

ГЛАВА IV

Н. А. ПОЛЕВОЙ

§ 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА И ОБОСНОВАНИЕ МЕТОДА АНАЛИЗА

В литературоведении «петербургский» период литературной деятельности Николая Алексеевича Полевого (1796—1846) в целом рассматривается как время напряженной журнальной и театральной работы для заработка, сопряженной с нравственными компромиссами и утратой его бывшего литературного значения. Переезд из Москвы в Петербург был для Полевого вынужденной мерой: «Московский телеграф» был закрыт, и в Петербурге он искал средства к существованию. Как литератор, по выражению В. Г. Белинского и И. И. Панаева, да и по собственной оценке, он «пережил сам себя».¹ Несмотря на эту оценку, Полевой оставался в литературе до конца жизни, причем в 1844 г. перешел в «Литературную газету» Ф. А. Кони.²

Взаимоотношения Некрасова и Полевого нашли отражение в комментариях, «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова», основных литературоведческих работах. Но они не стали предметом специального исследования. М. А. Ванюшина, обратившаяся к последнему десятилетию жизни и дея-

¹ «Ужасное несчастье пережить самого себя — это всё равно, что сойти с ума» (*Б-13*, XI, 363; письмо к И. И. Панаеву от 22 февраля 1839 г.); ср.: *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. С. 303.

² Несмотря на собственные слова, сказанные в письме к брату К. А. Полевому от 14 февраля 1844 г.: «Замолчать вовремя — дело великое. Мне надлежало замолчать в 1834 году» (*Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого с двумя портретами.* С.-Петербург: Изд. А. С. Суворина, 1888. С. 571). Подробней об этом см.: *Ванюшина М. А.* Журнальная работа Н. А. Полевого в последнее десятилетие его деятельности (1836—1846 гг.) // Ученые записки Борисоглебского государственного педагогического института. Выпуск 1. Филологические науки. Борисоглебск, 1956. С. 99—132.

тельности Полевого,³ подробно рассматривает историю его отношений с В. Г. Белинским. Но М. А. Ванюшина даже не ставит вопрос о проблеме личных и творческих контактов Полевого с будущим поэтом и редактором.⁴ К тому же период с 1841 по 1846 гг. охарактеризован ею очень лаконично. Деятельность Полевого в 1840-е гг. анализируется также в специальной статье В. И. Ганичевой «К полемике В. Белинского с Н. Полевым (1840-е годы)».⁵ Но в ней имя Некрасова даже не упомянуто. Наконец, в диссертационном сочинении О. Я. Гусаковой «Творческий портрет Н. А. Полевого в литературных воспоминаниях 1850-х-начала 1860-х годов»⁶ проанализировано восприятие Н. А. Полевого его современниками. Как показывает исследовательница, в 1850—1860-е гг. оценка Полевого, даваемая писателями, критиками и мемуаристами, не была однозначной и целостной, но показывала осознание связи литературной и в частности критической деятельности Полевого с современным литературным процессом. Однако и в этом исследовании его оценка деятельности Некрасова обойдена вниманием, так же как литературный портрет Полевого, созданный Некрасовым в совокупности его текстов разного времени.

История творческих взаимоотношений «с другой стороны» — Полевой как объект критики Некрасова — рассмотрена в ряде работ. Укажем прежде всего на статью Г. О. Берлинера,⁷ специальные исследования М. М. Гина,⁸

³ Там же.

⁴ Краткий, носящий предварительный характер анализ взаимоотношений Полевого и Некрасова предпринят в статье: *Степина М. Ю.* Н. А. Некрасов и Н. А. Полевой. К истории взаимоотношений // Третьи Майминские чтения. Псков, 2000. С. 62—71.

⁵ *Ганичева В. И.* К полемике В. Белинского с Н. Полевым (1840-е годы) // Ученые записки Ленинградского ордена Ленина Государственного университета им. А. А. Жданова. № 295. Серия филологических наук. Выпуск 58. Русская литература. Л., 1960. С. 55—86.

⁶ *Гусакова О. Я.* Творческий портрет Н. А. Полевого в литературных воспоминаниях 1850-х — начала 1860-х годов: Автореферат дисс. на соискание ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. См. также: *Маргулис Т. М.* Литературная репутация Н. А. Полевого: Автореферат дисс. на соискание... канд. филол. наук. М., 1997.

⁷ *Берлинер Г.* Некрасов в борьбе с Полевым и Булгариным... // ЛН. Т. 51—52. С. 3—28.

отметим также внимание Б. В. Мельгунова к публицистике Некрасова и, в частности, его статью, посвященную памфлетным изображениям Некрасова.⁹ Но литературная полемика рассматривается этими учеными преимущественно с точки зрения истории народно-освободительного движения. Выступления Некрасова против Полевого и Полевого против Некрасова (роман-памфлет) анализируются как публицистические выступления общественно-политического характера. Однако их же относят к литературной критике: статьи Некрасова о драматургии Полевого считается одними из наиболее значительных его критических выступлений, а отзыв Полевого о «Статейках в стихах...» традиционно учитывается в библиографиях критических отзывов о Некрасове.

Как показано в гл. III, в ряде случаев публикации Некрасова появлялись практически одновременно с печатными выступлениями Белинского против Полевого, и напротив, в изданиях, где сотрудничал Полевой, печатались отзывы о Некрасове, написанные не им, но с близких позиций. Представляется актуальным рассмотреть критические отзывы Полевого о Некрасове в контексте их полемического диалога, точнее сказать — полилога.

Критико-публицистические выступления Некрасова и Белинского, с одной стороны, Полевого и Булгарина, с другой стороны, очень показательны. В них отражены поиски литературной критикой своих форм и средств, а в некоторых случаях — подмена предмета и понятий. Подробный анализ контекстуальных связей творческого диалога Некрасова с Полевым представляется необходимой базой для исследования характера части критических отзывов о поэте — их содержания, стилистики и, что весьма важно, — соразмерности масштабу Некрасова на конкретном этапе его творческого роста.

⁸ Гин М., Успенский В. Некрасов — драматург и театральный критик. М.; Л., 1958. С. 88; Гин М. Н. А. Некрасов — литературный критик. Петрозаводск, 1957.

⁹ Мельгунов Б. В. 1) Некрасов и Белинский в «Литературной газете»: Хроника, гипотезы, находки. СПб., 1995; 2) Личность Некрасова в памфлетных портретах 1840-х гг. // Некрасовский сб. СПб., 2008. Вып. XIV. С. 91—102.

В некрасоведении традиционно упоминается: личное знакомство почти сразу по приезде Некрасова в Петербург; первая публикация Некрасова в «Сыне отечества» Полевого (*Летопись*, I, 31); тот факт, что Некрасов жил у Полевого некоторое время (*Летопись*, I, 36); полемика Полевого и Белинского о поэтах и поэзии в 1840 г.; критические статьи Некрасова о драматических произведениях Полевого; рецензия Полевого на «Статейки в стихах, без картинок» (*Летопись*, I, 130—131); памфлетный образ Некрасова в романе Полевого и Ф. В. Булгарина «Счастье лучше богатырства» (*ПСС*, IX₂, 321).

Задавшись вопросом о критической оценке Полевым Некрасова-поэта, из перечисленных указаний можно заключить, что речь идет о нескольких лаконичных, малозначительных репликах, посвященных ранним и малозначительным произведениям Некрасова, и идеологической борьбе. Остаётся непроясненным, какими задачами и критериями руководствовалась литературная критика в оценке Некрасова, в какой форме и посредством каких приемов она выражалась, каковы отношения между литературной (не только поэтической) деятельностью Некрасова и печатной критической оценкой. Высказанные соображения в пользу атрибуции Г. П. Верховского Полевому рецензии на «Мечты и звуки» (гл. I, разд. 1, § 2) прибавляют важный факт к истории критических оценок Полевого.

Кроме того, вывод о малозначительных суждениях, посвященных проходным произведениям поэта, не скоординирован с уже сделанными в литературоведении выводами о критической деятельности Некрасова в эти годы. А эти выводы дают представление о более высоком уровне профессиональной подготовленности и значимости Некрасова, чем можно было бы судить по критическим суждениям современников. Следовательно, еще до специального анализа каждого из эпизодов можно предварительно указать на многоуровневость восприятия Некрасова его современниками, которая должна

быть учтена при уяснении прижизненной критической оценки поэтического творчества Некрасова.

В этой главе представлена попытка осветить причинно-следственные связи динамики личных и творческих взаимоотношений Некрасова и Полевого в привязке к историко-литературному контексту. Они проясняют специфику критической оценки Полевого, специфику фельетонной и «писательской» критики, специфику критической оценки творчества Некрасова с учетом его складывающейся литературной репутации; дополняют сложившиеся представления о биографии и творчестве Некрасова в конце 1830 — первой половине 1840-х гг. и корпусе критических высказываний Полевого, которые ранее не рассматривались как возможно принадлежащие ему. Совокупность известных фактов позволяет реконструировать малоизученную историю личного знакомства Некрасова с Полевым и скорректировать представление о роли одного из крупных русских литераторов на самом раннем этапе творчества поэта. Речь идет о житейском участии Полевого в дебютанте и о собственно литературной деятельности.

§ 2. ЗНАКОМСТВО И ЖИТЕЙСКОЕ УЧАСТИЕ

Около 27 июля 1838 г. Некрасов приехал в Петербург, где обрел первые знакомства — семью Ферморов. Вскоре Н. Ф. Фермор представляет Некрасова Полевому. Датировка этого события расплывчата.

В «Летописи...» знакомство датируется «Август — начало сентября» (*Летопись*, I, 1838); основанием служит ссылка на статью Б. Л. Бессонова «Некрасов и Г. Ф. Бенецкий (предание и факты)».¹⁰ Но на указанной в «Летописи...» странице статьи Б. Л. Бессонова содержится только ссылка на дневниковые записи Полевого от 3 и 30 октября и отсутствует обращение к примечанию, сделанному Петром Николаевичем Полевым.

¹⁰ Бессонов Б. Л. Некрасов и Г. Ф. Бенецкий... С. 49.

3 октября 1838 г. Полевой пишет: «Вечером был <Н.Ф.> Фермор и юноша Некрасов».¹¹ В примечании к его фамилии П. Н. Полевой указывает: «Это первое посещение Николая Алексеевича Некрасова — будущего поэта и журналиста — к Н. А. Полевому. Впоследствии Некрасов сделался настолько же домашним человеком в семье Н. А-ча, насколько и Белинский — во время пребывания Н. А-ча в Москве».¹² Свидетельство П. Н. Полевого (1839—1902) могло опираться на первое упоминание *фамилии* в записи отца, сделанной до рождения публикатора. Отметим зыбкость этой датировки, впрочем, единственной, имеющей документальное подкрепление.

Датировка, предложенная в «Летописи...» Б. В. Мельгуновым, косвенно подтверждается следующими фактами. 8 августа Полевой делает дневниковую запись: «*Понедельник... Глупо-досадный день... Приходили какие-то поэты, и проч.*»¹³ (курсив мой. — М. С.) (эта запись не включена составителем). Цензурное разрешение № 10 «Сына отечества», в котором состоялась первая публикация Некрасова (стихотворение «Мысль»), было дано 15 сентября (*Летопись*, I, 41).¹⁴ Представляется вероятным, что знакомство поэта с Полевым произошло ранее октября, и возможным, что в августе. Запись от 8 августа не дает оснований предполагать, что речь идет именно о Некрасове, но ее характер указывает на типичность подобных визитов и необязательность полной фиксации всех фамилий и событий для Полевого.

Следующие два визита идут с небольшим интервалом. В записи от 17 октября: «...Вечером юноша Некрасов».¹⁵ В записи от 30 октября: «Вечером Филимонов и поэт Некрасов с Фермором».¹⁶

Далее имя Некрасова упоминается более чем через месяц. В записи от 6 декабря: «Я именинник <...> Посетители — Ободовский, Кони, Песоцкий,

¹¹ Там же. С. 669.

¹² Там же.

¹³ Дневник Н. А. Полевого. С. 667.

¹⁴ Книжка журнала вышла в начале октября (*Летопись*, I, 31).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 670.

Романович, Кологривые, Болотов, Бурхардт, Д. И. Успенский, Сушков, Некрасов, — как им не лень ездить!».¹⁷ В записи от 15 декабря: «Были Д. И. Успенский, Некрасов, Филимонов (мимоходом) <...> Был Каратыгин».¹⁸ К имени Некрасова П. Н. Полевой даёт примечание: «Некрасов, в это время, жил у Д. И. Успенского, который, по просьбе Н. А. Полевого, принялся готовить молодого человека к поступлению в университет».¹⁹

Предположение, что Полевой не всегда фиксировал в дневнике визиты и имена визитеров, подтверждается отсутствием записи о том, что он предложил Некрасову кров. Период проживания поэта у Полевого датируется предположительно: «Ноября конец — Декабря 6» 1838 г. (*Летопись*, I, 36).

Б. В. Мельгунов, очевидно, определяет правую границу периода дневниковой записью Полевого от 6 декабря, его именин, когда Некрасов назван в числе посетителей, но не жильцом.²⁰ Датой «Декабря после 6» в «Летописи...» датируется переселение Некрасова к Д. И. Успенскому со ссылкой на примечание П. Н. Полевого (*Летопись*, I, 36). Можно предположить, что переселение состоялось несколько раньше. Формулировка П. Н. Полевого «в это время» не содержит точной привязки к числу. 6 и 15 декабря в записях Полевого имена Некрасова и Успенского оказываются рядом или близко. Учитель и ученик-постоялец могли навестить Полевого вместе. Но, несмотря на некоторую расплывчатость датировки, в целом она подкрепляется дополнительно привлекаемыми фактами.

¹⁷ Там же. С. 673.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. См. также в письме К. А. Данненберга Н. И. Второву от 11 ноября 1839 г.: «Некрасов жил у Полевого» (*Вацуро В. Э. Некрасов и К. А. Данненберг // Русская литература*. 1976. № 1. С. 137).

²⁰ Ср. с осторожной формулировкой О. В. Ломан: «У Полевого Некрасов бывал не однажды. Есть сведения, что он даже жил у него недолгое время» (*Ломан О. В. Некрасов в Петербурге*. Л., 1985. С. 16). С. А. Рейсер о проживании Некрасова у Полевого не упоминает (*Рейсер С. А. Революционные демократы в Петербурге*. Л., 1957), так же как В. Е. Евгеньев-Максимов, излагающий события первых петербургских лет Некрасова как жизнеописание «литературного пролетария», терпящего «петербургские мытарства» (*Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов и Петербург*. Л., 1947).

Подробности знакомства с Успенским Некрасов излагает по-разному в нескольких записях. Б. Л. Бессонов в комментарии к автобиографическим материалам Некрасова приходит к выводу, что Успенский и Некрасов познакомились, «скорее всего, в доме Н. А. Полевого» (*ПСС*, XIII₂, 428). Исследователь опирается на дневниковые записи Полевого, и указывает, что Успенский «был его близким сотрудником в “Библиотеке для чтения”» (*там же*).

Б. Л. Бессонов, однако, не указывает подробность, которая здесь представляется весьма важной. П. Н. Полевой в примечании к сокращенному именованию в Дневнике: «Дм. Ив.» (запись от 2 декабря) — указывает: «Дм. Ив. Успенский, обучавший сыновей Н. А. древним языкам».²¹ Таким образом, Успенский был не только знакомый и сотрудник, но домашний учитель — человек, близкий к дому.

Отметим и стиль отношений, принятый в этом доме. П. Н. Полевой отмечает, что изнурительная работа его отца была вызвана постоянным недостатком денег, «которые были необходимы при семье, состоявшей из восьми человек детей и массы родственников, родственниц, приживальщиков и нахлебников, которыми дом Н. А. был постоянно наполнен. Чрезвычайно добрый, мягкосердечный по самой природе своей, Н. А. никогда, до самого конца жизни, не мог избавиться от этой докучной саранчи».²² Гостеприимство постоянно носило характер помощи.

Просьба Полевого к Успенскому заняться Некрасовым также была проявлением заботы о юноше примерно возраста старших сыновей Полевого и серьезной помощи. Благодаря этой просьбе для Некрасова решался не только вопрос места жительства в холодное время года, но и возможность указать адрес Успенского как свое «местожительство» в официальных бума-

²¹ Там же. С. 672.

²² Там же. С. 662.

гах — прошении о допуске к вступительным экзаменам и о принятии в число вольнослушателей университета (*ПСС*, XIII₂, 309, 310).²³

Логично думать, что Полевой увидел необходимость помощи такого масштаба действительно после того, как сам дал приют Некрасову. Как известно из устных автобиографических рассказов, осенью Некрасов тяжело заболел, задолжал квартирным хозяевам и лишился жилья. Согласно «Летописи...», болезнь датируется началом ноября (*Летопись*, I, 33), потеря жилья — второй половиной ноября (*там же*, с. 33—35). Датировка событий ноябрем отчасти связана с достаточно прозрачной ассоциацией рассказа Некрасова с «петербургской повестью» Пушкина «Медный всадник».²⁴ Возможно, эти события произошли раньше (что укладывается в указанные поэтом «октябрь или ноябрь»)²⁵.

Дальнейшую картину личных и творческих отношений Некрасова и Полевого дополняют следующие факты. С конца января по 11 февраля 1839 г. Полевого не было в Петербурге: он навещал в Москве брата

²³ Таким образом, указанные две версии расставания с «профессором» (*Летопись*, I, 47) оказываются под сомнением. Первая: «Когда я истратил все деньги и профессор, у которого я жил и готовился в университет, пригласил меня удалиться от него <...>» (РС. 1893. № 9. С. 500—501). Вторая: «<...> у профессора была женка смазливенькая, и я стал за ней приволакиваться. Заметил это профессор, да и вытолкал меня вон» (*Григорьевич Д. В.* Литературные воспоминания. С. 229). Обе версии рассказа записаны и опубликованы В. А. Панаевым.

Обе версии противоречат тому факту, что Некрасов имел возможность указать место жительства при подаче сначала одного, потом другого заявления, если, конечно, не предполагать, что выселение по инициативе «профессора» совершилось внезапно сразу после принятия документов 4 сентября. Первая версия обходит тот факт, что миссия «профессора», условно говоря, была выполнена; в этом случае было бы естественно предполагать предварительную договоренность о сроках проживания у Успенского. Вторая версия синонимична другим рассказам Некрасова о собственном «донжуанстве» (см.: *Степина М. Ю.* 1) Тургеневский отзыв о Некрасове и проблема биографии поэта // *Спаский вестник*. Тула, 2007. Вып. 14. С. 187—200; 2) Мотив мучительства в воспоминаниях о Некрасове // *Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов*. СПб., 2008. С. 138—145), что наводит на мысль о ее литературной природе.

Напускной эпатаж, в большой степени имевший литературную природу, но нашедший отражение в суждениях и слухах о Некрасове, также способствовал формированию его репутации.

²⁴ Подробнее см.: *Степина М. Ю.* О топонимике петербургского текста Некрасова... С. 117—120.

²⁵ ЛН, т. 49—50, с. 208.

К. А. Полевого.²⁶ 11 апреля Полевой сообщает брату, что его дети больны скарлатиной.²⁷ 1 мая он похоронил сына Алексея;²⁸ 15 июня в письме к брату сообщает о крайне подавленном состоянии.²⁹ В письме от 15 августа он сообщает, что июль и начало августа провел в жестокой болезни.³⁰ В конце августа — начале сентября Полевой переехал на новую квартиру.³¹ Его болезнь возобновляется, и только в середине октября ему разрешено выходить на воздух.³² В письме от 21 ноября он сообщает: «Несколько раз, казалось, дело приходило к окончательной развязке: особенно в одну ночь я полагал, что не доживу до утра».³³ Только в письме от 5 декабря 1839 г. появляются его соображения, касающиеся журнальной работы.³⁴

Перечисленные обстоятельства хотя не исключали полностью, но препятствовали тому, чтобы в эти месяцы Некрасов пользовался гостеприимством Полевого и чтобы общение между ними было продолжительным и глубоким. Тем не менее, оно, по-видимому, было: в ряде фактов прослеживается участие Полевого в дебютанте (помимо помощи в житейских делах) и его влияние на Некрасова в первый год их знакомства.

§ 3. ПОЛЕВОЙ И НАЧАЛО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКРАСОВА

Прежде всего, это помощь с публикациями. В «Сыне отечества» Полевым были напечатаны пять стихотворений Некрасова: в 1838 г. в № 10 «Мысль». В № 11 выходят два стихотворения — «Безнадежность» (с посвя-

²⁶ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 459—463.

²⁷ Там же. С. 466.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 470.

³⁰ Там же. С. 472.

³¹ Там же. С. 474.

³² Там же. С. 475.

³³ Там же. С. 478—479.

³⁴ Там же. С. 482—484.

щением: «(Н. В. С.)») и «Человек».³⁵ Затем в 1839 г. — стихотворения «Смерти»³⁶ и «Изгнанник».³⁷ При участии Полевого в «Библиотеке для чтения» в 1839 г. было опубликовано стихотворение «Жизнь».³⁸

Отметим то, что, скорее всего, имело значение для Некрасова, еще новичка в литературном мире.

Среди книг, читанных в гимназии, он упоминает «“Телеграф” <...> от уч<ителя> Топорского» (ПСС, XIII₂, 56). При знакомстве с Полевым он, скорее всего, сознавал масштаб этой фигуры, но в меньшей степени — реальные обстоятельства и состояние Полевого на текущий день.³⁹

На время первого знакомства Некрасова с Полевым приходится шумный успех его нескольких пьес. Хотя впоследствии опыт Полевого-драматурга был оценен критически, первое восприятие современниками его драматических произведений в 1837 г.⁴⁰ и «патриотических» драм в 1838 г. было благожелательным и заинтересованным. И это были первые яркие впечатления недавно приехавшего в Петербург Некрасова, который сразу начал посещать Александринский театр.

³⁵ СО. 1838. Т. VI. № 11 (Ц. р. 15 ноября) (*Летопись*, I, 33); с подписью: «Н. Некрасов» (ПСС, I, 190, 191).

³⁶ СО, 1839, т. VII, № 1, с подписью: «Н. Некрасов»

³⁷ СО, 1839, т. IX, № 6, с подписью: «Н. Некрасов» и посвящением: «(Н. Ф. Ферморю)».

³⁸ БдЧ, 1839, № 7, с подписью: «Н. Некрасов».

³⁹ В качестве примера меняющегося восприятия Полевого можно привлечь свидетельство И. И. Панаева о впечатлении от визита Полевого к нему на вечер 11 апреля 1838 г. (запись о нем: «11-го. Понедельник. Вечер у И. И. Панаева, где Воейков и другие» — см.: *Дневник Н. А. Полевого*... С. 664): «Полевой, с которым я познакомился незадолго перед моим литературным вечером, которого еще с пансиона привык уважать, подействовал на меня неприятно. По “Телеграфским” статьям я составил в голове идеал его. Я воображал Полевого человеком смелым и гордым, горячо и открыто высказывающим свои убеждения — и увидел в нем какого-то робкого, вялого, забитого господина <...> как будто не имевшего ни малейшего чувства достоинства, даже как-то оскорбительно, для почитавших его, унижавшегося передо всеми...» (*Панаев И. И. Литературные воспоминания*. С. 105).

⁴⁰ См., напр., письмо от 5 ноября 1837 г.: «Меня облепело здесь все театральное. “Гамлета” давали здесь уже *пять раз*, и успех был неслыханный! Каратыгина вызывали даже среди самой пьесы, после 3-го акта, и два раза по окончании» (*Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого*... С. 390). О шумном успехе «Уголино» см. письмо от 21 января 1838 г. (Там же. С. 408—412).

В письме к брату от 24 ноября 1838 г. Полевой писал: «Безделка, о которой я не думал, которая стоила мне полдня работы, словом: “Дедушка русского флота” сделался неожиданною причиной счастливого оборота, может быть, всех моих обстоятельств, произвел шум, обратил на меня внимание царя, который изъявил его с истинно-отеческою, не оцененною милостью!»; «Кукольник говорит, что он и я — создадим драму в России».⁴¹

В письме от 7 декабря, описывая празднование именин (в числе гостей в Дневнике упомянут и Некрасов), Полевой пишет: «“Дедушка” продолжает быть пока предметом для всеобщего любопытства. Он сделался модною пьесой, и его переводят на немецкий и будут давать здесь на немецком театре. Экземпляр “Дедушки” — необходимая принадлежность на столике каждого *салона* и, несмотря на беспрестанные представления, до сих пор трудно достать билеты в театр. <...> Написал, мимоходом, маленькую пьеску: “Иголкин”. <...> Теперь ставят его на театр, пишут новую декорацию, ждут его все нетерпеливо, и надеюсь, что “Иголкин” встретит прием добрый! Уже наперед заказывают ложи и кресла. Давать его будут 15-го декабря, кажется. Любопытно еще, что государь посетил представление “Гамлета” и сказал, что “дочь приедет посмотреть, когда проводит жениха; что им наговорили о «Гамлете» чудеса»».⁴²

В письме от 27 декабря Полевой сообщал: «Первое, мой любезнейший, был необыкновенный успех “Иголкина”, написанного в одни сутки. Прямо доставлен он был к графу А<лександр> Хр<истофоровичу> (Бенкендорфу. — М. С.), выучен и поставлен в неделю. Государь обещал приехать сам и, в самом деле, в первое представление явился с великою княжною Мариєю Николаевною <...> начался “Иголкин”, и государь принял живейшее участие, хлопал, смеялся и велел изъявить мне потом полное свое удовольствие. Меня вызвали, и довольно шумно, в его присутствии. <...> “Иголкин” — понра-

⁴¹ Там же. С. 444—445. Пьеса выдержала 23 представления (*Вольф*. Ч. II. С. 53; см. также: Ч. I. С. 70). См. отзывы о ней: СП. 1838. № 275. 1 декабря; Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1838. № 47. 19 ноября.

⁴² Там же. С. 451.

вился царю! Надобно тебе сказать, что этот новый опыт национальный драмы не то что “Ботик”; в нем посеяны (по крайней мере, мне так кажется) новые донныне элементы русской драмы. <...> “Иголкин” и “Дедушка” сделались теперь любимыми, национальными пьесами в Петербурге <...>». ⁴³

Можно с большой долей вероятности предполагать, что Некрасов был в театре на премьере «Дедушки русского флота», состоявшейся 9 ноября. Что касается премьеры «Иголкина», то Полевой упоминает, что она ожидалась 15 декабря; в этот день Некрасов был у Полевого. ⁴⁴

Новые пьесы, постановки и реакция публики и правительства (и лично императора) обсуждались в кругу знакомых Полевого; логично предполагать, что содержание этих разговоров соотносится с содержанием процитированных писем. Помимо успеха, обсуждались материальные выгоды. Полевой приводит слова императора: «Кто-то заметил, что Полевой издает журнал поневоле — “Дирекция должна платить ему, дорого платить!” — сказал он (император. — М. С.)». ⁴⁵

Ср. с ироническим признанием Некрасова от имени героя автобиографического романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»: «По приезде в Петербург, не более как через десять дней, я надеялся иметь кучи золота и громкое имя» (ПСС, VIII, 60). Свое понимание славы Некрасов впоследствии также изложил в романе: «Всеми помыслами души стремился я к литературной славе, к той славе, которая, по тогдашним понятиям моим, заключалась в *громких похвалах*, расточаемых тому или другому сочинителю в книжных лавках и кондитерских, *да в торжественных вызовах, которые мне иногда удавалось подслушивать из театральных райков*. Другого рода славы тогда я не знал» (ПСС, VIII, 153) (курсив мой. — М. С.).

И это представление могло для Некрасова связываться со словами Полевого, записавшего 11 ноября в дневнике: «Вечером был опять в театре, где

⁴³ Там же. С. 452—453. «Иголкин, купец Новгородский» шел в сезоне 1838—1839 гг. 12 раз (Вольф. Ч. II. С. 53).

⁴⁴ Дневник Н. А. Полевого... С. 673.

⁴⁵ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 445.

“Дедушка”. Прием и вызов — это *шевелит* сердце!..».⁴⁶ П. Н. Полевого отмечает: «В этой записи заключается объяснение всей сценической деятельности Н. А-ча. Его театральные успехи *шевелили* его сердце, заставляя его забывать о грустной и ужасной действительности».⁴⁷

Способность Полевого писать быстро также была замечена Некрасовым: «<...> опытные драматические писатели творят водевили, комедии и даже патриотические драмы с точно такую же быстротою, как искусные кухарки пекут блины» (*ПСС*, VIII, 174).

А. А. Алексеев оставил воспоминания о знакомстве с Некрасовым периода середины 1839 г.: «С Николаем Алексеевичем Некрасовым я познакомился в “Фениксе”. Тогда еще был он непризнанным поэтом и только что пробовал свои силы в драматургии. Он исправно посещал “Феникс” и заводил дружбу с актерами, которые так или иначе могли содействовать его поползновениям сделаться присяжным драматургом».⁴⁸

В литературоведении принято датировать начало театральной деятельности Некрасова временем сотрудничества у Ф. А. Кони и И. П. Песоцкого — второй половиной декабря 1839 г. (*Летопись*, I, 51—52). Но интерес к этой деятельности, скорее всего, возник у Некрасова раньше, и закономерно думать, что он совмещался с вниманием дебютанта к Полевому.

Фигура Петра I, столь значимая для Полевого, появляется в стихотворении Некрасова «Человек» (*ПСС*, I, 191) — второй его публикации у Полевого. В. Э. Вацуро указывает на реминисценцию из оды Пушкина «Вольность» (*ПСС*, I, 646). Добавим еще одно наблюдение. Дата цензурного разрешения книжки журнала с этим стихотворением — 15 ноября, а премьера пьесы состоялась на сцене Александринского театра 9 ноября 1838 г. Правоммерно предполагать, что стихотворение написано Некрасовым по впечатлениям от пьесы, возможно, известной ему еще до постановки на театре (в ру-

⁴⁶ Дневник Н. А. Полевого... С. 671.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Алексеев А. А. Воспоминания актера. М., 1894. С. 35.

кописи, в домашнем чтении автора, наконец, по высказываниям Полевого о своей пьесе).⁴⁹

Предположительно к 1839 г. относят стихотворение Некрасова «Истинная мудрость» (*ПСС*, I, 209—211). Впоследствии Г. З. Елисеев «заметил, что стихотворение Некрасова — “чистое подражание”, однако без скольких-нибудь серьезных оснований связал его с одой Ломоносова, имея в виду “Вечернее размышление о божьем величестве” (*ОЗ*, 1878, № 3, отд. II, с. 130)» (*ПСС*, I, 651—652). Оценка серьезности оснований этой соотнесенности принадлежит комментатору стихотворения В. Э. Вацуру. В аспекте обращения к «ломоносовской теме» примечательно, что эта соотнесенность отмечена современником Некрасова, т. е., она явилась, пусть единично, частью читательского восприятия прижизненного читателя.⁵⁰

Как принято считать, в 1840 г. Некрасов пишет свою «драматическую фантазию в стихах» «Юность Ломоносова» (*ПСС*, VI, 7—20). Это периферийное произведение молодого автора лишь эпизодически привлекало внимание исследователей.⁵¹ Однако его анализ дает основания предполагать, что во время ее написания Некрасов еще достаточно сильно ощущал влияние Полевого.⁵²

В первую очередь оно заметно в выборе темы драматической фантазии. Без сомнения, в доме Полевого была книга, написанная К. А. Полевым, —

⁴⁹ Устойчивый и глубокий интерес Полевого к фигуре Петра I проявляется в скором времени в статье, напечатанной в 1839 г. в первом томе книги «Сто русских литераторов»: «О бумагах и заметках, оставшихся по кончине Петра Великого, в его собственном кабинете», — о которой Белинский отозвался в рецензии, что она «отличается высоким интересом содержания, одушевленностью и мастерством изложения» (*Б-13*, III, 102; Впервые опубликовано: МН. 1839. Ч. II. № 3 (Ц. р. 1 марта). Отд. IV. С. 1—13).

⁵⁰ В рецензии *Н. В. Савельева-Ростиславича* (Н. С.) на «Мечты и звуки», где это стихотворение было впервые опубликовано, оно было названо «не лишенным удачных строк», хотя и растянутым: СП 1840. 14 марта. № 59. С. 234.

⁵¹ *Царькова Т. С.* Становление поэтики Н. А. Некрасова. Стихотворения 1840—1845 гг.: Автореферат дисс. на соискание ... канд. филол. наук. Л., 1979.

⁵² Подробней о «Юности Ломоносова...» и образе Ломоносова в связи с динамикой отношения Некрасова к Полевому см.: *Степина М. Ю.* Два сюжета из раннего Некрасова («Юность Ломоносова» в контексте творчества; о прототипе учителя латыни) // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2012. С. 76—84.

биографический роман «Михайло Васильевич Ломоносов» (1836). Позднее, в 1843 г., Н. А. Полевым написана «Ломоносов, или Жизнь и поэзия. Драматическая повесть в пяти действиях, в прозе и стихах».⁵³ Полевой считал Ломоносова Петром Великим в российской словесности.

В пьесе Некрасова Ломоносов — поэт. Его роль в науке не освещается. В таком выборе прочитываются устремления Некрасова: мечтая об учебе в Университете, он все-таки мыслил себя поэтом, а после переоценки своих возможностей весной 1840 г. — практиком «литературного цеха», но, как показала его биография, не ученым.

Можно предполагать, что Ломоносов-поэт был прочитан Некрасовым, хотя бы выборочно, либо перечитан — именно в этот период его жизни, когда не доучившийся в гимназии молодой поэт много читает, возможно, по рекомендациям знакомых или ориентируясь на имена, упоминаемые в общих разговорах. Поэтому представляется обоснованным допущение, что «Юность Ломоносова» могла быть написана ранее 1840 г. «Юность Ломоносова», как и «Истинная мудрость», соответствует определению Некрасова — «серьезные стихи» (*ПСС*, XIII₂, 58), тогда как его деятельность на поприще водевилиста и театрального обозревателя и критика органично близки его стихотворным фельетонам — стихам «эгоистическим» (*там же*).

С Полевым в некрасововедении связано начало профессиональной журнальной работы Некрасова. В «Летописи...» указывается, что это была работа «для “Сына Отечества” Н. А. Полевого» в конце 1838 г. (*Летопись*, I, 37). В автобиографических записях и устных рассказах Некрасов неоднократно упоминал этот факт.⁵⁴ Кроме того, согласно свидетельству

⁵³ Премьера состоялась 7 мая (Ломоносов — Василий Каратыгин, антигерой фон Кляуз — Мартынов).

⁵⁴ «Он (Полевой. — М. С.) поместил одно стихотворение. Дал мне работу, <я> переводил с французского, писал статьи о театральных пьесах, о книгах. Ничего о них не зная, ходил в Смирдинскую библиотеку-кабинет, собирал кое-какие материалы, и заметки составлялись» (*ПСС*, XIII₂, 47), «Я у него напечатал стихи и что-то маленькое с усилием перевел» (*ПСС*, XIII₂, 59). Посредничество Полевого в публикации стихов Некрасова в «Библиотеке для чтения» подтверждается свидетельством поэта: «<...> Полевой напеча-

В. П. Горленко, во второй половине 1839 г. Некрасов принимал «какое-то участие в Критико-библиографическом отделе “Библиотеки для чтения”» (*Летопись*, I, 41). В этом литературном заработке, по-видимому, также выразилась помощь Полевого, несмотря на его тяжелое состояние.

В доме Полевого Некрасов познакомился с С. Н. Глинкой, который «предложил ему учиться у него французскому языку. С этого дня Некрасов сделался частым посетителем» его дома.⁵⁵ «Летопись...» датирует это знакомство первой половиной 1839 г. (*Летопись*, I, 37).

В июле 1839 г. Некрасов держит экзамены в университет. 27 июля П. А. Плетнев пишет ходатайство за Некрасова перед А. В. Никитенко; после провала на экзаменах Некрасов объясняется с Плетневым лично. В русле всего сказанного представляется возможным предполагать участие Полевого в знакомстве Некрасова с Плетневым.

Документальных свидетельств о том, когда и при каких обстоятельствах оно состоялось, не обнаружено.⁵⁶ Известно, напротив, что Плетнев в должности ректора был демократичен и доступен для студентов и искренне желал содействовать желанию любого молодого человека получить образование. Это же сочувствие выказал Некрасову самоучка Полевой при знакомстве, нашедшем отражение в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»: «Ради ли одного приличия, или в самом деле из участия, журналист подробно расспросил меня об моем положении и, узнав, что я приехал в Петербург учиться, очень хвалил мое намерение» (*ПСС*, VIII, 95).

тал несколько моих пьес в “Библиотеке для чтения”» (*ПСС*, XIII₂, 58). Б. Л. Бессонов в комментарии к этой записи указывает: «Известно одно стихотворение Некрасова — “Жизнь”, — напечатанное в “Библиотеке для чтения” (1839, № 7). Журнал выходил под редакцией О. И. Сенковского, при близком участии (с 1837 г.) Н. А. Полевого» (*ПСС*, XIII₂, 467).

⁵⁵ Глинка Ф. С. Из прошлого. К биографии Н. А. Некрасова // ИВ. 1891. № 2. С. 585.

⁵⁶ В. Э. Вацуро высказал предположение, что участие Плетнева в судьбе молодого литератора, автора поэтического сборника, было авансом (см.: Вацуро В. Э. Некрасов, Плетнев и Никитенко в 1839 году // Некрасовский сборник. XI—XII. СПб., 1988. С. 189—191. См. также: *ПСС*, XIII₂, 356, 433—438). История личных и литературных взаимоотношений Некрасова и Плетнева рассмотрена в главе 5.

Полевой в письме к брату от 27 декабря 1838 г. сообщает: «я помирился с Булгариным и с Плетневым и его товарищами. Они сами простерли руки ко мне, не знаю отчего, признавая во мне какое-то необыкновенное дарование». ⁵⁷ В качестве рабочей гипотезы можно предполагать, что Полевой рекомендовал Некрасова Плетневу как молодого поэта, желающего поступить в университет.

В сентябре 1839 г. вышел в свет № 6 «Сына отечества», в котором было опубликовано стихотворение «Изгнанник», а кроме того, Некрасов принял участие в беллетристическом или критико-библиографическом отделе этого номера (*Летопись*, I, 47). Общее состояние дел журнала отражено в письме И. С. Тургенева к Т. Н. Грановскому, фрагмент которого приводится в «Летописи...»: «Полевой не имеет сотрудников и набирает их в высших классах кадетских корпусов инженерных и других училищ из учеников, начитавшихся разной дребедени и переводящих повести, данные им Полевым в воскресенье, — украдкой» ⁵⁸ (*Летопись*, I, 51).

Не позднее 14 февраля 1840 г. (дня предполагаемого отъезда в Москву к брату, откуда он вернулся 1 марта) ⁵⁹ Полевой пишет рецензию на сборник «Мечты и звуки», который напечатан в № 4 «Сына отечества», вышедшем в свет в конце февраля (*Летопись*, I, 59).

В мартовской книжке «Сына отечества» 1840 г. Полевой отвечает на критику Белинского, повторно упомянувшего имя Некрасова в ряду поэтов, которые считают себя поэтами, но таковыми не являются (*Б-13*, III, 176; ⁶⁰ *Б-13*, IV, 121 ⁶¹). Позиция Белинского выражается в недовольстве критикой «Сына отечества», которая звучит с позиции библиографических известий и «личных мнений», носящих произвольный характер, но не с позиции истори-

⁵⁷ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 455.

⁵⁸ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. Т. 1. С. 144.

⁵⁹ Там же. С. 493—494.

⁶⁰ Впервые опубликовано: Русские журналы // МН. 1839. Ч. II. № 4. Отд. IV. С. 100—138.

⁶¹ Впервые опубликовано: «Одесский альманах на 1840 год» // ОЗ. 1840. № 3. С. 9—14.

чески формирующей «науки изящного». Следствием отсутствия в критике журнала твердой платформы является слабость его отдела, посвященного отечественной словесности. Молодой поэт Некрасов как отдельная фигура не рассматривается ни одной из спорящих сторон. Но оценка Некрасова у сторон были различной.

Динамика оценки Полевого уточняется путем контекстуального анализа событий 1839—1840 гг. Дальнейшие публикации Некрасова и его поиски своей ниши в литературном мире совершаются одновременно с постепенным его расхождением с Полевым.

Отчасти этому не могла не способствовать длительная болезнь Полевого. Другие обстоятельства заключались в новых знакомствах, которые обрел Некрасов, и новых литературных предприятиях. Отзывы о них в письмах Полевого поясняют вероятную динамику его отношения к Некрасову. Точка зрения Полевого, по-видимому, достаточно полно отражена и в «Записках Ксенофонта Алексеевича Полевого...».

§ 4. НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА И НАЧИНАНИЯ НЕКРАСОВА В ОЦЕНКЕ БРАТЬЕВ ПОЛЕВЫХ

Эта точка зрения изложена К. А. Полевым в главе, в которой он описывает пребывание Н. А. Полевого у него в Москве зимой 1839 г. Длинное рассуждение об ухудшающемся отношении к Полевому в Петербурге содержит резкие обвинения в адрес Белинского, который быстро перешел от прежде уважительного отношения к Полевому к откровенно враждебному (отметим: во многом под влиянием переписки с И. И. Панаевым, содержащей новости и характеристики петербургской литературы).⁶² Далее следует высказывание, в котором имя Некрасова не названо, но оно явно подразумевается: «Впоследствии партия, к которой принадлежали Белинский, Герцен и подобные им (герои не движения, а ломки, разрушения всего, созданного историческими

⁶² См.: В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С. 195—217.

событиями) порицали Николая Алексеевича за его *патриотические* пьесы»;⁶³ «Юноши 1839 года не были свидетелями деятельности Николая Алексеевича в 1825 и следующих годах; им она была мало знакома, а их современники представляли ее в превратном виде, отчего и понятие о ней составилось превратное. Оттого каждое сочинение моего брата, встречаемое неприязненно журналами, каждое литературное предприятие его, уже наперед представленное в ложном свете, начинало испытывать холодность публики, и новые поколения были предубеждены против недавнего любимца русских читателей».⁶⁴

Под упомянутыми журнальными выпадами против Н. А. Полевого, несомненно, имеются в виду и критические высказывания Некрасова ближайших лет. Он не назван по имени, как и другие литераторы, близкие к Белинскому.

Личные чувства К. А. Полевого очевидны. Но вывод о его односторонней субъективности не выдержал бы критики. В воспоминаниях В. А. Панаева, близкого друга Некрасова, человека, близкого некрасовскому журналу, находим сходное свидетельство и сходную оценку: «Глубоко любя и уважая людей литературного кружка сороковых годов, я не могу, однако, не высказать правды: они совершили великий грех в отношении драматической Петербургской труппы тех времен. Они старались всеми силами дискредитировать Александринский театр в глазах образованной публики, отзываясь о нем как о театре неприличном, некомильфотном, где могут находить удовольствие не люди образованные и художественно развитые, а лишь гостинодворцы. <...> Что же совершалось в действительности? Все, искренно любящие наслаждаться великим драматическим искусством, ездили в Александринку (выражение того времени), но старались скрывать это от своих знакомых <...> не упуская при том отзываться в обществе об Александринке или с иронией, или с пренебрежением. Теперь, когда эта фальшь миновала, я не-

⁶³ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 459.

⁶⁴ Там же. С. 461.

редко встречаю пожилых людей, которые <...> сознаются, что они, несмотря на наложенное литературным кружком в оные времена клеймо на Александринку, ездили туда втихомолку, чтобы насладиться игрой Каратыгина».⁶⁵

Возвращаясь к суждению К. А. Полевого, отметим специфику его «глухой» оценки Некрасова. В своем описании процесса К. А. Полевой ведущую роль отводит Белинскому. Слово «юноши» синонимична слову «мальчишки», встречающемуся в письмах Н. А. Полевого. Оценка Некрасова в этом суждении выглядит двойственной. «Записки...» написаны в 1888 г., спустя одиннадцать лет после смерти поэта. Приношение и название без имени, думается, носит сознательный и принципиальный характер.

Во-первых, автор «Записок...» даёт понять, что для него, для Н. А. Полевого и, вероятно, вообще для литературного круга конца 1830-х гг. и нескольких последующих лет Некрасов был из числа «юношей 1839 года». Он — безвестный «юноша», ведомый Белинским, уже заметной литературной фигурой. Белинскому, в числе прочего, вменяется в вину внушение «юношам» неверного взгляда, а на «юношей» отчасти распространяется отношение к Белинскому.

В оценке Некрасова, таким образом, присутствует некий «рикошет»: он рассматривается как явление, вторичное по отношению к Белинскому. Такие «рикошеты» достаточно типичны в отзывах о Некрасове. И чем более актуально для литературного оппонента опровержение Белинского и его последователей, тем менее актуальна для него индивидуальность конкретного последователя. Механизм полемики отличен от беспристрастного осмысления нового литературного явления. Представление о его литературном даровании и его произведениях подменяется литературной репутацией. Этот механизм, а также степень соответствия оценки литературной величине Некрасова рассматриваются в последующих параграфах. Этот фактор важен для изучения восприятия Некрасова русской критикой 1840-х гг.

⁶⁵ Панаев В. А. Из «Воспоминаний» // Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 251.

Во-вторых, К. А. Полевой, по всей видимости, не принял некие объективные явления в литературном процессе.⁶⁶ И он явно не простил Некрасову перемены к его брату и того освещения, какое получил образ Н. А. Полевого в произведениях и высказываниях Некрасова. Правомерно предполагать, что причины этого неприятия в большой степени кроются в «домашних обстоятельствах», которые подробно описаны в письмах Полевого к брату и частично цитируются далее.

Точка зрения Н. А. Полевого была близкой, хотя, по свидетельствам К. А. Полевого и П. Н. Полевого, он не обладал личной злопамятностью.⁶⁷ Но именно из его писем и рассказов К. А. Полевой составил себе картину литературных отношений, в которых опекаемый его братом «юноша» оказался среди недоброжелателей своего опекуна.

Полевой в письмах эмоционально отзывался о литературных новостях. В 1838 г. он пишет о переходе «Отечественных записок» П. П. Свиньина к А. А. Краевскому: «журнал “миваго” сняла компания, где редактором будет Краевский, а участниками Недоумка, князь Одоевский, Бенедиктов — всего по счету 70 человек!»,⁶⁸ «<...> смешное здешнее общество *мальчишек*».⁶⁹

5 декабря 1839 г. Полевой пишет брату: «Краевский с братиею дуется как пузырь и на будущий год надеется все уничтожить и разбогатеть. Сплетней между ними, и по литературе, вообще конца нет, и оне доходят до отвратительного! <...> Удача “Повешенного» (И. П. Песоцкого. — прим. К. А. Полевого) родила “Пантеон”, где начальники Булгарин и Кони. Оттого-то и ругают Песоцкого в “Пчеле” и, вообще, тут была история и глупая. И преуморительная! Песоцкий тянется из жил, шумит, бегаёт, угощает, ссорится, мирится — суцая умора! “Маяк” Корсакова и Бурачка тоже будет журнал <...>

⁶⁶ В отличие от П. А. Плетнева, чьи высказывания 1850-х гг. подводят к выводу, что величина Некрасова, не близкого ему субъективно, была им признана.

⁶⁷ Отметим фразу из его письма, написанного вскоре после потери сына, 15 июня 1839 г.: «Любовь к этим мерзавцам — людям, опять волнуёт кровь!» (Там же. С. 470).

⁶⁸ Там же. С. 440. Письмо от 15 августа.

⁶⁹ Там же. С. 443. Письмо, написанное «около начала ноября» (Там же, 440).

Белинского надеюсь не видеть; но он здесь, шумит и пакостит, нагло и бесстыдно принимая на себя должность собаки Краевского... <...> Вообще, литература русская, *здесь*, по крайней мере, — скопище мерзости, спекуляций, обманов, бесталанности, бессмыслия и гадостей. Не виню самого предмета. Я решительно не нашел здесь ни одного человека, у которого соединялось бы знамение таланта с душою. Есть добряки, но дрянь, и все при том испорчено нравственно так, что смотреть и грустно, и жалко. Не говорю о молодцах, каковы *Краевский* и *Булгарин*, шарлатанах, каковы Кукольник или Панаев, но что за дрянь, как люди (названо несколько литераторов)! Ни в душе силы, ни в даровании твердости, ни в уме смелости! <...> Главное, что здесь все обращается в интригу, средство, расчет, лощится, кроется лаком, и тем-то все является отвратительнее; а обман и шарлатанство дошли до последней крайности...».⁷⁰

В этом раздраженном письме изложены факты и оценки, имеющие отношение к новым литературным связям Некрасова, в том числе к только начинающим завязываться (Кони, Песочкий, Панаев, Краевский), и к начавшемуся отчуждению его от Полевого и втягиванию молодого литератора в жесткую полемику с Полевым. Таков контекст, в котором прозвучит рецензия Полевого на «Мечты и звуки».

После 4 сентября 1839 г. Некрасов выехал из дома Д. И. Успенского. Литературный заработок, который мог предоставить ему в 1839 г. Полевой, был явно мал. Публикации Некрасова в 1839—1840 гг. появились в других изданиях: «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» («Моя судьба», «Два мгновения», «Рукоять»);⁷¹ «Литературных прибавлениях к “Журналу Министерства народного просвещения”» («Дума»);⁷² «Пантеоне русского и всех европейских театров» («Мелодия», «Наш век», «Офелия»)⁷³ (ПСС, I, 275—281, 664—666). Знакомства Некрасова с Ф. А. Кони и с И. И.

⁷⁰ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 486—487.

⁷¹ ЛПРИ. 1839. 25 марта; 8 апреля, № 14; 24 июля, № 25.

⁷² Литературные прибавления к ЖМНП. 1840. № 1.

⁷³ П. 1840. № 3; № 5.

Панаевым,⁷⁴ возможно, были еще недавними и непрочными, а возможно даже, состоялись позже, но ближайший период деятельности Некрасова будет связан с этим кругом литераторов.

Указанные обстоятельства и видение ситуации Н. А. Полевым проясняют его пожелания молодому автору, высказанные в рецензии на сборник «Мечты и звуки».

§ 5. РЕЦЕНЗИЯ НА «МЕЧТЫ И ЗВУКИ»

Рецензия Полевого на «Мечты и звуки» являет собой пример «педагогической» критики. В ней сказывается, во-первых, личное участие опытного литератора в начинающем. Во-вторых, одобрение и назидание старшего младшему. Пожелание Полевого молодому автору позволяет реконструировать стадию личных и творческих отношений Полевого и Некрасова и дополнительно осветить представление об этом этапе творческого пути поэта. Речь не идет ни о магистральном пути русской литературы, на котором нужно искать свое направление, ни о поэтической технике.

Вновь обратимся к цитате из рецензии Полевого:

«Желаем ему более самобытности мыслей и прочной славы на Русском Парнасе, надеясь, что он скоро заметит неверную дорогу, которую избрал теперь. Русская пословица: “С волками надобно выть”, вовсе не годится для истинного дарования. Пусть воют те, у кого нет таланта, и у кого он является в таких прекрасных проблесках, как у г-на Н., тот должен сочувствовать свое собственное достоинство. Здесь существенное начало истинной поэзии».⁷⁵

«Начало поэзии», по Полевому, заложено в «таланте», который признаётся в дебютанте (в «прекрасных проблесках»), но не дан в сколько-нибудь доступном читателю определении. Речь идет, возможно, о литературном на-

⁷⁴ По свидетельству М. А. Гамазова, он свел Некрасова с Панаевым по просьбе молодого поэта в марте 1839 г. (*Гамазов М. А. К «Воспоминаниям» А. Я. Панаевой // ИВ. 1889. Апрель. С. 256*).

⁷⁵ СО. 1840. Т. I. (Ц. р. 31 дек. 1839 г.). Отд. IV. Критика и библиография. Современная русская библиография. Новые книги 1839 и 1840 гг. С. 894.

правлении, которому, по замечанию рецензента, изменяет молодой поэт, а возможно, и о направлении общего строя его мыслей. Рассмотрим это замечание подробнее.

Верховский замечает: «Как видим, отзыв этот доброжелательно-критический, по тону даже “отеческий”, хотя и не конкретный».⁷⁶ Определение «отеческий» указывает на также замеченную им «педагогическую» направленность критики.

Исследователь полагает, что под «ложностью направления» (формулировка Верховского) Полевой подразумевает общую черту современных стихотворцев, о которой говорит в отзыве об «Одесском альманахе на 1840 год»: «кучи плаксивого, слезливого, отчаянного и разочарованного, чем набили нам оскому Русские поэты последнего времени».⁷⁷

На наш взгляд, сближение критических отзывов имеет основание. Упрек в «плаксивом, слезливом, отчаянном и разочарованном» мог подразумеваться. Сходные упреки делали Некрасову⁷⁸ другие рецензенты. Напр., **Н. В. Савельев-Ростиславич** отмечал: «Автор, видимо, слишком пристрастен к прежней школе, которая думала находить поэтическое в одних чувствах грусти, безнадежности, отчаянии. Это направление, к сожалению, довольно сильно отразилось в стихах г. Н. Н.».⁷⁹

Таким образом, восприятие стихов Некрасова как чего-то, по словам Полевого, «плаксивого, слезливого, отчаянного и разочарованного», было

⁷⁶ Верховский Г. П. Указ. соч. С. 170.

⁷⁷ Цит. по: Верховский Г. П. Указ. соч. С. 170.

⁷⁸ И не только Некрасову. Отметим пассаж Белинского в его в целом одобрительной статье о сборнике А. Леонова, отрецензированном в «Библиотеке для чтения» вместе с «Мечтами и звуками»: «Не нравится нам еще отчаянно элегический тон разочарования в некоторых пьесах. Это старая штука, которая всем надоела и не брошена только кропающими плохие стихи. <...> Плаксивый тон нестерпим в истинной поэзии, которая требует мощного, действительного. Перечтите первые стихотворения Пушкина и “Руслана и Людмилу”: какое кипение жизни, какая радость жизни, какой молодой восторг! Вот поэт! После он становится *важен*, но не плаксив; страдает, но не плачет, и в самом страдании виден источник *утешительной поэзии*» (Б-13, III, 234).

⁷⁹ Н. С. <Савельев-Ростиславич Н. В.> 34. Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н. С. Петербург, 1840 года // СП. 1840. № 59. 14 марта. Четверг. Русская литература. С. 234—235. Ср. с критическим отзывом **Л. В. Бранта**, процитированном в гл. I, разд. 1, § 3.

достаточно объективным для современного читателя. И в этом отношении замечание Верховского представляется точным. Но прибавим: анализ контекстуальных связей (личных отношений, зафиксированных в документах эпохи, автобиографические высказывания Некрасова) даёт основания предполагать, что под «неверной дорогой» Полевой мог иметь в виду эмоционально-психологическое содержание не только поэтического сборника и вообще не только лирических произведений Некрасова.

Речь идет, во-первых, о переломе в самооценке Некрасова-поэта: «Я перестал писать серьезные стихи и стал писать эгоистические» (*ПСС*, XIII₂, 58), хотя заявление «перестал писать серьезные стихи» — атрибут автобиографического текста, но не реальной биографии, предоставляющей исследователю другие факты и другие свидетельства. Вполне вероятно, что речь идет об ориентации Некрасова на активную, подтверждаемую материальным успехом деятельность в журнально-газетной, издательской и театральной сферах. 1839 и 1840 гг. считаются годами наиболее тяжелых «петербургских мытарств» Некрасова, хотя «мытарства» в немалой степени были следствием божемного образа жизни (*ПСС*, XIII₂, 422). В 1841 г. его профессиональная востребованность намного выше, хотя, по его признанию, его дела «шли хорошо» в материальном отношении лишь с 1844 г. (*ПСС*, XIII₂, 48). В начале 1840 г. Некрасов еще мог рассчитывать на успех своего поэтического сборника. Но скорее всего, наряду с мечтами об успехе он уже усвоил те стороны литературной жизни в Петербурге, которые побудили его дать себе «слово не умереть на чердаке» и «развить в себе практическую сметку»⁸⁰.

Эта перемена в душе молодого поэта, находящегося в постоянных поисках заработка и крова, могла сопровождаться резкими декларациями. Впоследствии, описывая ситуацию более позднего времени, Некрасов признавался, что нередко говорил «с страшным цинизмом», причем «сам удивлялся

⁸⁰ ЛН. Т. 49—50. С. 202—203.

своей смелости и пропасти цинизма».⁸¹ В этом «цинизме» была определенная доля эпатажа, как и в рассказах о собственном донжуанстве. Но можно предпологать, что первые уроки «цинизма» (возможно, напускного) пришлось на время после первого серьезного провала, 1839—1840 гг., и Полевому довелось услышать первые умозаключения Некрасова о лирической поэзии и реальной петербургской жизни, насколько тот успел ее узнать.

Пословица «с волками жить — по-волчьи выть» в рецензии Полевого прочитывается как ответ на реплику, наводит на мысль об уже начатом диалоге между старшим и младшим на эту тему. Верховский утверждает, что это выражение имеет почти тот же смысл, что и в пожелании Полевого к Шаховой: ««<...> Перемените струны в лире вашей, юная, милая певица!» <...> По существу такой же, только выраженный более грубо призыв обращен и к юному г-ну Н. (т. е. Некрасову): “С волками выть... вовсе не годится для истинного дарования”».⁸² Как представляется, интерпретация Верховского не учитывает акцента Полевого на *смене* ориентиров пути Некрасова, но — в его возможном восприятии — не от «плаксивого» к юмористическому, а от «самостоянья человека» (уважения к собственному таланту и достоинству) к готовности принимать другие формы для другого содержания, может быть, без такой уж крайней необходимости.

Возможно, Полевого огорчала в Некрасове его «неверная дорога, которую <он> *избрал теперь*» (курсив мой. — М. С.): активная готовность использовать свой талант для заработка вкупе с декларируемым принципом конформизма «с волками жить — по-волчьи выть». В сущности, Полевой своей рецензией предостерегал молодого и талантливого человека от повторения *своей* ситуации, и если так, то его предостережение плодотворно соотносится со свидетельством И. И. Панаева: «Если бы он после рокового произвола, обрушившегося над ним, присмирел поневоле и продолжал бы честно и смиренно трудиться с единственной целью поддерживать свое многочис-

⁸¹ Там же. С. 203

⁸² Верховский Г. П. Указ. соч. С. 171.

ленное семейство, имя его осталось бы незапятнанным в истории русской литературы. Но Полевой с испугу поспешил употребить слабые остатки своего таланта на угодничество, лесть, которых никто от него не требовал; беспрестанно унижал без нужды свое литературное и человеческое достоинство <...> и — что всего хуже — с завистливою ненавистью отвернулся от нового поколения». ⁸³ — Как видим, в напутствии молодому поэту Полевой стремится донести до него мысль об уважении к собственному таланту и человеческому достоинству.

Видение ситуации Полевым разительно отличается от видения современного исследователя, знающего, что общение Некрасова с оппонентами Полевого, журнальная поденщина, «эгоистические стихи», водевили и прозаические опыты, помимо жизненной школы, сыграли громадную роль в формировании его поэтической индивидуальности.

Дальнейшие оценки Полевого свидетельствуют о нарастающем расхождении его и Некрасова. Оно происходило по мере сближения Некрасова с Ф. А. Кони, в чьих изданиях критика в адрес Полевого обретала все более резкий характер. К моменту выхода рецензии общение между Некрасовым и Полевым, по-видимому, еще было, хотя влияние Кони на Некрасова уже усиливалось. Помимо личного влияния, Некрасов начинал сотрудничать в изданиях другой литературной «группировки», в силу чего он и Полевой неминуемо втягивались в отношения литературных оппонентов. С точки зрения Полевого, это было сближение Некрасова с «молодцами» и «шарлатанами», в руках которых русская литература «обращается в интригу, средство, расчет». ⁸⁴ И это, скорее всего, было главным обстоятельством, которое Полевой имел в виду, говоря об избрании Некрасовым «неверной дороги».

⁸³ Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 303

⁸⁴ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 487.

**§ 6. ОБРАЗ ПОЛЕВОГО В СТИХОТВОРНОМ ФЕЛЬЕТОНЕ
«ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПОДЪЯЧИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ»**

22 февраля 1840 г., когда Полевой, написав одобрительную рецензию на «Мечты и звуки», уехал к брату в Москву до 1 марта, выходит в свет № 2 «Пантеона...», в котором опубликована первая часть стихотворного фельетона Некрасова «Провинциальный подьячий в Петербурге» (*Летопись*, I, 58).

А. М. Гаркави в комментарии к первой части «Провинциального подьячего...» пишет, что во фрагменте текста об арифметике⁸⁵ «угадывается несомненное сходство с куплетами из водевиля Ф. А. Кони (1809—1879) “Девушка-гусар”, с большим успехом исполнявшимися В. Н. Асенковой в Александринском театре.⁸⁶ Некрасов придал этому мотиву характер сатиры на чиновников-взяточников (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е. и др. Некрасов и театр*. Л.—М., 1948, с. 29)» (*ПСС*, I, 666).

В. Е. Евгеньев-Максимов, действительно, пространно рассуждает о фельетоне Некрасова и этих строках как о социальной сатире. Но эта декларация звучит в устах героя Некрасова накануне предсказуемого неуспеха его сборника, а сам фельетон являет собой начало его «эгоистических» стихов.⁸⁷

⁸⁵

«Грамматику, эстетику
Из мысли я прогнал.
Люблю лишь арифметику,
От ней богат я стал. <...>» (*ПСС*, I, 282—283)

⁸⁶ Текст куплетов Кони приводит А. И. Вольф. См.: *Вольф*. Ч. I. С. 88.

⁸⁷ Отметим отражение контрастирующих с этим свидетельством мыслей и чувств Некрасова в его письме к сестре Елизавете от 9 ноября 1840 г., в которое включены стихотворные отрывки: «<...> я вмешался в пеструю толпу людей, у которых не моя цель, я увлекся общим потоком и не отстаю от других, хлопочу, торгуюсь на рынке света...

А дни летят... Слой пыли гуще, шире
День ото дня на позабытой лире...
Порой возьму, — по струнам пробегу,
Но уж ни петь, ни плакать не могу,
Ни забывать душевной тяжкой муки;
Твердят укор разорванные звуки,
И я от лиры прочь бегу!
Бегу... Куда? В торг суетности шумной,
Чтоб заглушить тоску души безумной...
Бегу туда, где плачет нищета,

Они содержат ироническое суждение о Полевом, которое можно рассматривать в соотнесенности с последующими критическими выступлениями Некрасова.

Вторая часть «Провинциального подьячего в Петербурге» опубликована в № 3 «Пантеона...», который вышел в свет 9 апреля (*Летопись*, I, 62), а третья — в № 5 «Пантеона...», где также был опубликован первый опыт Некрасова в прозе — повесть «Макар Осипович Случайный», подписанная псевдонимом «Н. Перепельский», — и стихотворение «Офелия», подписанное: «Н. Некрасов»; выход в свет — 5 июля (*Летопись*, I, 66).

В третьей части «Провинциального подьячего...» есть пассаж, посвященный драме Полевого «Параша-Сибирячка», произведению, которое было дорого автору и любимо публикой.⁸⁸ Упоминание о «Парашеньке», которую играла В. Н. Асенкова, контрастирует со стихотворением «Офелия», помещенном в этом же номере журнала. В «Офелии» отношение автора к образу артистки близко к тому, которое впоследствии отразится в стихотворении «Памяти А<сенков>ой».⁸⁹ Поэтому можно утверждать, что в «Провинциаль-

Где светел лик богатого шута...
 Бегу затем, чтоб дать душе уроки
 Пренебрегать правдивые упреки,
 Когда желает быть сыта!..» (*ПСС*, XIV₁, 29—30).

⁸⁸

«На днях смотрел *Парашеньку* —
 Нет прелестям конца!
 На крестницу Евлашеньку
 В ней сходство есть лица.
 Тут очень уморительно
 Всех Гусева смешит,
 Тут пляшут так чувствительно,
 Что плачут все навзрыд.
 Печальная оказия!
 Не видел век такой:
 Чуть сам не был в экстазе я —
 Уважил Полевой!» (*ПСС*, I, 290).

⁸⁹ Подробнее об этом см.: *Степина М. Ю.* 1) Стихотворение «Памяти <Асенков>ой и образ актрисы в контексте «поминальной» лирики Некрасова — Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., СПб., 2011. С. 73—84; 2) Два поэтических поминовения петербургских актрис (Н. А. Некрасов и А. А. Блок) — Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2011. С. 75—89.

ном подьячем...» автор дистанцирован от героя-рассказчика, восторгающегося в Асенковой «прелестями» и сходством с крестницей.

В оценке «чувствительной пляски», заставляющей зал «плакать навзрыд», ощущается двойственность. В «Провинциальном подьячем...» уже присутствует фельетонная маска, пародийно отражающая типическое лицо. Эти слова произносит недалекий театральный зритель, пришедший за впечатлениями, интеллектуально и эмоционально доступными ему, с его душевной организацией и уровнем развития. И эти слова написаны автором, иронизирующим над этим зрителем и над Полевым, который — по оценке Некрасова — пишет для этого зрителя. Несомненно, в фельетоне есть и самоирония — в творческой биографии Некрасова совершается переориентация литературной деятельности и смена ближайшего окружения.

Таким образом, с зимы 1840 г. Некрасов регулярно сотрудничает в издании Ф. А. Кони, а в середине года в его печатном высказывании о Полевом уже явственна ирония. К началу 1841 г. влияние Кони (в первую очередь его водевиля «Петербургские квартиры») легко проследить в таких произведениях Некрасова, как «Утро в редакции», водевиль «Феоклист Онуфрич Боб», «Шила в мешке не утаишь — девушки под замком не удержишь».

Эти факты подтверждают, что сожаления в рецензии Полевого в начале 1840 г. относились к совершающемуся переходу Некрасова от него к Кони; отчасти, возможно, — к быстрой и резкой потере уважения к себе от недавно опекаемого молодого поэта без крова и заработка. И это были сожаления о неопытном человеке, чьи решения он считал ошибочными, и пожелания держаться прежнего пути, которые для Некрасова уже не имели силы. В 1841 г. в отзывах, к которым так или иначе причастен Полевой, просматривается другое отношение.

§ 6. КРИТИКА «РУССКОГО ВЕСТНИКА» И «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»

В 1841—1842 гг. Полевой становится единоличным редактором «Русского вестника» Н. И. Греча, в котором активно участвует Н. В. Кукольник. В «Русском вестнике» этих лет появляется три отзыва, в которых содержится оценка творческой деятельности Некрасова.

Некрасов в 1841 г. (и вообще в период до 1845 г.) пишет относительно немного стихов. Часть из них пишется для заработка (например, «Баба-Яга, Костяная нога»⁹⁰), часть — появляется в тексте рецензии или водевиля. Некоторые из стихотворений этих лет не публиковались по написанию («В альбом», «День рожденья», «Сказка о царевне Ясноцвете», «Внизу серебряник Чекалин...», «И он их не чуждался в годы оны...», «И так за годом год... Конечно, не совсем...» — *ПСС*, I, 274, 664; 343, 672; 345—363, 672; 368, 675; 407, 408, 683).

Таким образом, в сфере поэзии Некрасов своими публикациями декларирует себя в новом качестве, противоположном «поэту»: он — автор незначительных произведений, написанных с коммерческой целью. В сфере прозы он — дебютант, пишущий также «из хлеба» (*ПСС*, XIII₁, 60). В области драматургии он также дебютант, но вполне успешный и быстро перешедший в статус «молодого драматического писателя». В области журналистики — молодой, но хваткий и быстро растущий сотрудник с сильным потенциалом. В целом к середине 1841 г. Некрасов известен в литературно-театральных кругах.⁹¹

Все три отзыва «Русского вестника» о Некрасове предельно лаконичны. Оценка в них легко просматривается, однако не разворачивается и не аргументируется как нечто не нуждающееся в объяснениях для знающих ситуацию и заслуживающее одной однозначной оценки для широкого читателя.

⁹⁰ [Б. н.] Баба-Яга, Костяная нога. Русская народная сказка, в стихах, в восьми главах. С. Пб. 1841, в тип. Императорской Российской Академии, в 8, 82 стр.

⁹¹ Воспоминания Юрия Арнольда. Вып. II. С. 214.

Первый из отзывов «Русского вестника» напечатан в № 1 за 1841 г. и принадлежит **Н. В. Кукольнику**. Он посвящен обзору первых десяти книжек «Пантеона...» и проанализирован в параграфе, посвященном Ф. А. Кони. Ввиду его краткости вторично процитируем его:

«Чем же г. Кони дополнил Пантеон всех театров? Повестями Сувестра, Новомлинского, Гребенки, Перепельского, Воскресенского, Александровой, Медведовского и Струйского <...>».⁹²

Аналогичный отзыв о «Пантеоне...», напечатанный в «Северной пчеле», также проанализирован в параграфе, посвященном Кони, и предположительно атрибутирован Ф. В. Булгарину.

Пренебрежительные замечания о повестях Перепельского содержат ответ на иронию Некрасова в адрес Полевого в третьей части «Провинциального подъячего...», опубликованного в одном номере с повестью «Макар Осипович Случайный». Безвестный начинающий автор проходных повестей критикует опытных людей, пользующихся известностью публики, — этот мотив устойчив в критике «Русского вестника» и «Северной пчелы».

Низкая оценка повестей достаточно объективна. Сам Некрасов в зрелом возрасте был очень сдержан в оценке собственной прозы (*ПСС*, VI, 645). Как прозаик он уже обрел лицо и известность в середине 1840 — начале 1850-х гг.

Однако в целом оценка повестей начинающего писателя и не занимает автора рецензии. В обзоре Кукольника Некрасов только упомянут; в «Северной пчеле», по сути, та же оценка дана более развернуто: именование «какой-то Перепельский» дополнительно умаляет достоинство автора, повести открыто названы «плохими» и «недостойными названия *литературных произведений*». Отзыв Булгарина публицистичен, он иллюстрирует не чуждую переходом на личность полемику общественно-политического характера по по-

⁹² *Кукольник Н. В.* Репертуар Русского Театра, издаваемый И. Песоцким 1839 и 1840 годы. СПб. В тип. И. Глазунова и К°. Пантеон Русского и всех Европейских Театров. Редактор Ф. А. Кони; издание книгопродавца В. П. Полякова. СПб. 1840. Первые десять книжек // РВ. 1841. № 1. (Ц. р. 20 дек. 1840 г.) Критика. С. 220.

воду литературных и театральных явлений. Отзыв не содержит аргументации литературного характера (*почему* повести плохи) и эстетически неинформативен. Также не содержит аргументации отзыв Кукольника.

Второй отзыв в № 2 «Русского вестника», вышедшего в свет 4 февраля 1841 г. (*Летопись*, I, 76), принадлежит *Н. И. Гречу* и посвящен персонально Некрасову — его книжке «Баба-Яга, Костяная нога. Русская народная сказка, в стихах, в восьми главах»:

«“Читали ль вы эту книжку?” — спросил я у приятеля. — “Читал.” — “Которая глава понравилась вам более прочих?” — “Девятая”». ⁹³

За оценкой сказки стоит достаточно объективный взгляд на начинающего литератора. «Баба-Яга, Костяная нога» была написана с целью заработка и в целом невысоко оценена критикой. ⁹⁴

Третий отзыв «Русского вестника» был напечатан без подписи:

«По отчету за Русские театры видим, что в 1841 году деятельность пишущих для Русской сцены не ослабевала. Явились *новые* драматические писатели: *Ф. В. Булгарин, гг. Катков, Перепельский, Неймановский, Зубарев, Смирнов*. Из *прежних* писали для сцены: *Н. В. Кукольник, П. Г. Ободовский, Г. Ф. Основьяненко, Е. В. Аладьин, В. А. и П. А. Каратыгины, Д. Т. Ленский, П. С. Федоров, Григорьев 1-й, Мирошевский, Зубов, Бочаров, Фейгин, Филимонов, Полевой* и другие». ⁹⁵

Как представляется, этот текст можно предположительно атрибутировать *Н. А. Полевому*. В пользу предположения выступает то обстоятельство, что его фамилия приводится в конце и без инициалов, хотя и после менее

⁹³ *Греч Н.* Баба-Яга, Костяная нога. Русская народная сказка, в стихах, в восьми главах. С. Пб. 1841, в тип. Императорской Российской Академии, в 8, 82 стр. Цена 72 к. сер. // РВ. 1841. № 2 (?). Том первый (№ 1—3). Смесь. Новые русские книги. С. 478.

⁹⁴ Подробнее см.: гл. V, § 5.

⁹⁵ [*Б. н.*] Литературные известия // РВ. 1842. № 2. (Ц. р. 15 февр. 1842 г.) Известия и смесь. С. 49.

именитых авторов. Так мог упомянуть свою фамилию в списке автор текста, но едва ли фамилия Полевого была бы поставлена без инициалов и в этом порядке, если бы отзыв писал Кукольник или Греч.

Тон в отношении Некрасова нейтральный; он упомянут в числе «драматических писателей», это — констатация факта.

По первому отзыву «Русского вестника» и сопутствующему отзыву «Северной пчелы» заметно, что критика изданий Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина объединена против изданий, редактируемых Ф. А. Кони и А. А. Краевским. Критика Полевого и Булгарина, по сути дела, адресована не Некрасову, а Ф. А. Кони. Перепельский-Некрасов — ученик и сотрудник Кони — в их отзывах упоминается не сам по себе, а как пример личной неудачи Кони, причем один из многих. Можно сделать вывод, что оппоненты Кони говорят о Некрасове как о мелкой «фигуре» на «поле» Кони. Таким образом, в этих отзывах также заметен «рикошет». К тому же вследствие конфликта с Кони, длившегося несколько месяцев, Некрасов находился в Ярославле и возвратился в Петербург в конце года.

Выход «Пантеона...» был сочувственно встречен В. Г. Белинским, критически отозвавшимся в том же отзыве о книжке «Репертуара русского театра».⁹⁶ Выступления Булгарина и Кукольника были направлены не только против редактора «Пантеона...» и «Литературной газеты», но и против критика, указывающего на достоинства этих изданий. В этом ракурсе Некрасов в их отзывах опять-таки выглядит малозначительной фигурой «при патроне», привлеченной для иллюстрации низкого уровня издания.

Что стоит за этой оценкой?

⁹⁶ Отметим демонстративное исправление Белинским грамматических ошибок в названии: [Б. п.] Репертуар Русского Театра. (.) издаваемый И. Песоцким. Четвертая книжка. Месяц апре(Б)ль. С. Петербург. В тип. А. Плюшара. 1840. В, 8-ю д. л., в две колонны. 34 и 35 стр.; Пантеон Русского и всех Иностраных Театров. Март. № 3. Санктпетербург. 1840. В 9-ю д. л. В две колонны. 133 стр. // ОЗ. 1840. № 5. Отд. VI. Библиографическая хроника. Русская литература. С. 18—22.

Во-первых, представление о театральной деятельности Некрасова, и, во-вторых, общее представление о литераторе, который впервые заявил о себе как поэт.

Что касается драматургических опытов Некрасова, то водевиль «Утро в редакции» на сцене не ставился (*ЛСС*, VI, 656). Другие водевили, в том числе очень успешные, относятся к более позднему времени, чем первый отзыв «Русского вестника».

Таким образом, между первым и третьим отзывами «Русского вестника» совершились факты, которые анонимный автор третьего отзыва (возможно, Н. А. Полевой) печатно признал, не дополняя никакими комментариями. Немногословность легко объяснить тем, что Некрасов сотрудничал в двух изданиях — «Пантеоне...» и «Литературной газете», — в которых лично Полевой, его драматургическая и журнальная деятельность подвергались критике. Кроме того, водевиль усилиями Белинского, Кони и Некрасова обретал черты остросоциальной злободневности, завоевывал и переориентировал не только читательскую, но и зрительскую аудиторию. На то, как Полевой воспринимал и оценивал Некрасова, влияло несколько факторов: журнальные и личные отношения Полевого с литературным кругом, особенно с Белинским, непримиримее других выступавшим против него. В этом случае оценка Некрасова отчасти носила «опосредованный» характер. Сыграли свою роль в оценке и очевидный рост Некрасова, его масштаба и самостоятельности, и его активная самопрезентация.

Рассмотренный в этом параграфе материал позволяет заключить, что в 1841 г. Некрасов — драматический писатель, Некрасов — театральный обозреватель и фельетонист для Полевого «вытеснил» Некрасова-поэта, а критика направлена не против слабого автора («писателя»), но против журнального сотрудника («журналиста»).

**§ 8. ДИНАМИКА ОЦЕНОК В 1841—1843 ГГ. В КОНТЕКСТЕ
ОТНОШЕНИЙ ПОЛЕВОГО И БЕЛИНСКОГО И КРИТИЧЕСКИХ
ВЫСТУПЛЕНИЙ НЕКРАСОВА**

В этом параграфе подробно рассматривается, как на критическое суждение о творчестве Некрасова накладываются периферийные, а также внеположные его литературным опытам факторы: его общая литературная деятельность, деловые и личные контакты с Белинским, общий тон высказываний Белинского и Некрасова о Полевом в свете истории отношений братьев Полевых с Белинским.

Этот аспект был затронут в параграфе «Новые связи Некрасова в оценке братьев Полевых». В конце 1830 — начале 1840-х гг. Некрасов рассматривался обоими критиками в их полемике как малозначительное лицо из окружения — своего или оппонента. Это опосредованное отношение становится еще более явным в последующие годы, в соответствии с динамикой личных связей и журнально-газетных полемик и творческим ростом Некрасова, все более узнаваемым и запоминающимся в литературном мире. В первой половине — середине 1840-х гг. Некрасов проявил себя как одаренный литературный и театральный критик.

Несмотря на то, что цитируемые далее критические статьи Некрасова относятся к наиболее известным и упоминаемым в научной литературе, обратимся к их анализу. Для нас существенно, во-первых, выяснить, насколько Некрасов-критик убедителен с точки зрения эстетической и стилистической. Во-вторых, насколько его критика объективна и самостоятельна. В-третьих, насколько объективна оценка Полевого и насколько она раскрывает литературное значение (талант и мастерство) Некрасова на момент их полемики.

В 1842—1843 гг., когда происходит сближение Некрасова с Белинским и увлечение критика «полезным журнальным сотрудником», Некрасов выступает на страницах «Литературной газеты» с резкой критикой Полевого: «“Драматические сочинения и переводы” Н. Полевого. *Части первая и вто-*

рая» (ПСС, XI₁, 61—67), «Драматические сочинения и переводы» Н. Полевого. Части третья и четвертая» (ПСС, XI₁, 84). Не повторяя многочисленных критических высказываний Белинского о Полевом, суждения Некрасова, тем не менее, в целом созвучны им. Обращение Некрасова к предшествующим эпизодам истории литературы также указывает на то, что Некрасов усваивает манеру «исторической критики» Белинского.

Развитие отношений Полевого и Белинского, кратко обозначенное в параграфе «Новые связи Некрасова и оценка братьев Полевых», описано в научной литературе, поэтому в контексте данного параграфа достаточно лишь упомянуть основные акценты. Преимущество Белинского по отношению к Полевому выражена достаточно определенно.⁹⁷ Личная привязанность Белинского к Полевому в их «московский период» отмечена братом критика, К. А. Полевым.⁹⁸ Дальнейший их конфликт затрагивает две плоскости: собственно литературную и биографическую — плоскость межличностных отношений.

Литературная сторона конфликта связана с общей оценкой «петербургского периода» Н. А. Полевого: отставание во взглядах на текущий литературный процесс и многочисленные литературные опыты «верноподданнического» направления ради заработка. Напомним, что в статье М. А. Ванюшиной⁹⁹ убедительно показаны и достаточно глубокая литературная связь Белинского и Полевого до переезда последнего в Петербург, и стремление Полевого сохранить себя как литератора, и переход его в «Литературную газе-

⁹⁷ «Принципиальная установка П<олевого> — рассматривать каждый предмет “не по безотчетному чувству: нравится, не нравится, хорошо, худо, но по соображению историческому веку и народу” <...> закладывала основы ист<орического> подхода в критике; в этом смысле П<олевои> может считаться прямым предшественником Белинского» (Ларионова Е. О. Полевой Николай Алексеевич // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. П—С. С. 32).

⁹⁸ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 376—378. Несмотря на явную пристрастность автора «Записок...», несмотря на его тенденцию объяснять смену отношений личностными, а не литературными причинами, свидетельства К. А. Полевого представляют интерес для исследователя.

⁹⁹ Ванюшина М. А. Журнальная работа Н. А. Полевого в последнее десятилетие его деятельности (1836—1846 гг.). С. 100—132.

ту» А. А. Краевского как доказательство этого стремления. Однако в начале 1840-х, когда Полевой даёт печатные оценки первым опытам Некрасова, а Белинский ему возражает, конфликт еще набирает силу.

С точки зрения литературного процесса, суждения Белинского о Полевом и о других явлениях текущего дня были своевременны и целесообразны для ориентации литераторов и читателей относительно задач и значения литературы и в частности критики. Так же актуальны были статьи Некрасова о драматических произведениях Полевого в 1842—1843 гг. в свете развития национальной драматургии. Но эта точка зрения, можно полагать, была далека от Полевого. По свидетельству И. И. Панаева, «в Петербурге Белинский не видался с ним. Полевой избегал его потому, что после совершенной перемены в своих убеждениях ему, кажется, неловко было взглянуть прямо в глаза Белинскому...».¹⁰⁰

Напротив, личная подоплека представляется достаточно весомой. Хотя, вопреки желанию,¹⁰¹ Полевой не имел возможности помочь Белинскому в Петербурге, вообще готовность помочь ближнему, когда это в его силах, сохранилась в нем.¹⁰² Посильную помощь в предоставлении крова, литературного заработка и знакомств Полевой предоставил Некрасову. Правомерно

¹⁰⁰ Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 333. Ср. с процитированным выше: «Белинского надеюсь не видеть; но он здесь, шумит и пакостит, нагло и бесстыдно принимая на себя должность собаки Краевского...» (Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 486—487). Ср. также со свидетельством В. А. Панаева, который жил у И. И. Панаева в то время, когда он предоставил гостеприимство Белинскому по приезде его из Москву в Петербург: «По вечерам приходили к нему (Панаеву. — М. С.) близкие знакомые, и Белинский большею частью присутствовал здесь <...> Из числа литераторов я помню, что видел раз Полевого, Сахарова, Воейкова и много раз Кольцова <...>» (Панаев В. А. Из «Воспоминаний». С. 172, 173).

¹⁰¹ Он писал брату: «<...> клянусь Богом, правда <...> как человека я люблю его и рад делать для него что только мне возможно» (Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 404).

¹⁰² Об этом свидетельствует Ф. А. Бюлер, познакомившийся с Полевым примерно в то же время, что и Некрасов: «Это был человек — нравственно пришибленный; в нем были порванные струны и придавленные порывы; он уже работал без увлечения, но равномерно, как маятник; усидчиво, как труженик, озабоченный поддержанием многочисленного семейства <...> Но Полевой никогда не был равнодушен к молодому поколению и к желанию принести пользу родине и ближнему» (Бюлер Ф. А. Н. А. Полевой // РС. 1871. № 12. С. 674—675).

предполагать, что Полевой, кроме чувства неловкости за себя, воспринимал резкость Белинского в свой адрес как ответ на прощальную просьбу к бывшему другу, которому он, теряя силы, предлагал помощь и просил о пощаде — «не винить, а пожалеть». Впоследствии, когда Некрасов, которого Полевой защищал от критики Белинского, расходится с Полевым, сближается с Белинским и публично выступает против Полевого, личная обида Полевого удваивается. Причем если в отношениях с Белинским Полевой, хотя бы с оговорками, признавал правоту своего оппонента и (тоже не без оговорок)¹⁰³ его литературное значение, то его в отношениях с Некрасовым было гораздо больше неравенства в возрасте, статусе, опыте, в силу чего сами отношения, скорее всего, были менее близкими и менее продолжительными.

Вследствие того, что Некрасов-критик этого периода обнаруживает сходство взглядов и оценок с Белинским, рядом с уже известным критиком он воспринимается как вторичное, подражательное явление. Такое восприятие усиливалось знанием Полевого о недостаточном культурном багаже Некрасова в эти годы.

Между тем, в 1842—1843 гг. «ученик» Белинского проявлял самостоятельность мысли, и, несмотря на общее направление взглядов, критические выступления Некрасова основаны не только на стремлении «попасть в тон» Белинского, но и на личном восприятии. Кроме того, Белинский, критик и теоретик, не был ни поэтом, ни писателем, ни драматургом — Некрасов, хотя еще не обрел своего подлинного поэтического голоса, уже был достаточно мастеровит во всех трех родах литературы.

Показательны статьи Некрасова, посвященные Полевому: ««Драматические сочинения и переводы» Н. Полевого. *Части первая и вторая*» (1842) (*ПСС*, XI₁, 61—“67), «Драматические сочинения и переводы» Н. Полевого.

¹⁰³ К. А. Полевой так освещает мнение Н. А. Полевого о Белинском: «<...> в этих статьях <...> виден был тот Белинский, который разросся впоследствии до необыкновенных размеров, в хорошем, и в диком, нелепом. Опытный взгляд Николая Алексеевича угадал это в первых попытках Белинского, которого тогда же назвал он *нелепым* <...>» (Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 369—370).

Части третья и четвертая» (1843) (*ПСС*, XI₁, 84).¹⁰⁴ Сопоставительный анализ выступлений Некрасова и Полевого позволяет проследить рост Некрасова и, соответственно, составить более полное представление о том, что стоит за немногословной оценкой Полевого.

Критика Некрасова явились продолжением журнально-газетной полемики с «Северной пчелой» и «Русским вестником» о драматургии, театре и изданиях, посвященных театру. Некрасов признаёт справедливость слов Полевого о том, что его настигло «охлаждение фантазии и воображения, отсутствие мысли», «пустота души» и «разного рода “утраты”»: «тому, кто бы приписал их особенной скромности или ошибочному взгляду поэта на самого себя, довольно прочесть одну из его драм: он убедится, что сама истина говорит устами поэта...» (*ПСС*, XI₁, 84). Финал второй статьи, в котором обыгрывается признание самого Полевого, напоминает начало первой статьи. Она начинается пассажем Некрасова, развивающим сравнение драматической славы Полевого с дымом: «<...> дым ест глаза, а драматическая слава г. Полевого глаз никому не ест, потому что она не так велика, чтоб на нее сердиться, и совсем не такого свойства, чтоб ей завидовать. <...> Она ни с какой стороны не затронет ни сердца, ни носа, ни воображения вашего... <...> Эта странная слава — без определенного цвета, веса и значения, завистников у нее быть не может, хотя могут быть ревностные поклонники...» (*ПСС*, XI₁, 61). Далее Некрасов развивает мысль, что «ревностные поклонники» — не теперешняя публика и не критика (*ПСС*, XI₁, 61—62).

Таким образом, в двух статьях можно проследить кольцевую композицию в развитии мысли, и признание Полевого в тексте Некрасова обретает смысл, пародийный в отношении драматурга и заменяющий логический вывод критика. Критическое выступление Некрасова не сводится к оценке личного вкуса, замечаниям, рекомендациям или сопоставлению с эстетической

¹⁰⁴ Переключки текста первой статьи Некрасова (ЛГ. 1842. № 43. 1 ноября. С. 882—884) со статьями Белинского отмечены в комментарии (*ПСС*, XI₁, 381—382). Текст второй статьи (ЛГ. 1843. № 14. 4 апреля. С. 279), значительно более короткой, содержит тот же вывод, что и суждения Белинского.

концепцией. Оно предметно и профессионально, как с точки зрения средств выражения мысли — литературного языка, так и с точки зрения анализа театрального искусства.

При этом в суждении критика, театрального обозревателя и водевилиста о драматурге есть и доля лукавства, обусловленная ситуацией полемики.

Некрасов, схематизируя и заостряя, отмечает существенную черту Полевого — репертуарного драматурга: его пьесы создавались для конкретной труппы, со знанием и учетом актерских возможностей. Некрасов иронизирует по поводу такого подхода: «Во всех пьесах лица — или по собственному характеру, или по характеру своих действий — одни и те же, только переряженные в другие костюмы, окрещенные другими именами. Куда ни оглянись, везде более или менее важную роль играет подьячий, без которого редкая пьеса обойдется у г. Полевого. <...> Все подьячие, промышляющие ябедой и распивающие с приличными прибаутками ерофеич в разных пьесах г. Полевого, суть — один подьячий, потому что все они писаны для г. Каратыгина 2-го <...> Расчет писать роли по мерке дарований и средств сценических действователей увлек г. Полевого слишком далеко и отнял у его лиц разнообразие. В пьесах его, собственно говоря, нет *характеров*, в них есть только *роли*, нередко весьма между собою похожие, преимущественно для гг. Каратыгиных, г-жи Гусевой и г. Сосницкого...» (ПСС, XI₁, 64).

Сходный упрек до того В. С. Межевич сделал самому Некрасову, предостерегая его, чтобы тот не спешил стать «записным водевилистом».¹⁰⁵ Некрасов, по срочному заказу писавший свои драматические произведения к бенефисам актеров Александринского театра, безусловно, учитывал возможности будущих исполнителей. В этом отношении трудно усомниться в том, что метод Полевого-драматурга был усвоен Некрасовым.

К сути полемики Некрасова и Полевого можно было бы добавить следующее. Некрасов в статье показывает Полевого как *драматического писа-*

¹⁰⁵ СП. 1841. № 111. 23 мая. С. 442—443.

теля, т. е., рассматривает его драмы как тексты особого рода. Этот подход правомерен, но им не исчерпывается ценность драмы. По-видимому, драмы Полевого обладали сценичностью: в *действии*, в сочетании с мизансценой, голосом, индивидуальной манерой исполнителя, установкой на амплуа эти пьесы вызывали тот восторг, о котором пишет у и К. А. Полевой,¹⁰⁶ и В. А. Панаев,¹⁰⁷ и, отметим, который разделял критик последующей эпохи — А. В. Дружинин.¹⁰⁸ Вообще, установка зрительного зала на исполнительское искусство была очень велика. Об этом свидетельствует то значение, которое в Москве имел П. С. Мочалов,¹⁰⁹ и сходное значение, которое в Петербурге имели В. А. Каратыгин, В. Н. Асенкова и В. В. Самойлова.¹¹⁰

¹⁰⁶ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 460, 461.

¹⁰⁷ В. А. Панаев упоминает об иронии Белинского в адрес Полевого — автора трагедии «Уголино»: «<...> ирония относительно Полевого совершенно не заслуженна, так как трагедия Полевого комбинирована искусно и удачно» (*Панаев В. А. Из «Воспоминаний»*. С. 242).

¹⁰⁸ См.: *Алдошина Н. Б. А. В. Дружинин (1824—1864). Малоизученные проблемы жизни и творчества*. Самара, 2005. С. 233, 239. Подробней сопоставительный анализ поэтики произведений Некрасова и Дружинина в свете их театральных впечатлений к. 1830 — начала 1840-х гг. изложены в статье: *Степина М. Ю. Образ В. Н. Асенковой в творчестве современников // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов*. СПб., 2012. С. 55—71.

¹⁰⁹ Это значение раскрыто в критической статье Ап. Григорьева «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. *Статья вторая*. Романтизм. — Отношение критического сознания к романтизму. — Гегелизм (1834—1840)»: «Гамлет Полевого и Мочалова — романтик. <...> были Марлинский, Полежаев и в особенности Лажечников. Был еще представитель могущественный, чародей, который творил около себя одним словом, одним дыханием, — но от него, кроме веяния этого дыхания, ничего не осталось, и — так как еще мало отвыкли мы от казенщины и рутинности в приемах — о нем как-то странно говорить, говоря о писателях, о литературе. Я разумею Мочалова <...> Белинский, как воплощенное критическое сознание эпохи, может быть, сильнее всех подвергался влиянию этой стороны романтического веяния» (*Аполлон Григорьев. Сочинения*. Том второй. Статьи. Письма. М., 1990. С. 93, 106—107).

¹¹⁰ В дополнение к уже процитированному свидетельству В. А. Панаева о зрителях 1840-х гг., которые ездили в Александринский театр «втихомолку, чтобы насладиться игрой Каратыгина» (*Панаев В. А. Из «Воспоминаний»*. С. 251), прибавим свидетельство В. Д. Философова: «Каратыгин и Асенкова во множестве мест неволью извлекали слезы, но слезы эти относились к артистам, а не к автору» (Страничка театрального прошлого (Из дневника правоведа тридцатых годов) / Публ. С. Бертенсона // *Русский библиофил: Журнал историко-литературный и библиографический*. № 7. Ноябрь. Петроград, 1916. С. 26). Ср. в публикуемом там же фрагменте письма И. И. Срезневского: «Я плакал, я забывал и присутствие толпы людей вокруг меня, и содержание драмы, и игру Каратыгина, Брянского и других, и самого себя, наконец, все глядел на отца и дочь, на дочь и на отца» (Там же. С. 27).

Указания на условия сценичности находим у Некрасова. Он неоднократно прямо говорит о разнице между текстом для чтения и текстом, который произносит актер. Так, например, в «Журнальной амальгаме» (1843), говоря о Гоголе, Некрасов рассуждает об особой образности разговорного языка в художественном произведении: «В писателе для сцены и рисовальщике нравов усвоение этого языка есть величайшее достоинство <..>» (ПСС, XII₂, 191). В «Театральном обозрении» (1850), посвященном комедиям И. С. Тургенева, Некрасов говорит о специфике драматургического произведения: «<...> в сценическом отношении “Завтрак у предводителя” выше “Холостяка”, потому что автор рельефнее, крупнее выказывает в ней то, что желает выказать. Что делать! рельефность очень важна на сцене не только в декорациях, но и в комедиях. Возьмем для примера характер Вилицкого в “Холостяке”»: многие тонкие черты его, заметные в чтении, ускользают от внимания на сцене. Между произведением для чтения и произведением для сцены такая же разница, как между акварельной картиной и декорацией: первую смотрят обыкновенно вблизи, вторую видят издали. Г-н Тургенев не привык еще к сцене» (ПСС, XII₂, 242).

Суждение о Гоголе относится к тому же 1843 г., что и вторая статья о Полевом. Логично думать, что то, что нашло отражение в суждениях о Гоголе и о Тургеневе, хотя бы в общих чертах было усвоено Некрасовым в начале 1840-х гг., когда его театральная деятельность была наиболее активна.

Выступление против официозно-патриотического направления драм Полевого было обусловлено развитием литературного и театрального процесса. Но Некрасов в качестве аргументации пародирует базовые принципы театрального искусства той эпохи, которыми пользовался и он сам,¹¹¹ и Ф. А. Кони, много писавший для той же труппы. В глазах малоподготовлен-

¹¹¹ Отражение театральных впечатлений Некрасова в его ранних произведениях указано в монографии: *Евгеньев-Максимов В. Е., Бухмейер К. К., Гин М. М., Коковкина З. Ф., Куделько Н. И., Теплинский М. В.* Некрасов и театр. Л.; М., 1948. С. 55—74; см. также: *Степина М. Ю.* Образ В. Н. Асенковой в творчестве современников // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2012. С. 55—71.

ной публики этот прием мог делать пьесы Полевого смешными. В глазах литератора, знающего приемы полемики, эта статья была примером журналистского профессионализма, ловкости и точности удара — и очевидной двойственности.

Говоря о степени влияния Белинского на Некрасова, нужно учитывать, что молодой литератор воспринял поучение «Надо ругать все, что нехорошо, Некрасов, нужна одна правда» (*ПСС*, XIII₂, 59). Поучение исходило от человека, увлеченного неприязненным чувством к Полевому, и последовал ему молодой литератор, едва ли имевший повод для личной неприязни. Скорее всего, статьи Некрасова о Полевом вполне соответствовали его тогдашнему представлению о вчерашнем и сегодняшнем дне драматургии, но не практике заработка в театральной и журнальной сфере, в которой подобная драматургия была ходовым товаром. Но то, что для Некрасова — по-видимому — соответствовало профессиональной принципиальности, в силу сходства с суждениями Белинского и предыстории отношений с ним, в глазах Полевого препятствовало тому, чтобы воспринимать статьи молодого автора с точки зрения собственно литературной. Упрек старшему, опытному, но уставшему литератору от младшего, когда-то опекаемого и сейчас набирающего силу и одобрение оппонентов Полевого, скорее всего, был для Полевого достаточно болезненным.

Этот вывод подтверждается тем, что в его последующих печатных оценках Некрасова, помимо нелестных личностных характеристик, заметно стремление умалить его литературное значение и отказать ему в творческой и нравственной самостоятельности, то есть — свести разговор о литературном произведении к разговору о литературной репутации.

§ 9. ОТЗЫВ О «СТАТЕЙКАХ В СТИХАХ, БЕЗ КАРТИНОК»

Ближайшим отзывом Полевого о Некрасове является рецензия на первый том «Статеек в стихах, без картинок».¹¹²

Первый и второй¹¹³ тома «Статеек...» и третья глава, опубликованная в «Литературной газете» (с подписью: «Ф. Белопяткин»),¹¹⁴ помещенные в т. I под названием «Говорун», вышли в течение 1843—1845 гг. (ПСС, I, 679). Они сопровождались авторекламой. «Петербургскую хронику» «Русского инвалида» 27 февраля 1843 г. завершал анонс «небольшой книжечки под названием “Статейки в стихах”»¹¹⁵ (ПСС, XII₁, 22, 386), а на следующий день, 28 февраля, в «Литературной газете» вышла статья «Шуточная литература. — “Статейки в стихах”»¹¹⁶ (ПСС, XII₁, 22—28). Первый том «Статеек в стихах, без картинок» выходит 3 марта 1843 г. (*Летопись*, I, 129—130, 136).

Выход книжечки Некрасова и рецензии Полевого предваряло несколько критических выступлений Некрасова.

1 ноября 1842 г. была опубликована статья «“Драматические сочинения и переводы” Н. Полевого. Части первая и вторая»¹¹⁷ (ПСС, XI₁, 61—67). 10 января 1843 г. в № 2 «Литературной газеты» опубликована статья Некрасова «Петербургские театры» (статья вторая). В ней отзыву о пьесе П. Г. Ободовского предшествовал пассаж о Полевом: «Помните ли вы ту страшную и глубоко потрясающую сцену, когда Сусанин (в драме г. Полевого «Костромские леса») пляшет впрыскалку с пьяным хорунжим, стараясь скрыть от него разго-

¹¹² Z. Z. Статейки в стихах, без картинок. Том I. СПб., в типографии К. Жернакова, 1843 года, в 16-ю д. л., 31 стр. // СП. 1843. № 87. 22 апреля. С. 347. В «Летописи...» ошибочно указаны номер и число (21 апреля, № 86) (*Летопись*, I, 130).

¹¹³ Статейки в стихах. Без картинок. Том I. С.-Петербург: В типографии К. Жернакова, 1843; Статейки в стихах. Без картинок. Том II. С.-Петербург: В типографии К. Жернакова, 1843.

¹¹⁴ Отрывок из записок петербургского жителя // ЛГ. 1845. № 2. 11 января. С. 32—33.

¹¹⁵ РИ. 1843. № 44. 27 февраля. Журнальные отметки. Петербургская хроника. С. 173—175.

¹¹⁶ ЛГ. 1843. № 9. 28 февраля. С. 182—185.

¹¹⁷ ЛГ. 1842. № 43. 1 ноября. С. 881—884.

вор о спасении царя, который он ведет в то же время с крестьянином Томилю Тарутиным? Причина важная, возвышенная и благородная выкупает в глазах зрителей странность такого поступка, и он не кажется странным: зрители аплодируют и кричат “браво!”... Но не всегда важные последствия бывают от важных причин <...>» (*ПСС*, XI₁, 316).

Пляска в патриотических драмах Полевого и Ободовского становилась предметом иронии в статьях Белинского и Некрасова. «Чувствительный танец» упоминается впоследствии в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (*ПСС*, VIII, 181, 744).¹¹⁸

Сценическое решение в словесном пересказе предстаёт пародийным. Пародийная смесь пафоса и нелепости героев ассоциативно связывается с драматургом, закрепляя представление о нем и о его пьесах на уровне этого карикатурного зрительного образа, созданного фельетонистом. Пародирование именно этой сцены усилено еще одной ассоциацией, которая легко могла возникнуть у части публики.¹¹⁹ Полевой, пляшущий впрысядку, был запечатлен на известной карикатуре Н. С. Степанова, подаренной художником А. А. Краевскому; этот эпизод произошел на обеде у А. Ф. Воейкова в 1837 г., и свидетелем происходящего был И. И. Панаев.¹²⁰ Упоминание о «пьяном хорунжем» (курсив мой. — М. С.) также обыгрывает карикатуру для осведомленного читателя: по воспоминанию Панаева, Полевой пустился в пляску с Н. В. Кукольниковом и Я. Ф. Яненко,¹²¹ из-за пристрастия к спиртному носившими прозвища «Клюкольник» и «Пьяненко». Некрасов, приехавший в

¹¹⁸ А ранее в «Провинциальном подьячем...» (*ПСС*, I, 290). В стихотворении Н. И. Куликова «Встреча старого 1842 года с новым 1843», открывающем первый том «Статеек в стихах...», пляска обыгрывается как характерный жест сотрудника официального издания: журналист-взяточник (по всей видимости, Ф. В. Булгарин) «За деньги пляшет круглый год // Патриотически впрысядку!» (Статейки в стихах. Без картинок. Том I. С. 8).

¹¹⁹ Несмотря на то, что ее упоминает Белинский в статье, посвященной «Костромским лесам» (1841) (*Б-13*, V, 500), пересказ Некрасова убеждает в его личном впечатлении и выборе этого эпизода в качестве аргумента.

¹²⁰ И эпизод, и карикатура Степанова упоминаются в воспоминаниях И. И. Панаева (*Панаев И. И. Литературные воспоминания*. С. 110).

¹²¹ Там же. С. 110.

Петербург позже описываемых событий, косвенно заявляет о своей осведомленности в части фактов и слухов. А 4 апреля в «Литературной газете» напечатана вторая статья Некрасова «“Драматические сочинения и переводы” Н. Полевого». Некрасов-критик к 1843 г. предстаёт достаточно сориентированным в обстановке; язык его критических статей показывает, что он свободно излагает свои аргументы.

22 апреля в «Северной пчеле» появляется рецензия Полевого на «Статейки в стихах...»:

«В Санкт-Петербурге есть *литература*, а в литературе есть <...> мошки и букашки, моль и тля. Вы не замечаете ее, а она есть, так как вы не замечаете тли и мошки в вашей мебели, а она в ней есть. И она живет, существует, любит, ненавидит, шевелится, движется! <...> Хотите ли видеть такой мир в *литературной капельке*? Вот она перед вами, крошечная книжечка, едва заметная, в розовой обертке с заглавием “Статейки в стихах” <...>».¹²²

Ниже Полевой цитирует четверостишие о рисунках в иллюстрированных изданиях, иронизируя над словом «пёрст», рифмующимся с фамилией «Неттельгорст». В целом рецензия Полевого на «Говоруна» выглядит репликой в обмене колкостями. В следующем параграфе представлен анализ некрасовского фельетона, из которого следует, что участие Некрасова в полемике было значительно более разнообразным по образно-стилистическим способам выражения мысли.

Небольшое отступление проясняет уровень этого критического отзыва Полевого.

К вопросу об адресате рецензии Полевого

Рецензия Полевого адресована не только Некрасову. Ближайший контекст указывает на несомненного второго адресата.

¹²² СП. 1843. № 87. 22 апреля. С. 347.

Называя «книжечку» Некрасова, а фактически ее автора — «тлей», Полевой пользуется названием литературной новинки, принадлежавшей перу И. И. Панаева и сразу обретшим статус имени нарицательного: «Тля, не-повесть», впоследствии «Литературная тля».

Использование Н. А. Полевым образа «литературной тли» в процитированной рецензии (и косвенно — отзыв П. А. Плетнева, рассмотренный в следующем параграфе) подтверждает основательность этого предположения. Для литературных кругов Некрасов был узнаваемой фигурой, ассоциирующейся с миром современной литературы. Но рецензия Полевого стала еще и ответом на открывающую «не-повесть» главу I «Вместо предисловия».

Готовя это произведение к изданию в корпусе собрания своих сочинений, Панаев подверг его переработке и, в частности, убрал главу «Вместо предисловия». В первой публикации именно публицистическое звучание главы I поддерживало жанровое определение, заданное через отрицание: «не-повесть». Поэтому для определения адресата рецензии Полевого привлечен текст журнальной публикации.

Глава «не-повести» Панаева открывается рассуждениями о современной литературе. Отметим в ней описание потока рукописей от молодых авторов: «<...> ежедневно пакет за пакетом, посылка за посылкою присылаются из всех концов бесконечного русского царства в конторы журналистов: с элегиями, трагедиями, повестями, водевилями, с лирическими и дидактическими фантазиями, с одами, песнями, с взглядами, критиками, с *мечтами*, с романсами, с *звуками* и вздохами <...>»¹²³ (курсив мой. — М. С.). Намек на название поэтического сборника Некрасова достаточно прозрачен, несмотря на типичность его названия, а точнее, именно в силу его типичности и подражательности творчества Некрасова, сознательно практикуемого им для овладения литературным мастерством.

¹²³ ОЗ. 1843. № 2. Отд. I. Словесность. С. 215.

Далее автор-повествователь «не-повести» рассуждает о разновидностях «тли»: той, что присылает подобные юношеские опыты («юношах-тле», романтиках), той, что принимает их к печати, покровительствуя молодым авторам, о «мужах-тле» и «старцах-тле». И это рассуждение легко отнести к периоду первого знакомства Некрасова с Полевым и его публикациям в «Сыне отечества». В пассаже о «мужах-тле», также посвященном типическому явлению, прочитывается намек на Полевого: *«мужи-тли удачно примиряют классицизм с романтизмом и занимаются предметами более солидными и нравственными... Они любят прозу и охотники до исторической почвы. Русская история, между прочим, доставляет богатые материалы их вдохновению. <...> Если же они берут героя для своих творений из европейской истории, то это единственно для того, чтоб унижить и втоптать его в грязь, сравнив его с каким-нибудь отечественным богатырем»*.¹²⁴

Ниже Панаев описывает представление на Александринском театре пьесы Полевого, представленного в «не-повести» как «автор патриотической драмы “Дуняша-Калмычка”» («Параша-Сибирячка») и реакцию публики: «Во время представления “Марфы Исаевны Шарыгиной”, когда на сцене раздавались крики: *“Одна русская баба стоит тысячи басурманов”*... “Ну кто из вас против меня? я русский, я одним кулаком сшибу десяток нехристей...” и тому подобные патриотические выходки и когда Гребешков и вся утомленная публика зевали <...>»; «Когда занавес опустился, два голоса в райке закричали было по привычке “автора”... Но партер отвечал на этот крик хохотом, несмотря на все уважение, которое он питал к имени знаменитого сочинителя “Дуняши-Калмычки”»¹²⁵ (курсив мой. — М. С.).

Именно эту характерную черту указывает Некрасов в статье «“Драматические сочинения и переводы” Н. Полевого. Части первая и вторая», прибегая к выделению курсивом нескольких предложений, которые текстуально

¹²⁴ Там же. С. 217.

¹²⁵ Там же. Намек Панаева распространяется также на Н. В. Кукольника. (См.: Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 172).

близки «не-повести» Панаева. По утверждению критика, каждая из пьес Полевого и «все они вместе клонятся к достойной всякого уважения и одобрения цели — доказать какую-нибудь блестящую черту русского характера, русского великодушия, русской силы; одна трактует о том, что “*русский человек добро помнит*”, другая о том, что “*русская рука охулки на себя не положит*”, третья о том, что “*русский кулак уберет десять заморских богатырей*”, четвертая о том, что “*русский нос чихнет, так и довольно, чтоб напугать сотню самых храбрых китайцев*”, и так далее» (ПСС, XI₁, 63).

В «не-повести» Панаева описанная реакция публики (хохот) могла быть и сильно преувеличенной, и вымышленной. В добавление к процитированным выше высказываниям современников о любви публики к спектаклям Александринского театра приведем несколько свидетельств самого Полевого. В письме к брату от 3 июня 1843 г. Полевой сообщает: «Как о насмешке судьбы я должен известить тебя об успехе новой драмы моей “Ломоносов”. Ты верно читал ее в “Библиотеке для чтения”. Она была написана в неделю, поставлена в две недели. Судить об ее достоинстве не могу, но успех ее был какой-то нелепый. В первое представление меня вызывали *три* раза, во второе — *четыре*. Потом я уж не был, но вызовы продолжались еще, три или четыре спектакля, и в 15-е представление не доставало билетов. Люди всех званий бывали по два, по три раза, и уверяли, что ничего лучше не видывали. <...> В третьем действии плачут, когда у Ломоносова нет гроша на обед <...>».¹²⁶

Укажем для сравнения на финал «не-повести»: Гребешков уезжает в провинцию ни с чем, а Кинаревич оказывается в доме умалишенных, помешавшись на идее преследования со стороны литературных врагов. Под именем Кинаревича Панаев вывел Л. В. Бранта. Мрачное предсказание в отношении прототипа не сбылось: Брант еще долго снабжал своих критиков изо-

¹²⁶ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 552. В письме от 18 января 1844 г. Полевой также пишет о своем успехе: «Ты, верно, уже знаешь из газетных известий о новой, небольшой пьеске моей: “Русский моряк”. Успех его был необыкновенный, и теперь дают его почти ежедневно» (Там же. С. 569—570).

бильной почвой для сарказма, каковой являлись его творения. Многие его страницы наводили современников на мысль о том, что прототип Кинаревича был не вполне адекватен.¹²⁷ Тем не менее, финал гротескно заострен. Прототипы Гребешкова (сам Панаев, предположительно Некрасов и В. С. Межевич) также весной 1843 г. были деятельными участниками литературного процесса, хотя деятельность Межевича и шла на спад.¹²⁸ Но описание хохота публики в финале пьесы Полевого, не будучи вполне объективным, раскрывало отношение автора и солидарной с ним части читательской и зрительской аудитории и в известной степени моделировало ситуацию.

М. М. Гин утверждает, что «в течение 1841 и первой половины 1842 годов в “Литературной газете” нередко можно было встретить даже благоприятные отзывы о Полевом. После статьи Некрасова они становятся уже невозможными: “Литературная газета” начинает систематически и резко осуждать пьесы Полевого».¹²⁹ Сопоставительный анализ рецензий Некрасова с прозой И. И. Панаева (упомянем его более ранний очерк о Полевом в серии «Портретная галерея»)¹³⁰ убеждает, что публикации Панаева ранее Некрасова способствовали ориентации газеты относительно оценки Полевого. Сходство рецензий Некрасова с «не-повестью» Панаева убеждает в том, что их литературная общность к этому времени уже определилась.

Поэтому правомерно считать, что рецензия Полевого на «Статейки в стихах, без картинок» направлена не в меньшей степени против Панаева, чем

¹²⁷ И он прямо назван «помешанным» в рецензии Белинского на роман «Жизнь, как она есть» (*Б-13*, VIII, 136—137).

¹²⁸ Подробнее см.: (*Кармазинская М. А.* Межевич Василий Степанович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. К—М. С. 562—563; *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. С. 170; *Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания. С. 107—109). Трагикомические обстоятельства смерти В. С. Межевича в 1848 г. (овдовевший, обокраденный и брошенный случайной любовницей в приступе холеры, он скоропостижно умер без врачебной помощи) оказываются «в векторе» исхода судьбы «литературной тли», хотя в повести волею автора судьба обошлась с героем добрее, чем через пять лет — с его прототипом.

¹²⁹ *Гин М. Н. А.* Некрасов — литературный критик. С. 32.

¹³⁰ Вместе с Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем (см.: ЛГ. 1840. 17 января; 10 и 24 февраля; 6 марта).

против Некрасова. Она является частью полемики, которую он ведет и персонально с Некрасовым, и с изданиями-оппонентами. Некрасов в его рецензии, таким образом, отождествляется с определенным «направлением», в отличие от предыдущих лет, когда он рассматривался как незначительная фигура при более значительном «патроне». Это отождествление закономерно более явно, чем в 1840—1841 гг.

* * *

Отзыв Полевого представляет собой парафраз предпосланного «неповести» эпитафия, который, по заключению М. В. Отрадина, не является цитатой из упомянутого Панаевым издания — «это контаминация текста, взятого из книги Blumenbach (глава «Насекомые») и “научных” заключений, сочиненных Панаевым».¹³¹ Панаев, описав *свои* и *Некрасова* черты, дистанцируется от ипостаси «тли» посредством самоиронии и юмора. Отзыв Полевого сводится к переадресации названия «тлей» (если бы провести параллель с разговорным вариантом конфликта, этот ответ соответствовал бы выражению «сам ты тля»).

В рецензии Полевого о книжке Некрасова отсутствуют суждения о ее литературных достоинствах или хотя бы недостатках. Оценка памфлетного характера, даваемая посредством соотнесенности с *типом* и переадресации уничижительного названия, затрагивает *репутацию* автора как представителя определенной группы, но не как творческую индивидуальность. Тот факт, что рецензия адресована не одному Некрасову, дополнительно снижает остроту критической оценки.

В суждении Полевого достаточно ясно прослеживается размежевание различных задач: публицистическое выступление против оппонента (вдобавок имеющее личную подоплеку) — и подразумеваемое в критическом тек-

¹³¹ Отрадин М. В. Комментарии // Панаев И. И. Сочинения / Сост., подг. текста, вступ. статья, комментарии М. Отрадина. Л., 1987. С. 558.

сте суждение об эстетических достоинствах современного литературного произведения. Недостаточно вдумчивый читатель мог составить по рецензии Полевого мнение о Некрасове как о представителе «массовой литературы», как о малодаровитом и суетном авторе. Подобное суждение отчасти соответствует литературным достоинствам стихотворного фельетона, если рассматривать его как часть поэтического наследия Некрасова, и оно очень поверхностно, если рассматривать этот фельетон в контексте критики и публицистики Некрасова. Реальному уровню Некрасова-критика в 1842—1843 гг. и уже отчасти проявленному потенциалу Некрасова-литератора эта оценка не соответствует. Это соотношение проясняется при обращении к проанализированным выше критическим выступлениям самого Некрасова.

С другой стороны, в этом отсутствии суждений усматривается характерная черта фельетонистики: фельетон побуждает к эмоциональному отклику и оценке, но не к анализу и рефлексии, однако апеллирует в большей степени к этическому чувству, нежели к эстетическому (в данном случае — передает неодобрение критика Z. Z. по отношению к чему-то безлико-мелкому; оценка закрепляется на образном уровне). Таково следствие его жанровой природы, соединяющей художественное и публицистическое.

Анализ стихотворного фельетона Некрасова и критического отзыва Полевого иллюстрируют те черты фельетонной критики, которые существенны для представления о восприятии Некрасова русской критикой и о степени освещенности и сформулированности этого восприятия в прижизненный период его творчества. На рассмотренном примере видно, что фельетонная критика, во-первых, обладает высокой степенью диалогичности, которая выявляется только посредством подробного, детального комментария, расшифровки намеков, скрытых за якобы непосредственной, непредвзятой, спонтанной оценкой. Во-вторых, публицистическая составляющая фельетона способствует формированию однозначной оценки, а художественная составляющая апеллирует к образному, иррациональному восприятию объективной

действительности, которая предстаёт преображенной и субъективно окрашенной. Всё это формирует устойчивые представления о том, что признано «хорошим» или «плохим», но зачастую по видимости упраздняет для читателя вопрос о соотносительности с системой эстетических понятий. Иными словами, фельетонная критика, так же как памфлет, пародия и эпиграмма, в большей степени формирует *литературную репутацию*, нежели позволяет осмыслить *художественное творчество*.

§ 10. СТИХОТВОРНЫЙ ФЕЛЬЕТОН НЕКРАСОВА «ГОВОРУН» КАК ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПОЛЕВОГО

Стихотворный фельетон Некрасова традиционно рассматривается в ракурсе полемики общественно-политического характера. Предпринятый в этом параграфе анализ «Говоруна» в контексте критических выступлений Некрасова уточняет представление об индивидуальной манере Некрасова-критика и степени ее освещения в критических оценках. Привлечение контекста журнально-газетной полемики уточняет расстановку некоторые акценты, которые позднее отразились в памфлетном образе Некрасова в романе Полевого и Булгарина «Счастье лучше богатырства» и стали частью литературной репутации Некрасова.

Два тома «Статеек...» и третья глава, вышедшая в газетной публикации (*ПСС*, I, 386—406, 679), были включены в «Стихотворения Н. Некрасова» (часть третья) (1864), в раздел приложений (*Летопись*, II, 37). Стихи снабжены авторским примечанием: «В этой пьесе дело наполовину идет о мелочах, занимавших тогдашнюю петербургскую публику, а теперь потерявших всякий интерес и смысл. Я попробовал было их выкинуть — пьеса лишилась связи, пришлось их оставить» (*ПСС*, I, 679).

«Мелочи», упоминаемые Некрасовым, во многом представляют собой события литературной и театральной жизни, их восприятие публикой и оценку фельетониста. Критика в адрес Полевого — драматурга и издателя

книг исторического содержания — в них достаточно заметна. Она является репликой в их полемическом диалоге.

В 1864 г. «интерес и смысл» этих «мелочей» мог видаться той части читателей, которая помнила события начала 1840-х гг., и, возможно, тем современникам Некрасова, кто хотел бы составить целостное представление о поэте. Им адресовано пояснение: «<...> я решился сам пересмотреть старые журналы, газеты и отдельные брошюры <...> и напечатать в приложениях к моим стихотворениям то, что окажется сколько-нибудь характерным» (*ПСС*, I, 679).

Из пояснения Некрасова следует, что, во-первых, «Говорун» входил в число произведений, которые сам поэт относил к «характерным»; во-вторых, поскольку стихи были перепечатаны в приложении, Некрасов не вполне отождествлял их со своим поэтическим творчеством. Эта оговорка, содержание «Говоруна» и историко-литературный контекст дают основание рассматривать стихотворный фельетон Некрасова в аспекте критики. М. М. Гин говорит об этом произведении в контексте театральной критики Некрасова.¹³² Более подробный анализ демонстрирует не только идейно-тематическую связь фельетона с критическими статьями Некрасова, но и характерные черты стиля и уровень Некрасова-критика.

Выше проанализировано несколько критических выступлений Некрасова, посвященных драматургии Полевого. Издательские опыты Полевого также находят оценку в критических статьях Некрасова. 10 января 1843 г. в «Литературной газете» была напечатана рецензия Некрасова на издание Полевого «Были и небылицы...»¹³³ (*ПСС*, XI₁, 74—76). Это издание было принято Полевым для заработка, что декларирует сам автор и подтверждает

¹³² Гин М., *Успенский Вс.* Некрасов — драматург и театральный критик. С. 88; Гин М. Н. А. Некрасов — литературный критик. С. 30—33.

¹³³ [Б. н.] Были и небылицы, статейки, вырванные из большой книги, называемой: Свет и люди. Философическо-филантропическо-гуморическо-сатирическо-живописные очерки, составленные под редакциею Ивана Балакирева. Рисунки Александра Коцебу, гравированные В. Г. Дерикером, бароном Клодтом и А. Е. Масловым. Книжка первая: Деньги. С.-Петербург // ЛГ. 1843. № 2. 10 января. С. 37—38.

критик, приводя обширную цитату. Книжка Полевого встретила неодобрительные отзывы Белинского в «Отечественных записках», П. А. Плетнева в «Современнике» и О. И. Сенковского в «Библиотеке для чтения» (ПСС, XI₁, 385—386).

Оценка Некрасова достаточно объективна, что особенно заметно в сопоставлении его рецензии с рецензией Белинского (Б-13, VI, 560—562): «Если на текст “Былей и небылиц” смотреть с настоящей точки зрения, — то есть как на приложение к картинкам, — то автор не подлежит за него ни малейшему осуждению. Между политипажами много очень удачных. Вообще первая книжка “Былей и небылиц” очень красивая *литературная безделушка*» (ПСС, XI₁, 76). Это — суждение критика, оценивающего издание в соответствии со спецификой изданий подобного рода.

28 февраля Некрасов вновь упоминает «Были и небылицы...» в «Журнальной амальгаме», в статье «Шуточная литература. — “Статейки в стихах”»: «В большей части из этих книжек играют первую роль рисовальщики Тимм и Жуковский, политипажи, Клодт, Дерикер и Неттельгорст и типография Бланка, умеющая печатать политипажи, от автора же требуется только *заглавие*, заманчивое, звонкое, затейливое заглавие, чтоб оно обладало некоторою магнитною силою, притягивающею всякую мелкую монету. Другие книжечки выезжают на когда-то знаменитом имени автора, выставленном во всей красе на заглавном листе или прикрытом каким-нибудь заманчивым псевдонимом <...>» (ПСС, XII₁, 23, 389).

Отзыв об издании Полевого в «Говоруне» по мысли и формулировкам близок к тому, который Некрасов дает в статьях, — низкое качество текста, ведущая роль картинок, изобилие подобной продукции на рынке.¹³⁴ Некрасов

¹³⁴ Приведем цитату:
«Придет охота страстная
За чтение засесть —
На то у нас прекрасная
Литература есть.
<...>

упоминает книгу Полевого «История Италийского графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск» (СПб., 1843).

Оценка книги Полевого и ее автора на этом этапе его деятельности достаточно определенно выражена Некрасовым в его критических статьях. В том же году Полевой выпустил «Историю Петра Великого» (СПб., 1843). В статье «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году» (Статья вторая и последняя)¹³⁵ Некрасов открыто высказывает сожаление по поводу неудачных последних произведений Полевого. Упомянув о мнении критики на счет Полевого, он приводит обширную цитату из статьи П. А. Плетнева, посвященной книге о Петре Великом, которую тот также оценивает неодобрительно (*ПСС*, XII₁, 160—162).¹³⁶ Завершая пассаж о Полевом, Некрасов подводит читателя к выводу об утрате литературного значения Полевого: «Когда писателя порицают и хвалят, тогда ему можно еще как-нибудь утешать себя, но когда голос разномыслящих людей сольется в одно неумолкающее эхо беспощадного порицания, смело поддерживаемое даже людьми и журналами, имеющими обычай опаздывать мнениями, тогда... воля ваша, незавидно быть на месте такого писателя...» (*ПСС*, XII₁, 162).

Увидишь тут Суворова
(Известный был герой),
Историю которого
Состряпал Полевой.
<...>

Чем книга нашпигована,
Постигнуть нет ума:
В ней всё иллюминировано,
А в тексте — мрак и тьма!
В рисунках отличаются
Клот, Тимм и Нетельгорст,
Все ими восхищаются...
Художественный пёрст!» (*ПСС*, I, 390—391).

По требованию цензуры в первой публикации слово «состряпал» было заменено на «составил»¹³⁴ (*ПСС*, I, 556).

¹³⁵ Впервые опубликовано: ЛГ. 1844. № 2. 8 января. С. 33—39.

¹³⁶ Отметим, что в письме от 3 июня 1843 г. Полевой сообщает брату: «Успех “Истории Петра Великого” здесь решительный, ее переводят уже на немецкий язык, это обнадеживает, что труд следующий даст нам средство вздохнуть — более ничего не требую!» (Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 555—556). Некрасов, хорошо знающий цену покупательскому спросу на книгу, игнорирует в рецензии факт успеха.

В «Говоруне» книгу Полевого упоминает повествователь, поясняющий в скобках, что Суворов «известный был герой». Фельетонная маска «Говоруна» и стилистические особенности, формирующие образ рассказчика, отмечены в литературоведении.¹³⁷ Отзывы «Говоруна» (так же, как отзывы «Провинциального подьячего») пародируют т. н. читательскую критику¹³⁸ применительно к той прослойке и тому уровню, к которому относится массовый прототип «фельетонной маски», — малокультурного зрителя и читателя, основного «потребителя» той литературной и театральной продукции, к которой Некрасов относит произведения Полевого. Пародийно изображен и сам зритель: из приведенных выше источников явствует, что драмы Полевого вызвали сочувствие у широкой публики, а не только наименее культурной ее части.¹³⁹

Но, как бы ни оценивался и ни изображался зритель, аплодирующий Полевому, он рассматривался Некрасовым как потенциальный читатель, зритель и покупатель произведений Некрасова. Коммерческий прием был применен к идеологическому оппоненту талантливый начинающим поэтом и критиком. В возможной оценке литературного выступления Некрасова коммерческий интерес мог дезавуировать принципиальность автора, идеологическое противостояние — дать повод рассматривать текст вне границ иску-

¹³⁷ «Это цикл фельетонов, написанный в форме дневника мелкого петербургского чиновника в характерной для нарождавшейся “натуральной школы” манере имитации болтовни “маленького человека” — с плеоназмами и частыми перескоками мысли, со специфическими “гоголевскими” оборотами речи и выражениями» (*Бухитаб Б. Некрасов-фельетонист // ЛН. Т. 53—54. С. 48—49.*)

¹³⁸ Читательская критика рассматривается как разновидность литературной критики: «многообразные реакции на художественную словесность, принадлежащие людям, профессионально не связанным с литературным делом. Часто читательская критика отмечена печатью непосредственности» (*Прозоров В. В. Критика литературная // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А. Н. Николюкин. М., 2003. Стлб. 415.*)

¹³⁹ В. Ф. Одоевский в письме к С. П. Шевыреву рассуждает о драматическом мастерстве Полевого: «Его “Уголино” имел в Петербурге успех необычайный <...> На сцене эта драма в самом деле недурна; интерес не простывает; характеры резко оттеняются; я не подозревал в Полевом такого таланта. Дурен и лишний 5-й акт, но первые четыре без сомнения выше всех драм Дюма и всех антиitezических характеров Гюго <...> Много художнических ошибок, много чужого, но все это заплывает в общем интересе» (*Из бумаг Степана Петровича Шевырева. Письма князя В. Ф. Одоевского // РА. 1878. Кн. 2. С. 56.*)

ва, оба обстоятельства способствовали дробному восприятию литературной деятельности Некрасова и, как следствие, односторонности ее критической оценки.

В этот период дробность оценки усилена тем, что Некрасов активно выступает как литературный и театральный критик. В анализируемой статье «Шуточная литература...», знакомя публику с книжкой «Статейки в стихах...», Некрасов преподносит свою книжку как некое критическое суждение, посвященное культурной жизни. При этом критическое суждение выражено художественными средствами: в нем, хотя и в примитивной форме, присутствуют сюжет и персонажи — драматург и публика.

М. М. Гин отмечает, что вопрос о публике и уровне зрителя волновал Некрасова-критика.¹⁴⁰ Говоря о статьях «“Драматические сочинения и переводы” Н. Полевого», исследователь утверждает, что они написаны «как едкий сатирический памфлет».¹⁴¹

Жанр памфлета, хорошо знакомый читателю Западной Европы и активно используемый русской литературой 1840-х гг., претерпел значительную трансформацию. Если первоначально под ним подразумевались «листки» с текстом обличительного характера, то в рассматриваемый период этот не вполне определившийся термин употреблялся применительно к разным текстам.

Термин применим к произведению, обладающему сложной жанровой природой, объединяющему два начала, художественное и публицистическое. Памфлетность, активно используемая Некрасовым, присуща рассмотренным в параграфе, посвященном Ф. А. Кони, прозаическим и драматическим произведениям, критическим статьям (тому пример — суждение М. М. Гина о статьях Некрасова, общее суждение о статьях Белинского второй половины

¹⁴⁰ Гин М., Успенский В. Некрасов — драматург и театральный критик. С. 111—119.

¹⁴¹ Гин М. Н. А. Некрасов — литературный критик. С. 30.

1840-х гг.), литературоведческим работам.¹⁴² Подробней история формирования термина рассмотрена в главе 6. Здесь приведем утверждение Б. В. Томашевского, которое высказано им в специальной статье, посвященной истории фельетона как жанра и написанной в январе 1927 г.:¹⁴³ «Сатира, памфлет, критический донос — специфические формы фельетона».¹⁴⁴ Речь идет об усилении общественной проблематики фельетона и о насыщении его средствами сатиры.

Возвращаясь к «Говоруну», отметим, что по жанровой природе это — стихотворный фельетон. По тематике и содержащимся оценкам его можно с определенными оговорками отнести к литературной и театральной критике. Фельетонная маска является пародией на зрителя и покупателя иллюстрированных изданий. Общественно-социальная проблематика (характеристика современной журналистики, издательской деятельности, репертуара театра, восприятия публики) текста выдаёт его публицистичность. Таким образом, рассматривая «Говоруна» в контексте критических выступлений Некрасова, к высказанному М. М. Гином суждению о его памфлетности добавим, что памфлетность и пародийность с их приемами иронии и гротеска в данном случае усиливают художественное начало. Характеристика и оценка Полевого и его читателя (зрителя) выстроена при помощи художественных средств.

Сравним со статьей «“Драматические сочинения и переводы” Н. Полевого». Некрасов заключает ее указанием на отсутствие ссылки на автора стихов, которые читает герой пьесы «Солдатское сердце», затем приводит фрагмент перевода этого стихотворения («На погребение английского генерала сира Джона Мура» Ч. Вольфа в переводе И. И. Козлова, ошибочно приписывая стихотворение Томасу Муру) и завершает оценкой: «Прекрасные стихи! Удивительные стихи!» (ЛСС, XI₁, 67). Оценка художественных достоинств пьесы Полевого дается через противопоставление другому художе-

¹⁴² Несомненно памфлетны статьи К. Чуковского, напр.: «Поэт и палач».

¹⁴³ *Томашевский Б.* У истоков фельетона (Фельетон в «Journal des Débats») // Фельетон: Сборник статей... С. 61—71.

¹⁴⁴ Указ. соч. С. 70.

ственному тексту. Если на протяжении статьи выказывается понимание критиком законов построения текста для сцены и сценического действия, специфики образа и конфликта, выбора темы, то окончательным аргументом для Некрасова служит не разбираемый, а лишь цитируемый для примера художественный текст, отвечающий категории «прекрасное», в отличие от рецензируемых сочинений и переводов.

Сопоставительный анализ критических статей и стихотворного фельетона Некрасова показывает, что к 1843 г. он использовал достаточно широкий диапазон средств для выражения критической мысли. Сходная оценка была последовательно выражена им в различных жанровых формах: литературной критики и стихотворного фельетона. И если форма критической статьи, включающей аргументацию и исторические экскурсы, была ближе образованной части публики, то фельетон (тем более первые две главы, вышедшие отдельными «томами» книжечки) имел спрос в различных социальных прослойках. На эмоциональном уровне суждения о Полевом окрашены сожалением, демонстративным восхищением перед стихами другого автора (статьи о драматических произведениях Полевого), пародийно изображенным простодушным восхищением неискушенного зрителя («Провинциальный подьячий...»), иронией в адрес Полевого и его аудитории. Адресатом Некрасова выступает сам Полевой, читатель и зритель Полевого, способный понять иронию некрасовского текста, и тот читатель и зритель, для которого художественная и критическая мысль и индивидуальная поэтика Полевого ассоциируются с уходящим этапом русской литературы и театра, но не с их перспективой. Несмотря на точность оценок в фельетоне, эти оценки относятся к области художественной мысли и языка, в отличие от рецензии Полевого на «Статейки в стихах...», в которой оценка сводится к снижающему называнию, отнесенности к социальному типу, иными словами — к репутации.

Традиционно полемика Некрасова с Полевым рассматривалась в русле «борьбы с реакционными течениями».¹⁴⁵ Сопоставительный анализ их выступлений с точки зрения критической оценки текста, образных и языковых средств выявляет тот факт, что к 1843 г. критические (критико-публицистические, художественно-критические) выступления Некрасова представляли собой гораздо более многоплановое, острое и содержательное явление, нежели критическая оценка их Полевым.

Второй том «Статеек в стихах...» получил дозволение к печати 5 июня 1843 г., и 14 июня в «Северной пчеле» вышло объявление о выходе книжки в свет (*Летопись*, I, 132, 133). Выход второго тома, как и первого, сопровождается авторекламой (*Летопись*, I, 133). В русле полемики с Полевым он является эпизодом в цепочке выпадов против Полевого. Анализ контекстуальных связей уточняет масштаб событий и позицию Некрасова-критика.

Вторая глава «Говоруна» содержит скрытый выпад против Полевого.¹⁴⁶

Слова об «иных критиках», вероятно, относились именно к Полевому, чей отзыв был откровенно уничижительным (сравнение с «тлей»). Рецензия О. И. Сенковского (Барона Брамбеуса), содержащая сравнение книжки с кометой,¹⁴⁷ подробней рассмотрена в гл. VI, разд. 2. Некрасов напоминает публике о факте перепечатки «Библиотекой для чтения» его стихотворного фельетона без разрешения автора, который служил подтверждением его читательского успеха.

¹⁴⁵ Берлинер Г. Некрасов в борьбе с Полевым и Булгариным... // ЛН. Т. 51—52. С. 3.

¹⁴⁶ Глава завершается строками:
«Пускай иные критики
Отхлещут наповал –
Ей-богу, не посетую!
Свое я получил:
Брамбеус сам с кометою
За ум меня сравнил» (*ПСС*, I, 402).

¹⁴⁷ «Вина 1841 года, ознаменованного появлением полной кометы, до сих пор славятся под названием “Vins de la comète”. Это остроумие 1843 года <...> будет известно под именем “L’esprit de la queue de comète”» // БдЧ. 1843. № 4. Отд. VI. С. 50.

Напоминание о рецензии Брамбеуса содержало прозрачный для читателя 1843 г. намек на эпизод, связанный с конфликтом между Полевым и Сенковским.

Перестав в 1837 г. быть сотрудником Сенковского и принимая редактирование «Сына отечества», Полевой писал брату К. А. Полевому о намерении соперничества с Сенковским.¹⁴⁸ Попытка Полевого сделать свое издание более значительным, чем «Библиотека для чтения», не удалась.

В 1843 г. одновременно с «Былями и небылицами...» Сенковский печатает в «Библиотеке для чтения» драму Полевого «Ломоносов, или Жизнь и поэзия». В этой же книжке журнала, в разделе «Литературная летопись», Сенковский поместил фельетон, посвященный нескольким литературным новинкам, среди которых видное место занимают «Были и небылицы...»: «New Year night's dream. Трагедия-водевиль в одном действии, с маленьким увеселительным спектаклем, с большими полетами остроумия, ироническим балетом и очень замысловатыми куплетами».¹⁴⁹ Отзыв о книжке Полевого пространственный и язвительный, «Были и небылицы» в «Литературной летописи» несколько раз упоминаются в ремарке «танцующими вприсядку».

В. Каверин, подробно рассматривая этот эпизод,¹⁵⁰ приводит фрагменты письма О. И. Сенковского к Е. Н. Ахматовой с признанием в намерении «осмеять, отделать и унижить» Полевого, чье авторство «Былей и небылиц...» он ей раскрывает. По оценке Каверина, «один отдел журнала был целиком посвящен литературному уничтожению человека, в полное распоряжение которого был отдан другой отдел».¹⁵¹ На наш взгляд, здесь присутствует некоторое преувеличение: даже в заглавии Сенковский упоминает дру-

¹⁴⁸ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 401—402 (письмо от 1 января 1838 г. (20 декабря 1837 г.)). (См. гл. III, разд. 1, § 1).

¹⁴⁹ [Б. н.] Литературная летопись. (New Year night's dream). Трагедия-водевиль в одном действии, с маленьким увеселительным спектаклем, с большими полетами остроумия, ироническим балетом и очень замысловатыми куплетами // БдЧ. 1843. Т. 56. Отд. VI. С. 1—36.

¹⁵⁰ Каверин В. Собр. соч. Т. 6. С. 392—395.

¹⁵¹ Там же. С. 393.

гие книги, о которых он отзывается столь же хлестко. Но в целом, как представляется, изложение В. Каверина отражает восприятие современников.

Давая оценку действиям Сенковского, Каверин приводит цитату из пасторали на «Братьев-разбойников» Пушкина, которая заканчивалась строками:

«Из всех лишь одного больного
Нам страшно резать старика.
На Николая Полевого
Не подымается рука!»,¹⁵² –

и заключает:

«Полевой пользовался в литературных кругах чем-то вроде неприкосновенности. Несчастьям его сочувствовали. Даже те, кто был готов

Из-за костей
Загрызть и ближних и друзей, –

не решались на то, что было сделано в 1843 году Сенковским. Это было сделано не потому, что между ним и Полевым отношения приняли к этому времени характер вражды более ожесточенной, чем когда бы то ни было. Но потому, что унижение и уничтожение Полевого было последней попыткой Сенковского отгородиться от своих непрощенных товарищей».¹⁵³

Как явствует из цитаты и поэтических иллюстраций, Каверин оценивает положение Полевого как крайне тяжелое, а действия Сенковского — крайне жесткими и жестокими. К сказанному Каверинным прибавим еще одно наблюдение.

В середине «Литературной летописи» Читатель уповает на то, что у нас есть литература, а Летопись утверждает: «Если вам угодно, если это вас не обидит, то у нас уже... нет литературы. Есть только картинки и, при картин-

¹⁵² Там же. С. 394.

¹⁵³ Там же. С. 395. Письма Полевого подтверждают тяжесть его положения. Так, 19 февраля 1843 г. Полевой пишет брату: «<...> не знаю, как пережил я последние месяца прошлого года и начало нынешнего! Оскорблений, потерь, разочарований, крайности, до которой я был доведен, когда между тем видел все разрушенным, все погибшим впереди, вместе с моим здоровьем» (Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 551).

ках, несколько статей, которые пишутся единственно для рисовального искусства и для гравера, а не для литературы и не для читателя. Не нравится вам это? — извольте подавать в отставку!».¹⁵⁴

Это суждение прямо относится к Полевому: его иллюстрированное издание сильно именно иллюстрациями, тогда как литературная составляющая его, по мнению всех рецензентов, слаба. Но суждение о литературе, которая свелась к «картинкам» и в лучшем случае к «статейкам», содержит намек и на книжечку Некрасова, которая уже анонсирована автором (подробнее см.: гл. VI, разд. 2). Представляется правомерным с указанными оговорками относить этот фрагмент «Литературной летописи» к числу критических отзывов на книжку Некрасова.

Цитируемый фрагмент «Литературной летописи» оказывается звеном литературной интриги. По сути, Сенковский анонсирует свою рецензию на первый том «Статеек в стихах...», в которой он почти полностью перепечатывает фельетон Некрасова. Это — «литературное похищение». Одновременно Сенковский без ведома и согласия Некрасова транслирует со страниц своего журнала иронический отзыв Некрасова о Полевом, а процитированный фрагмент, послуживший анонсом, связывает его собственную уничижительную статью о Полевом и публикуемый фельетон Некрасова.

Эта связь в глазах читателя была поддержана статьей Белинского на «Были и небылицы», в которой критик указывал: «По форме своей этот разговор есть явное подражание “Большому выходу Сатаны” Барона Брамбеуса; для отличия, фраза Барона “ваша мрачность” заменена у г. Балакирева фразой “ваша темность”; что же касается до подробностей адского быта и вообще тона рассказа, — всё это чрезвычайно походит на натянутое подражание пьесе Барона Брамбеуса...» (VI, 562). Замечание Белинского о подражательности Полевого указывает на его уязвимое положение в неудавшемся соперничестве с Сенковским. Напомним также, что высказывания Белинского о

¹⁵⁴ БдЧ. 1843. Т. 56. Отд. VI. Литературная летопись. С. 9.

Полевым в частной переписке этих лет выдаются высокую степень агрессивности критика.

Статья Некрасова, в которой он указывает на «литературное похищение» Сенковского (*ИСС*, XII₂, 16—17, 302),¹⁵⁵ затрагивает только коммерческий аспект, но не втягивание его в интригу против Полевого.

В свете этих событий рецензии Белинского и Некрасова, по всей видимости, были восприняты Полевым как их солидаризация с позицией силы против слабого, а выступления Некрасова — в русле его коммерческих интересов и журнальной политики и в русле своего субъективного видения ситуации.

Это сложный конфликтный узел. И Сенковский, и Полевой, и Некрасов преследовали коммерческие цели. При этом внеположные литературе обстоятельства — болезненное состояние Полевого, его долги, напряженная работа ради большого семейства — действительно были известны в литературных кругах. И в то же время критическое суждение Некрасова о Полевом в узко литературном отношении соответствовало историческому процессу формирования национальной драматургии (и науки истории). Принципиальность в области литературы по отношению к оппоненту со стороны Некрасова и безжалостность по отношению к слабейшему конкуренту со стороны и его, и Сенковского выразились сходным образом. Это обстоятельство имело значение для Полевого в формировании его мнения о Некрасове, которое будет сформулировано им совместно с Ф. В. Булгариным в романе-памфлете «Счастье лучше богатырства». Правомерно предполагать, что мнение Полевого о Некрасове разделила часть литературного окружения.

Упоминание в фельетоне Некрасова об отзыве Брамбеуса выглядит двойственно. С одной стороны, «Библиотека для чтения» продолжает пользоваться широкой популярностью, и отзыв «самого Брамбеуса» в любом случае комплиментарен для далековатого от литературной «изнанки» социаль-

¹⁵⁵ Впервые опубликовано: ОЗ. 1843. № 7. Отд. VI. Библиографическая хроника. Русская литература. С. 6—8.

ного типа, который олицетворяет фельетонная маска. С другой стороны, перепечатка Сенковским фельетона Некрасова и развернутая рецензия на книжечку комплиментарна для Некрасова. В этом отношении «литературный кивок» в сторону «самого Брамбеуса» подтверждает предположение о молчаливом соглашении Некрасова с использованием Сенковским его интеллектуальной собственности, если она использована против его оппонента. И небоязнь критики после отзыва «самого Брамбеуса», несмотря на пародийность «Говоруна», содержит напоминание оппоненту о недавнем конфликте, очень жестком со стороны «самого Брамбеуса» по отношению к «иным критикам».

Анализ историко-литературного контекста позволяет сделать вывод, что в сформировавшейся у Полевого к 1843 г. оценке литературной деятельности Некрасова могло доминировать, во-первых, представление об агрессивности молодого литератора по отношению к оппоненту, пусть и бывшему благодетелю, и о его жестких методах журнальной полемики. Во-вторых, сильное влияние Белинского, очевидное для окружающих.

Это влияние, по всей видимости, впоследствии было переосмыслено Некрасовым. К такому соображению подводит фрагмент поэмы «Недавнее время» (1871).¹⁵⁶ Поэма содержит анахронизм: Некрасова не было в Петербурге в 1834 г., когда «привезли из Москвы Полевого» — когда Полевой в сопровождении жандарма был доставлен в Петербург в связи с закрытием

156

«Крепко в душу запавшее слово
 Также здесь услышал я впервой:
 “Привезли из Москвы Полевого...”
 Возвращаясь в тот вечер домой,
 Думал я невеселые думы
 И за труд неохотно я сел.
 Тучи на небе были угрюмы,
 Ветер что-то насмешливо пел.
 Напевал он тогда, без сомненья:
 “Не такие еще поощренья
 Встретишь ты на пути роковом”.
 Но не понял я песенки спросту,
 У Цепного бессмертного мосту
 Мне ее объяснили потом...» (ПСС, III, 74)

«Московского телеграфа». В этом отношении историзм поэта опирается на социально-этический опыт эпохи, к которой он причастен, а не на строгие соответствия факту личной биографии. Примечателен контекст, в котором имя Полевого названо наравне с «я» поэта и с именем Петрашевского, и еще более примечателен контраст с контекстом «Говоруна», в котором имя Полевого ассоциируется с кругом совсем других имен. В обращении к судьбе Полевого упомянут опыт «объяснения», которым пока еще не обладал Некрасов — автор стихотворных фельетонов и критических статей середины 1840-х годов. Примечание к «Говоруну» («В этой пьесе дело <...> идет о мелочах <...>» (*ПСС*, I, 679)) также подводит к мысли о переоценке поэтом полемики 1843 г. и — не исключено — своей роли в ней, которую в 1870-х гг. он предпочел не афишировать.

Третья глава «Говоруна» также содержит пассаж, посвященный Полевому. Этот пассаж завершает фельетон. Устами Белопяткина Некрасов произносит основные суждения, высказанные им в критических статьях и публицистических выступлениях.¹⁵⁷

Для читателя 1845 г. это суждение о Полевом могло связываться с фельетонной маской уже в не меньшей степени, чем с критическими статья-

157

«Без вздоров сатирических
Идет лишь Полевой
В пьесах драматических
Дорогою прямой.
В нас страсти благородные
Умеет возбуждать
И, лица взяв почетные,
Умеет уважать;
Всем похвалы горячие,
Почтенье... а писцы
И мелкие подьячие —
Глупцы и подлецы
С уродливыми рожами...
И тут ошибки нет
(Не всё же ведь хорошими
Людьми наполнен свет)...» (*ПСС*, I, 405—406).

ми Некрасова. В «Хронике петербургского жителя»,¹⁵⁸ написанной от лица петербургского чиновника Ивана Пружинина (еще одна маска), также содержатся упоминания о Полевом в контексте размышлений героя и его меняющегося восприятия. Герой «в театр наведывался. Дают “Русский моряк”, “Русская боярыня”, “Дочь русского актера”, ну и прочее — русское... Я люблю, когда русские сочинения дают и все русское хвалят: ведь я сам русский! Зато уж терпеть не могу, где щелкопер какой-нибудь вдруг выведет, этак, плута какого-нибудь, взяточника <...> да зачем же напоказ его выводить?» (ПСС, XII₁, 53). Далее, рассказывая о посещении Александринского театра, герой замечает: «Каратыгин, поверите ли? — даже плакать меня заставлял. Странное дело! Сам знаешь, что вздор, щелкопер какой-нибудь сочинил, а между тем слезы, бывало, так и вступят в глаза. Теперь ничего: теперь давай мне хоть почувствительней “Параши Сибирячки” — стара штука!» (ПСС, XII₁, 54).

Этот пассаж напоминает рассказ «провинциального подьячего» («плачут все навзрыд» (ПСС, I, 290)). Упомянутая пьеса «Русский моряк», по свидетельству Полевого, в 1843 г. имела успех.¹⁵⁹ Зритель 1844 г., даёт понять Некрасов, уже не плачет над драмами Полевого, даже если это бывало раньше (Полевой в письме к брату от 3 июня 1843 г. пишет, что зрители его драмы «плачут, когда у Ломоносова нет гроша на обед»),¹⁶⁰ а зрителя 1845 г. («Говорун») оставляет равнодушными появление на сцене «писцов и мелких подьячих», о которых Некрасов писал, характеризуя драматические произведения Полевого.

Нет необходимости останавливаться на каждом из частотных упоминаний о Полевом в печатных выступлениях Некрасова этих лет. Проанализированные тексты позволяют расширить уже сделанные выводы. Некрасов выразил оценку литературной деятельности Полевого в стихотворных и прозаиче-

¹⁵⁸ Впервые опубликовано: ЛГ. 1844. № 14. 13 апреля.

¹⁵⁹ Там же. С. 569—570. Письмо от 18 января 1844 г.

¹⁶⁰ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 552.

ских фельетонах. В них оценка драм Полевого даётся от лица зрителя. Фельетонная маска представляет собой пародию на этого провинциального и столичного зрителя из той прослойки, в которой драмы Полевого пользовались успехом. В изображении Некрасова любовь этих зрителей начинает изменять Полевому, аналогично тому, как в описании спектакля в «не-повести» Панаева зал смеется над вызовом драматурга. Некрасов выстраивает образ Полевого — исчерпавшего себя литератора, теряющего или практически потерявшего авторитет и интерес публики. Этот памфлетный образ отвечает литературной репутации Полевого,¹⁶¹ но в усеченном ее виде. Так, Некрасов не упоминает такие общие места, как купеческое происхождение Полевого и его специфические черты в облике, речи и поведении (что найдет отражение в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»). Образ выстроен через реакцию разных, хотя и похожих, героев. Реакция отражает, во-первых, множественность носителей оценки, а во-вторых, динамику исторически меняющейся оценки.

Можно предполагать, что еще до «не-повести» Панаева Некрасов воспринял в качестве образца критики, выражающейся художественными средствами, водевиль Ф. А. Кони «Титулярные советники», который пародийно упоминается в «Провинциальном подьячем...».¹⁶² Ограниченное массовое представление о критике как о насмешке над частным лицом предстаёт в некрасовском тексте как объект иронии. И одновременно Некрасов обыгрывает действенность оценки, выраженной через художественный образ.

¹⁶¹ Маргулис Т. М. Литературная репутация Н. А. Полевого... М., 1997.

¹⁶²

«Пришлось “Титулярных” раз
Мне как-то посмотреть,
Вот здесь так, уверяю вас,
Другому б умереть.
Над ними, посудите-ка,
Смеются так, что страх;
Ну, это просто *критика*:
Я сам в таких чинах!..» (ИСС, I, 283) (курсив мой. — М. С.).

Читатель призван понимать эту литературную игру. Завершая «Петербургскую хронику» от 24 августа 1844 г.,¹⁶³ Некрасов отвечает В. С. Межевичу на его реплику о Пружинине в «Журнальной всякой всячине» от 12 августа:¹⁶⁴ «Чудна должна была показаться “Литературная газета” г-ну Межевичу, если он серьезно понял и счел за выражение ее собственных мнений все то, что рассказывалось в статейках г-на Пружинина!.. Странно только, отчего г-н Межевич не довел кстати до сведения публики, что “*Литературная газета*” ставит г-на Бенедиктова выше Пушкина, — ведь по *статькам г-на Пружинина* выходит именно так! <...> Не мы виноваты, что *почтенный* г-н Межевич не отличает шутки от не-шутки! <...> Возьмите, например, “Полтаву” Пушкина, выпишите слова Мазепы о Петре Великом и воскликните: “И вот как изображен характер Петра Великого! *Закрываем-де пишму господина Пушкина с ее претензиями на изображение великих характеров: больше прибавлять нечего!*» Многие сочтут вас глубокомысленным критиком!..» (ПСС, XII₁, 132).

Статья Межевича показывает, что фельетоны от имени Пружинина воспринимались в русле критики «Литературной газеты». И это объективное наблюдение: как показано в этом параграфе, через суждения пародийных персонажей Белопяткина и Пружинина выражаются оценки Некрасова (и «Литературной газеты»). Ответ Некрасова Межевичу заостряет внимание читателя на наличии фельетонной маски, т. е., элемента юмора, пародии, гротеска, художественного начала.

На примере возможных для Межевича суждений о Пушкине Некрасов также поясняет читателю, что *литературная критика* не сводится к *частному мнению*, особенно мнению лица с недостаточным культурным багажом. Не сводится оно и только к оценке. Гротескное допущение в тексте Некрасова — развитие мысли Белинского о критической манере французских фельетонистов («Их назначение — не быть проводниками новых идей об искусст-

¹⁶³ Впервые опубликовано: ЛГ. 1844. № 33. 24 авг. С. 563—564.

¹⁶⁴ СП. 1844. № 183. 12 августа. С. 731.

ве, исторически развивающихся; их ремесло — высказывать эфемерный вкус толпы, мнение дня <...>» (Б-13, III, 171)).

Анализ критической манеры Некрасова на примере отзывов о Полевом показывает, что, во-первых, представление о литературной критике для него соотносится с представлением об исторически развивающемся литературном процессе. Это подтверждается попытками соотносить литературные события текущего дня с фактами прошлого. Во-вторых, в выборе объекта критики просматривается влияние Белинского (отчасти — в видении литературного процесса, принимающем политический оттенок, в большей степени, как представляется, — в плане субъективного эмоционального восприятия), а также собственные соображения журналиста и издателя, доказывающего свою конкурентоспособность.

В-третьих, хотя Некрасов достаточно уверенно рассуждает о специфике рода и жанра произведения (что показано на примере его театральной критики), для выражения своей мысли он охотно прибегает не к поиску термина, а к художественной форме.

Наличие элементов пародии и стихов как характерную черту стиля Некрасова отмечали М. М. Гин¹⁶⁵ и Б. В. Мельгунов.¹⁶⁶ Гин пишет об одной из критических статей Некрасова, что часть ее «более походит на художественное произведение, нежели на литературно-критическую статью».¹⁶⁷ По мнению обоих исследователей, именно эти черты продуктивно учитывать при атрибуции анонимных текстов, могущих быть написанными Некрасовым. Прибавим, что, на наш взгляд, в определенных случаях художественный прием не *иллюстрирует*, а *выражает* критическую мысль Некрасова, для которой поэт намеренно избирает форму, сочетающую художественное и публицистическое начала.

¹⁶⁵ См., напр.: Гин М. М. Некрасов — литературный критик. С. 72—73.

¹⁶⁶ Мельгунов Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете»... С. 15.

¹⁶⁷ Гин М. Указ. соч. С. 73.

М. М. Гин утверждает, что «в начале 40-х годов занятия литературной критикой имели для него особое значение, ибо как раз в это время он был поглощен упорными поисками своего литературного направления и творческого метода. Чтобы стать поэтом, необходимо было уяснить себе, как и в каком направлении писать, в чем смысл и назначение литературы».¹⁶⁸ Формулировка Гина представляется несколько прямолинейной: поиск собственного поэтического голоса в ней ориентирован на рациональное постижение вещей интеллектуальной, идеологической природы. Но в замечаниях исследователя находим подтверждение мысли о специфике Некрасова-критика. Как представляется, правомерно соотносить ряд его критических выступлений с таким явлением, как писательская критика. Как указывает справочная литература, «писательская критика подразумевает литературно-критические и критико-публицистические выступления литераторов, основной корпус творческого наследия которых — художественные тексты <...> Писательская критика интересна своей отчетливо явленной нетрадиционностью, <...> невольным или вполне осознанным стремлением понять “чужое слово” во всепоглощающем свете собственной поэтической практики, в масштабах своих сокровенных эстетических исканий».¹⁶⁹

Таким образом, стихотворный фельетон Некрасова выражает его критическую оценку Полевого, единую с той, которая высказана Некрасовым в ряде критико-публицистических статей и заметок, и иллюстрирует характерные черты его индивидуальной поэтики: способность писать от лица персонажа (впоследствии — его так называемая «ролевая лирика»), уверенное владение средствами юмора и сатиры, языковые эксперименты.

Б. М. Эйхенбаум, оценивая фельетонные опыты Некрасова с точки зрения формирования индивидуального поэтического стиля, утверждал: «Фельетоном сменяется период подражания высоким образцам — “народные” сти-

¹⁶⁸ Там же. С. 11.

¹⁶⁹ *Прозоров В. В.* Критика литературная // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А. Н. Николюкин. М., 2003. Стлб. 415.

хотворения являются позже. И это совсем не из-за вынужденности: будь Некрасов в молодости обеспеченнее — он все равно писал бы в этот период стихотворные фельетоны и водевили, только, может быть, в меньшем количестве. Фельетон — одна из органических форм его поэзии, снижающей высокие жанры и поднимающей жанры бульварной прессы. Это было прекрасно отмечено Андреевским: «Некрасов возвысил стихотворный фельетон до значения крупного литературного произведения»¹⁷⁰. Высказывание исследователя и проделанный анализ фельетона Некрасова иллюстрируют тезис о специфике критического текста, который написан литератором, ориентированным на художественное творчество.

Возвращаясь к обоюдной критической оценке Некрасова и Полевого, заключим. Сатирическое, иногда памфлетное изображение героя содержит оценку, но доносит ее не через рациональное построение и специальную терминологию, а через художественный образ, хотя и специфически упрощенный. В некрасовском тексте эта оценка относится к литературной деятельности Полевого и несводима к оценке его личности или репутации — в отличие от оценки, которую дал Полевой в рецензии на первый том «Статеек в стихах...». Таким образом, рецензия Полевого не учитывает уже заметные индивидуальные черты стиля Некрасова, а анализ полемики иллюстрирует нарастающий зазор между укрупняющимся масштабом Некрасова-литератора и высказанной Полевым печатной оценкой Некрасова — персонажа литературного быта.

§ 11. ОБРАЗ НЕКРАСОВА В РОМАНЕ-ПАМФЛЕТЕ «СЧАСТЬЕ ЛУЧШЕ БОГАТЫРСТВА» КАК КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Наряду с реальными событиями в литературе действуют герои памфлетных произведений, иногда названные по имени, иногда нет, но всегда

¹⁷⁰ Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу. Л., 1924. С. 241; Андреевский С. А. Литературные чтения. СПб., 1891.

обладающие высокой степенью узнаваемости. Литературная игра — необходимый контекст критических высказываний о Некрасове.

Расхождение с Некрасовым послужило для Полевого основанием дать памфлетное изображение Некрасова в неоконченном романе, написанном в соавторстве с Ф. В. Булгариным, — «Счастье лучше богатства» (1845—1847).

В романе, в числе прочих, изображаются два литератора по прозвищу *желтый* (Ф. К. Дершау)¹⁷¹ и *черный червь литературы*. *Черный червь*, по фамилии Куропаткин (обыгрывается псевдоним *Перепельский*) — это Некрасов. Вот его характеристика: «К директору ходили писатели, которые, никогда не достигая зрелости в уме и в таланте, всегда называются *молодыми писателями* или принадлежащими к *юной школе*. <...> *Черный червяк*, по фамилии Куропаткин, писал для журналов статьи на заказ, в одном журнале браня, в другом хваля одно и то же лицо по требованию журналистов. Куропаткин занимался, кроме того, переделкою с французского водевилей для бенефисов и изданием альманахов, то есть сборников чужих трудов, которые он выманивал у молодых писателей. <...> *Черный червяк* не имел даже того достоинства, чтоб владеть самостоятельно собственной злостью и завистью, но продавал их книгопродавцам и журналистам, ругая кого они прикажут, даже своих благодетелей, по стольку-то с листа».¹⁷²

То, что Полевой причастен к написанию этого фрагмента, подтверждает сходная характеристика литераторов — сравнение с червями — в письме его к брату Ксенофону, написанному в ноябре 1838 г.: «Не поверишь, как

¹⁷¹ Изображение Дершау в романе указано в статье: Немзер А. С. Дершау Федор (Фридрих) Карлович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. Г—К. С. 112. Б. В. Мельгунов высказывает мнение, что «*Желтый червяк* — это, разумеется, Ф. А. Кони» (Мельгунов Б. В. Личность Некрасова в памфлетных портретах 1840-х гг. // Некрасовский сборник. Вып. XIV. СПб., 2008. С. 98), не предлагая, впрочем, весомой аргументации. Версия А. С. Немзера представляется более состоятельной, во-первых, по причине портретного несходства (Некрасов и Кони были темноволосыми), во-вторых, потому, что в это время Некрасов стремился к сотрудничеству в «Финском вестнике» Дершау.

¹⁷² БдЧ. 1847. Т. 80. Отд. I. С. 50—51.

мне тошно и отвратительно среди этого *клубка глистов* — но чорт с ними!»¹⁷³ (курсив мой. — М. С.).

Мнение Полевого о Некрасове (хотя и совместное с Булгариным) выражено полно и внятно. В этом литературном портрете Некрасов — во-первых, «молодой писатель», представитель «юной школы». Это — намек на складывающуюся «натуральную школу» и стремление обозначить статус Некрасова как статус начинающего. Кроме того, это намек на ученическое и вторичное положение при старшем и более известном Белинском. Во-вторых, потенциал Некрасова оценивается низко: он не способен достичь «зрелости в уме и в таланте». Некрасов, хотя и назван «писателем», показан малодаровитым человеком, способным только на переделку чужого. В-третьих, его критическая деятельность сводится к заказной оценочности. В-четвертых, в этом портрете он — бесчестный литератор-«промышленник»: он пишет «на заказ» и совершает махинации с чужой интеллектуальной собственностью («выманивает» и издает чужие труды). Отметим, что это суждение выдаёт общественное мнение о труде издателя: он не рассматривается как посредник между пишущими и читающими, как важное звено в литературном процессе. В-пятых, Некрасов в этом изображении — человек низких моральных качеств: зол, завистлив, неблагодарен, несамостоятелен. Помимо личной неприязни, явствен оттенок неприязни к поколению. Фразу о ругани (притом продажной ругани) своих благодетелей можно рассматривать как свидетельство того, что это было более или менее общее мнение, произнесенное в два голоса.

В приведенной характеристике Некрасова доминируют черты журнального дельца и бездарного писателя. Категоричность негативной оценки можно отнести на личные счеты. Но и при такой поправке Некрасов выглядит в первую очередь «журналистом», писательство же его расценивается как нечто незначительное. Если в октябре 1838 г. благодаря подстрочному примечанию Полевого к стихотворению Некрасова «Мысль»: «Первый опыт

¹⁷³ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 443.

юного, 16-тилетнего поэта»¹⁷⁴ — первым словом в литературной репутации Некрасова стало слово «поэт», то оценка, данная в романе-памфлете Полевого и Булгарина, указывает на то, что к середине 1840-х гг. Некрасов имел репутацию «журналиста», издателя, дельца.

Критическая деятельность Некрасова согласуется с ипостасью «журналиста» и косвенно противопоставлена ипостаси «писателя»: значению слова «писатель» противопоставлены «переделки чужого», издательские опыты и критические выступления. Критика, таким образом, представлена подспорьем «дельца», но не особой областью литературного творчества, в которой уместно говорить о таланте, мастерстве, перспективах и пр. Поэтическое творчество Некрасова в романе даже не упоминается, стихотворная фельетонистика не соотносится с поэтическим творчеством. Ипостаси «поэт» и «журналист» наглядно выступают как своего рода антагонисты.

Роман отражает *репутацию* Некрасова. Она формирует общее представление о личности, но не аргументированное представление о художественном тексте или потенциале автора текста. Однако для массового читателя эта оценка хотя бы косвенно соотносится с *литературной критикой*, поскольку дана литераторами — литератору.

Проделанный выше подробный анализ критической манеры Некрасова позволяет видеть, что созданный Булгариным и Полевым памфлетный образ, обыгрывая известные эпизоды расхождения Некрасова со своим благодетелем (каким был Полевой в первые месяцы петербургской жизни поэта) и серии острых выступлений против бывшего благодетеля, намеренно не отражает объективно заметного роста литературного мастерства Некрасова.

Другие критические отзывы о Некрасове середины и второй половины 1840-х гг. подтверждают наблюдение, что в 1840-х гг. репутация «журналист» сказывалась на оценке художественных произведений Некрасова.

¹⁷⁴ СО. 1838. Т. V. № 10. Отд. I. С. 100.

**§ 12. ОБРАЗ ПОЛЕВОГО В РОМАНЕ «ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНИЯ
ТИХОНА ТРОСТНИКОВА» И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСЯХ**

Известно, что Некрасов приступил к написанию романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» во второй половине 1843 г. (*ПСС*, VIII, 714). Роман, несмотря на анонсы, не появился в печати при жизни Некрасова 276(*ПСС*, VIII, 714) и известен в черновой рукописи и писарских копиях (*ПСС*, VIII, 705—708). Опубликованный текст содержит кратко изложенную историю знакомства автобиографического героя с журналистом, в котором узнаётся Полевой (*ПСС*, VIII, 93—95), и несколько высказываний, созвучных критическим выступлениям Некрасова, например: «<...> на совести моей нет ни одной патриотической драмы, ни даже небольшого стихотворения, наполненного возгласами и восклицаниями, очень хорошо известными господам, упражняющимся в изделиях такого рода» (*ПСС*, VIII, 64; см. также 153, 174). Портретное описание внешности Полевого и обстановки его кабинета узнаваемо и совпадает в деталях с частично процитированным выше описанием Ф. А. Бюлера.¹⁷⁵

Согласно романной версии, Некрасов приходит в дом к некому «журналисту», не зная его, не пользуясь ничьей рекомендацией, по принципу «пошел к первому журналисту, который жил ближе от моей квартиры» (*ПСС*, VIII, 93). То, что имя этого журналиста было знакомо автобиографическому герою, не просматривается. «Случайный визит» разграничивает декларируемый круг знакомств Некрасова: люди, которые ввели его к Полевому, и люди, с которыми он познакомился у Полевого, в эпизоде романа не упоминаются. Роль «журналиста» в жизни героя также минимизирована.¹⁷⁶ Другие фрагменты романа, посвященные литературной и театральной жизни Пе-

¹⁷⁵ Бюлер Ф. А. Н. А. Полевой // РС. 1871. № 12. С. 674—675.

¹⁷⁶ «Ради ли одного приличия, или в самом деле из участия, журналист подробно расспросил меня об моем положении и, узнав, что я приехал в Петербург учиться, очень хвалил мое намерение. Он также вызвался помочь мне в средствах к содержанию и предложил было мне сделать опыт перевода. Но со стыдом и сожалением отвечал я, что очень плохо знаю французский язык» (*ПСС*, VIII, 95).

тербурга, содержат лишь намеки, как в приведенной цитате об авторах «патриотических драм».

Образ Полевого имеет сатирическую окраску: по неопытности герою кажется, что глаза «журналиста» «сверкали <...> огнем байроновского отчаяния» (*ПСС*, VIII, 93). В эпитете заметна самоирония (герой сознаёт свою былую наивность) и указание на то, что «журналист» принадлежит к прошедшей эпохе.

Подробное описание внешности и обстановки, разговора в кабинете у «журналиста» и собственных впечатлений, а в следующих частях — упоминания об авторах «патриотических драм» наводит на мысль, что роль этого персонажа по замыслу, возможно, не исчерпывалась эпизодом знакомства.

Неизвестно, получил ли образ Полевого развитие на более поздней стадии написания романа. Неизвестно и то, повлиял ли переход Полевого в «Литературную газету» и выступление против Булгарина на освещение его образа в романе, а его кончина в феврале 1846 г. — на композицию начатого произведения и судьбу замысла.

Упоминания о Полевом в автобиографических записях Некрасова (*ПСС*, XIII₂, 47, 58, 59) показывают, что Некрасов помнил подробности своего первого знакомства с Полевым, но указал минимальное их количество. Упоминание о чтении в гимназические годы «Московского телеграфа» не сопровождается упоминанием имени Полевого (*ПСС*, XIII₂, 56). История знакомства изменена: в автобиографической записи «Я помню себя с трех лет...» Некрасов указывает: «С Полевым познакомил меня профессор Д<уховной> а<кадемии>» (*ПСС*, XIII₂, 59). Б. Л. Бессонов в комментарии к автобиографическим записям Некрасова, анализируя другой эпизод его биографии, отмечает: «Варианты указывают на то, что активность некрасовской памяти не понизилась от болезни: в предсмертной заметке значительно

больше сведений».¹⁷⁷ Опираясь на вывод исследователя, заключим: различия между известными фактами и свидетельствами Некрасова в изложении истории знакомства с Полевым объясняются стремлением поэта определенным образом расставить акценты в своей автобиографии. Если Белинский откликнулся на смерть Полевого посвященной ему брошюрой,¹⁷⁸ а Панаев в «Литературных воспоминаниях» посвятил ему слова признательности и примирения,¹⁷⁹ то в дошедших до нас автобиографических записях и автобиографическом романе Некрасова Полевой остался фигурой, о которой поэт предпочел промолчать. Причиной тому могло стать более зрелое понимание судьбы Полевого и ситуации, в которой он оказался, а также собственной позиции по отношению к Полевому, которую он занимал в 1840-х гг.

* * *

В заключение главы, посвященной Н. А. Полевому, укажем, что других отзывов Полевого о Некрасове на сегодняшний день не выявлено, так же как свидетельств об их личных или журнально-газетных контактах, в принципе могущих быть.

Таким образом, первые одобрительные отзывы исходят от «наставника», который учитывает, что перед ним — дебютант, нуждающийся в поддержке и советах. Собственно литературная сторона этих отзывов не выходит за рамки общих рекомендаций или малозначительных частных. Первые критические отзывы Полевого о Некрасове периода сборника «Мечты и звуки» отличает «педагогическая» направленность.

Смена оценки Полевого имеет хорошо просматривающуюся личную подоплеку. Мнение о Некрасове отягощается личными чувствами Полевого к Белинскому и историей их личных и литературных отношений, более значи-

¹⁷⁷ Бессонов Б. Л. Некрасов и Г. Ф. Бенецкий (предание и факты) // Некрасовский сборник. Вып. X. Л.: Наука, 1988. С. 34.

¹⁷⁸ Николай Алексеевич Полевой. Сочинение В. Белинского. Санкт-Петербург. В типографии Эд. Праца, 1846, 55 стр. (Ц. р. 25 апр. 1846 г.) (Б-13, IX, 671—696).

¹⁷⁹ Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 304.

мых, чем с Некрасовым. После «смены знака» оценка относится преимущественно не к творчеству, а к личности и к репутации знакомого в литературном мире. Художественные достоинства новых опытов Некрасова и потенциал его таланта остаются за рамками печатно высказанной оценки Полевого.

ГЛАВА V

П. А. ПЛЕТНЕВ

§ 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА И КРИТИЧЕСКИЙ МЕТОД ПЛЕТНЕВА

Оценки Петра Александровича Плетнева (1792—1866), вынесенные Некрасову, и динамика этих его оценок очень важна для представления о критическом восприятии Некрасова современниками. Плетнев — значимая фигура в творческой биографии Некрасова — поэта, редактора и издателя; динамика его восприятия отражает определенные тенденции литературного процесса; наконец, прочтение и оценка Плетневым Некрасова, одного из крупнейших литераторов своего времени, дополняет представления о Плетневе-критике в последние десятилетия его литературной деятельности.

Поэт и критик пушкинского круга, педагог и ректор Санкт-Петербургского университета, Плетнев принял участие в юном поэте и абитуриенте Некрасове. Позднее он передал в аренду на десять лет пушкинский журнал «Современник» в руки редакции, «практиком» и организатором которой был успешный литературный «делец» и «торгаш» Некрасов. Деловые отношения продолжались вплоть до смерти Петра Александровича 29 декабря 1865 г. (10 января 1866) в Париже, а рассказ об участии Плетнева в его судьбе отражен в устных автобиографических рассказах Некрасова (*ПСС*, XIII₂, 47—48, 49, 356). И хотя тема «Н. А. Некрасов и П. А. Плетнев (История взаимоотношений и литературных контактов)» была поставлена Е. П. Горбенко в 1988 г.,¹ а наблюдения и оценки Горбенко убедительны, жанр тезисов доклада не допускает в ее изложении ни подробного анализа, ни иллюстра-

¹ *Горбенко Е. П.* Н. А. Некрасов и П. А. Плетнев (История взаимоотношений и литературных контактов) // III Некрасовские чтения: Тезисы выступлений. Ярославль, 1988. С. 9—10.

тивности, соразмерной предмету исследования, который не сводится к печатным высказываниям одного частного лица о другом.

Ввиду особой роли Плетнева в биографии Некрасова-журналиста, малочисленности высказываний Плетнева о Некрасове и особенностей его критического метода хронологические рамки этой главы выходят за пределы 1840-х гг.

Критическому перу Плетнева принадлежит малое число печатных отзывов о Некрасове. Но анализ обзоров библиографии в «Современнике» за 1842 г. помогает обнаружить его скрытую полемику с Некрасовым — автором рецензий, опубликованных в «Литературной газете» в 1842 г. В 1840-е гг. неприятие Плетневым литературной деятельности Некрасова было явным и последовательным, что сказывалось на печатной оценке его поэтического дарования.² Дальнейшие оценки лишь угадываются из контекста личной переписки Плетнева. Отметим, что суждения, не предназначавшиеся для печати, очень показательны.

Известные нам факты позволяют хотя бы фрагментарно восстановить и реконструировать динамику отношения Плетнева к литератору новой формации, что обогащает представление как о критическом восприятии Некрасова, так и о самом Плетневе. Личные и литературные контакты Плетнева и Некрасова вписали свою строку в литературный процесс 1830-х до 1860-х гг.: в историю поэзии на отрезке от «первого поэта» Пушкина до «первого поэта» / «не-поэта» Некрасова, в историю критики от суждений литературного салона до «реальной критики», уже пережившей своих замечательных представителей, и в историю литературы, в которой роль журналистики в эти годы стремительно выросла.

² Примечательно, однако, что перед самой смертью, 20 декабря 1877 г., Некрасов говорил своему лечащему врачу Н. А. Белоголовому, что «Плетнев ему всегда советовал лечиться холодной водой» (*Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. 4-е изд. СПб., 1901. С. 406*). Личное воспоминание Некрасова запечатлело по-человечески доброжелательное отношение Плетнева к нему.

Как известно, основная литературная деятельность П. А. Плетнева пришлась на конец 1810 — середину 1830-х гг.³ Плетнев дебютирует как поэт элегической школы, выступает в качестве редактора и рецензента. В 1820-е гг. он становится одним из ведущих критиков среди литераторов пушкинского круга, которому остался верен до конца своих дней.

Критическое наследие Плетнева привлекло внимание небольшого числа исследователей.⁴ Это закономерно. При характеристике его критической позиции традиционно приводится во многом исчерпывающее пушкинское выражение «добрые критики».⁵ Известно, что в своих лекционных курсах Плетнев уделял большое внимание текущей литературе и прививал студентам, помимо исторического взгляда на литературный процесс, навыки эстетического разбора художественного произведения. Плетнев, начавший свою критическую деятельность «как воспитанник карамзинской школы»,⁶ впоследствии «испытал воздействие романтизма и романтической критики, его система литературно-критических воззрений впитала элементы просветительства, сентиментализма и романтизма».⁷ Однако, как утверждает Г. Е. Потапова, в суждениях Плетнева о романтических поэмах Пушкина «как нельзя более ярко проявляется нормативность мышления Плетнева-критика: сопоставление (с Байроном. — М. С.) осуществляется с точки зрения классицисти-

³ Горбенко Е. П., Розин Н. П. Плетнёв Петр Александрович // Русские писатели: 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 636—642.

⁴ См.: Горбенко Е. П. П. А. Плетнев — литературный деятель пушкинской эпохи (20—40-е годы XIX века): Автореферат дисс. на соискание ... канд. филол. наук. Л., 1983; Шелаева А. А. П. А. Плетнев — литературный деятель // Плетнев П. А. Статьи. Стихотворения. Письма. М., 1988. С. 5—21; Проскурина В. Ю. 1) Эстетическая позиция П. А. Плетнева — издателя «Современника» (1838—1846) // Вестник МГУ, серия «Филология». 1984. — № 6. С. 52—58 (Этой же исследовательнице принадлежит статья «П. А. Плетнев — литературный критик» (Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1985. № 5), с которой автору диссертации не удалось ознакомиться); 2) Плетнёв Петр Александрович // Русские писатели: Библиографический словарь. / Под ред. П. А. Николаева. Т. 2. М—Я. С. 136—138.

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. XIII. С. 154.

⁶ Горбенко Е. П., Розин Н. П. Указ. соч. С. 637.

⁷ Там же.

ческого принципа подражания “образцам” и “соревнования” с ними». ⁸ Исследовательница характеризует Плетнева как «достаточно робкого и традиционного в качестве литературного критика». ⁹ Эта формулировка восходит к суждению И. С. Тургенева: «он <...> обладал несколько робким, но чистым и тонким вкусом»; и далее: «Для критика — в воспитательном, в отрицательном значении слова — ему недоставало энергии, огня, настойчивости; прямо говоря — мужества». ¹⁰ Эта оценка вынесена, что называется, «от противоположного», она отталкивается от впечатления, производимого Белинским. ¹¹ Сам факт такой оценки также представляется значимым для представления об оценках Плетневым литературной деятельности Некрасова — ученика Белинского в «эпоху Белинского», «петербургский период» его деятельности.

В конце 1830-х — 1840-е гг., когда Некрасов входит в литературу и обретает в ней одно из центральных мест, Плетнев публикует биографические статьи-портреты, в которых ярче всего выразилась его индивидуальная манера: «Александр Сергеевич Пушкин» (1838), «Евгений Абрамович Баратынский» (1844), «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова» (1847), «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского» (1852). А. А. Шелаева отмечает, что «одним из неперемных условий создания очерка были личные связи Плетнева с его героем» и что в этих очерках Плетнев «отказался от какой-либо схемы, но выдержал определенный принцип организации биографического материала: очерк всегда обусловлен характером изображаемого лица». ¹² В. Ю. Проскурина отмечает, что в очерках Плетнева дана «отчасти идеализированная картина литературного быта предшествующей эпохи, противопоставляемая современным, “торговым” нормам взаимоотношений в литератур-

⁸ *Потапова Г. Е.* «В буре споров, в вихре критик...» // Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827 / Под общ. ред. В. Э. Вацура, С. А. Фомичева. СПб., 2008. С. 8.

⁹ Там же.

¹⁰ *Тургенев И. С.* Литературный вечер у П. А. Плетнева // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1983. Т. 11. С. 18—19.

¹¹ См.: В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977.

¹² *Шелаева А. А.* Указ. соч. С. 14, 15.

но-журнальном мире». ¹³ Замечание об идеализации представляется важным; в § 2 будет предложено небольшое уточнение к нему.

Плетнев ориентировался на «предшествующую эпоху». В. Ю. Проскурина указывает, что ему «удалось подойти к важнейшему требованию, предъявляемому к литературе эпохой, — требованию реализма. Но требование это было заявлено на “языке” иной, уже уходящей в прошлое литературной культуры и не могло быть понято младшими современниками Плетнева <...> однако <...> его воззрения оказали непосредственное воздействие на формирование взглядов <...> представителей академического литературоведения <...> а в более опосредованной форме — на многих критиков, вступивших на литературную арену в 50-е годы». ¹⁴

Тем показательней обращение к отзывам Плетнева о Некрасове. Плетнев принимал участие в издании «Литературной газеты» А. А. Дельвига и Пушкина, а после смерти Пушкина выпускал его журнал «Современник»: вначале в числе т. н. литературной «складчины» (В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, В. Ф. Одоевский, А. А. Краевский) и единолично — с 1838 по 1846 гг., до передачи журнала Некрасову и И. И. Панаеву. С точки зрения исторической перспективы, в литературной деятельности Плетнева после смерти Пушкина правомерно рассматривать Некрасова как наиболее значимое имя. Логично думать, что субъективно для Плетнева значимее был, например, Жуковский — и как художник, и как личность с близким литературным и человеческим опытом. Но речь идет о динамике литературного процесса, в котором, помимо смены художественных ориентиров, вырисовывалась нарастающая роль журналистики и роль редактора в этом процессе.

Одна из задач данной главы — проследить динамику восприятия Плетневым литературного процесса на примере отзывов о литераторе, персонально чуждом и неприятном, но заслужившем его признание. Вторая задача —

¹³ Проскурина В. Ю. Плетнёв Петр Александрович // Русские писатели... С. 137.

¹⁴ Проскурина В. Ю. Эстетическая позиция П. А. Плетнева — издателя «Современника» (1838—1846). С. 58.

продемонстрировать характерные аргументы и приемы Плетнева-критика, в случае необходимости отражаемые в подзаголовках к параграфам.

§ 2. КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ У ПЛЕТНЕВА

С именем Плетнева тесно связана культура литературного салона, в которой он видел образовательную роль для молодых литераторов. Плетнев посещал салоны Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, Майковых, В. Ф. Одоевского. У него самого на протяжении многих лет проходили «субботы», а затем — «среды», по которым собирались литераторы.¹⁵ Плетнев оставил суждение о салоне как сфере литературной жизни, форме профессионального и межличностного общения в своем кругу и литературного образования:

«Они (Карамзин и Жуковский. — М. С.) переселились теперь в северную столицу. Около них начали между собою соединяться люди, чувствовавшие призвание к литературе и понимавшие важность благородных умственных занятий. <...> Сфера идей, тон суждений, краски языка естественно согласовывались с понятиями, стремлениями и умом лиц, соединенных в собрании. <...> Между лучшими русскими писателями, со времен Ломоносова до смерти Пушкина, всегда заметно было искреннее дружелюбие. Ни тени той взаимной зависти, в которой обвиняют соперников. Это низкое чувство никому не знакомо было в их кругу, всегда оставаясь только в низшем слое литературном».¹⁶

Это суждение точно подпадает под определение В. Ю. Проскуриной: «идеализация». Но, оставляя в стороне вопрос о мере исторической достоверности свидетельства об «искреннем дружелюбии»,¹⁷ уточним существен-

¹⁵ См., напр.: *Гаевский В. П.* Дельвиг // С. 1853. Т. XXXIX. Отд. III. Критика. С. 54; *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 11. Соч. С. 11—20; *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. СПб., 2001.

¹⁶ Сочинения и переписка П. А. Плетнева. СПб., 1985. Т. II. С. 80—82.

¹⁷ И. С. Тургенев в очерке «Литературный вечер у П. А. Плетнева» отмечает известную меру обоюдного злословия между участниками (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч.

ный нюанс. Облик литератора в изображении Плетнева не столько «идеализирован», сколько отражает требования Плетнева, его представления о необходимой норме. Литератор, которому Плетнев посвящает статью, принадлежит к высшему обществу, образован, имеет изящный вкус и благородный нрав, чужд недостойных мыслей и поступков. Отметим замечание Плетнева о «тоне суждений», который способен играть в его печатных выступлениях главную роль (напр., в скрытой полемике с Некрасовым — автором библиографических обзоров в «Литературной газете»). Показательно сожаление Плетнева о фактически введенном им в литературу Д. И. Коптеве:¹⁸

«Как жаль, что он, при своем недюжинном уме и других хороших качествах души, сгорает в страсти видеть стихи свои напечатанными. <...> Я только и умоляю о любви к самому искусству, о любви к труду, о любви к самосовершенствованию, а он все толкует об особенных причинах, по которым желает видеть более стихов в своих в печати. Это <...> свидетельствует об отсутствии характера и даже ясной идеи о первых истинах жизни» (II, 429)¹⁹ (письмо от 24 марта 1845 г.).

Требования, которые Плетнев предъявляет к литератору, особенно начинающему, принципиально важны для прочтения его рецензий, посвященных первому сборнику Некрасова и его последующим литературным опытам.

§ 3. РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК «МЕЧТЫ И ЗВУКИ»

Проанализированная в главе I рецензия Плетнева на сборник²⁰ заслуживает дополнительных комментариев.

Т. 11. С. 16). Сходную ироническую картину дает Панаев, описывая салоны С. Н. Карамзиной и В. Ф. Одоевского, которые посещал и Плетнев (см.: *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. С. 117—118).

¹⁸ *Горбенко Е. П.* Коптев Дмитрий Иванович // *Русские писатели: 1800—1917: Биографический словарь.* М., 1999. Т. 3. С. 63 (вся статья — с. 63—64).

¹⁹ См. также суждение о В. Г. Бенедиктове (Там же. Т. II. С. 136).

²⁰ С. 1840. № 2. Т. XVIII. Отд. III. Разбор новых книг. Новые сочинения. С. 133—134.

Это единственная рецензия Плетнева, в которой он дает развернутую и одобрительную оценку литературным опытам молодого поэта, к тому времени он уже знакомого лично. Степень ее доброжелательности обращает на себя особое внимание в контексте процитированных выше сожалений о поспешных публикациях и в контексте рецензий, которые появлялись в плетневском «Современнике» на стихи молодых поэтов, напр.: «Этого разбора стихотворения не подлежат суждению».²¹ Рецензия на первый поэтический сборник Некрасова насчитывает несколько строк, т. е., по объему значительно превосходит типичные рецензии.

Поощрение, высказанное в рецензии, носило характер аванса молодому литератору и абитуриенту университета.²² По всей вероятности, знакомством с В. А. Жуковским Некрасов также был обязан Плетневу (*ПСС*, XIII₂, 424). Нет сведений о том, знал ли Плетнев об одобрительной оценке, данной одному или двум стихотворениям начинающего поэта (*ПСС*, XIII₂, 425); мог знать, в силу тесного знакомства с Жуковским и присущего ему педантизма в делах. В плетневской оценке первых опытов Некрасова могло сыграть роль и то обстоятельство, что в стихах Некрасова, во многом подражательных, было заметно, в частности, подражание Жуковскому («Непонятная песня» (*ПСС*, I, 242, 657), отчасти «Водяной» (*ПСС*, I, 238, 656)). Поэтическая ориентация на Жуковского также могла настроить Плетнева в пользу молодого поэта.

Следующая рецензия Плетнева была напечатана примерно через полтора года после первой. Но динамика отношения прослеживается в длительном отсутствии печатных отзывов и оценок, которое было характерным приемом Плетнева, и в его частной переписке.

²¹ Несколько подобных отзывов Плетнева либо просто перечисление поэтических новинок без комментария см., напр.: С. 1840. Т. 19. Новые сочинения. С. 143; С. 1841. Т. 21. № 1. Новые сочинения. С. 99—100; С. 1843. Т. 30. Новые сочинения. С. 101—102.

²² *Вацуро В. Э.* Некрасов, Плетнев и Никитенко в 1839 году // Некрасовский сборник. XI—XII. СПб., 1988. С. 189—191. Подробней об участии Плетнева в судьбе Некрасова см. также: *ПСС*, XIII₂, 356 (свидетельство Некрасова); *ПСС*, XIII₂, 433—438 (комментарий Б. Л. Бессонова к автобиографическим записям).

§ 4. «ДЛЯ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ПОДЪЯЧИХ» (1840): УМОЛЧАНИЕ КАК ФОРМА КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

Ближайшая косвенная оценка Некрасова содержится в письме Плетнева к Гроту от 22 октября 1840 г., спустя полгода после рецензии на «Мечты и звуки».

В этом письме Плетнев формулирует свой излюбленный принцип — литературу следует разделять «чертой»:

«Лучше <...> составлять указания на достойнейшее в русской литературе, о гадких же произведениях Булгарина и ему подобных надобно будет упоминать внизу, под чертою, как о таком деле, которое показывает тщету усилия бездарности. Например, составив обзор Капитанской дочери с выписками и раскрытием ее валтер-скоттовских красот, можно сказать, что в России многие искали славы на поприще новеллистов и романистов; но что они, как и везде бесталанные люди, остаются для одного низшего круга читателей, например: лакеев, лавочников, гостинодворцев и *провинциальных подьячих* <...> можно бы говорить вверху о Карамзине (историке), а под чертою о Полевом, вверху о Борисе Годунове — Пушкина, а внизу о Дмитрие Пожарском — Кукольника»²³ (I, 105—106) (курсив мой. — М. С.).

Позиция обходить молчанием недостойное внимания явление литературы (то, что «под чертой») выдерживалась им на страницах «Современника». Но за молчанием скрывалась взвешенная оценка. В частной переписке Плетнев — эмоциональный и внимательный читатель — нередко высказывал оценки в адрес того, чего «не замечал» печатно. Литературная деятельность Некрасова (в особенности деятельность «досовременниковского периода») получила всестороннюю оценку Плетнева, складывающуюся иногда из кратких печатных высказываний, иногда из намеренного молчания критика. И

²³ В письме от 31 октября 1845 г. Плетнев выражается еще резче: «Про бездельников гораздо приличнее молчать. Самое указание плутней их или глупости есть уже для них вознаграждение, которого они недостойны и от меня не дождутся» (I, 603).

словосочетание «провинциальный подьячий» в приведенной цитате — яркий тому пример.

Стихотворный фельетон Некрасова «Провинциальный подьячий в Петербурге» (ПСС, I, 282—291) имел успех, о чем свидетельствует отзыв Белинского: «Очень забавны куплеты “Провинциальный подьячий в Петербурге”; они так всем понравились и уже так всем известны, что мы не имеем нужды выписывать их».²⁴ Герой, чье имя указывалось в оглавлении как имя автора — Феоклит Онуфрич Боб, — в 1841 г. был выведен Некрасовым в водевиле «Феоклит Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке» (ПСС, VI, 658). Стихотворный фельетон характерен для того периода его творчества, о котором поэт впоследствии писал: «Пить, есть надо, я и задумал стишонки забавные писать. Напечатал их на листочках и стал *гостинодворским* молодцам продавать»²⁵ (курсив мой. — М. С.). Очевидно, что слово было обиходным.²⁶

Рецензии на это произведение в «Современнике» не появилось. Но первый стихотворный фельетон был прочтен и оценен Плетневым в письме к Гроту. Рассуждая об авторах, недостойных внимания: «бесталанные люди» «остаются для одного низшего круга читателей, например: лакеев, лавочников, *гостинодворцев и провинциальных подьячих*» (курсив мой. — М. С.), — Плетнев, наряду с расхожими понятиями, явно имеет в виду стихотворный фельетон Некрасова, обыгрывая его название: *провинциальный подьячий* — это и повествователь, и герой, и потенциальный читатель этого «повествования» с этим героем.

²⁴ ОЗ. 1840. № 5. Отд. VI. Библиографическая хроника. Русская литература. С. 22.

²⁵ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 229.

²⁶ Оно, в частности, отразилось в назывании А. Н. Островского. См.: Кошелев В. А. «Гостинодворский Коцебу» // Ф. Я. Прийма и вопросы филологии XX века. Исследования. Воспоминания. Материалы. СПб., 2009. С. 119—140.

К этому времени попытки Некрасова учиться в университете остались позади.²⁷ Степень занятости поэта в литературном и театральном мире не согласовалась с режимом систематического обучения в Университете. Некрасов активно сотрудничает в «Пантеоне русского и всех европейских театров» (*ПСС*, XIV₁, 37; *Летопись*, I, 73) и «Литературной газете» Ф. А. Кони²⁸ и обязывается по контракту с В. П. Поляковым — поставлять в течение 1841 г. в «Репертуар русского театра» «известное число стихотворений, переводов, мелкие статейки и писать рассказы».²⁹

Деятельность Некрасова, по всей видимости, была Плетневу известна и тайны псевдонима для него не существовало. Письма Плетнева свидетельствуют, что он часто виделся с самыми разными литераторами и был осведомлен о делах в литературном мире. В частности, о начинаниях Ф. А. Кони и А. А. Краевского он знал в подробностях:³⁰ именно Плетнев в 1836 г. пригласил Краевского к участию в пушкинском «Современнике».³¹ Что касается псевдонима, то, по свидетельству Ю. К. Арнольда, который общался с Некрасовым в 1841 г., «*всему петербургскому литературному кругу* <... было хорошо известно, что автор Н. Н. не кто иной, как водевилист *Перепельский*, и что настоящее его имя *Николай Некрасов*».³² Об этом писал Межевич, отвечая на упреки, зачем он раскрыл псевдоним.³³ Речь здесь не об этике жур-

²⁷ Как указывает С. А. Рейсер, Некрасов был уволен из числа вольнослушателей философского факультета 24 июля 1841 г. (*Рейсер С.* Некрасов в Петербургском университете // ЛН. Т. 49—50. С. 351—364). Можно предполагать, что фактически поэт оставил учебу значительно раньше: «Я ходил года полтора, но учиться и зарабатывать хлеб трудно, и я бросил», — так объяснял эту неудачу сам Некрасов (*ПСС*, XIII₂, 48).

²⁸ *Мельгунов Б. В.* Некрасов и Белинский в «Литературной газете»... С. 12.

²⁹ Там же.

³⁰ О его осведомленности свидетельствуют выдержки из писем, содержащие множество «закулисных» подробностей. См., напр., письма к Я. К. Гроту: от 30 августа 1840 г. (I, 35); от 3 сентября 1840 г. (I, 38); от 6 сентября 1840 г. (I, 43); от 15 октября 1840 г. (I, 98); от 17 января 1841 г. (I, 208).

³¹ Подробней об этом см.: *Громова Л. П.* А. А. Краевский — редактор и издатель. СПб., 2001. С. 9.

³² Воспоминания Юрия Арнольда. Вып. II. С. 214.

³³ «Автор водевиля “Шила в мешке не утаишь”, по окончании пьесы, будучи вызван публикою, явился и раскланялся перед глазами всех, кто был в театре, стало быть, сам же снял с себя псевдоним свой» (*СП.* 1841. № 123. 6 июня. Фельетонная заметка. С.

налиста. Активность Некрасова в литературно-театральных кругах делала его псевдонимы достаточно прозрачными для людей из своей профессиональной прослойки.

Плетнев в частном письме упоминает *провинциального подьячего* как имя нарицательное, так же как *гостинодворцев*. Этот факт свидетельствует о том, что Плетнев заметил и запомнил стихотворный фельетон Некрасова, имевший успех в публике. Следовательно, отсутствие рецензии Плетнева на «Провинциального подьячего...» объясняется не малозначительностью произведения молодого автора, а мнением Плетнева о Некрасове и его сформулированной позицией.

Похвала Белинского, несомненно, тоже попала в поле зрения Плетнева, следившего за деятельностью критика. В отношении к Белинскому в эти годы Плетнев обнаруживает нарастающее неприятие. Если в письме к Я. К. Гроту от 10 декабря 1840 г. он замечает: «О Белинском я всегда говорил, что он полон истинных мыслей и знания искусства» (I, 163), — то впоследствии он отказывает критику в этих достоинствах.³⁴ Тематика и стилистика «Провинциального подьячего...», сам факт выпуска этой книги в коммерческих целях, похвала Белинского «Подьячему...» как литературному явлению, обсуждение в периодической печати того, что «недостойно», сформировали негативную оценку Плетнева. Эта оценка побудила его, следуя своему правилу, уклониться от печатных высказываний о «Провинциальном подьячем...» и тем более полемики по поводу него. Таким образом, в оценке Плетнева, как и других критиков, упоминавшихся в главе I, наблюдается своеобразный «рикошет»: его недовольство Белинским усугубляет недовольство по отношению к Некрасову.

Отметим еще, что фраза из письма Плетнева содержит недвусмысленную оценку литературного лица. Некрасов — автор «Провинциального по-

490). Возражения Ф. А. Кони и В. Г. Белинского, печатно высказанные Межевичу, больше касались этики, чем сути дела (Подробнее см.: гл. II, § 8; гл. III, разд. 1, § 3).

³⁴ Напр., в его письмах к Я. К. Гроту в 1843 г.: от 3 февраля (II, 7); от 6 марта (II, 28); от 14 апреля (II, 56); от 28 апреля (II, 66—67).

дьячего...» и других произведений, которые ему случалось писать для «гостинодворцев», — в оценке Плетнева попадает в разряд «бесталанных людей». Эта оценка дана спустя восемь месяцев после одобрительной рецензии на первый поэтический сборник Некрасова и спустя два месяца после второй попытки Некрасова поступить в Университет, осуществляемой при поддержке Плетнева. Ректор Университета увидел, что его подопечный, подававший надежды поэт, вместо того чтобы получать образование, пополнил ряды «литературных промышленников». То, что впоследствии сам Некрасов и исследователи его биографии и творчества считали литературной школой, в глазах Плетнева образованию не соответствовало. Позиция Плетнева: литература делится на элитарную (литературу) и написанную на потребу людей с неразвитым вкусом (не-литературу) — обуславливает отказ Некрасову в *таланте*, т. е. в том, что, как очевидно, дано (или не дано) вне зависимости от применения данного. Такова динамика его оценки Некрасова.

**§ 5. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИЖКУ «БАБА-ЯГА, КОСТЯНАЯ НОГА» (1840):
СПОР О «РЫНОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»**

Следующая оценка Плетнева была высказана в его рецензии на «сказку» Некрасова «Баба-Яга, Костяная Нога».³⁵ Этот отзыв не учтен ни в комментарии к сказке в *ЛСС*, ни в «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова».

Стихотворная сказка «Баба-Яга, Костяная нога» впервые была частично опубликована в «Литературной газете» № 84 (19 октября) за 1840 г. с примечанием: «Эта оригинальная сказка уже печатается и в непродолжительном времени выйдет в свет» (*ЛСС*, 1, 292—296). 17 сентября 1840 г. она была продана книгопродавцу В. П. Полякову и 4 января 1841 г. полностью вышла в виде отдельной книги, без имени автора: «Баба-Яга, Костяная нога. Русская народная сказка в стихах в осьми главах. СПб., 1841».

³⁵ [Б. н.] С. 1841. Т. XXIII. Разбор новых книг. Новые сочинения. С. 23.

В № 3 «Современника» за 1841 г. была опубликована краткая анонимная рецензия Плетнева:

«Не удивляемся, что на означенных здесь стихотворениях нельзя остановиться с особенным вниманием или удовольствием: для нынешнего году (которого идет еще первая половина) и того довольно, что мы получили “Стихотворения графини Растопчиной” (так! — *М. С.*), которых чтение облекает жизнь поэзией <...>»³⁶.

Примечательно, что Плетнев счел нужным печатно высказаться по поводу «Бабы-Яги...», которая, по его классификации, явно была «под чертой».

Появившиеся в периодике рецензии на книжку «Баба-Яга, Костяная нога...» в основном были краткими, ироничными и сходными в оценке ее достоинств и недостатков. Рассмотрим их.

31 января в № 2 «Библиотеки для чтения» опубликована анонимная рецензия *О. И. Сенковского*: «...Я <...> предлагаю палате принять поэму к сведению, а *неизвестного* поэта впредь до усмотрения оставить по-прежнему в том же чине».³⁷

3 февраля в № 2 «Отечественных записок» вышла анонимная рецензия: «Эта сказка нисколько не русская и не народная. Это даже и не сказка, а просто стихотворение <...> в котором есть и изрядные стишки, есть и плоховатые. Книжка издана для известного круга публики, и во всяком случае она найдет себе читателя».³⁸

4 февраля в № 2 «Русского вестника» напечатан краткий отзыв, принадлежащий *Н. И. Гречу*: «“Читали ль вы эту книгу?” — спросил я у приятеля. — “Читал”. — “Которая глава вам понравилась более прочих?” — “Девятая”».³⁹

22 февраля в № 22 «Литературной газеты» опубликована рецензия *Ф. А. Кони*. Отмечая «кой-где грехи против изящного вкуса», Кони в целом

³⁶ С. 1841. Т. XXIII. Ц. р. 10 июня 1841 г. Разбор новых книг. Новые сочинения. С. 23.

³⁷ БдЧ. 1841. № 2. Отд. VI. С. 22.

³⁸ ОЗ. 1841. № 2. Отд. VI. С. 50.

³⁹ РВ. 1841. № 2. С. 476.

благосклонен к сказке: «сказка довольно занимательная, и в ней есть почти везде смысл (большая редкость!); есть несколько недурных стихов и множество неправильных, жестких, что, может быть, произошло от поспешности автора одеться в печать и обертку. Как бы то ни было, мы думаем, что и для этой сказочки много на Руси найдется читателей, которые оценят ее, поймут и раскупят».⁴⁰

27 августа в № 190 «Северной пчелы» напечатана анонимная рецензия: «Удачная попытка г. Ершова, написавшего русскую народную сказку “Конец-Горбунок”, возбудила, как это всегда бывает при всякой литературной удаче, множество завистливых подражателей и бесталанных подражаний. “Баба-Яга, Костяная нога” принадлежит к числу таких же спекуляций литературной промышленности на добродушную доверчивость русских читателей. Автор, придав своему сочинению народное название, думал, что он после этого имеет полное право назвать свою сказку *русскою и народною*».⁴¹

Если сгруппировать критические суждения, то из них следует, что: сказка не стóит внимания читателя (более всего понравилась *несуществующая* девятая глава) и критики (поэму предлагается только «принять к сведению»); сказка «найдет себе читателя» из «известного круга публики»; многие читатели «оценят ее, поймут и раскупят». Иными словами, сказка Некрасова — непримечательный образчик массовой литературы, но она будет оценена, т. е. раскуплена, что, хоть и с иронией, отмечается как достоинство (Кони). *Коммерческий спрос* в данном контексте частично замещает *читательский интерес*, а *промышленный* аспект замещает *культурный*. Акцент ставится на том, что ее *оценят и раскупят*, но в качестве целевой аудитории выступают люди, для которых *чтение* не синонимично приобщению к культурному процессу и самообразованию.

Сказка «не русская» и «не народная»; «не сказка», а «просто стихотворение», т. е. невыразительна в жанровом отношении; это поспешное и беста-

⁴⁰ ЛГ. 1841. № 22. 22 февраля. С. 88.

⁴¹ СП. 1841. № 190. 27 августа. С. 758—759.

ланное подражание; сказка занимательна; в ней «есть почти везде смысл» (большая редкость!). Иными словами, критерии «занимательность» и «смысл» (Кони) применяются не просто к рядовому произведению массовой литературы, но к произведению откровенно подражательному, поспешно и не очень хорошо написанному. И если понятие «занимательность» имеет достаточно широкий диапазон и может употребляться применительно к слабым и подражательным произведениям массовой литературы, то понятие «смысл» в таком контексте начинает обесцениваться. Автор сказки — завистливый и бесталанный подражатель (автор «бесталанного подражания»); его справедливо оставить «в чине» *неизвестного*; недостатки сказки объясняются поспешностью автора. Иными словами, (Кони:) литератору, стремящемуся побыстрее издать и продать свою книгу, извинительна поспешность, небрежность,⁴² бесталанная подражательность, т. к. и на этот товар найдется много желающих. В этом извинении, как и предыдущем, кроется обесценивание дарования, творческой оригинальности и самостоятельности, взыскательности к вкладу в национальную литературу, творческого импульса, свободного от зависти к чужому успеху. Манипуляция эстетическими и этическими критериями преследует коммерческую цель — продажу книги. Следовательно, критический разбор стихотворного произведения превращается в рекламный текст, манипулирующий эстетическим чувством, а не воспитывающим его.

Рецензия Плетнева на «Бабу-Ягу...», в отличие от процитированных неодобрительных рецензий, в равной мере содержала неодобрение и произведения, и позиции газеты. Причины неодобрения ясны, хотя и не названы вслух. В «Бабе-Яге...» были использованы литературные и фольклорные ис-

⁴² В совсем ином ракурсе поспешность и небрежность, неотделанность предстают в книге Г. В. Зыковой «Поэтика русского журнала 1830-х—1870-х гг.» (Зыкова Г. В. Поэтика русского журнала 1830-х—1870-х гг. М., 2005. С. 41—42). Хотя исследовательница рассуждает преимущественно о публикации прозаических произведений средних и крупных форм (романа, фельетона) и в ее рассуждении упоминается более поздняя эпоха (50-е гг.), в какой-то мере, как представляется, можно рассматривать в позиции Кони начало этой тенденции. Широкая публика ориентируется на периодическое издание, публикацию «с продолжением», развитие сквозной идеи.

точники, и в частности, заметно поверхностное обращение к Пушкину (*ПСС*, I, 670). Сказка носила лубочный, фривольный характер. Подобное обращение к пушкинскому наследию не могло не расцениваться Плетневым как воплощение дурного вкуса и как поступок, недостойный литератора. И, конечно, для Плетнева — участника «Литературной газеты» Пушкина и Дельвига — было неприемлемым то, что в руках А. А. Краевского и Ф. А. Кони газета помещала и пропагандировала произведения массовой литературы, перешла, с его точки зрения, на позицию «торгашества».

Отметим, что во взгляде Плетнева на «торгашество» заметно неразличение двух разных аспектов: демократизации и просветительской роли литературы, что подразумевает заинтересованность в расширении круга подписчиков, — и беспринципного преследования материальных выгод, в чем нельзя было обвинить «Литературную газету», живое издание, познакомившее читателя с замечательными произведениями новейшей литературы.

Таким образом, несмотря на декларируемую антиполемическую позицию «Современника», ранее не учитывавшаяся рецензия Плетнева не только содержит оценку нового произведения Некрасова. Она полемична по отношению к изданию, которое хвалит это произведение, т. е., с позиции Плетнева, обнаруживает в своей рецензии литературную беспринципность и расширяет в читателе понятия, воспитывающие вкус.

§ 6. СКРЫТАЯ ПОЛЕМИКА С НЕКРАСОВЫМ — АВТОРОМ КРИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ И ЗАМЕТОК В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ» (1841—1842)

Замечание Плетнева о «тоне суждений» важно для понимания его индивидуальной манеры спора. Белинский замечал, что плетневский «Современник» «напоминает собою то блаженное время», когда «полемики не было; вместо ее царствовала любезность самого лучшего тона...» (*Б-13*, VIII, 101). Полемика в 1840-е гг. занимала все более видное место в жизни периодических изданий, в которых в основном был сосредоточен литературный про-

цесс. «Современник» так или иначе был в нее вовлечен, но Плетнев стремился не изменять взятому тону, что отмечал и Я. К. Грот: «Современник — тихо разговаривающий господин, а публика — прохожие. Остальные журналы — бранящиеся на улице люди» (I, 225. Письмо Грота к Плетневу от 5 февраля 1841 г.). Таким образом, *тон* высказывания целесообразно рассматривать как принципиально важную составляющую индивидуальной стилистики Плетнева, демонстрирующую его позицию вкуса, взвешенности, вежливости, серьезности. *Тон* его рецензий выдаёт их полемичность при внешне нейтральных формулировках. Это особенно заметно при сопоставительном анализе библиографических обзоров, сделанных Некрасовым и Плетневым в 1841—1842 гг.

С 1841 г. Некрасов ведет в «Литературной газете» обозрение новых книг. В библиографических обзорах тт. XXV—XXVI «Современника» рассмотрены почти все книги, отрецензированные Некрасовым в 1841—1842 гг. И оценки, и стилистика рецензий Плетнева полемичны по отношению к некрасовским, напечатанным без подписи.

В № 5 «Литературной газеты» за 1842 г. (1 февраля) опубликована рецензия «Указатель губернских и уездных почтовых дорог в Российской империи», а в № 7 «Литературной газеты» за 1842 г. (15 февраля) опубликована рецензия «Расписание трактов от С.-Петербурга до Москвы и других важнейших мест Российской империи». В рецензии от 15 февраля, в целом одобрительной, Некрасов ссылается на рецензию от 1 января. Рецензия от 1 января написана в юмористическом тоне: «О важной вещи должно и говорить с важностью. <...> “Указатель” стоит шесть рублей <...> а что такое шесть рублей в отношении к душевному спокойствию, <...> что такое шесть рублей в отношении к 60 и к вечности?» (ЛСС, XI₁, 31—32).

Комический тон Некрасова объясняется, скорее всего, не столько значением и качеством издания (оно признано полезным), сколько пестротой книжного потока, о котором приходилось писать. Подчас шутливая, подчас

саркастическая, фельетонная манера Некрасова-рецензента позволяла выдерживать единый тон раздела, в котором рассматриваются разные по тематике и по достоинству книги, посредством юмора и разговорных конструкций сделать этот тон более гибким, ярче выразить оценку, расположить читателя к более эмоциональному, а значит, и более острому и критичному восприятию.

В т. XXVI «Современника» (ценз. разр. 31 марта) в разделе «Новые сочинения» упомянуто «Расписание трактов...» без каких бы то ни было комментариев.⁴³ В их отсутствии прочитывается излюбленный прием Плетнева: серьезно писать о том, что достойно внимания, и игнорировать иронию, выпады, вызовы на полемику. Своим молчанием Плетнев как бы указывает на неуместность комического эффекта в рецензии как жанре.

То же противопоставление критических манер заметно в сопоставлении рецензий Некрасова и Плетнева на книгу «Пять стихотворений Н. Ступина»: краткая вводная фраза и пародийно-юмористическое стихотворение у Некрасова (*ЛСС*, XI₁, 42—43)⁴⁴ и лаконичное высказывание Плетнева, утверждающего, что в «Пяти стихотворениях» нет поэзии.⁴⁵

Эта особенность критики плетневского журнала была отмечена Некрасовым в его статье «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году (Статья 2-я и последняя)»⁴⁶ по поводу помещенной в «Современнике» критики на «Историю Петра Великого», написанную Н. А. Полевым: «...Даже “Современник”, самый скромный русский журнал, так много похожий на журнальцы доброго старого времени и по объему, и по физиономии, и по уклончивости в суждениях, журналец, даже о самых мелких явлениях копеечной литературы отзывающийся без улыбки, — даже “Современник” с некоторого времени разгорячается <...> Выписывая его, мы, между прочим,

⁴³ С. 1842. Т. XXVI. Критика. Новые сочинения. С. 45.

⁴⁴ Впервые опубликовано: ЛГ. 1842. № 7. 15 февраля.

⁴⁵ С. 1842. Т. XXVI. Критика. С. 52.

⁴⁶ Впервые опубликована: ЛГ. 1844. № 2. 8 января. С. 33—39.

хотим показать, что “Современнику” стоит только нарушить свое величественное молчание, чтоб заговорить дельно» (ПСС, XI₁, 160).

Приведенное суждение Некрасова о «Современнике» может быть истолковано как вызов на настоящую полемику и как констатация того, что «Современник» (в сущности — сам Плетнев) и не хочет, и не может быть серьезным оппонентом в меняющемся, при участии Некрасова, журнальном мире, где активная открытая полемика всё более становится органичной частью литературного процесса.

В № 9 «Литературной газеты» за 1842 г. (1 марта) опубликована рецензия «Кузьма Петрович Мирошев. Русская быль времен Екатерины II. В 4-х частях. Сочинение М. Загоскина. Москва, 1842». Длинная рецензия, содержащая пародийный пересказ, характеристику сюжета, героев, читателей, которым адресовано произведение, была посвящена современной романной форме, ее наиболее неудачным образцам («Человек с высшим взглядом» Е. Г., «Два призрака» Фан-Дима и др.). «1842 год богат романами», — начинает Некрасов свою рецензию (ПСС, XI₁, 43). «Быль не роман, — начинает свою рецензию на эту книгу Плетнев. — Она не подлежит прихоти правил, установленных теориею искусств для произведений, в которых и форма и содержание освящены вечными образцами <...> автор, оградив свое произведение от критики особенностью названия, исполнил дело, как ему захотелось. Направление, тон, краски и язык выдержаны в нем совершенно согласно с прежними его романами».⁴⁷

В этой рецензии возражение Некрасову выражено почти открыто — *почти* потому, что оппонент, автор рассуждения о романах, не назван по имени, хотя и ясен для внимательного читателя.

Скрытая полемика Плетнева с Белинским рассматривается в статье Е. П. Горбенко и Н. П. Розина (слово «скрытая» у них взято в кавычки). По утверждению авторов статьи, в ней «улавливается стремление оградить по-

⁴⁷ С. 1842. Т. XXVI. Критика. Новые сочинения. С. 48.

этов от влияния Белинского, направив их в “пушкинское” русло»;⁴⁸ примеры авторов статьи относятся к середине — второй половине 1840-х гг.

Скрытая полемика Плетнева с Некрасовым — критиком и рецензентом даёт основание сделать вывод, что недавний дебютант в 1841—1842 гг. стал для Плетнева достаточно заметной фигурой в том журнальном мире, от которого Плетнев хотел бы дистанцироваться.

§ 7. РЕЦЕНЗИЯ НА «СТАТЕЙКИ В СТИХАХ, БЕЗ КАРТИНОК», ТТ. 1 И 2 (1843): СПОР О «РЫНОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

Следующая печатная оценка Некрасову была дана Плетневым в рецензии на два тома «Статеек в стихах, без картинок».

В 1843—1845 гг., когда публика познакомилась с «Говоруном», появление маленькой книжечки «Статейки в стихах, без картинок» стало поводом к спору.

Творческий рост Некрасова в эти годы очень заметен. После завершения конфликта с Ф. А. Кони летом 1840 г. (*Летопись*, I, 88, 89—91; *ПСС*, XIV₁, 37, 39) Некрасов возобновляет с ним сотрудничество (*ПСС*, XIV₁, 41, 248) и ведет в «Литературной газете» отдел литературной критики и библиографии. В 1842—1843 гг. Некрасов не пишет водевилей и почти не публикует ни стихов, ни прозы. Но именно в 1840-е гг. он работает над несколькими крупными прозаическими произведениями. В конце 1842 г. Некрасов осваивает новый опыт и обретает новые, перспективные для своей литературной судьбы связи: он сближается с И. И. и А. Я. Панаевыми⁴⁹ и Белинским, с которым во время выпуска “Статеек в стихах” строит совместные издательские планы.⁵⁰ Восприятие современниками его роли в литературе просматривается

⁴⁸ Горбенко Е. П., Розин Н. П. Плетнев Петр Александрович // Русские писатели. Т. 4. С. 642.

⁴⁹ Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 285.

⁵⁰ Мельгунов Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете»... С. 46.

в реакции на нашумевшую публикацию Панаева: «Тля, не-повесть (см. гл. IV, § 9).

3 февраля 1843 г. Плетнев пишет Гроту:

«Дома я прочел большую полную статью Ив. Панаева в № 2 Отечественных записок, под названием “Тля, не-повесть”. Это замечательней всего, что он писал до сих пор. Тут необыкновенно верно схвачен колорит и характер двух наших сословий: литераторов и актеров в современном их состоянии. Не гениальное перо, но весьма хорошо очиненное. <...> Редко кого я не угадал в этой толпе писак, выведенных им под вымышленными именами» (II, 6—7).

Как уже говорилось выше, в высказывании Полевого прочитывается и намек на «тлю» — автора «Статеек в стихах», и стремление, назвав его «тлей», принизить его значение. Последнее могло быть вызвано своеобразной рекламной кампанией, которая была предпринята Некрасовым (ПСС, XII₁, 16—22, 22—28, 389—390) и спровоцировала литературную полемику. В ней принял участие Плетнев.

В статье Некрасова «Шуточная литература. — “Статейки в стихах”» (ПСС, XII₂, 22—28), опубликованной в «Литературной газете» 28 февраля, излагается оценка достоинств издания и собственно стихотворного фельетона: «Это шутка — человека умного, который *по-своему* смотрит на все интересное в современном Петербурге. В этой книжке меньше претензий, чем во всех предыдущих, и более истинного остроумия, хотя и она, кажется, стоит только четвертак или двугривенный, — не помним хорошенько» (ПСС, XII₁, 24). Иными словами, в статье, посвященной литературе и напечатанной в «Литературной газете», рассматривается соотношение «цена—качество» литературного товара, притом автор анонсируемого произведения и автор статьи, содержащей анонс, — один и тот же человек.

В числе своих достоинств Некрасов называет *ум, оригинальность* (собственный взгляд на «все интересное»), *чутье времени* («все интересное в современном Петербурге»), *остроумие*.

3 марта в № 48 газеты «Северная пчела» напечатано первое объявление книжного магазина М. Д. Ольхина о поступлении в продажу 1-го тома «Статеек в стихах, без картинок»⁵¹. В этот же день⁵² вышел в свет № 3 журнала «Отечественные записки» с рецензией **В. Г. Белинского** на это издание (Б-13, VII, 8—11). Оценка Белинского включает в себя несколько суждений. Он не называет *остроумие* в числе достоинств произведения: стихи — «водевильная болтовня», предназначенная для невзыскательного потребителя; цель этих стихов — «удовольствие», их будущее применение — использование в качестве острот; подобные стихи и «водевильное остроумие доморощенных драматургов» недостойны того, чтобы подписывать их собственным именем.

Содержательность (оригинальность, чутье времени) признаются как присутствующие, но в недостаточной для литературы пропорции: шуточные стихи анонимного автора содержательны (фрагменты стихотворения); Подобные шуточные стихи могут придать книге «цель» и «значение» литературного произведения; эта цель и значение — не в развлекательности («надо же что-нибудь читать», «читать и смеяться») и не во внешне привлекательной отточенной форме («готовые остроты»); литературное произведение должно иметь другую «цель» и «значение», кроме «удовольствия».

Высказывая критические замечания в адрес автора и произведения («не литература»), Белинский одновременно заявляет о том, что литература должна иметь «цель» и «значение», и характеризует автора как человека, наделенного *умом*, занимающегося «не литературой», но могущего заниматься «литературой».

⁵¹ СП. 1843. № 48. 3 марта. С. 192.

⁵² И в этот же день в письме к В. П. Боткину Белинский сообщает о надежде на Некрасова в своих замыслах «подняться на афферы» и «смастерить популярную мифологию» (Б-13, XII, 154).

В начале апреля вышел в свет т. XXX «Современника». В нем опубликован краткий отзыв П. А. Плетнева о 1-м «томе» «Статеек в стихах...»:

«Все это стихотворные шуточки, от которых совсем не весело. Может быть, есть в них и тайный смысл; но кто захочет добиваться разгадки в многословии, похожем Бог на что».⁵³

Высказывание Плетнева относится не столько к изданию и некрасовскому стихотворному фельетону, сколько к статье Некрасова «Шуточная литература. — “Статейки в стихах”». В ней содержится декларация позиции Некрасова: «С некоторого времени литература наша приняла какое-то шутовское направление. Книг дельных и серьезных выходит очень мало, — книжек и книжечек *ради смеха и забавы*, — многое множество. Эти миниатюрные и миленькие спекуляции почти всегда удаются, потому что не стоят труда и издержек антрепренеру, а идут с рук как по маслу <...> Цель же в этих изданиях почти всегда одна и та же — *мелкая монета*. Вследствие того обороты такими книжечками можно бы правильнее назвать *мелкою промышленностью*, чем литературною деятельностью, но так как эти книжки имеют претензию принадлежать не только к печатному миру, к которому относятся не менее красивые издания каталогов магазинов Дилия, Лангаснса и других, но и к созданиям мира мыслящего, то их вернее всего назвать *шуточною литературою*» (ПСС, XII₂, 22—23).

И хотя Некрасов оговаривает: «Тем более жаль, что мелочная эта литература час от часу у нас распложается и по мелочам выманивает у публики деньги, которые назначены, может быть, на приобретение книг истинно полезных и достойных каждого образованного человека» (ПСС, XII₂, 23), — это сожаление сопровождается открытой авторекламой своей книжечки («<...> она, несмотря на видимое сродство со всеми политипажными и неполитипажными изданиями, имеет высокие перед ними преимущества <...>» — ПСС, XII₂, 24).

⁵³ С. 1843. Т. XXX. 1843 г. Новые сочинения. С. 349. Отзыв приведен в полном объеме.

В сопоставлении с проанализированным отзывом Белинского оценка Плетнева такова: стихи — «многословие» и «шуточки» (ср.: «водевильная болтовня»); от них «совсем не весело» (над ними *не* будут «смеяться»), т. е. в них *нет остроумия*; в них *нет смысла* (ср.: *значение*); читатели *не будут искать смысл* (ср.: *цель*).

Иными словами, если понимание смысла произведения есть цель чтения, то читатели этого произведения едва ли осознают эту цель и способны осознать его смысл; смысла, скорее всего, нет. Отзыв содержит низкую оценку произведения, не содержит суждения о его авторе и является своего рода ответом Белинскому.

Белинский на примере некрасовского стихотворения рассуждает о целях литературы, ее значении, потребностях читательской аудитории, уровне продукции и вкуса потребителя. Выдвинутые критерии «цели» и «значения» подводят к мысли о самостоятельном (не на «готовых острогах») осмыслении жизни и художественного текста как о перспективе национального литературного процесса, причем читателю отводится активная роль. Его восприятие не должно исчерпываться эстетическим наслаждением, суррогатом которого выступает «удовольствие» («развлечение»): слово «значение» подразумевает интеллектуальную работу, работу «ума».

В замечании Белинского о «шуточных стихах», которые могут «придать цель и значение» книжке, косвенно выражено суждение о сатире: юмор, ирония могут служить средствами «литературы», сатирическое произведение может заключать в себе «значение» и отвечать «цели» литературы. Художественные средства (разговорный стиль, водевильный стиль, шуточная форма, остроты, написанные, по-видимому, с расчетом на закрепление в обиходной речи) сами по себе не порицаются и рассматриваются применительно к «цели» («удовольствие» (наслаждение) и развлекательность — или *значение* (*смысл*) и осмысление, самосознание (*цель*)).

Плетнев выражает скептическое отношение к юмористическому стихотворению и возможному читательскому восприятию, и это еще один оттенок его слов: «совсем не весело». Тематика, стилистика, жанровая форма рецензируемого произведения явно остались «под чертой», и это — оценка не только данного произведения, но и массовой популярности фельетона и ее последствий. Разбираемый эпизод демонстрирует, что, с точки зрения Плетнева, фельетонная литература четко декларирует спекулятивные цели и критерии *товара*, тогда как цели и критерии *литературы* в ней неясны и (или) двойственны.

Отметим, что в этом взгляде на фельетон, и в частности на фельетонную критику, Плетнев сближается с Белинским, который не приемлет «произвольность мнений», утверждает, что «надо ругать все, что нехорошо, <...> нужна одна правда» (ПСС, XIII₂, 59), и рассматривает критику как исторически развивающуюся «науку изящного», подчиняющуюся своим законам, а не законам рынка.

Но насколько рецензия Белинского вовлекает в полилог автор—критик—публика (то есть — усваивает публицистичность фельетона), настолько же рецензия Плетнева демонстративно монологична: ни публика (которая читает подобные «шуточки»), ни автор (который их пишет), ни критик (который видит в этом «смысл») не удостоиваются адресования к себе. Отношение Плетнева к тем, кого он не счел собеседниками, выражено в его процитированном выше отзыве о «не-повести» Панаева «Литературная тля»: «толпа писак». «Литературная тля» являет собой характерный пример литературной полемики, которая (как и театральная) «узаконила» и широко использовала публицистический прием указаний на лица, от намеков до прямых выпадов, свойственный памфлету и фельетону. Отметим, что исторически «фельетоном собственно называлось все, что печаталось под чертой»⁵⁴

⁵⁴ *Томашевский Б. У истоков фельетона // Фельетон: Сборник статей / Под редакцией Ю. Тынянова, Б. Казанского. Л., 1927. С. 60.*

(газетный «подвал»). Поэтому образное выражение Плетнева корреспондируется с общей тенденцией в современной ему литературе.

Эта форма печатных выступлений вызывает у Плетнева отвращение и протест:

«Прочитай в № 2 О<течественных> З<аписок> разбор новой книги Бранта: “Жизнь, как она есть”⁵⁵. Этот романист, в лице парижских журналистов, отхлестал Сенковского, Краевского, Белинского и Панаева;⁵⁶ а Белинский в pendant тут же желчью напачкал историю самого Бранта, столь омерзительную и недостойную, что у меня волос дыбом подымается при мысли, куда простирается злоба журналистов и дерзость цензоров, подкупаемых ими» (II, 177), — пишет он Гроту 2 февраля 1844 г. (см. также: II, 333—334).

Кроме того, в 1843 г. его недовольство Белинским-критиком, неприятие его строя мыслей и высказываний стало явным и сильным. К этому времени склонность Белинского к памфлетной публицистике для Плетнева заслонила Белинского — критика, наделенного чувством изящного. Скорее всего, Плетневу было известно и об участии Белинского в судьбе Некрасова. Вступление в открытую полемику означало бы для Плетнева с «тлей» говорить о «тле» в манере «тли». Неприятие Плетнева по отношению к «Статейкам в стихах...» и журнальной полемике усугублялось еще и тем, что Некрасов прибегнул к рекламе и 2-го тома,⁵⁷ что столь же явно было коммерческим шагом профессионального «литературного промышленника». И выход 2-го тома «Статеек в стихах...» был отмечен в «Современнике» только констатацией факта.⁵⁸

⁵⁵ См.: *Б-13*, VIII, 136—137.

⁵⁶ А также Ф. А. Кони и Некрасова (*Брант Л. Жизнь как она есть*. СПб., 1843. Ч. III. С. 117), о которых Плетнев не упоминает.

⁵⁷ 20 июня 1843 г. в № 133 газеты «Русский инвалид», в «Петербургской хронике», появилось анонимное извещение о выходе в свет 2-го «тома» «Статеек в стихах», по мнению Б. В. Мельгунова, написанное Некрасовым (см.: *Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист: Малоизученные аспекты проблемы...* С. 19). Мельгунов также предположительно считает принадлежащей Некрасову анонимную рецензию на 2-й том «Статеек в стихах...», опубликованную 30 июня 1843 г. в ОЗ, № 7 (*Летопись*, I, 133).

⁵⁸ С. 1843. Т. XXXI. Новые сочинения. С. 340.

Полемика вокруг издания Некрасова 1843 г. показывает и все большее взаимное отдаление ядра литературного мира от культуры литературного салона и литературной элитарности. При этом выступление Плетнева выглядит принципиальным, содержащим возражение суждению о качестве стихотворного произведения, авторецензии его автора и сочувственной рецензии Белинского по пунктам (*смысл, цель, остроумие*). Но, по-видимому, его не считают оппонентом, как и союзником.

Между рецензией на «Статейки в стихах, без картинок» и следующим отзывом Плетнева о Некрасове происходит два эпизода, показательных для характеристики литературного процесса тех лет и для оценки Плетневым литературной деятельности Некрасова.

Речь идет о неоконченной стихотворной пародии Некрасова «Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна» и об его издательском опыте — книжке «Дедушка Крылов». С большой долей вероятности можно предполагать, что обе новинки попали в поле зрения Плетнева, и оба раза Плетнев воздержался от печатного выступления. Молчание означало, что литературное явление не стоит внимания. Причины такой оценки достаточно очевидны, как и то, что оценка «Карпа Пантелеича...» и «Дедушки Крылова» сказалась на динамике восприятия Плетневым литературной деятельности Некрасова. При этом в каждом случае хорошо просматриваются позиции и Плетнева, и Некрасова применительно к исторической перспективе развития литературы.

§ 8. «КАРП ПАНТЕЛЕИЧ И СТЕПАНИДА КОНДРАТЬЕВНА» (1845): УМОЛЧАНИЕ КАК ФОРМА КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

В июне 1843 г., когда выходит 2-й том «Статеек в стихах...», Плетнев начинает читать поэму В. А. Жуковского «Наль и Дамаянти» (II, 94, 109, 429). В 1844 г. это произведение выходит отдельной книгой, и в периодике

появляются посвященные ей отзывы, в том числе Белинского (анонимный)⁵⁹ и, возможно, Некрасова: он предположительно был автором анонимной рецензии, напечатанной в «Литературной газете» (ПСС, XII₂, 420).⁶⁰

Плетнев, восхищенный этим произведением, также посвящает ей статью (II, 184) и неоднократно говорит в письмах о значении этой книги, о понимании ее в современном обществе (напр.: II, 282).

25 января 1845 г. в № 4 «Литературной газеты» без подписи было опубликовано новое произведение Некрасова — «Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна» (ПСС, I, 440—444). Как пишет А. М. Гаркави в комментарии к этому произведению, оно «представляет собой пародию на первую главу “индейской повести” В. А. Жуковского “Наль и Дамаянти”. <...> Ряд строк включен в пародию дословно» (*там же*, 696—697). Критика не удостоила вниманием «Карпа Пантелеича...», в целом не более чем стихотворную шутку. Обещанное читателю окончание не было напечатано (ПСС, I, 696).

1840-е гг. считаются «новым и самостоятельным периодом в творческой биографии» Жуковского.⁶¹ Они «ознаменовались особым интересом Жуковского к мировым образцам эпоса»: ⁶² в кругу внимания поэта-переводчика оказываются «Потерянный рай» Дж. Мильтона, «Божественная комедия» Данте, «Одиссея» Гомера и другие произведения. Как пишет А. С. Янушкевич, параллельно с работой над переводами «в письмах к Плетневу, Уварову, И. Киреевскому Жуковский развивал теорию “повествовательной поэзии”, говорил о сближении поэзии и прозы. Он ищет свою форму национального эпоса — материал для “гуманистической проповеди”»; «Важней-

⁵⁹ ОЗ. 1844. № 2. Т. XXXII. Отд. VI. С. 49—50.

⁶⁰ Наль и Дамаянти, поэма В. А. Жуковского. СПб., 1843 // ЛГ. 1844. № 3. 15 января. С. 53.

⁶¹ Янушкевич А. С. Жуковский Василий Андреевич // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 2. Г—К. М., 1992. С. 285. См. также: Янушкевич А. С. Путь Жуковского к «эпическим стихотворениям» // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Том пятый. М., 2010. С. 297—310; Жилькова Э. Примечания // Жуковский В. А. Указ. соч. С. 379—399.

⁶² Янушкевич А. С. Жуковский Василий Андреевич. С. 286.

шим этапом на пути реализации концепции эпоса стали переложения образцов восточного эпоса: “Наль и Дамаянти” <...> — отрывок из древнеиндийского эпоса “Махабхарата”, и “Рустем и Зораб”...». ⁶³

Размышления о национальной эпической форме в литературе нашли отражение в полемике вокруг «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, ⁶⁴ с которым Жуковский был дружен и чье творчество вызывало у него чувство духовной близости. Суждения о соотношении лирического и эпического начала публикуются в периодических изданиях, и в 1850—1870-х гг. в статьях, посвященных Некрасову, нередко слова «писатель» и «повесть» (жанр эпического рода) применительно к его поэтическим произведениям, «проза» применительно к его поэтическому языку. Соотношение лирического и эпического начал — одна из серьезных проблем в изучении творчества Некрасова. Поэтому художественные искания Жуковского — поэта, обратившегося к поэтическому переводу эпоса разных народов, — и осмысление его творчества современниками — магистральное направление в изучении критического восприятия Некрасова. Но для критики, включая пока и самого Некрасова, поэтические переложения эпоса, выполненные Жуковским, — в первую очередь образцы художественной формы, литературного мастерства, но не связь лирического и эпического родов как перспектива литературы.

В 1849 г. в статье «Обозрение русской литературы за 1849 год» Некрасов обращает внимание читателя на новый поэтический перевод эпоса, сделанный Жуковским: «Самым замечательным явлением в области изящной литературы прошлого года была, бесспорно, “Одиссея” в переводе В. А. Жуковского, — как по своему поэтическому достоинству, так и потому, что подала повод к множеству отзывов, заметок, статей. Тотчас после этого “Обо-

⁶³ Там же.

⁶⁴ Назовем в первую очередь статьи В. Г. Белинского («Похождения Чичикова, или Мертвые души» (ОЗ. 1842. № 7), «Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова, или Мертвые души”» (разбор брошюры К. С. Аксакова) (ОЗ. 1842. № 8), «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”» (ОЗ. 1842. № 11)), К. С. Аксакова («Объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”» (М. 1842. № 9)), статью П. А. Плетнева (С. 1842. Т. XXVII) и статьи С. П. Шевырева (М. 1842. № 7; № 8).

зрения” мы напечатаем давно обещанную статью об “Одиссее” с подробным обзором всего, что говорилось о ней, и тогда читатели увидят, что ни на один месяц не прекращались в 1849 году толки об “Одиссее”. Уже это одно указывает на важность труда нашего знаменитого поэта» (*ПСС*, XII₂, 114; 328—329).

В суждениях Некрасова прослеживается влияние Белинского, который в 1844 г. выступил с краткой статьей, посвященной «Налю и Дамаянти». Достоинства перевода Жуковского Белинский оценил высоко. Но, рассматривая его с позиций полемики о западничестве и славянофильстве, он считает «индийскую поэму» «просто — сказкой», «изложенной поэтически», и противопоставляет «азиатское» мировоззрение европейскому, называя «Илиаду» его «младенчеством», «из которого развилась» его «возмужалость». ⁶⁵ Некрасов, по-видимому, вслед за Белинским воспринимает древнегреческий эпос как культурную основу европейской цивилизации, а «индийскую сказку» — как поэтически изложенную экзотическую историю о нравах и страстях.

Стихотворная пародия «Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна» также напоминает о рецензии Белинского, в которой говорится, что в «Нале и Дамаянти» нет «характеров», «личности». ⁶⁶ Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна наделены телесностью и желаниями, но не «характером». Некрасов явно следует гоголевской традиции. Гоголь, по-видимому, понят им как сатирик. Но суждения Белинского о сатире в статье, посвященной «Мертвым душам», возможно, еще не осмыслены Некрасовым в полном объеме: «Нельзя ошибочнее смотреть на “Мертвые души” и грубее понимать их,

⁶⁵ *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1981. Т. VII. С. 431—432, 732—733. Оценку критических отзывов Белинского и его полемики с Плетневым по поводу «Налю и Дамаянти» см.: *Жулякова Э.* Примечания // Жуковский В. А. Указ. соч. С. 395. О тогдашнем звучании этого произведения, а именно — напоминании о судьбе декабристов, «современных аллюзиях, позволявших видеть в поведении верной Дамаянти, не покидающей своего мужа, поэтический образ супружеского и гражданского подвига», — см.: там же. С. 384.

⁶⁶ *Белинский В. Г.* Указ. соч. С. 432.

как видя в них сатиру» (*Б-13*, VI, 220); «“Комическое” и “юмор” большинство понимает у нас как шутовское, как карикатуру, — и мы уверены, что многие не шутя, с лукавою и довольною улыбкою от своей проницательности, будут говорить и писать, что Гоголь в шутку назвал свой роман поэмою...» (Там же).

Несмотря на то, что Некрасов начинает «Карпа Пантелеича...», стилизуя его под эпос, он явно ориентируется на другую художественную природу. О Карпе Пантелеиче говорится: «...к несчастью, и слабость / Также имел он великую: в карты играть был безмерно / Страстен» (*ПСС*, 1, 440). Несчастье индийского принца Наля произошло из-за его необузданной страсти к игре в кости; как указывает Э. Жилькова, «Жуковский вводит в повесть мотив игры как выражение судьбы человека на весах между человечностью и духовным забвением и мотив судьбы».⁶⁷ У Некрасова тема страсти к картам выглядит пародийным переосмыслением темы эпической поэмы. Вместе с тем, характеристика героя как страстного картежника указывает на гоголевских «Игроков»⁶⁸ и на сатирическое переосмысление темы карточной игры, так же как в стихотворении «И скучно, и грустно!»⁶⁹ (1844) (*ПСС*, I, 409), сатирическом перепеве стихотворения М. Ю. Лермонтова «И скучно, и грустно» (1840). В стихотворном произведении, пародирующем эпическую поэму Жуковского, заметны навыки фельетониста и водевилиста, для которого обращение к гекзаметрам всего лишь усиливает комический эффект.

Нетрудно реконструировать точку зрения Плетнева. Выход «Наля и Дамаянти» Жуковского, его опыты переводов и размышления об эпосе были крупными литературными событиями 1840-х гг. Если время для их осмысления еще не настало, то высокая оценка поэтических достоинств была всеобщей. В этом контексте стихотворная пародия журналиста и автора «коммерческих» произведений, чьи первые стихи когда-то получили благословение

⁶⁷ Жилькова Э. Примечания. С. 390.

⁶⁸ Впервые опубл.: Сочинения Николая Гоголя. Т. 1—4. СПб., 1842 (вых. в свет в нач. 1843 г.).

⁶⁹ Впервые опубликовано: ЛГ. 1844. 30 ноября. № 47. С. 808.

Жуковского, в глазах Плетнева могла выглядеть отчасти как поделка для любителей невзыскательного юмора, в бóльшей степени — как проявление непонимания значения этой книги и этого поэта, как подражание Белинскому, который, по мнению Плетнева, подходил к художественному произведению с предвзятыми требованиями, как жест неуважения и насмешки.

Отзывов Плетнева на «Карпа Пантелеича...» нет. Логично думать, что этот текст и его автор были ему известны; если и нет, в пародийно-сатирическом, откровенно «легком» произведении Некрасов продемонстрировал именно то, что для Плетнева определено было «под чертой».

§ 9. «ДЕДУШКА КРЫЛОВ» (1845): УМОЛЧАНИЕ КАК ФОРМА КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

9 ноября 1844 г. умер И. А. Крылов. 13 ноября состоялись многолюдные похороны литератора, любимого всем Петербургом. Очень скоро стали выходить его биографии. Одна из них, сразу сочтенная современниками наиболее авторитетной, принадлежала Плетневу.⁷⁰

Еще одна из биографий Крылова, вышедшая без подписи, была написана Д. В. Григоровичем по заказу Некрасова.⁷¹ 31 марта в № 4 «Отечественных записок» (отд. «Библиографическая хроника») была напечатана анонимная заметка Некрасова «Библиографические журнальные известия» информационно-рекламного характера. Заметка извещала о выходе в свет первой части альманаха «Физиология Петербурга» и скором выходе в свет книги «Дедушка Крылов» (*ПСС*, XIII₁, 42—43). 12 апреля 1845 г. в № 14 «Литературной газеты» появилась анонимная статья Некрасова «Дедушка Крылов. Книга для подарка детям. С портретом Крылова и картинками, изображающими сцены из его жизни. Картинки рисованы г. Агиным; литографированы

⁷⁰ Плетнев П. А. Иван Андреевич Крылов // С. 1845. Т. XXXVII. № 1. Отд. I. С. 1—77. Очерк Плетнева «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова» (1847) вошел в Полное собрание сочинений Крылова (изд. Ю. Юнгмейстером и Э. Веймаром в 1847 г.) и многократно перепечатывалась в разных изданиях.

⁷¹ См.: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 79.

во французской литографии Поля Пети. Санкт-Петербург. В типографии К. Крайя. 1845. В 16-ю д. л. 108 стр.» (*ЛСС*, XI₁, 206). Статья представляла собой авторекламу книги — прекрасного подарка к наступающему празднику Пасхи (пришедшейся в 1845 г. на 15 апреля).

Плетнев, судя по его переписке, познакомился с новыми книгами и статьями, посвященными Крылову. Он писал Гроту:

«Но никто не умел заметить, что только в моей статье Крылов явился живьем, а у других это просто мертвячина» (II, 455) (письмо от 25 апреля); «Конечно, хорошо историку знать непосредственно лица, о коих он писать намерен. И вот почему я считаю за счастье, что знаю Карамзина, Батюшкова, Гнедича, Крылова и прочих современников. Но, признаюсь, теперь это мудрено сделать. Тогда не было ни пьяниц, ни лавочников между литераторами; а теперь как прийти к Кукольнику, Краевскому, Полевому? Да и нужны ли они для истории?» (письмо от 2 мая).⁷²

В этих рассуждениях сказались и основные установки Плетнева — критика и биографа (личное знакомство, ориентация на определенный круг литераторов и читателей), и жесткая негативная оценка «торгашеского», «промышленного» направления, к которому Плетнев относил и Некрасова. Не вдаваясь в предположения, читал или нет Плетнев это издание, оперативно выпущенное и рекламированное, констатируем, что выпуск заказной книжки, написанной молодым автором, и рекламная статья в газете могла лишь укрепить Плетнева в оценке Некрасова как малообразованного издателя-«промышленника», ищущего в литературе только свои выгоды.

§ 10. ОЦЕНКА АЛЬМАНАХА «ФИЗИОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА» (1845)

Альманах «Физиология Петербурга» (1845), изданный два года спустя после выхода «Статеек в стихах, без картинок», стал заметным литературным явлением и оценивается в истории отечественной литературы как одно из са-

⁷² Там же. С. 462.

мых замечательных изданий XIX в. и одна из крупных удач Некрасова-издателя. Выход издания был встречен пространными и эмоциональными критическими статьями «Северной пчелы» и «Литературной газеты». Видную роль сыграли критические статьи об альманахе, написанные Некрасовым⁷³ и популяризирующие мысли Белинского.

Рецензия Плетнева на альманах была очень немногословной:

«Книга начинается *вступлением*, в котором между прочим сказано (стран. 25): “Что касается лично до составителей этой книги — они *совершенно чужды всяких притязаний на поэтический талант*: цель их была самая *скромная* — составить книгу в роде тех, которые так часто появляются во французской литературе, и, заняв на время внимание публики, *уступают* место новым книгам в том же роде”. Названия этих *уступчивых* статей, написанных с целию столь *скромною*, суть следующие: 1. Петербург и Москва; 2. Петербургский Дворник; 3. Петербургские Шарманщики; Петербургская Сторона; 5. Петербургские Углы. Под каждою статьею означено имя ее составителя так: 1. В. Белинский; 2. В. Луганский; 3. Д. Григорович; 4. Е. Гребенка; 5. Н. Некрасов. Если и чисто-ученый труд без художнического в литературном отношении таланта редко чего-нибудь стоит; что же без него значит труд чисто-литературный?»⁷⁴

Суждение Плетнева направлено против Белинского, заявляющего о ценности и пользе беллетристики и «обыкновенных талантов». Полемическая заостренность слов Плетнева достаточно явная: Белинский разделяет таланты на великие и «обыкновенные» — Плетнев говорит об отсутствии «поэтиче-

⁷³ [Б. н.] <Некрасов Н. А.> Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов; под редакциею Н. Некрасова. С полнотипажами. Часть первая. Издание книгопродавца А. Иванова. Санктпетербург. 1845 // ЛГ. 1845. № 13. 5 апреля. Библиография. С. 229—231; [Б. н.] Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов. Под редакциею Н. Некрасова. (С полнотипажами). Часть вторая. Санкт-Петербург, 1845. Издание книгопродавца А. Иванова // ЛГ. 1845. № 29. 2 августа. Библиография. С. 479—484.

⁷⁴ [Б. н.] Физиология Петербурга, составленная из трудов Русских литераторов, под редакциею Н. Некрасова. В 8; 303 стран. Спб. // С. 1845. Т. XXXVII. № 3. (Ц. р. 31 марта 1845 г.) Смесь. С. 250—251.

ского», т. е. крупного художественного таланта как отсутствию таланта вообще. Именно эта оценка дана «составителям» книги, перечисленным им. Таким образом, Некрасов, как и другие, выступает в рецензии Плетнева как автор «без художнического в литературном отношении таланта» — за счет полемической заостренности эстетической декларации. И, поскольку Некрасов является редактором альманаха, к нему относится оценка целого труда.

§ 11. ОЦЕНКА «ПЕТЕРБУРГСКОГО СБОРНИКА» (1846)

Двойственная оценка Плетнева содержится в его письме к В. А. Жуковскому, написанном в феврале 1846 г. Плетнев пишет:

«Верно вам пришлет Соллогуб “Петербургский сборник”. Там есть Достоевского роман “Бедные люди”. От него *наши Некрасовцы, печатающиеся в альманахе какого-то Некрасова*, без ума и говорят, что теперь смерть и Гоголю и всем, но я пока не думаю этого»⁷⁵ (курсив мой. — М. С.).

Пренебрежительные слова о Некрасове свидетельствуют о нежелании Плетнева считаться с совершившимся фактом его признания и известности. Рекомендуя Жуковскому *сборник*, Плетнев упоминает *альманах* Некрасова, т. е., его предыдущее нашумевшее издание. Едва ли это случайная оговорка: в переписке Плетнев чрезвычайно аккуратен, его письма отличаются продуманностью и пишутся по плану. Оценка «*какого-то*», несомненно, выражает личное отношение Плетнева, но не степень известности: именно из его письма мы узнаём слово «*некрасовцы*». Его ли это выражение, или оно услышано им в литературном кругу, оно свидетельствует о закрепившейся за Некрасовым определенной лидерской репутации.

Пренебрежение Плетнева тем более показное, что 1 февраля 1846 г. получено цензурное разрешение на выход № 2 «Современника», в котором пе-

⁷⁵ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. VIII. С. 350. См. также письмо к Гроту от 6 февраля: «Вечером в среду мы читали кое-что из <Петербургского> Сборника. Но все как-то не по душе. Даже Майков и Тургенев обратились в каких-то *некрасовцев* (имя издателя Сборника)» (II, 668).

печатается его рецензия на «Петербургский сборник».⁷⁶ Половину рецензии занимает разбор романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди». В оценке сборника в целом заметен скепсис:

«Характер этой книги нисколько не составляет уже новости в России. Со времен “Полярной звезды” и “Северных цветов” до “Новоселья”, “Русской беседы” и “Утренней зари” довольно являлось у нас сборников. Да и журналы наши (исключая специальные и официальные) такие же сборники, как и “Петербургский”. В этих изданиях не найдешь единства мысли, не отыщешь цели <...> сборник, выходящий в неопределенное время, случайно, не относящийся к одному роду знаний, есть явление в роде дефекта какого-нибудь журнала, без первых и последующих его книжек».⁷⁷

Достоинства сборника признаны с некоторой уступкой:

«Но так как много читателей, для которых начало и конец издания не составляют необходимой его принадлежности; то и “Петербургский сборник” можно радушно приветствовать, тем более, что, по выписанным уже нами именам участников в нем, видно, как он должен быть занимателен. Читатели “Современника”, в разное время, при разных обстоятельствах, хорошо ознакомлены с талантами, духом, слогом и прочими литературными особенностями почти всех лиц, названных в заглавии».⁷⁸

Суждение о Достоевском, подробное и доброжелательное, содержит неодобрение «карикатурного» метода:

«В этом романе два элемента поэзии: серьезный и комический. Первый гораздо более второго носит на себе той *художнической истины*, которая так высоко ценится в произведениях таланта. <...> Нам даже показалось, когда мы проходили длинный ряд <...> шуточных сцен, картин и прочих украше-

⁷⁶ [Б. н.] Петербургский Сборник, изданный Н. Некрасовым. Некоторые статьи иллюстрированы. В. Г. Белинский, Ф. М. Достоевский, Искандер (псевдоним), А. И. Кроненберг, А. И. (так! — М. С.) Майков, Н. А. Некрасов, А. В. Никитенко, Кн. В. Ф. Одоевский, И. И. Панаев, Гр. В. А. Соллогуб, И. С. Тургенев. В б. 8; 360 стран. Спб. // С. 1846. Т. ХLI. № 2. (Ц. р. 1 февр. 1846 г.) Новые сочинения. С. 272—274.

⁷⁷ Там же. С. 272—273.

⁷⁸ Там же. С. 273.

ний, этих карикатур, не без претензий на характер трогательного, нам показалось, что г-н Достоевский все это вызвал к жизни усиленно, теоретически, без сердечного разделения описанных ощущений». ⁷⁹

Представляется очевидным, что, приветствуя «неподдельный прекрасный талант», Плетнев не приемлет традиций «физиологии», которые он усматривает в его романе.

Его полемическое отношение к изданию Некрасова прозвучит в других рецензиях — на некрасовский же альманах «Первое апреля» и на «Московский литературный и ученый сборник».

«Московский литературный и ученый сборник» издавался в 1846, 1847 и 1852 гг. П. А. Валуевым и Аксаковыми; четвертый том (1853) был запрещен цензурой. Это издание заняло заметное место в полемике западников и славянофилов. В сборнике были помещены «Три критические статьи г-на Имрек» — К. С. Аксакова, — одна из которых была посвящена «Петербургскому сборнику». ⁸⁰ Полемика о «Петербургском сборнике» и «Московском литературном и ученом сборнике» не может быть рассмотрена в пределах этой статьи, но упоминание Аксаковых имеет прямое отношение к ее теме.

10 июля 1846 г. И. С. Аксаков писал Плетневу: «Я собрал в одну рукопись большую часть написанных мною стихотворений и хочу напечатать их. О пропуске их Московскою Цензурою и думать нечего <...> Кажется, что после *“Колыбельной песни” Некрасова*, после всего того, что печатается в Отеч. Записках, — грешно было бы помешать нашему свободному, московскому голосу, и я думаю, что петербургские цензора (особенно Очкин) будут снисходительны и к моим стихам». ⁸¹

⁷⁹ Там же. С. 273—274.

⁸⁰ III. Петербургский сборник, изданный Некрасовым // Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 136—151. Впервые опубликовано: Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847. Критика. С. 1—44.

⁸¹ Из переписки Аксаковых с П. А. Плетневым, бр. Я. К. и К. К. Гротами // Русский филологический вестник. 1915. № 3. С. 6.

Стихотворение Некрасова выступает в этом суждении как нецензурное, но пропущенное цензурой. Его отношения с цензурой получают развитие в ответном письме Плетнева Аксакову от 15 июля:

«<...> само собою разумеется, что рукопись Ваша, когда я получу ее, не пойдет к Никитенко, так как он открыто вовлечен в интересы Краевского, Белинского и Некрасова. По Вашему указанию я передам рукопись Очкину. Хотя и он, будучи соучастником Никитенко и Сенковского, у которого Никитенко нанят для критики, не чужд преследования противников вышеупомянутой тройки литературных кляч по умению скрытничать, еще не обнаруживая этого перед публикой».⁸²

В рецензии Плетнева на «Московский литературный и ученый сборник» похвала этому изданию выразилась в полемическом противопоставлении его «Петербуржскому сборнику»:

«В нынешнем году это выходит уже второй литературный сборник. Мы произнесли наше мнение о первом (т. XLI, стран. 272). То был “Петербуржский сборник”, которому достоинство и характер сообщили писатели, пожелавшие видеть издателем своим *Н. Некрасова*. На заглавии “Московского сборника” не означено имени издателя; но <...> “Московский сборник”, естественно, как литературное чтение, не ограничившись единством предмета, удержал в себе, по крайней мере, некоторое единство направления. <...> Много уже и единством мысли (чего не было в “Петербуржском”) выигрывает перед ним “Московский сборник”. Но еще важнее то, что почти каждая пьеса его ознаменована печатью или истины, или таланта, или глубокого знания. Его справедливее бы назвать не сборником, а избранником. Прочитывая одну за другою пьесы его, убеждаешься, что они были строго обсуживаемы и взвешиваемы, прежде, нежели определено было принять их в книгу. Статьи ученые, статьи чисто-литературные и все стихотворения, здесь поме-

⁸² Цит. по: *Летопись*, I, 226—227.

щенные, сохраняют свое достоинство и тогда, когда книга эта перестанет привлекать к себе внимание светских людей как новость. <...>»⁸³

Таким образом, талант, единство мысли в издании, достоинства вкуса и художественного исполнения, содержательность, противопоставляемая «новости» (сенсации), наконец, скромность, в оценке Плетнева, присущи московским авторам и этим отличают их от Некрасова. Положительная оценка оппонентам Некрасова выступает обращенной формой негативной оценки Некрасова — издателя, редактора и автора.

Между тем, как известно, Плетнев чуждался и западничества, и славянофильства и пытался «выдвинуть концепцию “Севера”, который мыслился им как цивилизация, сочетающая европейскую просвещенность с чистотой нравов и неиспорченной моралью» (Проскурина В. Ю.).⁸⁴ Его письма середины 1840-х демонстрируют отнюдь не идеализированное видение московских литераторов, сходное с оценкой петербургских. См., напр., письмо к Н. В. Гоголю от 27 октября 1844 г.⁸⁵: «<...> любовь к искусству <...> поддерживает во мне силу в борьбе <...> с литературными торгашами и открытыми подлецами, каковы: Греч, Булгарин и московская в Петербурге <...>⁸⁶: Полевой, Межевич, Кони, Краевский, Белинский и т. п.»⁸⁷ Письмо к С. П. Шевыреву от 9 августа 1846 г.: «Да уж если пойдет дело на генеалогию, то не Москва ли наградила нас Белинским, Краевским, Межевичем, Кони, Григорьевым и подобными им участниками в Петербургском сборнике. Петербург только и виноват в образовании Греча и Булгарина (а эти, по мне, менее тех гадки)».⁸⁸ А. А. Шелаева в примечаниях говорит о неосновательности «постановки в один ряд» указанных лиц. Здесь речь, однако, не о сопос-

⁸³ [Б. н.] Московский Литературный и Ученый Сборник. В 8; 579 стран. // С. 1846. Т. XLIII. № 8. (Ц. р. 1 авг. 1846 г.) Новые сочинения. С. 238—240.

⁸⁴ Цит. по: Шелаева А. А. П. А. Плетнев — литературный деятель // Плетнев П. А. Статьи. Стихотворения. Письма. М., 1988. С. 18.

⁸⁵ Плетнев П. А. Указ. соч. С. 334—335.

⁸⁶ Купюра в публикации.

⁸⁷ Плетнев П. А. Указ. соч. С. 334.

⁸⁸ Там же. С. 337.

тавлении Белинского и Межевича, а, во-первых, о сближении московских и петербургских оппонентов в глазах Плетнева, и во-вторых, о характерном упоминании «Петербургского сборника». Некрасов, не будучи назван по имени, осознаётся в этих суждениях отчасти как олицетворение враждебной позиции, отчасти — как серьезный и крайне неприятный оппонент.

§ 12. ОЦЕНКА АЛЬМАНАХА «ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ» (1846)

27 марта 1846 г. Некрасов получил билет на выпуск в свет альманаха «Первое апреля», а 1 апреля в «Северной пчеле» и «Ведомостях С.-Петербургской городской полиции» вышли объявления о выходе альманаха в свет (*Летопись*, I, 212, 214). Уже 31 марта было получено цензурное разрешение № 4 «Отечественных записок» с рецензией Белинского на альманах,⁸⁹ а 1 мая — цензурное разрешение на № 5 «Современника» с рецензией Плетнева. Она, в отличие от предыдущих, отличается резкостью и категоричностью:

«В начале нынешнего года уже вышло что-то в роде “Первого Апреля”, т. е. тоже альманах, составленный из разных статей в прозе и стихах, и где некоторые статьи были иллюстрированы. Мы познакомили наших читателей с этим собранием литературных новостей (XLI, 271). Чтобы не распространяться бесполезно о содержании, тоне, красках и прочих достоинствах новой книги, мы только напомним читателям “Колыбельную песню” — пародию песни Лермонтова, напечатанную в прежнем сборнике. Это сочинение составляет как бы образец, по которому выработаны все пьесы в сборнике новом. Конечно, нельзя спорить о вкусах, и мудрено кого-нибудь спросить, зачем он пишет в этом роде; но мы желали бы знать, для кого все это печатается? Ужели есть жалкие читатели, которым понравится собрание столь гряз-

⁸⁹ [Б. п.] Первое апреля. Комический иллюстрированный альманах, составленный из рассказов в стихах и прозе, достопримечательных писем, куплетов, пародий, анекдотов и пуфов. Санкт-Петербург. В тип. Карла Крайя. 1846. В 12-ю д. л., 144 стр. // ОЗ. 1846. Т. XLV. № 4. Отд. VI. С. 87—89.

ных и отвратительных исчадий праздности? Это последняя ступень, до которой могла упасть в литературе шутка, если только не преступление называть шуткою то, чего нельзя назвать публично собственным его именем».⁹⁰

Главным образом рецензия направлена против Некрасова. Это прочитывается из ссылки на «Петербургский сборник», вышедший под его редакцией, и на «Колыбельную песню» как «образец» литературной продукции. Вопросы, «зачем он пишет в этом роде» и «для кого все это печатается», адресованы Некрасову. Плетнева, несомненно, возмутили хлесткие пародии на С. П. Шевырева, М. П. Погодина, К. С. Аксакова, личность которых достаточно легко угадывалась,⁹¹ вдобавок помещенные рядом с еще более прозрачной эпиграммой на Булгарина (*ПСС*, I, 33). Соображения об авторстве «пьес» альманаха также высказывались в печати. Анонимный рецензент «Северной пчелы» писал: «Все статьи в этой книге писаны одним лицом, самородным гением, который не соблаговолил выставить своего имени на заглавном листе. <...> Весьма желательно, чтоб г. Некрасов, отличавшийся и отличающийся изящными своими критиками в “Литературной газете”, изданием *Сборников* изящного и изящными статьями в стихах и прозе собственного сочинения, писатель, превозносимый “Отеч. Записками” <...> разобрал критически-натурально альманах: “Первое Апреля”».⁹²

Негодование на Некрасова и его альманах звучит в переписке Грота и Плетнева. 13 апреля Плетнев пишет Гроту: «Прочитай в № 80 “Северной

⁹⁰ [Б. н.] Первое апреля. Комический иллюстрированный альманах, составленный из рассказов в стихах и прозе, достопримечательных писем, куплетов, пародий, анекдотов и пуфов. В 12; 144 стран. Спб. // С. 1846. Т. XLII. № 5. (Ц. р. 1 мая 1846 г.) Новые сочинения. С. 217—218.

⁹¹ Соображения об авторстве «Славянофила» высказаны в гл. III, разд. 2, § 4. См. также: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 8. С. 731—732. (См.: *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. V. С. 588—590, 602; Т. I. С. 428—429, 631—632. Ср.: *ПСС*, XII, 456—457).

⁹² СП. 1846. № 80. 12 апреля. Новая русская литература. С. 319. Это же мнение высказывалось в анонимной рецензии «Финского вестника»: «“Первое апреля” издано весьма скромно, без всяких претензий на литературную знаменитость имен авторов входящих в него статей, если только все эти статьи не принадлежат перу одного автора, который совершенно напрасно скрыл свое имя» (ФВ. 1846. Т. X. С. 86).

пчелы” <...> выписки из гнуснейшей книжонки: “1-е апреля”, изданной шайкою Краевского, чтобы потешиться ругательствами над лицами, им враждебными: Булгариным, Погодиным, Шевыревым (что видно из других выписок, а именно в № 4 Отечественных Записок, прямо относящихся до двоих последних)» (II, 731). Ответ Грота от 17 апреля: «Прочел я в № 80 “Северной Пчелы” о “1-м апреля” <...> Что за гнусность!» (II, 737). Следующие письма посвящены печатным выступлениям Плетнева: «Мой отзыв о “1-м апреле” Куторга зачеркнул было. Но я показал это попечителю — и он восстановил мой текст. Не забудь в свое время полюбоваться им и передать мне свой о том отзыв. Что Греч написал о следствиях продажности литературных мнений, я частью это выписал в “Разное”. Тут резкая пощечина Краевскому с Белинским. Боюсь, не исчеркал бы им этого их покровитель Никитенко. Но я решился не уступать им по-прежнему. Уж воевать — так не церемониться» (II, 742. Письмо Плетнева Гроту от 24 апреля 1846 г.); «Отзыв о “1-м апреля”, особливо в конце, резок и силен; тут робкая умеренность в выражениях была бы малодушием» (II, 755. Письмо Грота Плетневу от 4 мая 1846 г.).

И наконец, в письме Грота о передаче «Современника» новой редакции имя Некрасова упоминается именно в связи с альманахом: «Сегодня получил я № 11 “Современника”. Объявление о продолжении его прочел я не без некоторого — как бы сказать? — содрогания! И Некрасов в числе издателей — *творец “1-го апреля”!* (курсив мой. — М. С.) И что за сотрудники! Признаться, я ожидал общества получше. Но этим брошен новый элемент борьбы в журнальный мир. Пусть переедят друг друга: этого-то и нужно. И публика пусть давится пищею, которую сама себе стряпает» (II, 849. Письмо Грота Плетневу от 5 ноября 1846 г.).

Как явствует из приведенных цитат, к моменту перехода журнала от Плетнева к Панаеву и Некрасову оценка Плетневым Некрасова достигла пика неприятия.

§ 13. ОТНОШЕНИЯ С НОВОЙ РЕДАКЦИЕЙ «СОВРЕМЕННОКА»

10 сентября 1846 г. Плетнев согласился на передачу «Современника» в аренду издателям Некрасову и Панаеву сроком на десять лет, а 21 сентября известил об этом Грота (I, 827; *Летопись*, I, 230). Реакция Д. И. Коптева на это известие иллюстрирует, до какой степени Некрасов к этому времени осознавался антагонистом Плетнева: «Сейчас до меня дошел слух <...> Говорят, будто бы Вы продали “Современник” каким-то новым редакторам, — пожалуйста, уведомьте поскорей, — говорят, что Белинскому и Некрасову. — Я уверен, что это неправда, что этого никогда не может быть» (II, 954).

И в ответном письме Коптеву имя Некрасова аккуратно обойдено: «Насчет передачи “Современника” Белинскому и Некрасову я не могу истолковать молвы иначе как усиленным желанием Никитенки и Панаева избавить меня от журнальных хлопот, на которые жалуясь я часто и серьезно. Эти два литератора охотно берутся, один — быть редактором, а другой издателем, с тем, однако ж, чтобы “Современник” оставался моею собственностью и чтобы по миновании десяти лет, буде найду необходимым, я снова принялся за редакцию моего журнала».⁹³

Сходное дистанцирование от Некрасова, в реальности занявшего самое близкое положение к журналу, прочитывается в письме Плетнева к С. П. Шевыреву от 1 ноября 1846 г.: «Я был бы бессмыслен, если бы не сдал “Современника” не только многоречивому Никитенке, но *даже Некрасову*»⁹⁴ (курсив мой. — М. С.).

История передачи журнала подробно освещена в некрасововедении и, в частности, в монографии Б. В. Мельгунова.⁹⁵ Несомненно, что Плетнев утомился и убедился, что издание его разоряет, тогда как сдача журнала в аренду обещала ему доход. Но сугубо материальная сторона видится недостаточ-

⁹³ РА. 1877. № 12. С. 372.

⁹⁴ Плетнев П. А. Статьи. Стихотворения. Письма. С. 341.

⁹⁵ Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист: Малоизученные аспекты проблемы. Л., 1989. С. 65—82.

ным объяснением. Для Плетнева, человека литературного, было тяжело ощущать свою не востребованность и чужеродность в том качестве, в каком для него было органично существовать в литературе. Кроме того, за упорной неприязнью, отчуждением и подчас принижением, подчас замалчиванием имени Некрасова видится если не признание исторической закономерности, то осознание исторической неотвратимости явления «Некрасов».

Передача журнала в руки новой редакции не означала полного отчуждения Плетнева. Один из примеров его сотрудничества в обновленном «Современнике» рассмотрен в статье Н. Б. Алдоновой.⁹⁶

При необходимости контактов с редакцией Плетнев, по-видимому, обращался к Панаеву (II, 381, 407, 411, 424).⁹⁷ Однако Некрасов безусловно существовал для него как деловой партнер (II, 573, 576, 584). По проекту «обязательного соглашения» — условия Д. В. Григоровича, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. Н. Островского с редакцией «Современника» (ИСС, XIII₂, 241—244), — «в отсутствие» Некрасова «суммы журнала будут храниться у П. А. Плетнева, — и употребляться не иначе как на расходы по журналу чрез лицо, доверенное г. Некрасовым» (ИСС, XIII₂, 244). Ввиду того, что Некрасов в середине 1850-х пережил тяжелую, долго не диагностируемую болезнь и в 1855 г. составил завещание (ИСС, XIII₂, 311), можно предполагать, что в случае неблагоприятного для себя исхода обстоятельств Некрасов рассматривал расстановку сил в редакции при долгосрочном участии Плетнева и обсуждал с ним такую возможность (ИСС, XIV₂, 7). В августе 1862 г. разговор о заведовании редакцией журнала был возобновлен уже по инициативе Плетнева,⁹⁸ оставившего, впрочем, свои планы из-за тяжелой болезни.

⁹⁶ Алдонова Н. Б. Об участии П. А. Плетнева в «Современнике» Н. А. Некрасова и И. И. Панаева // Актуальные проблемы истории, теории и преподавания русской литературы: Самара: Изд-во СГПУ, 2008. С. 181—189.

⁹⁷ К этому мнению склоняется и Е. П. Горбенко: Горбенко Е. П. Н. А. Некрасов и П. А. Плетнев. С. 10.

⁹⁸ ЛН. Т. 51—52. С. 435.

§ 14. 1856—1859 ГГ.

19 октября 1856 г. вышли «Стихотворения Н. Некрасова» (М., 1856). В его биографии это поворотный момент: отныне на долгое время имя Некрасова подразумевается при разговоре о поэзии, оспариваются ли или подтверждаются его личные поэтические достоинства.

Оценка Плетнева косвенно просматривается в письме к нему А. В. Никитенко от 19 ноября 1856 г. о «Стихотворениях Н. Некрасова»:

«Их разобрали в книжных лавках нарасхват, так что даже мне назначенный экземпляр чуть ли не продан книгопродавцем. *Что же это значит? — Спросите вы. Ведь Некрасов не Бог знает какой поэт. Это значит, что поэзия сама по себе, а некоторые современные идеи для многих сами по себе. Много ли от этого выигрывают искусство и истинная образованность — это другой вопрос. Впрочем, Некрасов — человек не без дарования*⁹⁹ (курсив мой. — М. С.).

Если предположительно считать, что фраза: «Что же это значит? Ведь Некрасов не Бог знает какой поэт», — могла бы быть произнесена Плетневым, то за ней стоит все-таки оценка «поэт». Это большой шаг к признанию в сравнении с событиями десятилетней давности.

26 февраля 1859 г. Плетнев письменно обращается к И. И. Панаеву и Некрасову по поводу их просьбы об уменьшении арендной платы за «Современник». «Я не забываю, и первый готов сказать во всеуслышание, что этим счастьем, этою славою и этим могучим влиянием на публику Вы обязаны единственно себе, своим трудам и особенно блестящим талантам своим»,¹⁰⁰ — пишет он обоим издателям. Хотя это признание не даёт понять, имеет ли в виду Плетнев «талант» художника, все же «талант» (притом «блестящий») признаётся в обоих издателях. Едва ли можно приписать его фразу одной форме вежливости. Письмо написано еще из Петербурга, но Плетнев уже бо-

⁹⁹ РС. 1891. № 3. С. 441.

¹⁰⁰ Плетнев П. А. Статьи. Стихотворения. Письма. С. 363.

лен, и дальнейшие, последние свои пять лет он проживет в Париже. Как представляется, последняя оценка Некрасова как человека, наделенного «талантом», есть признание добросовестным читателем и критиком исторической реальности, мало понятной и мало симпатичной ему лично, но очевидной.

* * *

Кратко подведем итоги. В научный оборот введена рецензия Плетнева на книжку «Баба-Яга, Костяная Нога». Монографическая структура главы, посвященной обзору и анализу отзывов Плетнева о литературной деятельности Некрасова, дополняет сложившиеся представления о восприятии Некрасова современниками и о полемике вокруг его художественных и издательских опытов. Дополняет и представление о самом критике, который декларировал отказ от полемики и «тихий тон» беседы, но в полемике вокруг некрасовских произведений высказался принципиально и последовательно. Обращение к оценкам Плетнева с учетом их контекстуальных связей позволяет проследить динамику литературного процесса середины XIX в.

ГЛАВА VI

ФЕЛЬЕТОННАЯ КРИТИКА КОММЕРЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

1. АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

§ 1. ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

В этой главе будут рассмотрены отзывы, принадлежащие О. И. Сенковскому («Библиотека для чтения») и Ф. В. Булгарину («Северная пчела»).¹ Определение «коммерческие издания» требует некоторой оговорки. «Северная пчела» была «газета политическая и литературная», а журнал «Библиотека для чтения», который издавал и редактировал выдающийся филолог и много пишущий О. И. Сенковский, был «журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод». Оба издания имели репутацию коммерческих изданий, а так как «Северная пчела» была проправительственным изданием, которое направлялось III Отделением, то понятие «продажности» в отношении этой популярной ежедневной газеты имело двойной смысл. С другой стороны, борьба за подписчика в принципе неотъемлема от коммерческого интереса (если рассматривать жизнь периодического издания, а не разового благотворительного). Некрасов — лицо, обретающее определенную репутацию в литературном мире, — осознавался Сенковским и Булгариным как конкурент.

Часть выявленных отзывов Сенковского и Булгарина являются выдержками из фельетонов и не содержат аргументированных суждений о художественных достоинствах произведений Некрасова. Но эти отзывы тради-

¹ Из соображений лаконизма, за незначительными исключениями, не рассматриваем здесь отзывы Л. В. Бранта и Н. И. Греча, выступавших с критикой Некрасова и «натуральной школы» в «Северной пчеле» Ф. В. Булгарина. Их суждения в целом выдержаны в духе печатного органа, в котором они помещались.

ционно включались в обзоры библиографии литературы о Некрасове как относящиеся к прижизненной критике. То есть, широкая масса читателей, литераторы, библиографы и историки литературы относили этот историко-литературный материал к области литературной критики, хотя и с оговорками о ее публицистическом, идейно-политическом или коммерческом, развлекательном характере.

Следовательно, представляется актуальным:

Во-первых, прояснить, в какой мере Некрасов-журналист («литературный промышленник») в критических суждениях этого периода вытеснил Некрасова — поэта, драматурга, прозаика, фельетониста и критика, в каких отношениях находились литературная репутация — и эстетическая оценка литературного дарования, проследить, насколько адекватной творческому росту Некрасова была эта критическая оценка.

Во-вторых, определить отношение высказанных оценок произведений и издательских предприятий Некрасова к современным поэту критериям художественности и к процессу формирования литературной критики.

В-третьих, коснуться специфики фельетонной критики.

§ 2. К ВОПРОСУ О РЕПУТАЦИИ НЕКРАСОВА — «ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОМЫШЛЕННИКА»

Поскольку Некрасов совмещает с творческой деятельностью редакторско-издательскую, общее представление о нем включает оценку *обеих* ипостасей. В сознании современников эти ипостаси были «антагонистами». Чтобы уяснить оценку и специфику восприятия *поэта*, вновь кратко проследим формирование репутации Некрасова.

Отметим, что в эти годы идея материальной состоятельности у Некрасова вполне сформировалась и начала осуществляться. В записях А. С. Суворина есть рассказ Некрасова о рано принятом им решении: «Я дал слово не умереть на чердаке <...> идеализма было у меня пропасть, того

идеализма, который вразрез шел с жизнью, и я стал убивать его в себе и старался развить в себе практическую сметку».² В автобиографической записи 1872 г. читаем: «С 44 года дела мои шли хорошо. Я без особого затруднения до 700 рублей ассигнациями выручал в месяц, в то время как Белинский, связанный по условию с Краевским, работая больше, получал 450 рублей в месяц <...>» (ЛСС, XIII₂, 48—49).

Фигура «литературного промышленника» рассматривалась в литературе и журналистике как типичная для своего времени и имела отрицательную коннотацию: делец, пользующийся чужим интеллектуальным трудом, мало-даровитый, преследующий материальную выгоду, следовательно, чуждый творчеству как бескорыстному выражению этических и эстетических ценностей. Поэтому восприятие Некрасова как предприимчивого и успешного человека, как «литературного промышленника» во многом определяло его репутацию. Формирование репутации и отношение к ее носителю заметно по оценкам, привязанным к событиям.

Вначале это качество привлекает знакомых Некрасова. Например, в декабре 1839 г. К. А. Данненберг сообщает в письме своему приятелю об ожидаемом успехе начатого совместно с Некрасовым предприятия — оперы «Испанка».³

В 1843 г. Белинский уповаet на доход от совместных с Некрасовым «афер» — «популярной мифологии».⁴

² Суворин А. С. Недельные очерки и картинки // ЛН. Т. 49—50. С. 202—203.

³ «Нет сомнений, что удача будет, потому что Некрасов со всеми главными журналистами в ладах» (Цит. по: Вацуро В. Э. Некрасов и К. А. Данненберг // Русская литература. 1976. № 1. С. 140).

⁴ «По обыкновению я весь *промотавшись* и потому замышляю подняться на афферы. Некрасов на это золотой человек...» (Б-13, XII, 154) (орфография автора. — М. С.). Приведем также суждение А. А. Краевского, процитированное Ф. С. Глинкой: «Помню еще, что в 1848 г. в литературных кружках говорили, будто Некрасов скупил оставшиеся экземпляры “Полного собрания сочинений Гоголя”, стоившие по 8 р. За экземпляр, и продавал их по 25 р. По этому поводу А. А. Краевский сказал: “Некрасову хоть битым стеклом торговать”» (Глинка Ф. С. С. 286.). Хотя высказывание не может претендовать на полную достоверность, оно должно быть учтено как слух — неотъемлемая часть репутации.

В 1844 г. в ближайшем кружке литераторов обозначаются противоречия между «идеалистами» и «практиком» Некрасовым: «Идеалисты сердили меня, <...> они все были в мечтах, и все их эксплуатировали»;⁵ «Я сознавал, что все это было не то, что нам нужно, но в то же время спорить с ними не мог, потому что они знали гораздо больше меня, гораздо больше меня читали».⁶

В 1846 г. с предпринимательским талантом Некрасова связываются надежды на основание журнала: «Один я между ними был практик, и, когда мы заводили журнал, идеалисты эти прямо мне говорили и возлагали на меня как бы миссию создать журнал».⁷

В 1847 г. его «практическая» позиция послужила поводом для тяжелых обвинений в «литературном кулачестве» (см.: *Летопись*, I, 256—269, 271—272, 524—525).

В последующие годы тема «торгаша» и «кулака» будет занимать в репутации Некрасова видное место.⁸

Восприятие современников выражено, например, в письме Т. Н. Грановского к жене Е. Б. Грановской (1853 г., августа около 20): «Некрасов приезжал больной и неприятный. В нем много отталкивающего. Но раз стал он нам читать стихи свои, и я был поражен *непонятым противоречием между мелким торгашом и глубоко и горько чувствующим поэтом*. Есть вещи необыкновенно хорошие <...>»⁹ (курсив мой. — М. С.).

⁵ Суворин А. С. Недельные очерки и картинки // ЛН. Т. 49—50. С. 203.

⁶ Кривенко С. Н. Из рассказов Некрасова // В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. С. 209.

⁷ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 7.

⁸ Напр., в суждениях Н. В. Успенского, И. С. Тургенева, М. А. Антоновича, Ю. Г. Жуковского и др. Поскольку анализ источников лежит за хронологическими и тематическими рамками данного диссертационного сочинения, здесь ограничимся констатацией.

⁹ Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1987. Т. II. С. 430—431.

Цитата иллюстрирует, как репутация влияет на целостное восприятие личности и, тем более, поэта и его поэзии. Понятия «практик», «торгаш», «промышленник» выступают как антонимы понятия «поэт».¹⁰

Представление о взаимоисключении этих ипостасей в рамках одной личности выражено в оценочном эпитете «*мелкий* торгош». Возможно, Грановский имел в виду некие частности редакторско-издательской практики Некрасова. Возможно, неприязненное чувство в отношении Некрасова вызывала его черта, позднее отмеченная Л. Ф. Пантелеевым, который видел в поэте «человека огромного житейского ума, *ни на одну минуту не терявшего из виду расчета, понимая это слово в более широком смысле, чем принято*»¹¹ (курсив мой. — М. С.). В любом случае, называть *мелким* торгошом издателя и редактора одного из крупнейших столичных журналов было необъективно.

Высказывание Грановского даёт основание предполагать, что его знание о Некрасове как о «торгаше», очевидно, обладало бóльшим определяющим значением, чем уже совершившееся к тому времени признание поэтического дара Некрасова кругом общих друзей. Поэтому открытие этого дара его «поразило» и привело к непониманию. А высокая оценка поэтического дара автоматически умаляет то, что воспринимается Грановским как противоположность поэзии.

В литературоведении наличие у Некрасова одновременно коммерческого и поэтического чутья, его самореализация в обеих областях — творческой и «торгашеской» — также традиционно рассматривались отчасти как вынужденные действия «литературного пролетария» в годы «литературных мытарств», отчасти как противоречие и двойственность его личности. В XX в. большую роль в закреплении этого взгляда сыграли остающиеся классиче-

¹⁰ Более того, связываются с представлением о личной творческой недаровитости того, кто «наживается» на чужом труде, чужом творчестве. Такое представление теснейшим образом связано с многочисленными пассажами И. И. Панаева об А. А. Краевском, который и был выведен в его очерке «Петербургский литературный промышленник» (1857).

¹¹ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 225.

скими работы К. Чуковского, в первую очередь статья «Тема денег в творчестве Некрасова».¹² Чуковский, во многом подходивший к биографии как к литературному жанру, а к фактическому материалу — как художник,¹³ в работах о Некрасове выдвинул эту противоречивость личности как конструктивный принцип построения художественного характера («поэт» — и «торгаш», «гений уныния» — и человек, страстно любивший жизнь).¹⁴ Освещение коммерческого таланта в работах Чуковского и литературоведов следующих десятилетий обрело оттенок своеобразного «оправдания» факта, «компрометирующего» поэта.

¹² Чуковский К. И. Тема денег в творчестве Некрасова // Чуковский К. И. Люди и книги. М., 1960. С. 264—293.

¹³ Об этом свидетельствуют записи в дневнике Чуковского: (1919 г.) «**28 апреля. Воскресение.** <...> В чаянии сделаться большим писателем, даю себе слово, при всякой возможности — водить пером по бумаге». (Чуковский К. Дневник 1901—1929. С. 111); (1920 г.) «Замятин еще не закончил Чехова. Я — после звериных трудов сдал, наконец, Некрасова. Когда мы с Горьким случайно оказались в другой комнате — он очень огорченно и веско сказал:

— Вот наши писатели. Ничего не могут! Ничего. Нет, Корней Иванович, ученые лучше. <...> Как работают. А из писателей вы один» (Там же. С. 142);

(1828 г.) «**3 февраля.** <...> На Литейном я встретил Зоценку. Он только что прочитал моих “Подруг поэта” — и сказал:

— Я опять вижу, что вы хороший писатель.

Несмотря на обидную форму этого комплимента, я сердечно обрадовался». (Там же. С. 437—438);

«**14 марта 1928.** <...> Осип Мандельштам, отозвав меня торжественно на диван, сказал мне дивную речь о том, как хороша моя книга “Некрасов”, которую он прочитал только что. <...> Он говорил, что теперь, когда во всех романах кризис героя — герой переплелся из романов в мою книгу, подлинный, страдающий и любимый герой, которого я не сужу тем губсудом, которым судят героев романисты нашей эпохи» (Там же. С. 440).

¹⁴ Сходным примером художественного осмысления историко-литературного материала служит книга В. А. Каверина «Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора “Библиотеки для чтения”» (1929), которая была представлена в Институт истории искусств в качестве диссертации. Так, М. Горький отметил в «Бароне Брамбеусе» то, что вообще свойственно отношениям литературного героя и прототипа: «мне кажется, что фигуру Сенковского вы несколько стиснули и принизили. От этого она стала плотнее, крепче, видней, и это — хорошая работа художника, беллетриста. А исторически Брамбеус рисуется мне фигурой более широкой и высокой — более хаотической, расплывчатой» (Цит. по: Каверин В. Литератор. Дневники и письма. М., 1988. С. 64). Очевидно, что и Некрасов — герой Чуковского претерпел аналогичную «трансформацию» (а пожалуй, и «деформацию»). Беллетризация фактического материала предполагает наличие неких противоречий как «пружины» характера героя и сюжетного действия, но не предполагает рационального анализа разнонаправленных тенденций, приведших к противоречию.

Между тем научный подход к проблеме не подразумевает вынесения морально-этической оценки — «обвинения» либо «оправдания». В определенном контексте, говоря о *референте* (Некрасове), уместно пользоваться *денотатом* («промышленник», «предприниматель»), но некорректно — *коннотатом* («жулик», «кулак»). Обращение же к явлению, лежащему на стыке разных дисциплин, порождает закономерные уточняющие вопросы. Некоторые из них поставлены и прояснены еще В. Е. Евгеньевым-Максимовым.¹⁵ Предпринимательский талант Некрасова и его журнально-издательская политика (рекламные акции для привлечения подписчиков, привлечение авторов для сотрудничества) нашли освещение в работах Б. В. Мельгунова.¹⁶ Специальным трудом, посвященным проблеме, стала монография М. С. Макеева.¹⁷ Но соотношение репутации литератора и критического восприятия поэта в должной мере не освещено.

В обиходном мнении практика предпринимательства ближе всего к идее личного стяжательства.¹⁸ Не отрицая очевидного, уточним существенное. В случае с Некрасовым мотив его стремления к материальной независимости подкреплен свидетельствами поэта и современников, в первую очередь Ф. М. Достоевского: «Миллион — вот демон Некрасова!».¹⁹

¹⁵ См., напр.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Некрасов в роли редактора-издателя «Современника» // *Евгеньев В. Е.* Николай Алексеевич Некрасов: Сборник статей и материалов. М., 1914; *Евгеньев В.* Черты редакторской деятельности Н. А. Некрасова в связи с историей его журналов: (Статья первая) // *Голос минувшего.* 1915. № 11. С. 39; *Евгеньев-Максимов В.* Некрасов и «братья-писатели» // *Некрасовский сборник.* Пг., 1918.

¹⁶ См.: *Мельгунов Б. В.* 1) Журналы Некрасова как коммерческое предприятие // *Литературные мелочи прошлого столетия: Сб. науч. ст.* Коломна, 2001. С. 107—114; 2) *Некрасов-журналист (Малоизученные аспекты проблемы).* Л., 1989. Близка к «некрасовской теме» и монография о крупнейшем «литературном промышленнике» А. А. Краевском, написанная Л. П. Громовой (*Громова Л. П.* А. А. Краевский — редактор и издатель. СПб., 2001).

¹⁷ Подробнее см.: *Макеев М.* Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель: Очерки о взаимодействии литературы и экономики. М., 2009. См. также: *Степина М. Ю.* Непротиворечивый облик: рецензия на книгу М. С. Макеева // *Русская литература.* СПб., 2010. № 1. С. 248—251.

¹⁸ Таковую прямолинейную интерпретацию мотивов всей литературной деятельности Некрасова даёт Ю. К. Арнольд (см.: *Воспоминания Юрия Арнольда.* Вып. II. С. 186—195.

¹⁹ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. СПб., 1877 (сентябрь—декабрь) // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. XVI. С. 122.

Однако уместно привести и продолжение цитаты из Достоевского: «Что ж, он любил так золото, роскошь, наслаждения и, чтобы иметь их, пускался в “практичности”? Нет, скорее это <...> была жажда мрачного, угрюмого, отъединенного самообеспечения, чтобы уже не зависеть ни от кого».²⁰

Ср. с другим источником: «Я сказала, что <...> терпеть не могу денег. “А свободу вы любите?” спросил меня Некрасов? Я отвечала: “больше всего на свете”, а он заключил: “ну, какая же свобода без денег?”».²¹

И далее из Достоевского: «Я и не говорю уже о добрых делах Некрасова: он об них не публиковал, но они несомненно были, люди уже начинают свидетельствовать об гуманности, нежности этой “практичной” души. Г-н Суворин уже публиковал нечто, я уверен, что обнаружится много и еще добрых свидетельств, не может быть иначе. “О, скажут мне, вы тоже ведь оправдываете <...>”. Нет, я не оправдываю, я только разъясняю и добился того, что могу поставить вопрос».²²

Иллюстрацией к суждению Достоевского служит свидетельство Некрасова о событиях 1840-х гг.: «В 45 году издал я “Петербургский сборник” <...> Сборник дал мне чистых 2000 рублей. Я был тогда молод, деньги отдал Белинскому на поездку в Малороссию со Щепкиным. Здоровье Белинского было сильно расстроено» (ИСС, XIII₂, 48—49).

«Литературное предпринимательство» не сводится единственно к идее личного обогащения, к понятию наличных денег, которые один дает, другой берет, работник «зарабатывает», а работодатель «наживается». Некрасов — *организатор движения* писательских талантов, читательского интереса, денежных потоков, направленных на удовлетворение писателя и читателя.

²⁰ Там же.

²¹ Е. Л. <Литвинова Е. Ф.> Воспоминания о Н.А. Некрасове // Научное обозрение. 1903. № 4. Апрель. С. 140. Как представляется, процитированное мемуаристкой высказывание Некрасова — тот случай, когда трюизм, не будучи поэтической цитатой («Наш век — торгаш; в сей век железный // Без денег и свободы нет» (Пушкин. «Разговор книгопродавца с поэтом»)), в устах поэта подразумевает ее.

²² Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 123.

Рынок призван не только удовлетворить потребности покупателя, но и помочь ему осознать собственные ценности, которыми он будет руководствоваться при выборе товаров и услуг. Формируя в широкой аудитории понятие ценности литературы и ценности чтения, можно привлечь потенциального читателя к книге вообще, к конкретному направлению, печатному органу, автору, произведению. Чаяния Некрасова о том «желанном времени», «когда мужик не Блюхера и не милорда глупого — Белинского и Гоголя с базара понесет» (*ПСС*, V, 85), отражались в его целенаправленной деятельности редактора и издателя, помогавшей покупателю сделать выбор между литературой и чем-то иным в пользу литературы. Что касается качества предлагаемой читателю литературы, воспоминания современников сохранили высокую оценку редакторского, издательского и критического чутья Некрасова, которое позволяло ему определить художественную ценность литературного произведения и спрогнозировать его востребованность публикой. «Баба-Яга, Костяная нога» была чисто коммерческим предприятием, но даже ранние фельетоны выдержали перепечатку в прижизненных изданиях поэта, не говоря о «Физиологии Петербурга» и «Петербургском сборнике», вошедших со временем в категорию классической русской литературы.

Сказанное еще раз подтверждает актуальность обращения к наследию Некрасова-критика. В этой ипостаси выступал печатающийся автор, знающий «изнутри» творчество и поэтическую (писательскую) технику, и издатель, знающий «изнутри» рынок.

В гл. II, § 8 проанализировано несколько авторецензий Некрасова (*ПСС*, XI₁, 288—289; XII₂, 186). Эти авторецензии носят коммерческий характер и были, по сути, лишь авторекламой.²³ Некоторые другие (напр., посвященные первой и второй частям «Физиологии Петербурга» (*ПСС*, XI₁,

²³ Согласимся с наблюдением М. С. Макеева, который указывает на стремление Некрасова сформировать свое литературное имя как «специфический капитал», один из «главных объектов литературной экономики», влияющий «на размеры гонораров, желание издателей публиковать или не публиковать тексты, им подписанные» (*Макеев М. Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель... С. 37*).

186—194, 207—226)), — будучи авторекламой, содержат эстетическую программу и преследуют просветительскую цель. Анализ нескольких критических оценок, высказанных о Некрасове — авторе и издателе, подтверждает предположение об ипостасях-«антагонистах», которые формируют репутацию, способствующую или препятствующую восприятию поэзии Некрасова и его самого как поэта.

§ 3. РЕКЛАМА, АНТИРЕКЛАМА И АВТОРЕКЛАМА

Деятельность Некрасова — журналиста и издателя — предполагала использование тех же приемов, что и у оппонентов, т. е., полемики, рекламы, антирекламы и авторекламы. Реклама и антиреклама находят место в критических суждениях. Приведенные выше примеры, касающиеся литературной деятельности Некрасова, вполне типичны.

Рецензии Ф. Н. Менцова на его стихи, в особенности декабрьская рецензия в «Журнале Министерства народного просвещения» с извещением о скором выходе поэтического сборника и рецензия на «Мечты и звуки» в «Библиотеке для чтения», в определенном смысле являлись *рекламой*: «Успех чуть ли не любой книги мог считаться обеспеченным только после благоприятного отзыва о ней в соответственном отделе “Библиотеки для чтения”, и получить этот отзыв было едва ли что не менее трудно, чем написать самую книгу», — утверждает В. Каверин.²⁴ Низкий результат (покупательский неуспех) в данном случае не опровергает вероятной задачи.

Отрицательные суждения могут рассматриваться как *антиреклама*. Таковы, например, выпады В. С. Межевича против изданий Кони, в которых сотрудничал Некрасов, а Ф. В. Булгарина — против «натуральной школы», автором и издателем произведений которой был Некрасов, а пропагандистом — Белинский.

²⁴ Каверин В. Собр. соч. Т. 6. С. 397.

Напротив, роль рекламы могло выполнять внешне ироническое или неодобрительное суждение: оно привлекало внимание к явлению. Кроме того, повторяющиеся выпады журнала (газеты) против литературного лица (направления, издания) привлекали внимание читателя, ориентированного на скандал, и, следовательно, играли роль *авторекламы*. Примером тому служат отзывы Сенковского о книжке «Статейки в стихах, без картинок» (см. разд. 2) и множество отзывов о Некрасове в «Северной пчеле» (см. разд. 3).

В каком отношении к литературной критике находятся эти отзывы, кроме того, что формально они были посвящены литературному произведению и содержали оценку?

Преследуя экономическую (плюс иногда политическую) цель, автор соответствующих текстов влияет на сознание широкой публики, формируя ее представления о том, что «хорошо» и что «плохо». Моральный и экономический аспекты этих спекулятивных высказываний не нуждаются в освещении. Но цитируемые издания имели высокий читательский рейтинг. Следовательно, печатающиеся в них оценки и суждения влияли на общественное мнение и формирование литературного вкуса, кругозора и системы представлений у публики; другой вопрос, насколько этот вкус учитывал собственно эстетическое начало.

Обращение к текстам рекламного рода для исследователя достаточно информативно. Во-первых, количество и характер рекламы и антирекламы косвенно характеризует уровень и характер известности упоминаемого лица и его произведений. Это тот показатель, который вкупе с оценкой проясняет отношения между репутацией Некрасова и оценкой его художественного творчества.

Во-вторых, эти отзывы и упоминания о Некрасове дают наглядное представление о характере аргументации их авторов, т. е., о том, что воспринималось читателями как критика.

В-третьих, анализ историко-литературного и журнального контекста, смысловых и стилистических особенностей текстов рекламного характера также уточняет представление о процессе формирования литературной критики, подразумевавшей принципиально иные задачи, чем борьба с конкурентами на журнальном рынке и возможное публичное сведение личных счетов, и адресованной иногда подготовленному, а иногда сознательно дезориентированному читателю.

§ 4. О СПЕЦИФИКЕ ФЕЛЬЕТОННОЙ КРИТИКИ

Достаточно большое количество критических отзывов о Некрасове и «натуральной школе» носило идеологический характер. Задачи, механизм построения этих высказываний и их воздействия на читателя подробно проанализированы в разд. 3, посвященном Ф. В. Булгарину.

Полемика Булгарина с «натуральной школой», по сути, является публицистикой, посвященной социальным темам. В каком отношении к литературной критике находятся эти отзывы?

Во-первых, в 1840-е гг., до революционных событий в Европе (1848 г.) и жестких цензурных ограничений в российской литературе и журналистике («мрачного семилетия»), публицистическое начало играло большую роль в самых разных жанрах и родах искусства: беллетристике, критике, водевиле, карикатуре. Оно было востребовано текущим состоянием словесности.

Во-вторых, говоря о полемике Некрасова и «натуральной школы» с «Северной пчелой», упомянем, что литература, в первую очередь реалистическое направление и критика как особая область, оказалась в ситуации идеологического противостояния официальной информации, как воспринималась проправительственная «Северная пчела» широкой публикой. Этот факт объясняет, почему в литературоведении надолго закрепилось представление о тесной близости, едва ли не синонимичности *литературной критики* и *социальной публицистики*. Бытует мнение, что критика и социальная пуб-

лицистика предельно были сближены в 1860-е гг. («реальная критика»). Так, в монографии А. М. Штейнгольд «Анатомия литературной критики» глава «“Мертвая зона” полемики» посвящена публицистичности и переходам на личности — приему, в принципе не принятому в критической статье. Исследовательница рассматривает это явление на примере критики и публицистики 1860-х гг. как наиболее показательном.²⁵ Отметим, что 1840-е гг. в высшей степени иллюстративны в этом отношении.

В-третьих, в этот период и между этими оппонентами в формировании литературной критики играло роль освоение и преодоление фельетонной традиции. Критические выступления В. Г. Белинского и полемические ответы оппонентов (главным образом Ф. В. Булгарина) представляют собой тот контекст, в котором выносились печатные оценки Некрасову — издателю, автору, представителю «направления».

Фельетон, возникший во Франции как отдельный листок в виде приложения к газете (позднее подвал под «линией отреза»), исторически представлял собой «разнообразную пеструю смесь, а позже — литературно-критические статьи и рецензии, часто с элементами сатиры, юмора, публицистичности».²⁶ В России XIX в. развитие фельетона связано прежде всего с именами Ф. В. Булгарина и О. И. Сенковского.²⁷ К началу 1840-х гг. жанровая форма фельетона была хорошо знакома публике — «художественно публицистическое произведение сатирической направленности» которое занимало «промежуточное положение между газетной или журнальной статьей и малыми жанрами художественной прозы (рассказ, новелла, очерк) и поэзии

²⁵ Штейнгольд А. М. *Анатомия литературной критики: (Природа. Структура. Поэтика)*. СПб., 2003. С. 153—167.

²⁶ Миллионщикова Т. В. *Фельетон // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А. Н. Николюкин. М., 2003. Стлб. 1132.*

²⁷ С этим обстоятельством связывали неоднозначное отношение к жанру в публике. В «Краткой литературной энциклопедии», авторитетном справочнике XX в., отмечалось: «В России долгое время самое имя фельетониста имело уничижительно-оскорбительный оттенок и воспринималось как синоним поденного нечистоплотного ремесла. Это было связано с особенностями “приживания” рубрики Ф<ельетона> на рус<ской> почве», т. е., с его “русификацией” в изданиях Булгарина и Сенковского» (*Дедков И. А. Фельетон // Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. Т. 7. Стлб. 931.*).

(стихотворный Ф<ельетон>)).²⁸ Среди разнообразных новостей в нем сообщалось о готовящихся или прошедших премьерах театральных постановок, вышедших книгах, альманахах и журналах, отдельные разделы посвящались отзывам о литературных новинках. Жанр был популярен в публике и весьма пластичен. К нему плодотворно обращались Белинский,²⁹ Некрасов, И. И. Панаев, А. В. Дружинин, Н. А. Добролюбов и др., хотя в их выступлениях заметно стремление направить «легкую беседу» от «бессодержательной болтовни»³⁰ к аргументированным выводам социальной и эстетической направленности.

Следует также отметить, что «бессодержательность» и «легкость» «праздной болтовни» и «сиюминутных оценок» объясняются не только развлекательной целью фельетона, предназначенного для широкой и невзыскательной публики. Фельетон представляется таковым неосведомленному читателю — в силу ли его недостаточно широкого кругозора, если он современник, в силу ли недостаточной оснащенности текста специальным комментарием, если фельетон читается много лет спустя. Реконструкция контекстуальных связей проявляет намеки и оценки фельетониста и позволяет более предметно судить о его индивидуальном методе и системе представлений, в конечном счете — о его смысле и посыле.

В статьях Белинского 1830—1840-х гг. последовательно проводится мысль о развитии литературной критики и в свете этих задач — о недостаточности фельетона ввиду его «произвольности во мнениях» (*Б-13*, III, 170—171).³¹

Отношение Белинского к французской литературе в этой статье звучит достаточно предвзято. В последующие годы оно будет пересмотрено: осмыс-

²⁸ Миллионщикова Т. В. Фельетон... Стлб. 1132.

²⁹ Т. В. Миллионщикова указывает жанр социально-политического фельетона в публицистических выступлениях Белинского как «один из ведущих» (Там же).

³⁰ Там же.

³¹ Подробнее эта цитата из его статьи 1839 г. «Русские журналы» приводится в гл. III, разд. 1, § 1.

ление французской общественной мысли станет актуальным в его критической деятельности последнего периода жизни и творчества, При этом в приведенном выше суждении этих лет³² Белинский четко разделяет критику и памфлеты, художественную мысль — и собственно социальную, художественную форму — и публицистическую, «рамки» искусства — и то, что за них выходит. Даже в период максимальной востребованности публицистики в искусстве эти две области для критика не тождественны.

Что касается собственно фельетона, то его легкость, острота, злободневность и способность сочетаться с художественным началом сделали эту жанровую форму чрезвычайно жизнеспособной и актуальной. В «Современнике» Некрасова и Панаева фельетону уделяется внимание, так же как внимательно прочитывается этот раздел в других изданиях.³³

В 1848—1856 гг., после смерти Белинского, фельетонная критика «Современника» широко использовала возможности жанровой формы. В этих фельетонах, в форме легкой, непринужденной болтовни «по поводу», иногда от вымышленного, собирательного лица, иногда с включением в текст поэтических пародий, автор высказывает оценки и суждения о литературе, о театре, о петербургской общественной жизни. Эти оценки лаконичны, они нуждаются в комментариях, в расшифровке. Творчество Некрасова также, хотя и очень лаконично, получает оценки в фельетонах «Современника».

Видная роль фельетонной критики во время «мрачного семилетия» во многом обусловлена цензурными ужесточениями. И именно в то время фельетонные статьи «Нового поэта» (И. И. Панаева) и А. В. Дружинина подверга-

³² «Ну какой я литературный критик! — Я рожден памфлетистом <...>» (Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 342).

³³ Отметим цитату из письма Белинского к И. С. Тургеневу (от 1/13 марта 1847 г.): «Библиография состоит только из моих и Кавелина статей, от этого она страшно однообразна и весьма серьезна: ни то, ни другое нашей публике нравиться не может. Говорю Некрасову: напишите на 3 глупых романа рецензии; не будет у Вас иронии и юмора — что делать — зато будет журнальная и фельетонная легкость, а это важно, публика наша это любит, да и библиография сделается разнообразнее» (Б-13, XII, 343—344). И ниже: «Теперь фельетон поверен человеку порядочному <...> Раз читаю фельетон “Пчелы” <...>» (Там же).

лись резкой критике в «Пантеоне» в «Петербургском вестнике» (см, напр., статьи 1851—1853 гг.). Автором многочисленных анонимных критических статей был, по всей видимости, В. Р. Зотов.³⁴ Критик указал на прямую ответственность современных фельетонистов отношению к О. И. Сенковскому и сформулировал ту особенность фельетонной критики, которая важна в русле избранной нами темы: «Еще в старые годы, когда г. Сенковский принял на себя редакцию “Библиотеки для чтения”, Барон Брамбеус *старался ввести в моду шуточный взгляд на искусство*, и в своей “Литературной Летописи” смеялся — впрочем очень умно и остро — над произведениями литературы. <...> При огромном даровании, многостороннем образовании и начитанности г. Сенковского, *критические статьи его читались с удовольствием и любопытством, как нечто новое, остроумное, удачно написанное*; но вместе с тем никто не видел и не мог видеть в этих статьях иного, кроме веселых и умных парадоксов, над которыми можно было иногда от души посмеяться, но которые все-таки *были очень далеки от настоящей литературы и критики в истинном их значении. Потому-то они и не имели никакого влияния на литературу* и впоследствии перестали даже забавлять читателей <...>»³⁵ (курсив мой. — М. С.)

В рассматриваемый нами период до 1848 г. «натуральная школа» декларировала масштабные задачи, и литературная критика не ограничивалась стремлением к созданию «науки изящного». Критика стиля и метода фельетонной критики не означала ее отрицания, но указывала на ее недостаточность для осмысления национальной словесности и литературного процесса как системы закономерностей.

Выбранные для анализа фельетоны О. И. Сенковского и Ф. В. Булгарина демонстрируют те характерные черты, которые стремилась преодолеть «натуральная школа».

³⁴ Доводы в пользу его авторства см.: гл. II, § 1, сн. 20.

³⁵ Пантеон. 1852. № 2. Смесь. Петербургский вестник. С. 2.

2. О. И. СЕНКОВСКИЙ. «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ»

Деятельность О. И. Сенковского наиболее полно освещена в романе В. Каверина «Барон Брамбеус». Сенковскому-критику посвящено исследование А. В. Шароновой «Литературная критика О. И. Сенковского, редактора “Библиотеки для чтения” (1834—1848)».³⁶ Интересующий нас аспект — оценка творчества Некрасова «Библиотекой для чтения» и лично Сенковским — в научной литературе не отражен. Личное знакомство Некрасова с О. И. Сенковским состоялось не ранее весны 1848 г.³⁷ Но репутация Сенковского и популярность его журнала были пищей для пересудов (см.: ПСС, VIII, 94). Безусловно, эти обстоятельства были приняты во внимание начинающим литератором.³⁸

К началу 1840-х гг. понятие «сенковщина» уже вошло в литературный обиход для обозначения установки на беспринципность и развлекательность, а также соответствующего качества литературной продукции. Тем не менее, журнал, все разделы которого редактировались Сенковским, был достаточно популярен и отзывчив по отношению к литературным новостям.

В Полном собрании сочинений и «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова» указаны две анонимных рецензии Сенковского на два тома «Статеек в стихах, без картинок»³⁹ (*Летопись*, I, 129—130, 136). К его отзывам о

³⁶ Шаронова А. В. Литературная критика О. И. Сенковского, редактора “Библиотеки для чтения” (1834—1848): Автореферат дисс. на соискание... канд. филол. наук. СПб., 2000.

³⁷ Ахматова Е. Н. Знакомство с А. В. Дружининым // РМ. 1891. № 12. С. Там же, с. 127—128.

³⁸ Степина М. Ю. Н. А. Некрасов и «Библиотека для чтения» Сенковского // Средства массовой информации в современном мире: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2000. С. 93—94.

³⁹ Статейки в стихах, без картинок. Том первый. СП.-бург, в тип. Жернакова, 1843, в-16, стр. 31 // Библиотека для чтения. 1843. Т. 57. Отд. VI. Литературная летопись. Март, 1843. Новые книги. С. 45—50; 1. Статейки в стихах, без картинок. Том второй. СП.-бург, в тип. Жернакова, в-16., 1843, стр. 40. 2. Статейки в прозе, с картинками, или рассказ П. М., автора повести «Муж под башмаком» и других. СП.-бург, 1843. Две тетрадки. 3. Статейки без стихов, без прозы и без картинок, или Энциклопедия русской поварики, кухарки, эко-

Некрасове этого периода правомерно добавить еще один, выявленный нами,⁴⁰ предшествующий рецензиям на «Статейки в стихах...» и опубликованный в т. 56 «Библиотеки для чтения». Это небольшой фрагмент фельетона Сенковского «Литературная летопись (New Year nig<h>t's dream). Трагедия-водевиль в одном действии»:

«<...> Если вам угодно, если это вас не обидит, то у нас уже... нет литературы. Есть только картинки и, при картинках, несколько статей, которые пишутся единственно для рисовального искусства и для гравера, а не для литературы и не для читателя. Не нравится вам это? — извольте подавать в отставку! <...>».⁴¹

Название и стиль указывают на авторство Сенковского, который сам писал обзоры.⁴² На адресата рецензии указывает игра с названием некрасовского издания: «у нас <...> нет литературы. Есть только *картинки и, при картинках, несколько статей*»; ср. с названиями рецензий: «*Статейки в стихах, без картинок*. Том первый»; «*Статейки в стихах, без картинок*. Том второй <...> *Статейки в прозе, с картинками*, или рассказ П. М. <...> *Статейки без стихов, без прозы и без картинок*, или Энциклопедия <...>» (название следующей рецензии) (курсив мой. — М. С.).

В ироничной, насыщенной остротами и каламбурами рецензии на первый том Сенковский перепечатал большой фрагмент некрасовского стихотворного фельетона. В рецензии на второй том «Статеек...» и два других из-

номки, скотницы, птичницы, словом сельской хозяйки, содержащая в себе, между прочим, наставление, как сочинять детские книги, полный лексикон рифм и правила кроения платьев, и извлеченная из собственных сорока, пятидесяти- и шестидесятилетних опытов Борисом Волжиным. СП.-бург, 1843. Четыре части // Библиотека для чтения. 1843. Т. 59 (1). Отд. VI. Литературная летопись. Июнь 1843. Новые книги. С. 1—11.

⁴⁰ См.: *Степина М. Ю.* К атрибуции критических отзывов о Н. А. Некрасове (1840-е гг.) // Русская литература. 2012. № 3. С. 126—127.

⁴¹ Литературная летопись (New Year nig<h>t's dream). Трагедия-водевиль в одном действии // Библиотека для чтения. 1843. Т. 56 (1). Отд. VI. Литературная летопись. С. 9. Цитируется полностью.

⁴² Как безусловно принадлежащий Сенковскому рассматривает этот фельетон В. Каверин: *Каверин В.* Собр. соч. Т. 6. С. 392—393.

дания⁴³ также обыгрывается название некрасовского издания и упоминается «поэт Белопяткин».

Фельетон «Трагедия-водевиль в одном действии...», помимо очень жесткого удара по Н. А. Полевому, является анонсом литературной новинки, интерес к которой, по-видимому, был подогрет в публике еще до выхода двух фельетонов Некрасова, рекламирующих его издание. Анонс был частью журнальной политики Сенковского, о которой высказался Некрасов в своей анонимной рецензии на второй том «Статеек...» — «книжечке», «которую один петербургский журнал, вероятно нуждавшийся в материале для “забавы” своих читателей, почти всю сполна перепечатал под видом рецензии, и тут же обругал ее, чтоб прикрыть такую стратагемою невинное похищение,

⁴³ Книгу Петра Алексеевича Машкова «Как аукнется, так и откликнется, или Ответ моим критикам. Статья П. М., автора повести “Муж под башмаком” и проч.» [СПб.], тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1843, и Владимира Петровича Бурнашева «Энциклопедия русской опытной городской и сельской хозяйки, ключницы, экономки, поварахи, кухарки, скотницы и птичницы, содержащая в себе наставления и руководства по всем отраслям городского и сельского хозяйства, извлеченные из 40, 50 и 60 летних опытов русских хозяек *Борисом Волжиным* [псевд.] С присовокуплением домашней бухгалтерии и описания дамского гардероба и наставления кроить и шить всякого рода платья и другие уборы». Ч. 1—4. СПб., В. Поляков, [1842].

У Сенковского название книги пародийно заострено — книга якобы одновременно содержит руководства по ведению сельского хозяйства, сочинению детских книг, стихосложению и т. д.: «Статейки без стихов, без прозы и без картинок, или Энциклопедия русской поварахи, кухарки, экономки, скотницы, птичницы, словом сельской хозяйки, содержащая в себе, между прочим, наставление, как сочинять детские книги, полный лексикон рифм и правила кроения платьев, и извлеченная из собственных сорока, пятидесяти- и шестидесятилетних опытов Борисом Волжиным».

Ср. с названиями других книг этого же автора: Энциклопедия молодой русской хозяйки. Сост. *Б. В-н* [псевд.]. В 2-х ч. Ч. 1—2. СПб., тип. А. Воейкова и К^о, 1839; Прогулка с детьми по земному шару, *Виктора Бурьянова* [псевд.] Изд. 2-е испр. Ч. 1—2. СПб., тип. Н. Греча, 1836—1837; Практическое руководство к кожевному производству и всех его отраслей, с обстоятельным наставлением как устроить сельский кожевный завод. Сост. *Владимир Бурнашев*. СПб., В. Поляков, 1843; Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Сост. *Владимир Бурнашев*, чл. Имп. Вольного экон. О-ва. Т. 1—2. СПб., тип. К. Жернакова, 1843—1844; Новая энциклопедическая русская азбука и общепользная детская книга чтения. Сост. по иностр. образцам, с приурочением к отечественному воспитанию *Виктор Бурьянов* [псевд.] Изд. 2-е, испр. и умноженное. СПб., тип. К. Жернакова, 1843. 338 с., 9 л. цвет. илл.; Беседы петербургского жителя в Удельном земледельческом училище о сельском хозяйстве, составленные *Борисом Волжиным* [псевд.]. Вып. 1—3. СПб., тип. А. Воейкова и К^о, [1838]—1845 и др.

произведенное им в ущерб бедному издателю книжечки» (ПСС, XII₂, 16—17, 302).

В гл. IV, § 10 этот текст рассматривается в связи с резким выпадом Сенковского против Полевого и его книги «Были и небылицы...» и использованием некрасовского стихотворного фельетона, содержащего иронический отзыв о Полевом. В этот сюжет вплелось еще одно «литературное похищение», о котором пишет Н. А. Полевой в письме к К. А. Полевому от 3 июня 1943 г.: «Уморительное дело с сестрой:⁴⁴ негодяй Бурнашев и подлец Поляков, издавая вновь свою “Энциклопедию хозяйки”, перепечатали половину сестриной книжонки, и как — слово в слово! Такую наглость решился я преследовать и подал от имени сестры просьбу в цензурный комитет. Об этом были толки бесконечные, и до того смешные, что, вообрази, я хохотал до упада. *Всего забавнее было смешение в сестре досады с удовлетворенным авторским самолюбием*»⁴⁵ (курсив мой. — М. С.).

«Литературное похищение» и критика одновременно могут рассматриваться как антиреклама и как реклама. Для большей наглядности проанализируем отзыв Сенковского. Ближайшим контекстом к нему выступают авторецензии Некрасова на «Статейки в стихах».⁴⁶

Вслед за получением билета на выпуск 1-го тома (21 февраля) Некрасов поместил в № 44 газеты «Русский инвалид» (27 февраля) анонимный фельетон «Журнальные отметки», рекламирующий только что вышедший в свет первый выпуск «Статеек в стихах, без картинок» (ПСС, XII₁, 16—22). 28 февраля в № 9 «Литературной газеты» под рубрикой «Журнальная амальгама» также напечатан анонимный фельетон Некрасова «Шуточная литература. — “Статейки в стихах”» (ПСС, XII₁, 22—28). Некрасов включает в него об-

⁴⁴ Писательница Екатерина Алексеевна Авдеева.

⁴⁵ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 556—557.

⁴⁶ Примечание Некрасова к «Говоруноу» (ПСС, I, 679) (см. гл. IV, § 10), сделанное в 1864 г., как представляется, тоже можно отнести к авторецензиям: с одной стороны, поэт судит о давно написанном произведении, с другой стороны — включение этого произведения в собрание сочинений делает его фактом текущего литературного процесса.

ширные цитаты из обоих стихотворений, вошедших в том, и делает выпады против аналогичных изданий Ф. В. Булгарина и В. С. Межевича (*там же*, 389—390). Наряду с высказываниями рекламного характера (стоит меньше, чем аналогичные, более смешная, чем аналогичные, не «выезжает» на имени автора или иллюстрациях, как аналогичные), в фельетоне содержится авторская рецензия, в которой Некрасов формулирует основные достоинства «Статеек в стихах...»: «Это шутка — человека умного, который *по-своему* смотрит на все интересное в современном Петербурге. В этой книжке меньше претензий, чем во всех предыдущих, и более истинного остроумия» (*там же*, 24). Таким образом, Некрасов предлагает публике обратить внимание на свои достоинства — *ум, оригинальность* (собственный взгляд на «все интересное»), *чутье времени* («все интересное в современном Петербурге»), *остроумие*.

Сенковский в рецензии на «Статейки в стихах» пишет, что книжечка — «страшный взрыв остроумия из одной санктпетербургской головы», «Но зато какой взрыв! Какой треск ума! Какие молнии мысли! Какая туча краснокаменных острот вылетела огненным столбом из этой головы, разостлалась в воздухе над всем городом и упала на него убийственным каменным градом»;⁴⁷ «Вина 1841 года, ознаменованного появлением полной кометы, до сих пор славятся под названием “Vins de la comète”. Это остроумие 1843 года нынче, конечно, еще молодо, но когда полежит лет двадцать в кладовых книгопродавцов, оно сделается столь же примечательным и поверьте, будет известно под именем “L’esprit de la queue de comète”».⁴⁸

Рецензия остро иронична: юмор и остроты Некрасова в ней названы «каменными» (т. е. — тяжеловесными), ум (и мысли) уподобляются «треску» (т. е., шуму без смысла); данное Сенковским название «L’esprit de la queue de comète» («дух хвоста кометы») намекает на некий антоним характеристики «душистый», «благоуханный», применяемой к поэзии в эти и последующие

⁴⁷ БдЧ. 1843. № 4. Отд. VI. С. 47.

⁴⁸ Там же. С. 50.

годы, и, кстати, антоним понятию «букет» (аромат вина).⁴⁹ Повторяющееся описание разорвавшейся от «взрыва» «головы» говорит о непомерном усилии сочинителя, потраченном на создание его острот, о головном, нарочитом характере этих острот.⁵⁰ Замечание об ожидающем книжечку вылеживании «лет двадцать в кладовых» предрекает отсутствие читательского спроса, а прогноз о ее привлекательности спустя двадцать лет содержит оценку: эти только что родившиеся остросовременные остроты ниже залежалых.

Оценка едкая, но вместе с тем не уничижительная. Сравнения и замечания Сенковского прочитываются не только как отзыв одновременно на «Статейки в стихах...» и авторецензию Некрасова, выделяющую *ум, современность* и *остроумие* в качестве главных достоинств книжки, но и как вполне самоценные остроты по подходящему поводу. Это соображение подтверждает и пространная цитата из «Говоруна». «Обругав» литературную новинку, Сенковский, казалось бы, способствует убеждению читателей, что не нужно ее покупать. Заинтересовавшийся читатель сможет перечитать фрагменты из полюбившегося стихотворного фельетона в книжке журнала и сразу же познакомиться с «критикой».

⁴⁹ См., напр.: «Ф. Н. Глинка... но что я скажу о нем? Вы знаете, как благоуханны цветы его поэзии <...>» (В. Г. Белинский, «Литературные мечтания») (I, 75); о поэзии И. С. Аксакова: «Ваши стихи имеют все качества поэзии, кроме того тонкого, неуловимого — того *запаха*, которым дышит, играя, счастливая и свободная жизнь» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 2. С. 138); о поэме Н. П. Огарева: «Мы с Толстым уже три раза упивались этим нектаром» (*Тургенев И. С.* Указ. соч. Т. 3. С. 73); о поэзии Я. П. Полонского: «от его стиха дышит ароматом поэзии, тогда как стихи других — большею частью увядшие, безуханные цветы; (*Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика. С. 204). Ср. с отзывом Н. В. Гоголя о прозе М. Ю. Лермонтова: «никто еще не писал у нас такой <...> благоуханной прозой» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Л., 1952. Т. VIII. С. 402), отзывом Некрасова о повести Тургенева «Фауст»: «целое море поэзии могучей, благоуханной и обаятельной вылил он в эту повесть из своей души» (*ПСС*, XIV₂, 27).

⁵⁰ Ср. с мнением Ю. К. Арнольда, который пишет, что Ф. А. Кони в первом водевиле Некрасова «исправлял куплеты, снабжая их солью легкого остроумия, в чем именно, по правде сказать, у музы г. “Перепельского” оказался не малый недостаток» (Воспоминания Юрия Арнольда. Вып. II. С. 187). Белинского восхищала «злость» и «ядовитость» критики Некрасова; В. П. Боткин находил ее «остроумной» (см. гл. III, разд. 2, § 4). М. Т. Лорис-Меликов отзывался Н. А. Белоголовому о Некрасове, что еще в юности тот «отличался большим остроумием и наблюдательностью» (*Белоголовый Н. А.* Граф Михаил Таризлович Лорис-Меликов // РС. 1889. № 9. С. 600). Расхождения во мнениях наводят на мысль о недостаточно осмысленных различиях между юмором, иронией и сарказмом.

Антиреклама и «похищение» в косвенной форме свидетельствуют, что книжка Некрасова могла бы иметь спрос. Б. В. Мельгунов, ссылаясь на разыскание Б. Я. Бухштаба, свидетельствует: «Весьма высоко в целом принятые критикой два выпуска “Статеек в стихах...” не имели читательского успеха и в 1844 г. продавались по сниженной цене».⁵¹ Правомерно предполагать, что одной из причин коммерческого (но не читательского!) неуспеха стали «похищение» и автореклама Сенковского. Похищение свидетельствует, что Сенковский предполагал именно читательский успех фельетона.

Подходя к высказыванию Сенковского как к критической оценке литературного произведения (стихотворения «Говорун»), легко выделить в нем два основных критерия, определяющих достоинство текста, хотя и иронически употребленных в противоположном смысле: *ум (мысль), остроумие*.

Но в строгом смысле слова эта «критика» — не критика. Она не подразумевает сосредоточенности на текущем литературном процессе и отношении рассматриваемого произведения к его перспективе. Остроумные замечания и рассуждения лишь имеют форму критического высказывания. По сути же, они риторичны, т. к., допуская расширение текста (острот, сближений, ассоциативных связей и переходов), они не подразумевают развития критической мысли ни самостоятельно, ни в диалоге с журнальными оппонентами. Остроумие Сенковского самодостаточно.

Эта особенность объясняет, почему современники отзывались о Сенковском как о «балаганном шуте».⁵² В статье С. С. Дудышкина, посвященной

⁵¹ Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист. С. 22.

⁵² Скандально резкая публичная характеристика Сенковского, вызвавшая осуждение среди литераторов, была дана Л. В. Брантом в его романе «Жизнь, как она есть»:

«Он воображает себя первым остроумником в мире, колким сатириком и в этом счастливом убеждении, которое, по обыкновению, разделяется несколькими дураками, беспрестанно издевается над всем и всеми, вечно шутит и смеется. Сначала он привлекал к себе толпу, падкую на фарсы; но скоро, увидев в нем пустого гаера и шарлатана, она отступилась от него и заклеила его прозвищем *уличного шута*, каким прозвищем он, впрочем, гордится, по-видимому. <...> он <...> прибегает ко всевозможным наглостям и пошлостям, чтобы только снова приманить к себе толпу, — но, увы, всё напрасно, всё невпопад уже! Толпа равнодушно проходит мимо, не смеется более даже над ним самим,

многолетней деятельности Сенковского и написанной по случаю его кончины,⁵³ открыто выражено сожаление о том, что Сенковский, переводя любой насыщенный разговор в плоскость самодостаточных остроумий, фактически исключил себя из процесса развития отечественной критики и словесности: «Сочинение критик и повестей льстило ему, потому что незрелая публика еще смотрела только на остроумие, на потеху, которую он постоянно поддерживал своими шутками, и не обращала внимания на то, что кроется под всем этим. Остроумие доставляло ему деньги и известность; а какое ему дело до того, что он спутывал понятия незрелого общества и производил какую-то постоянную сумятицу в умах читателей! <...> Дилетант за все хватается с единственной целью — выставить себя. <...> Польза науки требует, для разъяснения еще темных вопросов, — споров: истина старая, как потоп. Сенковский избегал споров, как дети бегут от школы. <...> Между ним и обществом не было связи, и вот почему русский всегда чувствует какую-то внутреннюю безжизненность, прочитывая самые веселые шутки барона Брамбуса. Вот почему общество так скоро, по-видимому так безжалостно забыло Сенковского».⁵⁴

Вывод Дудышкина несколько спрямлен. Но он и ценен для историка литературы. Особо обратим внимание на обвинение в «спутывании понятий незрелого общества»: здесь Дудышкин следует за Белинским в стремлении видеть в критике «науку изящного», т. е., систему понятий. Напомним, что сходные суждения о фельетонной критике и роли Сенковского в ее развитии на протяжении нескольких лет высказывались в «Пантеоне» (см. разд. 1, § 4).

Отметим, что, когда к концу первой четверти XX в. в литературоведении постреволюционной России, одновременно с повышением интереса к Некрасову, назрело ощущение актуальности фельетона и его совершающейся

потому что, наконец, он стал ей не смешон, а жалок...» (<Брант Л. В.> Жизнь, как она есть. Записки неизвестного, изданные Л. Брантом. СПб., 1843. С. 112—114).

⁵³ Дудышкин С. С. Сенковский — дилетант русской словесности // Отечественные записки. 1859. № 2. Отд. I. С. 451—484.

⁵⁴ Там же. С. 482, 483.

жанровой трансформации, именно манера, близкая к проиллюстрированной манере Сенковского, описана исследователем как совокупность признаков жанровой формы.⁵⁵

Под это описание подходит то наличие и отчасти характер «маски», которое объединяет «Барона Брамбеуса» — Сенковского и его современников: «Провинциального подьячего», «Говоруна» и «Петербургского туриста» (Некрасов), «Нового поэта» (И. И. Панаев при участии Некрасова), «Иногороднего подписчика» (А. В. Дружинин), «Петербургского туриста» (А. В. Дружинин) и др. Некрасов пользовался приемами Сенковского, поэтому сближение его во мнении современников с «литературными промышленниками» имело и литературную подоплеку — помимо явной финансовой политики.

Колкость и карикатурность суждений Сенковского наводят на мысль о типологическом сходстве его рецензии с пародией одного артиста на другого. Эффект пародии обеспечен только в том случае, когда пародируемого легко узнать, т. е., он достаточно известен и имеет лицо. Три рецензии Сен-

⁵⁵ «С вопросом об основном значении фактического материала в фельетоне тесно связан вопрос о личности фельетониста, как она дана в фельетоне. Фельетонист у нас все больше и больше перестает быть неким “конферансье”, ведущим живую, и как бы беспрестанно реагирующую на реплики слушателей, тираду, conferancier в постоянных отступлениях и перебоях утверждающего свое живое существование. Фельетонист всегда был личностью полубутафорской — был привычной, наиболее удобной и безответственной мотивировкой скрепа частей фельетонного текста» (*Журбина Евгения*. Новый бытовой фельетон в газете // Фельетон: Сборник статей / Под редакцией Ю. Тынянова, Б. Казанского. Л., 1927. С. 34).

Ср. замечание другого автора в том же сборнике о характерном «личностном тоне» (Там же, с. 37) фельетониста с замечаниями о «гаерстве» Сенковского: «<...> в фельетоне <...> говорится “улыбательным” тоном о самых обыденных предметах, как и о серьезных вещах, делая их в этом виде более доступными и приемлемыми для широких масс читательства» (*Шкловский Владимир Б.* Фельетон и эссе // Там же. С. 78).

Ср. с цитатой из статьи И. И. Панаева (1847), которую приводит Ю. Г. Оксман во вступительной статье к сборнику «Фельетоны сороковых годов»: «“Что такое фельетон?” — спрашивал И. И. Панаев в “Современнике” 1847 года и, ориентируясь на тот вариант нового жанра, который культивировался у нас школой барона Брамбеуса, отвечал: “Это болтун, по-видимому добродушный и искренний, но в самом деле часто злой и злоречивый, который все знает, все видит, обо многом не говорит, но высказывает решительно все, колет эпиграммою и намеком, увлекает и живым словом ума и погремушкою шутки”» (*Оксман Ю. Г.* От редактора // Фельетоны сороковых годов. «Academia», 1967. С. 6—7).

ковского, первая из которых является анонсом книжечки Некрасова и будущих отзывов на нее в «Библиотеке для чтения», доказывает узнаваемость Некрасова для читателей начала 1840-х гг., хотя бы и в качестве «героя» фельетона.

Определенный интерес к Некрасову и его узнаваемость подтверждает и реакция других петербургских изданий на выход обоих томов «Статеек в стихах...», которая тоже играет роль антирекламы. Два отзыва, опубликованные в «Северной пчеле» и принадлежащие Н. А. Полевому и Ф. В. Булгарину, написаны с целью дискредитации Некрасова, конкурентных изданий и литературного направления. В обоих отзывах явственно усиление публицистического начала: называние личных имен, указание на личные обстоятельства, сильная ироничность и резкость оценок.

Отзыв Полевого о «Статейках в стихах...» (СП. 1843. № 87) проанализирован в гл. IV, § 9. Приведем отзыв **Ф. В. Булгарина** (цитата предшествует рассуждение о «застое в русской литературе»):

«Отчего же? У нас так много гениальных писателей, перед которыми все писатели, которых читывала публика, как то: Греч, Полевой, Булгарин, Кукольник и другие — то же, что грош перед миллионом; писатели не только гениальные, но и знаменитые, каковы г. Краевский, издатель «Отечественных записок», написавший (право, не знаю, что он написал), г. Белинский, великий философ, метафизик, драматург и критик; г. Кони, всеобъемлющий гений вроде Пика де Мирандолье; новый Адиссон наш г. Дершау, освещающий своим ярким остроумием туманы берегов финских; г. Некрасов, великий двигатель “Литературной газеты”, великий критик и великий драматург...».⁵⁶

Отзывы Полевого и Булгарина ироничны и, в сущности, направлены против личности Некрасова и ближайшего к нему круга литераторов. Саркастическая (Булгарин) и уничижительная (Полевой) оценки их значения в русской литературе не содержат суждений о стихотворении Некрасова. аргу-

⁵⁶ СП. 1843. № 101. Мая 8. Смесь. Журнальная всякая всячина. С. 403.

ментация уничижительных оценок в отзывах не приводится. Роль аргументации выполняет *тон* высказывания: утверждение очевидного, не нуждающегося в доказательствах. Поэтому суждения, в строгом смысле слова, не являются критическими, но являются антирекламой. Высказывания явно мотивированы стремлением скомпрометировать, принизить значение Некрасова и упомянутых с ним журналистов. Просматриваемая мотивация также указывает на прогнозируемый успех некрасовского издания и самих стихов.

О том, что «Статейки в стихах...» могли иметь большой коммерческий успех, нежели имели, свидетельствует и дальнейшее развитие событий, также нашедшее отражение в журнале Сенковского.

В середине апреля выходит иллюстрированный сборник юмористических куплетов «Театрал», изданный В. Р. Зотовым. **Ф. А. Кони**, поместивший отзыв об этом издании в «Литературной газете», говорит о подражательности сборника по отношению к изданию Некрасова. «Главное дело, — пишет Кони, — в картинках г. Тимма, а они хороши и даже весьма хороши. Что же касается до куплетов, мы пробежали несколько страниц и убедились, что это действительно макулатурная бумага, на выдержку попавшая между картинок, ибо в них нет никакой связи и смысла. Иные утверждают, будто это подражание “Статейкам в стихах” Белопяткина».⁵⁷

Отметим, что отзыв Кони о «Театрале» содержит косвенную критическую оценку «Статеек в стихах, без картинок» и поэтических достоинств Некрасова: можно заключить, что в стихах Белопяткина (псевд. Некрасова) нет *смысла*, так же как в стихах его подражателя. Оценка лаконична и полемична по отношению к авторецензии Некрасова.

За оценкой Кони последовал ответ. В апреле-мае Некрасов готовит 2-й том «Статеек в стихах...». Он приглашает к участию В. Р. Зотова, который пишет философическую сказку в стихах «Жизнь и люди»⁵⁸ (подробней об этом: гл. II, § 5). В монологе одного из персонажей сказки, *Сочинителя*, отра-

⁵⁷ ЛГ. 1843. № 15. 18 апреля. Журнальная амальгама.

⁵⁸ *Зотов Вл.* Петербург в сороковых годах // ИВ. 1890. № 2. С. 339.

зилась история взаимоотношений Некрасова и Кони. Книжка вышла в свет в середине июня.⁵⁹

А уже 3 июля в № 7 «Библиотеки для чтения» выходит рецензия на 2-й том Барона Брамбеуса (О. И. Сенковского). В рецензии Сенковский представляет читателю сказку «Жизнь и люди» как принадлежащую Ф. А. Белопяткину (т. е. Некрасову, а не Зотову), и Белопяткин же произносит монолог *Сочинителя*. Таким образом, Сенковский поясняет широкому читателю, что *Сочинитель* есть *Белопяткин*, т. е. Некрасов, а рассказ о взаимоотношениях Некрасова и Кони, в таком освещении, звучит от лица одного из участников.⁶⁰

Б. В. Мельгунов рассматривает этот прием Сенковского как ход против издания-конкурента — «Литературной газеты» Кони (*Летопись*, I, 136).⁶¹ Принимая такую интерпретацию, в аспекте анализа литературного процесса (за рамками экономических соображений конкурентов) мы можем говорить только об установке на литературный скандал. (Этот вывод согласуется с мнением современников Сенковского). Следовательно, суждение, формально являющееся литературной критикой (литератор говорит о литераторе и литературном произведении), фактически является публицистическим, и объектом является литературная репутация и «закулисные» межличностные отношения.

Признавая обоснованность вывода Б. В. Мельгунова, автор настоящей работы видит дополнительное значение приема Сенковского. Оно раскрывается в сопоставлении с осмысленными действиями Некрасова.

В публичном ответе Межевичу, сделанном в апреле 1841 г., Некрасов открыто возразил на печатные обвинения и домыслы. Помимо «политическо-

⁵⁹ Объявление книжного магазина А. А. Ольхиной о поступлении в продажу 2-го тома «Статеек в стихах, без картинок» вышло в «Северной пчеле», № 130, 14 июня; объявление о выходе в свет книжки вышло также в газете «Русский инвалид», 1843, № 133, 20 июня (подробнее см.: Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист... С. 19).

⁶⁰ БдЧ. 1843. № 7. Отд. VI. С. 1—11.

⁶¹ Подробнее см.: Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист... С. 19—22.

го» и чисто публицистического звучания, это выступление имело литературное значение. Литератор, его характер и судьба, сюжет и интриги этой судьбы все очевиднее обретали значение эстетического объекта, предмета литературного повествования и театрального представления. Образно говоря, «закулисная сторона» оборачивалась к публике и обретала статус зрелища, что воспринималось как нарушение границ приватной сферы, явление, пограничное со скандалом.⁶² Но одновременно злободневность, события, происходящие в настоящий момент с реальными людьми, обретали грань художественной отстраненности. Герой события осознавал себя героем художественного произведения и в то же время понимал зазор между собой — частным человеком, прототипом художественного произведения и литературным (сценическим) персонажем.

Некрасов, публично ответивший Межевичу, опроверг клевету против себя — частного лица. И одновременно он в своем печатном выступлении создал новый образ себя — литератора. В статьях первой и второй «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году» Некрасов упоминает «Литературную тлю»: в первой статье пользуется этим названием как именем нарицательным (*ПСС*, XI₁, 140), во второй — называет ее в числе «лучших повестей», «явившихся» «в журналах» 1843 г. (*там же*, 158). Тем самым, с одной стороны, он отводит от себя репутацию «тли» (напротив, «тлю» он видит в своих оппонентах, которым возражает); с другой стороны — он участвует в литературной игре, подавая реплику за репликой, как актер на сцене. Некрасов-литератор вступает в полемический полилог с журнально-газетным миром и анонимно, и под псевдонимом, и под собственным именем, подобно тому, как меняет маски некрасовский «актер» (герой одно-

⁶² В цитируемом сборнике «Фельетон», в разделе «Фельетонисты о своей работе», в статье Д. Заславского читаем технологию написания фельетона: «Задача — найти слабое, уязвимое место противника, дающее возможность представить его в смешном виде и тем подчеркнуть основные, характерные для него черты. Так как маскировка противника всего больше происходит в культуре и быту, вообще — в “мелочах”, — то с особым вниманием я слежу за ним именно здесь» (Фельетон: Сборник статей... С. 50).

именного водевиля) или как театральная публика вызывает на сцену автора водевиля *Перепельского*, и перед публикой раскланивается *Некрасов*.

Литературный скандал используется Сенковским как коммерческий прием: компрометация конкурента, перехват занимательной литературной продукции, занимательность самого процесса скандала, привлекающего определенный процент читателя и покупателя. Сходным образом действует Межевич, хотя в его действиях можно видеть большую долю личной уязвленности и стремления к компенсации. Но в действиях Некрасова нам видится и другой мотив. Его тексты, как и поведенческая модель, «работают» на формирование поэтики жанра и ее популяризацию.

Репутация, наряду с литературным (театральным) бытом, выстраивается и одновременно является предметом полемики и читательского (зрительского) внимания. В выстраивании репутации участвуют и ее носитель, и общество. В качестве «строительного материала» актуализируются определенные жанровые формы. Прибавим, что неотъемлемой частью любой репутации становятся бытовые слухи и сплетни (не являющиеся явлением литературы), а их характерной чертой является преувеличение. Это свойство синонимично карикатуре как в бытовом, так и в специальном значении, и в данном случае некая часть этой нелитературной составляющей усваивается художественной тканью, питая образ.

В критике такое решение могло восприниматься как эстетическая подмена, суррогат, недостойное внимание к «дрязгам», «быту», мелкому самолюбию, а автореклама — практически как прямая продажа себя. Подобное отношение было у П. А. Плетнева (см. гл. V, § 4, 5, 7).

Но если отвлечься от соображений повседневной этики и построения репутации и рассмотреть явление с точки зрения перспективы формирования жанров и родов литературы, то закономерность усиления личного начала на публичном пространстве будет выглядеть более очевидной. Узнаваемая личность и элемент фактической достоверности были востребованы жанрами

фельетона и карикатуры,⁶³ получившими широкую популярность. Их востребованность также подтверждается популярностью памфлетного, публицистического начала в прозе, поэзии, изобразительном и театральном искусстве и критике. И если покупка книжных новинок или подписка на издание может быть до какой-то степени отнесена на счет рекламы, то зрительское внимание к водевилям, в которых герои напоминали конкретных людей, возможно, сидящих в этот час в ложе или креслах, не исчерпывалось минутой покупки билета, а удерживалось на протяженности спектакля. При этом зрительское восприятие более непосредственно, чем читательское: зрители аплодируют не анонсу в газете, не цене билета, а игре актера и репризе автора здесь и сейчас.

Роль и место Некрасова в литературном процессе ассоциируются у его современников с различными проявлениями текущего культурного процесса: Некрасов — автор стихотворных и прозаических произведений, водевилей, обзоров и критико-публицистических статей, прототип персонажей собственных и чужих произведений, публичный человек, прибегающий к авторекламе. Эта множественность ипостасей создаёт скорее дробность образа, нежели его целостность, и скорее ассоциируется с понятием «журналист», нежели «художник». Поэтому в критических суждениях о нем отношение критика к «направлению» и к репутации выражается более явственно, нежели к творческой индивидуальности.

Реклама и антиреклама, с одной стороны, отражали экономическую сторону отношений внутри литературного процесса. С другой стороны, мож-

⁶³ Достаточно сослаться на чрезвычайную популярность фигурок работы карикатуриста Н. А. Степанова: они имеют более автономную эстетическую ценность, чем его издание «Будильник». Упомянем и «Ералаш» М. Л. Неваховича, живо воспринятый и зрителями, и критикой (см., напр.: [Б. н.] Петербургская хроника // РИ. 1847. № 4. 8 января. Фельетон. С. 13—14; [Б. н.] Петербургская хроника // РИ. 1847. № 22. 29 января. Фельетон. С. 86; [Б. н.] Петербургская хроника // РИ. 1847. № 45. 27 февраля. Фельетон. С. 178; [Б. н.] Петербургская хроника // РИ. 1847. № 81. 13 апреля. Фельетон. С. 320—321; [Б. н.] Петербургская хроника // РИ. 1847. № 100. 8 мая. Фельетон. С. 398; [Б. н.] Петербургская хроника // РИ. 1847. № 245. 2 ноября. Фельетон. С. 977—978; [Б. н.] Петербургская хроника // РИ. 1847. № 273. 6 декабря. Фельетон. С. 1089).

но указать на связь между усилением рекламы, демократизацией литературы и востребованностью в ней публицистического начала. Реклама и антиреклама были расхожим приемом и могли принимать вид критического суждения. По цели высказывания и по логике развития мысли они не являлись образцами критики как области, пограничной между читательским восприятием, искусством и наукой и посвященной уяснению закономерностей литературного процесса и художественного вкуса. Но в мало подготовленном читателе подобные тексты могли сформировать представление о *критике* как о «ругани» или «похвале», не нуждающейся в достойной аргументации или проявляющей в аргументации завидную гибкость.

Примерами подобных «критик» изобилует «Северная пчела» — ежедневное издание, в силу близости Ф. В. Булгарина к III Отделению находившееся на привилегированном положении и читаемое (как минимум просматриваемое) широкой публикой независимо от солидарности или антагонизма по отношению к издателю.

3. Ф. В. БУЛГАРИН. «СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА»

§ 1. «ФОНОВАЯ» КРИТИКА «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»

«Северная пчела» — «газета политическая и литературная», выходившая ежедневно, кроме выходных дней. Важным фактом является то, что «Северная пчела» имела широчайшую читательскую аудиторию: число читателей превосходило число подписчиков.

Критические отзывы «Северной пчелы», самого яркого оппонента «натуральной школы», достаточно многочисленны и разнообразны. Некоторые из них, посвященные Некрасову, проанализированы в предыдущих главах.

Фельетонная критика Булгарина содержала оценки художественного произведения. Вместе с тем, как будет показано в этом разделе, задачи его текстов были внеположны задачам критики, если понимать под критикой специальное суждение об эстетических достоинствах художественного произведения. И одновременно они способствовали формированию объема понятий и терминологического аппарата, которыми оперировала критика (§ 4, 5, 6).

Ближайшим контекстом является полемика, которую вела с «Северной пчелой» «натуральная школа» и в которой ведущее место принадлежало Белинскому. Достаточно регулярны упоминания «натуральной школы» в статьях, посвященных Н. В. Гоголю. Так, 11 января 1847 г. в фельетоне «Журнальная всякая всячина» Булгарин в связи с выходом книги «Выбранные места из переписки с друзьями» иронизирует над литературными почитателями и последователями Гоголя периода после «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и, повторяя свои претензии к Гоголю («односторонен», «видит в свете одно смешное или карикатурное», «ищет более грязной стороны и будто не видит светлой», «весьма небольшой знаток русского языка»), характеризует своих литературных оппонентов как «десятка полтора молодых людей, без

определенного места, с полударованиями и полупознаниями, с огромными притязаниями на известность и даровитость и с весьма малыми средствами». ⁶⁴ Сходные рассуждения находим в статьях ЯЯЯ (Л. В. Бранта). ⁶⁵ Число примеров может быть увеличено: мотивы полемики были постоянными, как и упоминания имен собственных или эвфемизмов.

Традиционно эта полемика в литературоведении рассматривалась в идеологическом аспекте. Такое освещение объективно: и Булгарин, и «натуральная школа», в лице Белинского и Некрасова, уделяли большое значение социальной тематике и полемическим приемам. Но оно представляется недостаточным. В частности, оно не объясняет, почему полемические ответы Некрасова и Белинского Булгарину имели характер развернутой аргументации *литературного* характера.

Например, обратимся к статье Некрасова «Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка человеческого рода. Сочинение Фаддея Булгарина» ⁶⁶ (ПСС, XI₁, 80—83). Этот маленький по объему текст по информативности очень емкий. Он содержит характеристику московской литературы (журнал «Москвитянин» и характеристика московских романистов), петербургской литературы, в которой отмечены «несколько совершенно новых, истинно прекрасных произведений» Гоголя и Лермонтова (ПСС, XI₁, 81), наряду с этим — засилие коммерческой литературы низкого качества; в качестве исключений Некрасов упоминает «достоинство внимания и поощрения» явление

⁶⁴ Ф. Б. [Булгарин Ф. В.] Журнальная всякая всячина // СП. 1847. 11 янв. № 7. Фельетон. С. 29—31.

⁶⁵ ЯЯЯ [Брант Л. В.] Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. С.-Петербург, 1847. В типографии Э. Праца. В 12-ю д. л. 413 стр. // СП. 1847. 13 февраля. № 34. Русская литература. С. 154—155; ЯЯЯ [Брант Л. В.] Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. С. Петербург, 1847. В типографии Департамента Внешней Торговли. В 1-ю д. л. 287 стр. // СП. 1847. 27 марта. № 67. Русская литература. С. 266—267 и др.

⁶⁶ Впервые опубликовано: [Б. п.] Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка человеческого рода. Сочинение Фаддея Булгарина. 1) Противоположности: Русская боярышня 1643 года и Русская барышня 1843 года. 2) Извозчик-ночник. 3) Русская ресторация. Издание М. Ольхина. Санкт-Петербург, 1843. В тип. Э. Праца. В 4-ю д. л., 46 стр. // ОЗ. 1843. № 3. Отд. VI. С. 17—19.

— «добросовестный перевод Шекспира, предпринятый г. Кетчером в 1841 году и деятельно подвигающийся вперед» (*ПСС*, XI₁, 82). На фоне общей характеристики рынка, изданий, писательской и переводческой деятельности Некрасов судит об очерках Булгарина: их изобразительной стороне, слабом языке, «отталкивающим» изображении «*русских нравов*» (*ПСС*, XI₁, 83), постоянных выпадах против «Отечественных записок».

Критика выглядит аргументированной:⁶⁷ читателю предлагается объективная общая картина, факты и определенные эстетические ориентиры. Отметим также свидетельство Белинского, восхищавшегося этой статьей: «<...> а между тем, он тогда же говорил, что не питает к Булгарину никакого неприязненного чувства» (*Б-13*, XII, 456). Краткий анализ статьи Некрасова показывает, что ответ оппоненту выдержан в рамках задач и приемов литературной критики, отзывающейся на сегодняшний день литературы в его отношении к историческому развитию и перспективам. В самой известной его статье, посвященной Булгарину, критика носит преимущественно литературный, а не публицистический характер, несмотря на ее идеологичность.

На первый взгляд, в этой литературности есть некая диспропорция по отношению к фельетонам Булгарина,⁶⁸ особенно если воспринимать их в духе и стилистике литературоведения середины XX в.: «выпады» «рептильной журналистики» против «лагеря» «демократической печати». Однако анализ

⁶⁷ Здесь можно было бы выдвинуть контрдовод этому выводу. Некрасов обвиняет журнал «Москвитянин» в том, что для него понятие «русская литература» фактически свелось к понятию «древнерусская литература», а интерес к древней словесности вытеснил интерес к словесности современной. Обвинение касается деятельности С. П. Шевырева, положившего основы изучения древнерусской литературы как научной дисциплины и продолжавшего занятия критикой (подробнее см.: *Цветкова Н. В.* С. П. Шевырев о «Петербургском сборнике» (1846) Н. Некрасова. С. 74—75). Оставляя в стороне меру исторической объективности критики Некрасова в общей оценке филологической деятельности Шевырева, отметим, что основной аргумент — преимущественный интерес журнала к древности — в данной статье опирался на факты и касался публикаций, а не репутации публикатора.

⁶⁸ Булгарин охотно прибегал к выстраиванию историко-литературных имен; впрочем, *называнием* авторитетных имен зачастую и заканчивалась аргументация.

текстов Булгарина демонстрирует, что для столь подробных ответов со стороны критика были веские основания.

Представляется актуальным представить анализ этих текстов, в некоторых случаях включая те, которые не посвящены прямо Некрасову. Целесообразность такого подхода заключается в том, что предметом анализа будет не предметно-тематический диапазон высказываний Булгарина, а его критический метод.

Анализ критики «Северной пчелы» будет неточен, если свести его к анализу статей или даже фрагментов статей, посвященным именно Некрасову. Необходимо учитывать тот фон, на котором появлялись критические суждения о Некрасове. При сквозном просмотре ежедневной газеты обращает на себя внимание большая частотность текстов, в которых Некрасов лишь упоминается: как автор стихов и прозы, как издатель и редактор, как представитель «натуральной школы». В некоторых случаях Некрасову посвящены несколько строк. В некоторых случаях он бегло упомянут, либо прочитывается намек на него. Иногда упоминается не Некрасов, а «натуральная школа», которая у широкого круга читателей ассоциируется с именем и произведениями Некрасова и критическими отзывами о нем. Иногда упоминается Белинский и «натуральная школа»; ввиду близости Белинского и Некрасова такие упоминания порождают ассоциативную связь.

Несмотря на то, что развернутая оценка произведений Некрасова была не очень частой, «фоновые упоминания» его имени, «натуральной школы» и имени Белинского поддерживали некие смысловые акценты и создавали впечатление непрерывности. Поэтому представляется целесообразным проанализировать именно эти «фоновые упоминания», раскрывающие метод Булгарина-критика.

§ 2. К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СТИЛЯ БУЛГАРИНА-КРИТИКА

Научная литература о Булгарине достаточно обширна. Изучена его репутация, различные сферы его деятельности, индивидуальная поэтика. Специальной работы, посвященной Булгарину-критику, нет, и это закономерно. Как отмечено в справочной литературе, в освещении литературных новостей Булгарин предпочитал метод полемики.⁶⁹ Трактовка различных проблем носила у него, как указывают А. И. Рейтблат и В. П. Мещеряков, «поверхностный характер».⁷⁰ Это замечание подтверждается множеством иллюстраций. К тому же, оно вполне отвечает характеру фельетонной критики. Так, Б. В. Томашевский в статье «У истоков фельетона (Фельетон в «Journal des Débats»)»⁷¹ обращается к стилю Жоффруа, которого сопоставляет с Булгариным,⁷² и замечает: «Еще Жоффруа кокетничал противоречиями в своих фельетонах, и сознательно вводил оговорки, ослаблявшие основное утверждение. Он сам писал о своих фельетонах, что он них нельзя требовать больше, чем от беседы под первым впечатлением».⁷³ В этом описании узнаваемы приемы, которые широко использовал Булгарин.

Для характеристики метода Булгарина используем некоторые наблюдения, сделанные разными исследователями, обращавшимися к разным текстам Булгарина.

⁶⁹ Эта характерная черта Булгарина-литератора отражена в словарных статьях о нем. См., напр.: Мещеряков В. П., Рейтблат А. И. Булгарин Фаддей (Тадеуш) Венедиктович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. А—Г. С. 349. Укажем также статьи: Вершинина Н. Л. 1) Булгарин Ф. В. // Псковский биографический словарь. Псков, 2002. С. 65—66; 2) Фаддей Венедиктович Булгарин // Псковский край в литературе / Под ред. Н. Л. Вершининой. Псков, 2003. С. 126—139.

⁷⁰ Мещеряков В. П., Рейтблат А. И. Булгарин Фаддей (Тадеуш) Венедиктович... С. 349.

⁷¹ Томашевский Б. В. У истоков фельетона (Фельетон в «Journal des Débats») // Фельетон: Сборник статей... С. 59—71.

⁷² «Своеобразная фигура этого рецензента из аббатов <...> человека цинического и не всегда чисто плотного в литературных операциях, подхалима перед властями в то же время талантливого журналиста, и, несмотря на односторонность и пристрастие, критика подчас весьма прозорливого, чем-то напоминает нашего Булгарина» (Там же. С. 61).

⁷³ Там же. С. 70.

Подробный аргументированный анализ поэтики и стилистики Булгарина-прозаика предложен Н. Л. Вершининой.⁷⁴ Прозе Булгарина, лирике, прозе и фельетона Некрасова посвящены отдельные главы ее монографии. Существенные характеристики стиля Булгарина содержатся в статье Вершининой «Проблема “натурального стиля” в прозе Н. А. Некрасова 1840—1850-х годов и литературный контекст».⁷⁵

Освещая творческие соприкосновения Некрасова и Булгарина, Н. Л. Вершинина апеллирует к оценкам Некрасова-критика, который противопоставил роман Булгарина «Иван Выжигин» роману А. Измайлова «Евгений» в рецензии на «Учебную книгу русской словесности, или Избранные места из русских писателей в прозе и стихах» Н. И. Греча (1844) (*ПСС*, XII₂, 62). По утверждению Вершининой, Булгарин «не готов свободно и смело заявить о своей позиции, а фиксирует “пороки” путем начетнической систематизации, “подбирая словечко к словечку” и используя, в целях контакта с “публикой”, “натянутое” остроумие (Н-15. 11/1, 82).

Вне *иронии* и многообразных оттенков комического контекст эпохи представляется Н. А. Некрасову ущербным, отвлеченным от задач современности»;⁷⁶ «Ф. В. Булгарин не приемлет сатирических, юмористических и иных интерпретаций действительности, вытекающих из *самого* явления, не вмененных ему риторикой как посредствующей призмой, где действительность уже представлена в нужном свете. Для литературного сознания Ф. В. Булгарина существенна лишь прямая, откровенно морализаторская классификация явлений, данных либо вне своей “натуральной” составляю-

⁷⁴ Вершинина Н. Л. Нравоописание в русской прозе XIX—XX веков. Псков, 2008.

⁷⁵ Вершинина Н. Л. Проблема “натурального стиля” в прозе Н. А. Некрасова 1840—1850-х годов и литературный контекст // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 2011. Вып. VII. С. 16—36.

⁷⁶ Вершинина Н. Л. Проблема “натурального стиля” в прозе Н. А. Некрасова... С. 32—33.

щей, либо при наличии ее, но без возможности выйти к художественным обобщениям».⁷⁷

Рассуждение о риторичности стиля Булгарина, чуткого к литературному процессу, представляется весомо аргументированным еще и в силу того, что Н. Л. Вершинина — автор специальной работы, посвященной риторике⁷⁸ как актуальной области филологической науки и речевой практики.

Для анализа критических высказываний Булгарина о Некрасове плодотворно сопоставить указанные выводы Вершининой с рядом соображений А. Г. Алтуняна, высказанных в его монографии «“Политические мнения” Фаддея Булгарина: Идеино-стилистический анализ записок Ф. В. Булгарина к Николаю I».⁷⁹ На первый взгляд, монография полемична по отношению к указанным литературоведческим исследованиям, посвященным особенностям индивидуальной поэтики Булгарина и его места в литературном процессе. Однако для нас важно, что Алтунян фокусирует внимание современного историка литературы на существенных и не освещенных никем, кроме него, аспектах.

Без излишней комплиментарности оценивая общую литературную деятельность Булгарина,⁸⁰ Алтунян заявляет об актуальности изучения его наследия как *политического писателя*.⁸¹ И, обращаясь к анализу политического текста, Алтунян выделяет три его уровня: «уровень очевидных смыслов, прямое слово (то, *что* сказано)», «уровень риторических, стилистических, логических средств (то, *как* сказано)» и «уровень априорных посылок (то, из чего исходит автор в своих суждениях, и что при этом специально не огова-

⁷⁷ Там же. С. 35—36.

⁷⁸ Вершинина Н. Л. «Как слово наше отзовется...»: Учебно-методическое пособие по риторике. Псков, 2010.

⁷⁹ Алтунян А. Г. «Политические мнения» Фаддея Булгарина: Идеино-стилистический анализ записок Ф. В. Булгарина к Николаю I. М., 1998.

⁸⁰ «Булгарин предпринимал большие усилия, чтобы остаться в памяти потомков как писатель, ученый, меценат, библиофил <...>» (Там же. С. 7).

⁸¹ Там же. С. 8—12.

ривается)».⁸² Риторичность Булгарина также рассматривается как характерная черта его стиля.

Внимание к роли риторики в стиле Булгарина у двух исследователей — Н. Л. Вершининой и А. Г. Алтуняна, — обратившихся к болгаринским текстам разной природы, представляется значимым совпадением для дальнейшего изучения места Булгарина в историко-литературном ряду и наводит на мысль о продуктивности этого метода в дальнейшем изучении фельетонной критики Булгарина.

По утверждению Алтуняна, политический текст всегда и обязательно адресован конкретной аудитории, в отличие от художественного текста. Исследователь замечает, что «политический текст по своим задачам, по своим функциональным характеристикам очень схож еще с одним типом текстов, который сравнительно недавно ворвался в нашу жизнь. Это, конечно, рекламные тексты. <...> Отличия политического текста (как функционального жанра) от рекламного не столь явны, как их сходство, но тем не менее очевидны. Политический текст — всегда *убеждающий* и лишь иногда *соблазняющий*, рекламный текст — всегда *соблазняющий* и лишь иногда *убеждающий*».⁸³

Состояние рекламы в XIX в. отличалось от сегодняшнего, однако именно «Северная пчела» может быть названа богатым источником рекламных текстов, преследовавших и узко личные коммерческие цели,⁸⁴ и дискредитацию литературных конкурентов.

⁸² Там же. С. 15.

⁸³ Там же. С. 12—14.

⁸⁴ Отметим пристрастное, но очень непринужденное свидетельство А. Я. Панаевой: «Мне рассказывал Межевич, что Булгарин в своей семейной жизни был точно чужой, как хозяин дома не имел никакого значения, сидел всегда у себя в кабинете. Его жена немка и ее тетка распорядились по своему произволу домом, детьми, деньгами. Булгарину давалась ничтожная сумма на карманные расходы, а все доходы от газеты от него отбирались. Булгарин тщательно скрывал от жены свои мелкие доходцы, получаемые от фруктовых магазинов, лавочек и винных погребов, восхваляемых им в своей газете» (Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 105).

При обращении к фельетонной критике Булгарина представляется целесообразным учитывать соображения А. Г. Алтуняна о нем как о политическом писателе, что косвенно подтверждается сопоставительным анализом прозы Булгарина и Некрасова, проделанным Н. Л. Вершининой, а именно выводами о присущем Булгарину заданном морализаторстве. Алтунян указывает на следующие «мнения» Булгарина, актуальные для освещения его критической деятельности:

1. «Силою невозможно остановить распространение идей»;
2. «общее мнение не только существует, но им можно **управлять**»;
3. «идея управления общим мнением, как неким устройством, предполагает знание “**пружин**” (термин Булгарина)»;
4. «для молодежи высшего состояния это театральная сфера; для среднего состояния (основной массы публики) это “справедливость и некоторая гласность”». ⁸⁵
5. «Некоторая гласность» нужна для «**доверия к печатному слову**». ⁸⁶
6. Доверие к печатному слову нужно, потому что «“...большая часть людей, по умственной лени, недостатку сведений... гораздо способнее принимать и присвоивать себе чужое суждение, нежели судить самим”, “лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность напутствовать его и управлять оным” с помощью книгопечатания, которое и сообщит этой “большой части людей” те сведения и суждения, которые правительство сочтет нужным им сообщить». ⁸⁷
7. Булгарин дает характеристику «истинного литератора»: «речь идет исключительно о профессиональных навыках, но навыки

⁸⁵ Алтунян А. Г. «Политические мнения» Фаддея Булгарина... С. 23—29.

⁸⁶ Там же. С. 37.

⁸⁷ Там же. С. 22.

эти не столько литератора, l'homme de lettres, сколько пишущего в журналах памфлетиста, которому можно “задать тему”.⁸⁸

Приведенная выше цитата из статьи Н. Л. Вершининой — характеристика стиля Булгарина-прозаика, как он был понят его современником и литературным оппонентом Некрасовым,⁸⁹ — вполне отражает «мнения» Булгарина относительно идей, распространение которых невозможно остановить, но возможно направить, придать им нужную форму, привить некие стереотипы видения предмета и его оценок. Метод Булгарина — автора нравоописательных очерков, убедительно раскрытый Вершининой, представляется очень последовательным по отношению к его «мнениям». Этому методу противостоят художественные поиски и решения и критические суждения литераторов «натуральной школы», завоевывавших читательский интерес. Poleмика с «натуральной школой» в критике «Северной пчелы» была постоянной и острой.

Проанализируем несколько точечных, «фоновых» упоминаний о перешедшем к Некрасову и Панаеву журнале «Современник», регулярно появлявшихся на страницах «Северной пчелы».

§ 3. ОТЗЫВЫ БУЛГАРИНА О ЖУРНАЛЕ «СОВРЕМЕННОК»

1 января 1847 г. вышел в свет № 1 обновленного «Современника».

2 февраля 1847 г. в № 1 «Северной пчелы» выходят два фельетона Булгарина. В одном из них — «Заметки, выписки и корреспонденция Ф. Б.», — посвященном обзоре журналистики на начало 1847 г., Булгарин ставит в заслугу журналу «Москвитянин» то, что он «с благородным усердием противодействует ложному направлению так называемой *новой* или *натуральной*

⁸⁸ Там же. С. 42.

⁸⁹ Вершинина Н. Л. Проблема “натурального стиля” в прозе Н. А. Некрасова... С. 32—33, 35—36.

школы, старающейся унижить все заслуги прежних литераторов, действовавших за восемь лет пред сим».⁹⁰

Во втором фельетоне — «Беседа накануне Нового Года», — рассуждая о современной европейской и русской литературе, Булгарин утверждает художественную и критическую несостоятельность «натуральной школы»: «Нынешней лепет так называемых *новых школ* — это бред спящего человека. Подождем терпеливо, проснется! <...> Пройдет время, когда защитников разума и искусства будут судить разумные художники».⁹¹

4 января в фельетоне «Журнальная всякая всячина» Булгарин говорит о книге П. Лукашевича «Чаромутие, или Священный язык магов, волхвов и жрецов, открытый Платоном Лукашевичем, с прибавлением обращенных им же в прямую истоть чаромути и чарной истоти языков Русского и других Славянских и части латинского. Петргород, 1846 года». После пространных цитат и иронического недоумения по поводу претенциозной мировоззренческо-лингвистической концепции автора Булгарин заключает: «Впрочем, мы, издатели “Северной пчелы”, особенно пишущий сии строки, обязаны почтенному автору <...>, и хотя <...> не разгадали ни *чаромутия*, ни *чарной истоти*, но отныне, в память благосклонного к нам автора, язык нынешней, так называемой *натуральной школы* будем называть: *чаромутием*! Нечего сказать, *взмутили* русский чистый и прекрасный язык (а ведь в *мутной* воде и рыбу ловить!), и *очарованные* галиматьею простодушные люди, почитая все то мудреным или мудрым, чего они не понимают, пошли на приманку. Вот вам и *чаромутие*!».⁹²

Отметим, во-первых, частоту точечных уколов, гибкость и быстроту переходов: заключение о несостоятельности «натуральной школы» венчает пространный эмоциональный пассаж, посвященный другому, иногда явно низшему по значимости явлению. Во-вторых, при резкости обвинений, от-

⁹⁰ СП. 1847. № 1. 2 января. Фельетон. С. 2.

⁹¹ СП. 1847. № 1. 2 января. С. 2.

⁹² СП. 1847. № 3. 4 января. Фельетон. С. 10.

сутствие аргументации: *как именно* «новая школа» «старается унижить» заслуги прежних литераторов, *почему* произносимое ею — «лепет» и «бред», и т. д. В некоторых статьях Булгарин более подробен, но в фоновых упоминаниях, подобных процитированному, он обходится категоричными оценками. В-третьих, при отсутствии аргументации, Булгарин апеллирует к субъективно-личностному, эмоциональному восприятию. Эпитеты и оценки литературных оппонентов эмоционально окрашены: «натуральная школа» — «лепет», «бред», «галиматья», «ложное» (направление), они стремятся «унижить»; читатели — «простодушные»; «усердие» «Москвитянина» — «благородное». Это тон доверительной беседы с теми, кто, понимая истинную цену вещей, не нуждается в разъяснениях; отечески-сочувствующий тон по отношению к тем, кто «очарован» по «простодушью». Характер ситуации отвечает наблюдению А. Г. Алтуняна: «рекламный текст — всегда *соблазняющий* и лишь иногда *убеждающий*».⁹³ В-четвертых, отметим, как Булгарин переводит обвинение в замутнении здравого смысла с Платона Лукашевича на «натуральную школу», тогда как именно он, Булгарин, способствует замутнению здравого смысла, навязывая готовые оценки, апеллируя к эмоциям, опуская аргументацию, переводя внимание читателя в другое русло.⁹⁴

* * *

В № 27 газеты от 6 февраля 1847 г. в фельетоне «Заметки, выписки и корреспонденция Фаддея Булгарина», рассуждая о приглашении на маскарад, не распространяющемся на литераторов недворянского происхождения, Бул-

⁹³ Алтунян А. Г. «“Политические мнения” Фаддея Булгарина... С. 12—14.

⁹⁴ На реплику Булгарина ответил Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года»: «Фельетонисты, которых у нас теперь развелось такое множество и которые, по обязанности своей еженедельно рассуждают в газетах о том, что в Петербурге погода постоянно дурна, считают себя глубокими мыслителями и глашатаями великих истин, — фельетонисты наши очень не взлюбили слово “прогресс” и преследуют его с тем остроумием, которого неоспоримую и блестящую славу они делят только с нашими же водевилистами. <...> Они и выдумывают, да всё невпопад, и все их нововведения отзываются *чаромутием* и возбуждают смех» (Б-13, X, 280).

гарин походя замечает невозможность пригласить литераторов «натуральной школы» ввиду их дурных литературных манер.⁹⁵ Булгарин намекает на недворянское происхождение А. В. Никитенко и В. Г. Белинского, на несоответствие «манер» Некрасова и И. И. Панаева их дворянскому происхождению, на ограниченность читательской аудитории для сотрудников «Современника» (их не пустят в приличный дом ввиду их дурных манер), на несовместимость этого литературного направления со вкусом людей дворянского сословия и воспитания.

Это антиреклама и одновременно текст, позволяющий судить о литературной и сословной политике: разделение аудитории на «наших» и «не наших», содержащее косвенную рекомендацию, как избежать попадания в «не наши» (дистанцироваться от круга литераторов и произведений «натуральной школы»). Антиреклама манипулирует представлением о демократичности: разделение внешне связано с сословной принадлежностью, но недворянин, признавший несоответствие «дурных манер» литераторов «натуральной школы», тем самым, по логике, обнаружит «хорошие манеры», сближающие его с более высокой, дворянской прослойкой. Антидемократичность в том, что стимулом к оценке служат не соображения вкуса или художественной актуальности, а возможность (притом мнимая) считать себя причастным к привилегированному сословию.

* * *

В № 224 от 4 октября в кратком обзоре журнальной и газетной полемики Булгарин высказывает грубый упрек «Современнику» и «натуральной школе» в искажении литературного языка: «он ревностно содействует совре-

⁹⁵ [Б. п.] <Булгарин Ф. В.> Заметки, выписки и корреспонденция Фаддея Булгарина // СП. 1847. № 27. 5 февраля. Фельетон. С. 106.

менному искажению русского языка и распространению темно-коричневого вкуса *натуральной школы*».⁹⁶

Слишком прозрачный эвфемизм носит явный антирекламный характер: реклама, как утверждает Алтунян, *соблазняет* и лишь иногда *убеждает*, а обозначенное нечто *противоположно соблазну* и на ассоциативном уровне настраивает читателей *против* «натуральной школы». Ассоциативный ряд выстроен по нарастающей: если вид «темно-коричневого» (цвет — зрительная ассоциация) неприятен и неприличен, в плоскости бытового сознания и бытовых пересудов снижающе-смешон, то предполагаемый *вкус* «темно-коричневого» отвратителен для людей с нормальным, не извращенным вкусом. Здесь предельно сближаются прямое и терминологическое значение слова «вкус», поскольку вкусовая (как и обонятельная) ассоциация очень устойчива. В данном случае отрицательная ассоциация сенсорного характера дополнительно поддерживается совокупностью базовых бытовых представлений о «верхе» и «ниже», о воспитании и приличиях, о системе ценностей, в которой в бытовом оценочном суждении обозначаемое однозначно занимает нижнюю позицию.

Отметим, что преимущественная часть читателей «Северной пчелы» не обладала достойным уровнем образования и начитанности и развитой способностью к абстрактному мышлению. Поэтому данная ассоциация, по логике текста, должна была срабатывать для читателя не только при упоминании «натуральной школы», но и в тех случаях, когда читатель слышал или читал слово «вкус» применительно к литературе. «Натуральная школа» для него просто оказывалась маркированной определенным образом. Оценка по смежности распространялась на любого из писателей или критиков «натуральной школы». Перед нами — механизм формирования ущербного понятия вкуса с заложенной в понятие оценкой историко-литературного факта. Этическая и эстетическая позиция литературных оппонентов помечается

⁹⁶ Ф. Б. <Булгарин Ф. В.> Журнальная всякая всячина // СП. 1847. № 224. 4 октября. Фельетон. С. 895.

Булгариным как антоним понятия «вкус» через ассоциацию «отвратительный вкус».

* * *

Нет необходимости умножать число примеров подобных точечных, «фоновых» упоминаний и замечаний. Отметим, что они многочисленны, легко сочетаются с обзорами другого явления и обычно не содержат аргументации. Они не являются в строгом смысле слова критическими отзывами, они не прививают читателю навыков понимания и собственно эстетического восприятия — оно умело подменяется идеологическим восприятием. «Фоновые» упоминания вводятся в текст как устойчивая оценка, в соответствии с замечанием Булгарина: «лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность напутствовать его и управлять оным» с помощью книгопечатания, которое и сообщит этой “большой части людей” те сведения и суждения, которые правительство сочтет нужным им сообщить».⁹⁷ «Фоновые» упоминания создают «общее мнение», как и объяснял Булгарин в докладной записке.⁹⁸

Но этот ход более дальновиден, чем просто создание *общего мнения* о предмете, в данном случае о произведениях и изданиях «натуральной школы» и конкретно Некрасова. Критическое суждение подразумевает оценку, и чем менее подготовлен читатель, тем актуальнее для него соотнесенность критического суждения с прямой оценочностью: «хорошо» или «плохо» то или иное литературное явление. В недостаточно искушенной публике эти «фоновые» замечания и упоминания формировали представление о *критике*.

⁹⁷ Алтунян А. Г. «Политические мнения» Фаддея Булгарина... С. 22.

⁹⁸ Отметим действенность этого приема. Согласно современным маркетинговым исследованиям, телевизионная реклама начинает «работать» после 4—5 просмотра. Полноценная «работа» рекламы «включается» с 21 повторения. Полтора столетия назад журналист коммерческого и политического издания интуитивно понимал этот принцип и умело им пользовался.

Предпринятый в настоящей главе анализ не подвергает сомнению выводы предшественников об идеологической и коммерческой подоплеке полемики «Северной пчелы» с «натуральной школой». Нашей целью было показать метод Булгарина и механизм формирования мнения в отношении к формированию литературной критики.

Обратимся к анализу еще нескольких текстов Булгарина, которые демонстрируют характерные приемы его аргументации в области критики и фельетонистики, в этот период почти неизменно затрагивающей литературную деятельность Некрасова.

§ 4. О ТЕРМИНАХ «ПАМФЛЕТ», «ПАСКВИЛЬ» И «КАРИКАТУРА»

Как отмечает А. Г. Алтунян, «истинный литератор» представляется Булгарину гибким памфлетистом. В истории европейской (в меньшей степени русской) общественной мысли памфлет связан с острыми политическими ситуациями, обязательным социально протестным пафосом, полной смысловой доступностью и оценочной однозначностью для всех слоев публики.

Вслед за популярным сатирическим журналом Альфонса Карра «Осы»⁹⁹ Ф. В. Булгарин выпустил свой сборник — «Комары» (1842).¹⁰⁰ Сборник начинался с пояснения по поводу жанра и термина:

«Альфонс Карр издает политические памфлеты; правда, в духе хорошем, охранительном (*dans un esprit conservateur*), но все-таки памфлеты, а этот род сочинений есть не что иное, как личная сатира, с наименованием лиц — почти то же, что пасквиль! Есть у Альфонса Карра отдельно много философических и нравственных мыслей в его “Осах”, но эти отдельные изречения, так сказать, утопают в личностях... Знаете ли, если бы я жил во Франции, писал по-французски и имел вдвое более ума и таланта, нежели Альфонс Карр, все-таки ни за что бы в мире не согласился быть памфлетистом и писать личности! По моему убеждению, вы можете спорить с человеком только о его *мнении*, можете даже остриться на счет его ошибок или упрямства, можете признавать (хотя не должны) писачку великим писателем и рифмоплета — поэтом... если вы не правы в споре — тем хуже для вас! Но, во всяком слу-

⁹⁹ Журнал «Осы» издавался А. Карром с 1839 по 1849 гг.

¹⁰⁰ Булгарин Ф. В. Комары. Всякая всячина. Рой первый. СПб., 1842.

чае, *честь и частная жизнь* вашего противника должны оставаться неприкосновенными». ¹⁰¹

Объяснения Булгарина посвящены термину «памфлет». Защита «памфлетов» «в духе хорошем», «оправдание» публицистического жанра, содержит двойственное утверждение. Первое: что «дух хороший, охранительный» делает памфлет позволительным, достойным цитирования и упоминания в критике. Второе: что памфлет вообще есть «личная сатира», т. е., «почти то же, что пасквиль!» (облыжное посрамление личного характера). Иными словами, что пасквиль от не-пасквиля отличает не фактическая достоверность, не социальный или узко личностный посыл автора, а соответствие содержания «духу», притом определенному («охранительному»), то есть — принадлежность автора к определенной общественно-политической группировке.

В такой трактовке Булгарин, вслед за «Осами» печатающий свои «Комары» в «охранительном духе», пишет и публикует не-пасквили и даже не-памфлеты: прямое отмежевание от жанра содержится в тексте («если бы я жил во Франции, писал по-французски и имел вдвое более ума и таланта, нежели Альфонс Карр, все-таки *ни за что бы в мире не согласился быть памфлетистом и писать личности!*»). Напротив, оппоненты Булгарина, пишущие не в «охранительном духе», по этой логике, пишут «памфлеты», которые суть «пасквили». Писателя от пасквилянта, таким образом, отличает выраженная политическая позиция. Манипуляция понятиями основана на договоренности между «нашими», т. е., на личном начале, и на априорной правоте «наших». Обвинение же в апелляции к личному началу как к решающему аргументу переводится с себя на «противника». В глазах читателя, не сильного в логике и риторике, *называние* становится равноценно *аргументу*.

Декларируя защиту «чести и частной жизни» «противника», на деле Булгарин переходит на личности. Сборник «Комары» — яркий тому пример. В частности, в одном из рассказов, вошедших в сборник («Нищий, или исто-

¹⁰¹ Булгарин Ф. В. Комары... С. 7—9.

рия богатства»), автор-повествователь встречается с нищим, который был очень богат, но, вследствие недостойного образа жизни, прокутил свое состояние. Повествователь выслушивает его историю и из сострадания кормит обедом, а сообща сотрапезники выводят мораль о достойном и недостойном образе жизни.¹⁰² Рассказ содержит намек на Ф. А. Кони, которого Булгарин утрированно изображает в образе купеческого сына, женившегося на актрисе и спустившего на актрис состояние.

Отметим, что очень похожий сюжет есть в «Заметках петербургского туриста» (1855) А. В. Дружинина («Случай неимоверно-фантастический, но не менее того поучительный, или видение в тоннеле Пассажа»):¹⁰³ повествователь встречает нищего, в котором узнает знаменитого великосветского купцу. Обнищавший денди тоже рассказывает повествователю историю своей недостойной жизни, а тот из сострадания угощает его обедом. Однако в фельетоне Дружинина социальное явление освещено иначе: если Булгарин язвит и назидает, то Дружинин напоминает читателям о сочувствии к людям, вследствие легкомыслия испытавшим превратности судьбы.

Сходство и различие двух текстов объясняется их жанровой природой. Булгарин, Дружинин, а также И. И. Панаев, Некрасов, Н. А. Добролюбов и т. д. неоднократно продемонстрировали такие свойства фельетона, как гибкость и способность соединяться и с беллетристикой, и со стихотворной пародией, и с критикой. Такую же гибкость имеет жанр памфлета, для определения которого в научной литературе указано его сходство и отличие в сравнении с фельетоном: «в памфлете предметом осмеяния всегда является социально комическое: памфлетист никогда не обрушит свой гнев на элементарно комическое. Предметом фельетона в основном является элементарно-комическое и реже — социально комическое. Поэтому и средства изображения в нем иные, чем в памфлете — преимущественно ирония и юмор; и па-

¹⁰² Булгарин Ф. В. Комары... С. 34—69.

¹⁰³ Дружинин А. В. Собр. соч.: В 8 т. СПб., 1867. Т. 8. С. 270—275.

фос его совершенно иной: смех фельетониста направлен на совершенствование, исправление объекта осмеяния».¹⁰⁴

Приведенное суждение произнесено в конце XX в., а в XIX в. эти жанровые формы часто обнаруживали текучее состояние и лишь искали своих границ. Так, Б. В. Томашевский в специальной статье, посвященной истории фельетона как жанра и написанной в январе 1927 г.,¹⁰⁵ утверждает: «Сатира, памфлет, критический донос — специфические формы фельетона».¹⁰⁶ Внешняя противоречивость процитированных суждений, отстоящих одно от другого лишь на несколько десятилетий, — следствие как процесса формирования жанра, так и процесса формирования представления о жанре.

Поскольку приведенный пассаж Булгарина посвящен термину, вновь напомним, что этот термин еще не сформировался в полной мере в 1840-х гг. Жанр памфлета, хорошо известный в Западной Европе, был достаточно знаком и русской публике. Его актуальность ощущалась в русской словесности, в том числе в области литературной критики.¹⁰⁷ Стремление Некрасова (как и Белинского) к публицистически заостренному высказыванию о насущных проблемах порождено положением в отечественной словесности и, в частности, в литературной критике. Это положение связано с шаткостью понятий, чем умело манипулировал читаемый всеми Булгарин, более того — чему Булгарин целенаправленно способствовал.

Поэтому проблема важна не только с точки зрения общественного развития, но и с точки зрения формирования жанра и освоения его литературной

¹⁰⁴ Руснак И. Ф. Памфлет в системе литературных жанров. // Вопросы русской литературы. Республиканский межведомственный сборник. Вып. 1 (53). Львов, 1989. С. 47—48.

¹⁰⁵ Томашевский Б. У истоков фельетона (Фельетон в «Journal des Débats») // Фельетон: Сборник статей... С. 61—71.

¹⁰⁶ Указ. соч. С. 70.

¹⁰⁷ Здесь уместно вновь вспомнить сделанное в эти годы признание Белинского, что он «рожден памфлетистом» (Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 342).

критикой. В критике представление о памфлете искало определения объема понятия и жанровых признаках, так же как объема понятия «карикатура».¹⁰⁸

В современном литературоведении используется термин «памфлетность». Под памфлетом же подразумевают публицистический жанр, «для которого характерно резкое и экспрессивное обличение, направленное не против отдельных фактов, а против целой политической, государственной, философской или эстетической системы, либо конкретных влиятельных в обществе деятелей».¹⁰⁹ Пасквиль, «в отличие от памфлета, не является нормативным литературным жанром».¹¹⁰

Оговорка о социальной природе существенна. Жанровые признаки памфлета — оперативность, злободневность, социальная тематика и при этом личная окраска (как в узнаваемости героя памфлета, так и в позиции автора), обличительный характер; за изображаемое взято низкое, с точки зрения автора, достойное гнева или осмеяния (поэтому объект изображения выглядит несколько упрощенным, односторонним); широкое использование средств сатиры — ирония, сарказм, гиперболы, карикатурность, а по отношению к фактической стороне — натяжки и преувеличения в переходах на личности. Таким образом, внешне в этом пункте грань между памфлетом и пасквилем достаточно зыбкая. И памфлет, и пасквиль содержат установку на скандал, но памфлет — исходя из оскорбленного чувства социальной справедливости, а пасквиль — исходя из личной неприязни. Пасквиль — заведомо ложное или, по меньшей мере, некорректное обвинение; памфлет — обвинение пре-

¹⁰⁸ Состояние объема понятий в русской критике получило предварительный анализ в нескольких докладах и статьях автора диссертационного сочинения. См., напр.: *Степина М. Ю.* 1) Формирование объема понятия «карикатура» в русской критике 1840—1850-х гг.: На материале печатных высказываний о Н. А. Некрасове // *Русский язык XIX в.: роль личности в языковом процессе: Тезисы научной конференции.* СПб., 2012. С. 193—199; 2) XXXVI Некрасовская конференция: Хроника // *Русская литература.* 2013. № 3. С. 243; 3) «Записки охотника» И. С. Тургенева и лирика Н. А. Некрасова в критических суждениях С. С. Дудышкина // *Спасский вестник.* Тула, 2013. Вып. 20. С. 123—133.

¹⁰⁹ *Бекназарова Е. А.* Памфлет // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / Гл. ред. и составитель А. Н. Николюкин. М., 2003. Стлб. 714.

¹¹⁰ *Тихомирова А. О.* Пасквиль // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / Гл. ред. и составитель А. Н. Николюкин. М., 2003. Стлб. 723.

увеличенное, но несущее в себе зерно правды, достойной общественного обсуждения.

В XIX в. представления о жанровых различиях памфлета и пасквиля были еще более зыбкими. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, вышедшем спустя полстолетия после процитированного пассажа Булгарина, говорится, что памфлет — «Гермин не вполне определенного содержания. <...> Не предполагая в читателе никаких предварительных размышлений и сведений в данном вопросе, памфлетист обращается только к простому здравому смыслу».¹¹¹ О понятии же пасквиля сказано, что «первоначально пасквиль означал более язвительную насмешку, нежели злостную обиду. Тогда и на Западе, и у нас оно сливалось с понятием ложного доноса <...> В новейших уголовных кодексах пасквиль особо не упоминается, а рассматривается по общим правилам об обидах и клевете».¹¹²

В 1840-х гг., за полстолетия до цитируемой словарной статьи, русская критика и читающая публика не имела устоявшегося объема понятий памфлета и пасквиля. С точки зрения умственного развития общества, формирование терминологического аппарата подразумевало и развитие института литературной критики, и бóльшую подготовленность читательской массы к восприятию текстов. С точки зрения общественного развития, уяснение задач, границ и методов публицистического жанра помогло бы читателю отличать аргументы от манипуляций и стереотипов. Такие задачи ставила перед собой критика «натуральной школы». В этом отношении Белинский и Некрасов виделись Булгарину «противниками» не только в силу литературной и коммерческой конкуренции: они являлись его серьезными противниками в сфере *управления* «общим мнением».

Идеологическая установка даёт возможность в тексте с публицистической направленностью смещать границу между принципиальным общест-

¹¹¹ *Ар. Г-дь*. Памфлет. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXII^А. С. 674.

¹¹² Там же. С. 919.

венным обличением и заведомо ложным обвинением, нарушающим чужую приватность. Оппонент, написавший памфлет, объявляется пасквильантом; этот прием виртуозно выработан Булгариным.

Подобные передергивания надолго обретают статус общего места. Например, памфлетное изображение Н. С. Лесковым «Знаменской коммуны» в романе «Некуда» было воспринято современной критикой как пасквиль. Несомненно, что коммуна и ее организаторы были для Лескова выражением времени, типом, общественным явлением, а сарказм в адрес участников коммуны — социальным обличением. Но литературоведческая оценка XX в. опиралась на критическое прочтение современников писателя. Согласно официальной идеологии, нигилизм был одним из передовых общественных течений, следовательно, антинигилизм выражал косность и ретроградство, и содержательный аспект его аргументов отрицался либо игнорировался.

Аналогичным образом метод Булгарина в литературоведении XX в. сработал в отношении самого Булгарина. Заметим, что в цитируемом в настоящем параграфе сборнике «Фельетон» в статье И. Груздева «Техника газетного фельетона» рассматривается техника вырабатывающегося советского фельетона в его сравнении с предшествующей традицией. Из статьи следует, что советские идеологические проправительственные издания одновременно разрабатывали фельетон как жанр, с другой стороны — регламентировали тематический диапазон, требуя от фельетона жесткой связи с основным идеологическим направлением,¹¹³ т. е., понимая фельетон как средство «управления общим мнением». Идеологическое противостояние литературных деятелей XIX в. в эти годы было обозначено вполне определенно, и Булгарин осознавался российским читателем как идеологический противник. Хотя *технологически* проправительственная периодика использовала метод, который Булгарин столь успешно практиковал.

¹¹³ См., напр.: Груздев Илья. Техника газетного фельетона // Фельетон: Сборник статей... С. 16—17.

Господствующая идеология, объявившая себя духовной наследницей тех, кого Булгарин называл «пасквилянтами», спустя столетие также заботилась об «охранительном духе». В свете этой тенденции наследие «рептильной» («пресмыкающейся» перед властью) журналистики XIX в. расценивалось с точки зрения развития общественной мысли и общественного движения как регрессивное. Определяемая идеологией этическая и эстетическая ценность обширного литературного наследия Булгарина считалась очень низкой. Оценка морально-этического характера как будто бы освобождала от филологического анализа механизма аргументации Булгарина.

Примечательно, что филологический подход, более свободный от диктата «смены знака», сосредоточенный на проблеме жанра и поэтики, также подтверждает известную ограниченность Булгарина-писателя и, казалось бы, подтверждает объективность вывода о сравнительно невысокой литературной ценности написанного Булгариным.

Напрашивается метафорическое сравнение этого положения с омографами или омофонами: слова (явления) пишутся (звучат) одинаково, но означают — разное. «Смена знака» (насколько «хорошо» или «плохо» «охранительное» направление и насколько «хороши» или «плохи» его апологеты или противники) предусматривает переоценку *лица* (представителя позиции); известные нам исследования индивидуального стиля Булгарина также характеризуют *лицо* (представителя стиля). Совпадая в очевидном, вульгарно-социологический подход официального литературоведения XX в. и филологические наблюдения XX и начала XXI в., посвященные индивидуальной поэтике Булгарина, все-таки не объясняют специфики *процесса*: почему полемика между явно одиозной фигурой и литераторами первого ряда со стороны последних имела характер столь серьезного диалога с развернутой аргументацией?

Ответ, на наш взгляд, заключается именно в специфической роли критики, в принципиальной разнице задач. Критические статьи в изданиях «на-

туральной школы» видели одной из важнейших своих задач (помимо завоевания аудитории и коммерческого успеха) — выработать отечественную «науку изящного», определение *эстетических критериев* оценки художественного произведения. Следовательно, вопрос об эстетическом, нравственном и общественном развитии русских читателей был для них одним из наиболее насущных. Белинский, рассуждая о родах и жанрах, о взаимосвязи формы и содержания, о роли этической составляющей современного литературного произведения, раскрывает перед читателем грани восприятия поэзии и прозы. Некрасов — с учетом уже обнаружившейся своей индивидуальности — следует этому же направлению.

Суждения же Булгарина по преимуществу лишь выдают себя за литературную (и театральную) критику. С точки зрения их содержания и цели высказывания, они формируют массовое представление о литературе, но не методами просвещения, а методами рекламы и антирекламы. С одной стороны, Булгарин внушает публике разделение на «наших» и «правых» — «не наших» и «неправых», соответственно на «плохое» и «хорошее». С другой стороны, манипулируя понятиями и оценками, Булгарин намеренно расширяет и делает зыбкими для читателя критерии оценки, оставляя интеллектуально неподготовленной прослойке возможность некритического соглашательства с официальной позицией, изложенной открыто, эмоционально и хлестко (вспомним пример с «темно-коричневым вкусом “натуральной” школы»¹¹⁴).

Апелляция к идеологии как основному ориентиру побуждает читателя игнорировать жанровую форму, что ведет к невосприимчивости художественной формы вообще. «Лобовая» декларация, формально организованная как повесть / стихотворение / критическая статья, в читателе, который мыслит стереотипами, укрепляет авторитарный стиль мышления: «хорошо» — это

¹¹⁴ Ср.: «Фельетон в газете возник первоначально как замаскированное политическое высказывание. Отсюда фельетонный трюкизм разного рода» (*Журбина Е.* Новый бытовой фельетон в газете // *Фельетон: Сборник статей...* С. 32).

то, что сказал тот, кто знает; любая «критика» в таком случае — «пасквиль» на то, что «хорошо»; при отсутствии ясных понятий и навыка последовательного мышления содержательная сторона критического и художественного текста не усваивается.

§ 5. КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА «НАТУРАЛЬНОЙ ШКОЛЫ» В ОТЗЫВАХ О ЖАНРЕ КАРИКАТУРЫ

Критическая оценка Булгариным «натуральной школы» и косвенно Некрасова содержится в его отзывах о карикатуре.

В январе 1847 г. начинает выходить в тетрадях альбом карикатур «Ерлаш», издаваемый М. Л. Неваховичем. В нем, в частности, помещена карикатура «Натуральная школа». Жанр карикатуры в эти годы чрезвычайно актуален. Карикатура как художественный прием востребована и литературой, и театром. В изданном Некрасовым и И. И. Панаевым «Иллюстрированном альманахе» (1848) были помещены карикатуры, выполненные М. Л. Неваховичем, П. А. Федотовым, А. А. Агиным, Н. А. Степановым, Е. Е. Бернарди-ским. В комментарии к приложению к факсимильному изданию подчеркивается тесная связь жанра карикатуры и актуальных тенденций в искусстве слова.¹¹⁵ Карикатура популярна и обсуждается в периодике, но недолго: после революционных событий в Европе 1848 г. карикатура попала под жесткий запрет, а следовательно, и слово это было подозрительно.

Рассмотрим два замечания Булгарина о карикатурах. 22 января в № 17 «Северной пчелы» в фельетоне «Заметки, выписки и корреспонденция Ф. Б.» сообщается о выходе 2-й тетради «Дагерротипа современности» с карикатурой на самого Булгарина: «А может ли быть собрание карикатур без автора *Всякой Всячины?* — Никак! — <...> Пишите карикатуры, да не выдумывайте

¹¹⁵ *Стернин Г. Ю., Петренко М. М.* «Иллюстрированный альманах»: Иллюстратор и карикатурист в истории русской журналистики 1840-х годов // Иллюстрированный альманах: Издание И. И. Панаева и Н. А. Некрасова. 1848 г. Приложение к факсимильному воспроизведению. М., 1990. С. 14—17.

небылиц. Не успеете уронить выдумками Северной Пчелы! Публика скоро опомнится».¹¹⁶ Упрек карикатуристу имеет тот же смысл, что и пассаж о памфлетах и пасквилях: «сатира» в адрес «Северной пчелы» и персонально Булгарина — «небылицы», «выдумки», имеющие целью «уронить» достоинство, т. е., нечто синонимичное «пасквилям».

25 января в № 20 «Северной пчелы» в фельетоне «Журнальная всякая всячина» Булгарин с сожалением отзывается о кончине поэта Н. М. Языкова. Пространный отзыв о личности покойного заканчивается фразой: «Жизнь в памяти людей — вот награда умного и благонамеренного писателя по смерти!».¹¹⁷ Далее следует пассаж:

«Новая наша критика жестоко и бесчувственно осудила поэзию Языкова, но эта критика истлеет, не оставив после себя следов, а имя Языкова останется навсегда в русской литературе в числе имен милых, умных и даровитых поэтов.

Но вот другой поэт <...> Он поэт в особенном роде, похожий на Языкова одним только — любовью к кейфу или *far niente*. <...> Этот поэт — Михайло Львович Невахович, автор *Ералаши*, которую по справедливости можно назвать сатирической поэмой без слов». (Далее следует перечень и описание карикатур): «Натуральная школа (*chef d'oeuvre*, совершенство!). Литератор *натуральной школы* роется в помойной яме, в которую кухарка сверху льет кухонную нечистоту, петух ищет зерен, а внизу подпись: “Оно не столь хоть видно, // Да сытно!”».¹¹⁸

Карикатурист Невахович, автор сатирических художественных произведений, противопоставлен «натуральной школе» наряду с «благонамеренным» Языковым, действительно вызвавшим резкую критику Некрасова, В. Г. Белинского и А. И. Герцена. Причина противопоставления ясна: Невахович — автор карикатуры «Натуральная школа». Это и «сатира», и «лично-

¹¹⁶ СП. 1847. № 17. 22 января. Фельетон. С. 67.

¹¹⁷ СП. 1847. № 20. 25 января. Фельетон. С. 79.

¹¹⁸ Там же.

сти» (в литераторе легко узнаётся Д. В. Григорович), однако этот пассаж Булгарина отводит читателя от параллели между карикатурой и «пасквилем» или «памфлетом». Признавая «адекватность» изображения изображаемому, Булгарин тем самым переносит карикатурность изображения на изображаемое. Происходит подмена смысла: жанровые признаки произведения (преувеличение, осмеяние) не фиксируются, тогда как литератор (прототип) обсуждается как гипертрофированно смехотворное явление — якобы на объективный взгляд. «Сатира» и «личности» в адрес сторонников «охранительного духа» — «пасквиль», «личности» в адрес их оппонентов — «благонамеренная» «сатирическая поэма». В одном случае карикатура — объект нападок, во втором случае — дополнительный аргумент в дискредитации оппонентов. Здесь просматривается та же манипуляция понятиями, что и в высказываниях Булгарина по поводу памфлета и пасквиля.

Аналогичным образом в № 8 за 1847 г. Булгарин рассуждает о Н. В. Гоголе, чьим последователем объявляется Некрасов и «натуральная школа». О Гоголе Булгарин пишет, что он «односторонен», «видит в свете одно смешное или карикатурное», «ищет более грязной стороны и будто не видит светлой»¹¹⁹ и проч. В контексте этих высказываний «карикатурное» (следовательно — «натуральная школа» и Некрасов) выступает как синоним смешного, одностороннего, «грязного» и как антоним «светлого». Поскольку, по многократным высказываниям, жизнь соединяет в себе и «высокое» и «низкое», в искусстве обязательно должно быть «высокое», то «карикатурное» как явление, игнорирующее «светлое», — это, во-первых, явление не художественное (вследствие своей недостаточности), во-вторых, изображение, зло и несправедливо искажающее действительность. В этом значении понятие «карикатурное» сближается с понятием пасквиля, причем сближение явственно привязано к лицу, так же как это сближение заявлено Булгариним априори невозможным по отношению к самому Булгарину.

¹¹⁹ СП. 1847. № 8. 11 января.

В № 7 за 1848 г. Булгарин осмеивает претензии «натуральной школы» называться школой и оспаривает тенденцию ее сторонников сводить литературу к живописи словом как одностороннюю и недостаточную: «Изображение одной стороны человечества есть уже ложное направление литературы — и одни грязные сцены, одно низкое отвратительно».¹²⁰

Суждение Булгарина представляет собой перифрастическое определение карикатуры (от итал. *Caricare* — преувеличивать).¹²¹ Отметим, что отношение к изобразительному искусству представляется Булгарину первичной (живопись словом). Булгарин вновь фиксирует близкий карикатуре метод «натуральной школы» как недостаточно художественный, хотя понятие «живопись» не включает в себе противопоставления искусству. Мы наблюдаем, что объем понятия еще не устоялся; и Булгарин виртуозно этим пользуется. В частности, он использует прием карикатуры — изображение оппонента в гипертрофированно-уродливом виде с целью осмеяния — в своих критико-публицистических выступлениях.

Попытаемся реконструировать позицию массового читателя «Северной пчелы», не искушенного в литературе. Едва ли он поймет, как ему относиться, например, к карикатуре как жанру, «хороша» она или «плоха» сама по себе, как художественное явление, и по каким признакам судить о ее художественных достоинствах: в суждениях Булгарина карикатура — средство, похвальное (против «натуральной школы») либо предосудительное (против автора «Журнальной всякой всячины»). Читатель понимает, что «Северная пчела» и ее фельетоны — это «хорошо» («дух хороший, охранительный», «правда» о разных явлениях, живость изложения). «Натуральная школа» — всегда «плохо», при этом оценка часто привязана без аргументов к любому

¹²⁰ СП. 1848. № 7. 10 января. С. 27. Отметим, что Булгарин выступает против односторонности «низкого» и «грязного», не говоря об односторонности «благопристойного».

¹²¹ Подробнее см.: *Степина М. Ю.* Формирование объема понятия «карикатура» в русской критике 1840—1850-х гг.: На материале печатных высказываний о Н. А. Некрасове // *Русский язык XIX в.: роль личности в языковом процессе: Тезисы научной конференции.* СПб., 2012. С. 193—199.

поводу. Количество и разнообразие этих поводов и переменчивость «знака» их оценки (как в случае с карикатурой) затрудняют, а то и упраздняют для массового читателя необходимость логической последовательности: ему предлагается роль эмоционально вовлеченного ведомого. «Критик» (а таким выступает Булгарин) последовательно настраивает читателя не делать умственных усилий: «большая часть людей, по умственной лени, недостатку сведений... гораздо способнее принимать и присвоивать себе чужое суждение, нежели судить самим»¹²². Тот же читатель, который пытается осмыслить печатное слово, сталкивается с очень профессиональным оппонентом: в ежедневном издании Булгарин неутомимо демонстрирует гибкость, молниеносную реакцию, неослабевающую готовность сказать «к слову».

Казалось бы, это «почерк» тактика,¹²³ но опубликованные докладные записки убеждают в том, что Булгарин — последовательный стратег. Средства его «пиар-акции» против «натуральной школы» не сводились ни к убеждению, ни даже к предубеждению массового читателя. Его способ ведения диалога об интеллектуальном и эстетическом предмете приводил к ослаблению в читателе способности ясно мыслить и давать предмету самостоятельную оценку, соотносимую с историческим процессом или системой этических и эстетических категорий.

В отношении Некрасова анализ метода Булгарина вдвойне важен. Во-первых, Некрасов как художник в первой половине 1840-х гг. еще не сформировался. С другой стороны, в прозе, поэзии, издательских предприятиях Некрасов тяготел к новаторским решениям, которые современная критика не всегда была готова оценить по достоинству, а оценки сформулировать. Поэтому критике трудно было говорить о его достоинствах и индивидуальности среди литераторов его «направления».

¹²² Алтунян А. Г. «Политические мнения» Фаддея Булгарина... С. 22.

¹²³ Так, именно о «тактических» приемах Булгарина пишет Н. Л. Вершинина: см., напр.: Вершинина Н. Л. Одиссея Булгарина // «Собрание пёстрых глав...»: актуальные проблемы литературного процесса. К 60-летию Н. Л. Вершиной. Псков, 2011. С. 14.

Во-вторых, Некрасов как критик и как издатель понимал важность понятной для публики эстетической декларации, в целом совпадающей с его личной художественной декларацией. И в ипостаси издателя и критика именно в 1840-е гг. Некрасов вызывал множественные критические отзывы, причем, вступая в полемику, он стремился сделать ясной для читателя свою позицию. Намеренный акцент Булгарина на «направление» уводил читателя от представления об *индивидуальности автора*, о его *личном художественном вкладе в литературу* к представлению о его *литературной репутации*, в формировании которой «Северная пчела» и персонально Булгарин сыграли большую роль.

Процитированные и многочисленные аналогичные отзывы Булгарина о «натуральной школе» фактически формируют негативное массовое читательское восприятие персонально Некрасова во всех его литературных ипостасях.

Предлагаемый анализ метода Булгарина-критика, последовательно проводящего манипуляцию неустоявшимися терминами и понятиями, проясняет специфику критического восприятия творчества Некрасова и частично — причины его относительной неоформленности.

Но одновременно эти умелые манипуляции указывали на неоформленность объема тех понятий, которые отвечали актуальным явлениям искусства, и косвенно способствовали поиску критикой терминологического аппарата. Как это было, показывает анализ самых частотных понятий, только обретающих терминологическое значение.

§ 4. О ПОНЯТИЯХ «НАТУРАЛЬНАЯ ШКОЛА», «НАТУРА», «НАТУРАЛЬНОСТЬ»

Одним из терминологических словосочетаний, которое формировалось в русской критике середины XIX в. и посредством которого литература осмысляла самоё себя, было словосочетание, введенное Ф. В. Булгариным, — *натуральная школа* (СП, 1846, № 22, по поводу «Петербургского сборника»).

Проанализируем, что представлял собой объем понятия, когда оно активно входило в обиход.

27 марта 1847 г. в № 67 «Северной пчелы» выходит статья первая, посвященная «Выбранным местам из переписки с друзьями Николая Гоголя», автором которой был Л. В. Брант. Эта статья упоминалась в § 1. Брант расценивает выход книги Гоголя как финал его литературной деятельности и как завершение бесосновательных, с его точки зрения, споров о литературном значении Гоголя, чье появление в литературе он трактует как следствие упадка вкуса в пресыщенной публике. Отречение Гоголя от себя-писателя Брант истолковывает как неизбежное литературное поражение, ожидающее последователей Гоголя — «новой литературной школы, которая впоследствии стяжала себе лестный эпитет *натуральной*, т. е. старательно *ищущей поэзии исключительно в одних темных углах и закоулках жизни*»¹²⁴ (курсив мой. — М. С.).

Помимо того, Брант утверждает, что *натуральная школа* не основывается на опыте предшествующей литературы, бранит ее, но будет забыта, в отличие от предшественников.

17 февраля 1847 г. в № 37 газеты напечатана статья Р. З. (Р. М. Зотова) «Обзор С.-Петербургских театров за 1846 театральный год». Статья содержит анализ драматической литературы и заявляет о необходимости *театральной* критики, как и литературной. Автор говорит о недостатке школы в отечественной драматической литературе и предостерегает «юное поколение», которое «напрасно <...> думает, что оно очень далеко шагнуло на поприще просвещения с своею *натуральною школою*»: «Многое можно сказать в повести, чего нельзя вывести на сцену. <...> *Прежде нежели быть верным и точным* в изображении предметов и характеров, *надобно быть изящным*. И люди, и натура *бывают иногда довольно грязны*. Не надобно показывать их

¹²⁴ СП. 1847. 27 марта. № 67. С. 226—267.

в этом виде, а перемывать, очищать и облагораживать»¹²⁵ (курсив мой. — М. С.).

12 ноября 1847 г. в № 257 в фельетоне Булгарина произведения «натуральной школы» характеризуются как попытки создать сатиру, в которой *не отображается присутствующее в «натуре» наряду со злом добро*.¹²⁶

Как видно из цитат, суждения «Северной пчелы» выдержаны в едином тоне, и не будет преувеличением сказать, что этот тон задан Булгариным, как и основные положения, варьируемые им в фельетонах.

Приведенные и многочисленные другие упреки «натуральной школе» в нехудожественности дают весьма широкое поле для размышлений. Замечания оппонентов «натуральной школы» достаточно противоречивы. Одна из причин этой противоречивости — индивидуальный стиль Булгарина, его манипуляции словами, передергивание смыслов. Другая причина кроется в неустоявшемся объеме понятий.

Например, упрек Р. М. Зотова «натуральной школе» (разделяемый Булгариным) в нехудожественности основан на том, что *натура*, изображаемая *натуральной школой*, грязна. *Натура* изображается без отбора «благого» и отсева «дурного». Речь идет об отборе, т. е. инициативе художника. Художник должен руководствоваться законами «изящного». Это не соблюдено. Таким образом, *натура* расценивается как материал, требующий доработки, но не как самоценный объект изображения. По Зотову, «грязную» натуру в художественном произведении преобразует «перемывание», но не гуманистическая мысль об идеале, который поправан в частном случае. Этическая потребность в *благе* (центральная этическая категория), диктуемая законом *прекрасного* (центральная эстетическая категория), подменяется требованием *благопристойности*. Законы изящного оказываются вне современного исторического процесса, в поле зрения которого оказывается *натура*, реальная действительность.

¹²⁵ СП. 1847. № 37. 17 февраля. С. 145—146.

¹²⁶ СП. 1847. № 257. 12 ноября. С. 1026—1027.

Суждение о необходимости театральной критики содержит наблюдение о различиях природы словесного и сценического искусств. Трудно сказать, до какой степени ее автор ориентировался на статью Г. Э. Лессинга «Лаокоон, или о границах живописи и поэзии» (1766), но наблюдение ценно не столько с точки зрения традиции, сколько с точки зрения исторической перспективы. Именно театр обладал самым мощным формирующим воздействием на широкую публику (литература уступала ему в массовости). Именно театр в середине 1840-х гг. еще сохранял архаичные черты и в драматургии, и в актерской игре. Достаточно вспомнить В. А. Каратыгина («И диким зверем завывал // Широкоплечий трагик» (*ПСС*, I, 108)). В 1840-е гг. в Петербурге «натуральная школа» применительно к художественному языку театра воспринималась как карикатура: доказательством тому служит водевиль П. А. Каратыгина «Натуральная школа». Роль карикатуры и памфлетного начала в театральном искусстве (как и словесном и изобразительном), степень и характер участия Некрасова в этом процессе отражены в разделе II. Суждение Р. М. Зотова (согласующееся с позицией Ф. В. Булгарина) не содержит прямых критических оценок творчества Некрасова, но прямо относится к месту и роли Некрасова в складывающейся тенденции.

Упрек «натуральной школе» в нехудожественности можно сформулировать иначе. «Натуральная школа» отбирает «зло», но не «присутствующее “в натуре” наряду с ним» «добро». Иными словами, речь идет не об отсутствии отбора: отбор есть, но он неправильный. Отбор произведен вопреки «объективности» (есть добро и есть зло). Выбор сделан в пользу «зла», то есть того, что противоположно этическому и эстетическому идеалу.

Вынужденно обойдем поэтику безобразного как тему очень обширную. Но отметим, что зло, грех, безобразие были востребованы художественной системой романтизма, которую отчасти преодолевали, отчасти наследовали писатели «натуральной школы». В их выборе можно отметить поиск эстетического объекта в новой области, расширение этой области, т. е., постижение

действительности художественным методом. Критические суждения Булгарина (и синонимичные суждения других авторов газеты) игнорируют или объявляют несостоятельной уже сложившуюся традицию, легализовавшую поэтизирование «зла».

Кроме того, это суждение относится к жанровой природе сатиры. Отправной точкой для сатирика является идеал, который погран и явлен в своей противоположности в природе и социуме (*натуре*), изначально объединяющих добро и зло. Сатира в интерпретации Булгарина предстаёт как ущербное изображение (не учитывающее присущее природе добро). Булгарин в стремлении охарактеризовать «попытки создать сатиру» игнорирует наличие эстетически обязательного *идеала*, внеположного и принципиально недостижимого в действительности. Он подменяет понятие идеала понятием добра. И добро и зло есть в *натуре*. Но вне мысли об идеале прямая негодующая или скорбящая правда о *зле* (а не прямое любование или прославление *добра*) в интерпретации Булгарина предстаёт как декларация антиидеала. Таким образом, сатира в интерпретации Булгарина приобретает оттенок пасквиля, *художественная смелость* — значение *политической* неблагонадежности. Это прямо относится к Некрасову, которому в эти годы сатира очень близка.

Далее, если *натуральная школа* отказывается от отбора, то ее произведения лишь *копия*, дагерротип, а не *создание*.¹²⁷ (Отметим: сущность беллет-

¹²⁷ Близкая мысль прочитывается в суждении Булгарина, в котором метод «натуральной школы» сравнивается не с *дагерротипом*, а с *живописью*: «В том-то и вся ваша ошибка, господа *натуралисты* (sic!), что вы почитаете литературу — живописью и более ничем! В живописи первое условие: верное изображение природы и естественное выражение страсти. Живопись изображает один момент, одно положение, одно движение души, которые остаются неподвижными навеки; а в литературе должна быть вся жизнь, все страсти и все побуждения человека, со всеми слабостями и со всем благородством, со всею возвышенностью человеческой природы» (СП. 1848. № 7. 10 января. С. 27). Живопись в этой трактовке сводится к аналогу «изящной словесности», «копии», без уточнения жанровой специфики (ср.: историческая композиция и натюрморт).

В более широком контексте спор о признании прав «дагерротипа» можно сопоставить с историей натюрморта в изобразительном искусстве. Изначально будучи частью композиции картины либо выполняя утилитарную функцию (вспомним: сравнение беллетристики с бюстиком Шиллера), лишь к середине XVII в. он стал самостоятельным

ристики в ее отличии от прозы великих мастеров схвачена верно). *Натура* с этой точки зрения — сырой материал, *натурализм* как метод — копирование без отбора, следовательно, отсутствие внутренней иерархии и структуры. Отметим, что сходные соображения будут высказаны много позже в критических статьях М. Е. Салтыкова-Щедрина, раскрывающих сущность *натурализма*. В качестве критика выступит крупнейший российский художник-сатирик, чей масштаб уже будет ясен публике. Так, схематично, просматривается перспектива формирования жанра, понятия и правомочного места сатиры и освоения его отечественной культурой. Некрасов в этом процессе сыграет заметную роль.

Вернемся к критической оценке «Северной пчелы» конца 1840-х гг. *Натуральная школа* — «дагерротип». Слово «дагерротип» в эти годы весьма употребительно, как и сама дагерротипия. По отношению к словесному творчеству слово употреблено в переносном значении. Но снимок (дагерротипический, позднее фотографический) — это все-таки *выбор* объекта, *выбор* ракурса, снимок подразумевает некую композицию, возможно — реквизит, костюм, декорацию. За исключением того, что дагерротип есть аналоговое изображение, сделанное посредством специальной техники, он может быть рассмотрен с точки зрения композиции, ракурса, настроения и проч., то есть — с точки зрения составляющих *искусства*.

Однако в критике Булгарина слово «дагерротип» подразумевало не только *не-искусство*, но как бы не допускало в поле зрения осознание составляющих искусства. Такое резкое противопоставление искусства «механическому» не-искусству наводит на мысль о его божественной природе — во-первых, а во-вторых — о схематичном представлении критика о форме и содержании. Отметим, что вообще в оценках поэзии Некрасова часто гово-

жанром, но в русском изобразительном искусстве вплоть до конца XIX в. считался «низшим» жанром.

Можно предположить, что восприятие физиологических очерков «натуральной школы» частью критиков было сродни современному восприятию инсталляции.

рится о содержании и форме как о чем-то, что можно разделить: «содержание удачное, форма неудачная».

В 1862 г. А. А. Потебня говорил о том, что слово есть способ творения мысли, а не внешняя форма. В начале XX в. эксперименты Некрасова с формой и прозаизация стиха перестали восприниматься как «неудачная форма» и были истолкованы как ступень в развитии лирики и лиро-эпических произведений. Отбор обусловлен видением и задачей, требующей определенного художественного воплощения. В критике «Северной пчелы» 1847 г. в определении «натуральной школы» как «дагерротипа» конструктивные признаки формы не вычлняются по аналогии с методом, название которого использовано в переносном значении («дагерротип»). Беллетристика в таком освещении не служит популяризации крупной художественной идеи (ср.: эстамп и картина великого мастера),¹²⁸ а лишь является подражанием вследствие отсутствия творческого начала.

В оценке Некрасова это замечание усиливает акцент на его малом творческом потенциале и ослабляет соображение о просветительской пользе беллетристики.

Но упрек «Северной пчелы» *натуральной школе* заключался и в том, что она *не* использует *натуру*, частично грязную, частично прекрасную. Ее произведения по отношению к натуре сочинены. Из этого суждения (на первый взгляд обвинительного, опровергающего художественную ценность произведений «натуральной школы» и, в частности, Некрасова) следует признание творческого начала в сотворении собственной действительности. А следовательно, в такой трактовке искусство не отражение, а самопорождение.

Ограничимся здесь только этой констатацией. Анализ этого и подобных суждений в свете идеалистической концепции искусства как самопоро-

¹²⁸ Между тем, в Академии художеств существовала традиция давать имя художника его ученику, которому великий мастер послужил образцом. Так, Т. Г. Шевченко получил имя «русского Рембрандта», став академиком гравирования по меди, т. е., мастером копий.

ждающего процесса потребовал бы расширения эмпирического материала и отвлечения от основной темы. Отметим лишь, что противоречивость суждений свидетельствует не только о специфике мышления процитированных критиков, не только о склонности Булгарина к манипулированию понятиями. Сам объем понятий на данном этапе еще не определился. Но творчество Некрасова (не только его общая литературная деятельность) служат импульсом к постановке вопроса: для Булгарина — в форме компрометации и отрицания, для его оппонентов — в осмыслении явлений текущего литературного процесса.

Спор о *натуре* и *натуральной школе* вовлекает в обсуждение центральные категории эстетики: *прекрасное*, а также *изящное*.

Обратимся к современным, общеизвестным значениям терминов.

Прекрасное — центральная эстетическая категория, предмет изучения эстетики как философской дисциплины. Понятие «прекрасное» связано с понятием «красота», однако не тождественно с ним. Противоположностью прекрасного является безобразное. Прекрасное — наивысшая эстетическая ценность. Прекрасное совпадает с представлениями о совершенстве или благе. Прекрасное всегда связано с понятием эстетического идеала.

Что касается термина «изящное», это слово пришло из старославянского языка, и первоначально «изящный» означал «избранный». В «Словаре церковнославянского и русского языка»: «Изящество... Отличная доброта или красота; превосходство. Отлично хороший, превосходный. Изящные дарования. Изящное произведение. — Изящные искусства. Так названы музыка, живопись, ваяние и зодчество».¹²⁹ В словаре В. И. Даля: «Изящное... отвлеченное понятие о красоте, соразмерности и вкусе. Изящные искусства: музыка, живопись, ваянье и зодчество; присоединяют к сему и поэзию, миимику, пляску и пр. Изящность... свойство, качество, принадлежность всего, что изящно. Изящество... то же, изящность, но более в значении самостоя-

¹²⁹ Словарь церковнославянского и русского языка. В 4 т. СПб., 1847. Т. 2. С. 129.

тельном и отвлеченном; красота. Изящество, это *союз истины и добра*. Изящесловие... эстетика, наука об изящном»¹³⁰ (курсив мой. — М. С.).

Как видим, *изящное* лишь в 1881 г. дано в сходных значениях с *прекрасным*. В 1847 г. оно в большей степени относится к красоте формы. Противоположное ему значение не указано, как не указана связь с понятием идеала и сближение этики и эстетики в категории прекрасного и благого. Процитированный фрагмент из статьи Р. М. Зотова иллюстрирует современное ему понимание изящного.

Если вспомнить суждения Белинского о прозе Некрасова и Даля (Казака Луганского) (гл. III, разд. 2, § 5), то его похвала Далю объединяет признания в нем и прекрасного (самобытный талант и та «сильная склонность» (этическое начало, любовь к благу), которая порождает читательскую эмпатию), и изящного (совершенная форма). Некрасов же, чья мысль сильна, выбор предмета изображения правомочен, изображение правдиво и убедительно, не удостоивается подобного признания. Его произведение не отвечает ни понятию «изящное», ни понятию «прекрасное», поскольку оно только популяризирует великую гуманистическую мысль Гоголя, чью традицию он развивает. В этом отношении оценки Белинского и Булгарина парадоксально сходятся, расходясь в «полюсе» и исходных задачах. При этом стабильная снижающая характеристика говорит о том, что Булгарин (как и печатающиеся в «Северной пчеле» другие авторы) признавал богатый потенциал и растущий масштаб Некрасова.

Правомерно предположить, что замечания оппонентов «натуральной школы», касающиеся недостатка идеала, «грязной» и «отвратительной», т. е. *безобразной*, природы способствовали формированию центральной эстетической категории, пока еще обозначаемой двумя разными словами.

Фельетонная критика «Северной пчелы» и в особенности Ф. В. Булгарина, преследуя коммерческие и политические цели, насыщена натяжками,

¹³⁰ Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля. Изд. 2-е. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 37.

передергиваниями, подменами смысла. Для широкого читателя эти широко употребляемые приемы несли опасность дезориентации в системе представлений о специфике художественного творчества и литературной критики. Но, прибегая к противоречивым и гиперболизированным обвинениям в стремлении скомпрометировать конкурентов, Булгарин (вероятно, не преследуя этой цели) указывал на ту неформленность актуальных понятий и терминов, которая способствовала постановке литературной критикой ближайших задач, в том числе — задачи осмысления творчества крупного национального поэта, чей голос уже определился.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гипотетическая реконструкция личных и творческих взаимоотношений Некрасова и его первых критиков позволила решить спорные вопросы авторской принадлежности критических отзывов Н. В. Савельева-Ростиславича, Н. А. Полевого, Ф. Н. Менцова, В. С. Межевича и Ф. В. Булгарина о поэте.

В отзывах о начинающем литераторе большую роль сыграли личные отношения, выразившиеся в деятельном участии критиков и журналистов в его судьбе, а также предыстория личных и творческих отношений между старшими, пишущими о дебютанте. Реконструкция перипетий этих отношений и высказанные соображения о подоплеке критических высказываний уточняют явный для участников ситуации и утраченный для постороннего читателя смысл замечаний и пожеланий дебютанту в печатных оценках, по большей части лаконичных.

Несмотря на относительно малое количество отзывов в первые годы и их краткость, можно сделать вывод, что внимание известных критиков к Некрасову было весьма пристальным.

При этом их критика, адресованная дебютанту, оказалась малопродуктивной для будущего поэта-новатора, следующего принципу «каждый должен вырабатываться сам».

Анализ восприятия журнальной, редакторской и издательской деятельности Некрасова показывает, что его быстро обретенный профессионализм оценивался разными по взглядам критиками как явление «смирдинской литературы», «торгового направления», а сам Некрасов — как «литературный промышленник». Его активность и успешность к середине 1840-х гг. упрочили за ним эту литературную репутацию. Отдельные его издательские предприятия (например, «Петербургский сборник», «Стихотворения Кольцова») вызвали искреннее одобрение критиков, и в этих случаях масштаб Некрасо-

ва-издателя представлялся им более значительным, чем масштаб Некрасова — автора литературных произведений. Выпуск спорных в литературном отношении изданий («Баба-Яга, Костяная нога», «Первое апреля») способствовал отождествлению Некрасова с «торговым направлением», «партийной» борьбой и скандалом и дезавуировал литературное значение уже выработавшего свою индивидуальность поэта и критика.

Репутация «литературного промышленника» (хотя бы и пишущего) в культурном сознании была противопоставлена романтическому представлению о поэте, художнике, а также об уходящих традициях литературного салона, в котором занятие литературой представлялось самоцельным и самодостаточным.

Обращение к написанному Некрасовым доказывает рост его литературного мастерства, не всегда отражаемого в синхронных критических высказываниях. Растущее мастерство выражено в прозе, хотя ее скептически оценивал сам автор, и общая относительно невысокая оценка критики в отношении прозы Некрасова в целом представляется объективной. (Что не противоречит последующему устойчивому литературоведческому интересу к прозе одного из крупнейших поэтов, чье новаторство заключалось, в частности, в прозаизации стиха). Рост литературного мастерства заметен и в водевилях (имевших успех и много лет спустя), но опыты в этом «легком» жанре не вызвали интереса критики отчасти именно в силу его «легкости», отчасти — из-за коммерческого интереса, двигавшего автором. Наиболее ярко в 1840-х гг. Некрасов проявил и разработал свой литературный дар в критике, к которой правомерно относить его стихотворные фельетоны.

Стихотворные фельетоны Некрасова будут признаны литературными произведениями в конце XIX — начале XX в., когда наследие сформировавшегося поэта будет освоено культурным сознанием и литературной практикой его последователей, и его ранние эксперименты в области прозаизации стиха станут восприниматься как органичные для его индивидуальной по-

этики. В 1840-х гг. стихотворные фельетоны воспринимались как пограничное явление между стихами и прозой, критикой, публицистикой, поделкой массовой литературы, выпущенной для заработка. Поэтому в существовавшей жанровой системе они были неопределенными для критического разбора, хотя их обсуждение и републикация свидетельствуют, что частные достоинства текста и одаренность автора были очевидны авторам отзывов.

Памфлетная острота этой критики была одобрена В. Г. Белинским, но в целом литературные достоинства критических и критико-публицистических текстов Некрасова были заслонены для литературного окружения подробностями общественно-политического, коммерческого, этического, личного характера. Критические отзывы о Некрасове 1840-х гг. зачастую отражают его репутацию, а не литературные достоинства и степень таланта, которые, также зачастую, содержат их заниженную оценку. В этом сказывается и специфика фельетонной критики.

Участие Некрасова в литературно-общественных полемиках и его активная роль в изданиях «натуральной школы», носящих характер эстетической декларации, побуждала критиков, во-первых, рассматривать Некрасова как «младшую» фигуру при «старшем» литераторе (яркий пример — Некрасов как последователь Белинского во мнении критики и журналистики середины 1840-х гг.). Этот взгляд связывал с именем Некрасова представление о некоторой его вторичности (а не просто молодости) как в его самобытности, так и в масштабе. Во-вторых, в большей степени видеть в декларации установку на полемику и даже на скандал, нежели «новое слово».

В синхронном критическом восприятии Некрасова сыграло роль заявление Белинского об актуальности «срединной» литературы, произведений, не претендующих на художественную ценность, и авторов, не претендующих на талант художника. Некрасов, чьи «пьесы» высоко оценил Белинский, в контексте этих установок должны были быть восприняты как «нехудожественные» произведения «литературной фабрики», а Некрасов — как «не ху-

дожник». Этот вывод напоминает критическую формулу Белинского «посредственность в стихах нестерпима», высказанную в его рецензии на «Мечты и звуки». Высокая оценка стихов Некрасова, чей талант он уже признал, служила пропаганде «направления», «меняла минус на плюс» в оценке «посредственности», но разводила в стороны признание таланта автора стихов — и отнесение его стихов к поэзии.

В литературных кругах при жизни Белинского получила распространение его *устная* оценка Некрасова: «поэт истинный». Она и закрепилась в литературоведении. Эту оценку разделяли младшие критики: Ап. Григорьев и В. Р. Зотов (?), в те годы близкие к кружку Белинского. *Печатная* оценка Белинского, которую он успел (или пока счел нужным ею ограничиться) высказать о Некрасове — поэте, художнике, творческой личности, — содержала похвалы, обозначала актуальность стихов Некрасова, признание их «замечательным явлением», но в определении характера таланта Некрасова и его стихов еще не вышла за пределы сказанного о них как о правдивых очерках, «дельных» пьесах «издателя» актуального направления, автора, не претендующего на «замечательный художнический талант». Характер стихов Некрасова и его поэтической индивидуальности при жизни Белинского обозначен не им, а Ап. Григорьевым и В. Р. Зотовым (?).

Декларация Белинского об актуальности «обыкновенных талантов» и печатная похвала, высказанная Некрасову, парадоксально сближает оценку таланта и мастерства Некрасова с оценками его оппонентов, рассматривавших Некрасова-поэта как посредственность, автора, лишённого художественного таланта (а также образования, культурного багажа и опыта). Это сближение заметно при сопоставительном анализе отзывов о Некрасове и «натуральной школе» Белинского и Ф. В. Булгарина.

Булгарин, самый сильный оппонент Некрасова, Белинского и «натуральной школы», в своих отзывах руководствовался мотивами, внеположными литературе как художественному творчеству и литературной критике как

особой области восприятия и самосознания литературы. Его метод фельетонной критики способствовал управлению общественным мнением и расшатыванию в массовом читателе способности к последовательному мышлению. Технологически метод Булгарина опирался на компрометацию оппонентов и конкурентов посредством перехода на личности, а также на манипуляцию неустоявшимися понятиями, преувеличения и игру на противоречиях.

Но эти противоречия, для массового читателя призванные карикатурно обозначать эстетическую несостоятельность «натуральной школы» и персонально Некрасова как одного из самых ярких ее выразителей, для литературной критики служили подспорьем в том, чтобы соотносить задачи и поэтику «натуральной школы» и развивающегося русского реализма с системой основных эстетических категорий, а индивидуальную поэтику Некрасова — с поэтикой направления и исторической перспективой русской поэзии.

Полемические суждения Булгарина о «физиологических очерках» Некрасова и его стихотворениях косвенно способствовали эстетическому осмыслению новых тенденций литературного процесса и указывали на Некрасова как на одну из самых заметных фигур в нем. Оценка потенциала Некрасова выводится «от противного» из постоянной тенденции Булгарина (а также Н. И. Греча и Л. В. Бранта) к снижению литературного значения его произведений и издательских предприятий и формированию на страницах «Северной пчелы» репутации Некрасова — малодаровитого и претенциозного дельца.

Таким образом, вся разнообразная литературная деятельность Некрасова в период становления его поэтического голоса была воспринята современной критикой. Устная оценка, зафиксированная мемуаристикой, позволяет сделать вывод, что талант Некрасова-поэта ощущался, но еще не поддавался анализу. Общий фон критических высказываний о Некрасове и по поводу Некрасова дает основания заключить, что масштаб этой литературной фигу-

ры подспудно осознавался к концу 1840-х гг. Относительная сдержанность в печатных суждениях о художественном таланте поэта Некрасова объясняется:

1) пока еще недостаточной выработанностью его поэтической индивидуальности;

2) многогранностью и дробностью его авторского образа;

3) доминирующей ролью издателя в литературной репутации, антагонистическими отношениями между представлениями о *поэте* и о *журналисте*;

4) положением ученика или сотрудника при старшем и более именитом литераторе;

5) декларацией Белинского об актуальности массовой литературе и авторах — «обыкновенных талантах», — декларацией, фактически представляющей публике Некрасова как эталон «дельной» посредственности.

К концу 1840-х гг. восприятие критикой уже услышанного ею «поэта истинного» было в большой степени затенено репутацией Некрасова — молодого, малообразованного и пренебрежительно относящегося к традициям, но умного и предприимчивого журналиста, издателя, знающего конъюнктуру и пользующегося рекламой, умелого полемиста и при этом человека «себе на уме», не наделенного талантом художника, но пластичного и остроумного автора литературных текстов разной жанровой природы.

Это противоречие впоследствии сохранится в критической полемике об искренности / конъюнктурности содержания стихов «народного» / «петербургского» поэта Некрасова и о достоинстве / «слабости» их художественной формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

1. Библиотека для чтения
2. Ведомости Петербургской городской полиции
3. Журнал Министерства народного просвещения
4. Литературная газета
5. Литературные прибавления к «Журналу Министерства народного просвещения»
6. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду»
7. Маяк
8. Москвитянин
9. Московский городской листок
10. Московский наблюдатель
11. Отечественные записки
12. Пантеон русского и всех европейских театров
13. Репертуар русских театров
14. Русский вестник
15. Русский инвалид
16. Санкт-Петербургские ведомости
17. Северная пчела
18. Современник
19. Сын отечества
20. Финский вестник

ИСТОЧНИКИ

1. Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М., 1995.
2. Аксаков И. С. Письма к родным: 1844—1849. М., 1988.

3. Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М., 1995.
4. Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1982.
5. Алексеев А. А. Воспоминания актера. М., 1894.
6. Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983.
7. Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. СПб., 2001.
8. Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. Примечания составил Н. Ашукин. М. 1916.
9. Ахматова Е. Н. Знакомство с А. В. Дружининым // РМ. 1891. № 12. С. 117—147.
10. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. VIII.
11. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. и писем: В 13 т. М., 1953—1959.
12. Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1976—1982.
13. Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. 4-е изд. СПб., 1901.
14. Брант Л. Жизнь, как она есть. СПб., 1843.
15. Булгарин Ф. В., Полевой Н. А. Счастье лучше богатырства. Рукопись, найденная и изданная Ф. В. Булгариным и Н. А. Полевым. Часть третья // Библиотека для чтения. 1847. Т. 80. Отд. I. Русская словесность. С. 13—108.
16. Булгарин Ф. В. Сочинения / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Н. Н. Львова. М., 1990.
17. Булгарин Ф. В. Комары. Всякая всячина. Рой первый. СПб., 1842.
18. Бюлер Ф. А. Н. А. Полевой // Русская старина. 1871. № 12. С. 674—680.
19. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Публ., предисл. и коммент. А. И. Рейтבלата. М.: НЛО, 1998.
20. В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977.
21. В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948.

22. *Воейков А. Ф.* Дом сумасшедших / Вст. статья и ист.-лит. комм. И. Розанова и Н. Сидорова. М. [1911].
23. Воспоминания Юрия Арнольда. М., 1892.
24. *Гаевский В. П.* Дельви́г. Статья вторая // Современник. 1853. Т. XXXIX. Отд. III. Критика. С. 1—67.
25. *Гамазов М. А.* К «Воспоминаниям» А. Я. Панаевой // Исторический вестник. 1889. Апрель. С. 255—256.
26. *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1962. Т. XXVI.
27. *Глинка Ф. С.* Из прошлого. К биографии Н. А. Некрасова // Исторический вестник. 1891. Т. XLIII. № 2. С. 585—586.
28. *Глушицкий Н.* Письмо в редакцию по поводу биографии Н. А. Некрасова, помещенной в «Отечественных записках» // Петербургский листок, 1878, 1 июня, № 107.
29. *Гнедич П. П.* Книга жизни. Воспоминания. 1855—1918. М., 2000.
30. *Гоголь Н. В.* Полн. СОБР. соч. Л., 1952. Т. VIII.
31. *Горленко В. П.* Литературные дебюты Некрасова // Отечественные записки. 1878. № 12. С. 149—165.
32. *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. М., 1987.
33. *Григорьев Аполлон.* Сочинения: В 2 т.. М., 1990.
34. Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Текстол. расшифровка Н. А. Роскиной. Подгот. текста Д. Рейфилда и О. Е. Макаровой. Лондон; М., 1999.
35. Дневник Н. А. Полевого (1835—1845) / Предисл. и примеч. П. Н. Полевого // Исторический вестник. 1888. Т. XXXI. Январь—Март. Март. С. 654—674; Т. XXXII. Апрель. С. 163—183.
36. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. XVI.
37. *Дружинин А. В.* Собр. соч.: В 8 т. СПб., 1867. Т. 8.
38. *Дружинин А. В.* Повести. Дневник. М., 1986.
39. *Дружинин А. В.* Прекрасное и вечное. М., 1988.

40. *Дружинин А. В.* О молодом Достоевском (Публ. А. Л. Осповата) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1983. Т. 5. С. 186—189.
41. *Дудышкин С. С.* Сенковский — дилетант русской словесности // Отечественные записки. 1859. № 2. Отд. I. С. 451—484.
42. *Дудышкин С. С.* Стихотворения Н. Некрасова (Издание второе. С. Петербург. 1861 г. Два тома) // Отечественные записки. 1861. № 12. Отд. III. С. 77—120.
43. *Е. Л.* <Литвинова Е. Ф.> Воспоминания о Н. А. Некрасове // Научное обозрение, 1903, № 4. С. 131—141.
44. Живые страницы. Н. А. Некрасов в воспоминаниях, письмах, автобиографических произведениях и документах. Дет. лит., 1974.
45. Жизнь и похождения Тихона Тросникова. Новонайденная рукопись Некрасова / Под ред. В. Евгеньева-Максимова и К. Чуковского. С приложением статьи Гр. Гуковского «Неизданные повести Некрасова в истории русской прозы». М.; Л., 1931.
46. Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого с двумя портретами. СПб., 1888.
47. *Зелинский В. А.* Сборник критических статей о Н. А. Некрасове / Собрал В. Зелинский. М., 1886—1891.
48. *Зотов В. Р.* Петербург в сороковых годах // Исторический вестник. 1890. № 5. С. 29—53.
49. Из бумаг Степана Петровича Шевырева. Письма князя В. Ф. Одоевского // Русский архив. 1878. Кн. 2. С. 55—58.
50. Из переписки Аксаковых с П. А. Плетневым, бр. Я. К. и К. К. Гротами // Русский филологический вестник. 1915. № 3. С. 6.
51. *Кавелин К. Д.* Собр. соч. СПб., 1899. Т. III.
52. *Кони А. Ф.* Воспоминания о писателях. М., 1989.
53. *Кривенко С. Н.* Собр. соч. СПб., 1911. Т. I.
54. *Ленский Д. Т.* Водевили. М., 1937.

55. *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. Изд. второе, испр. и доп. Л., 1980. Т. 2. Поэмы.
56. Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX века / Под ред. Н. Л. Бродского. М., 2001.
57. *Майков В. Н.* Литературная критика: Статьи. Рецензии. Л., 1985.
58. *Мещерский В. П.* Десять лет из жизни редактора журнала. Рассказ в диалогах. В 4-х эпохах и 5-ти частях. СПб., 1869.
59. *Михайловский Н. К.* Литературные воспоминания и современная смута. Т. 1. СПб., 1900.
60. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 3.
61. Н. А. Некрасов в воспоминаниях и документах. Л., 1930.
62. Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971.
63. *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л.; СПб., 1981—2000.
64. *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М., 1948—1953.
65. Некрасов в русской критике / Сост. А. Еголин. М., 1944.
66. *Никитенко А. В.* Дневник. В 3-х томах. [Л.] 1935—1936.
67. Николай Алексеевич Некрасов. Его жизнь, последние минуты и отрывки из сочинений. СПб., 1885.
68. Николай Алексеевич Некрасов. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей. Составил В. И. Покровский. Изд. 2-е, дополненное. М., 1915.
69. Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / Ред., вст. ст. и комм. Вл. Орлова. Л., 1934.
70. *Панаев В. А.* Из «Воспоминаний» // Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 147—270.
71. *Панаев И. И.* Сочинения / Сост., подг. текста, вступ. статья, комм. М. Отрадина. Л., 1987.

72. Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988.
73. Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1972.
74. Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958.
75. Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. М. 1987.
76. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Издана под редакцией К<онстантина> Я. Грота, ординарного профессора Императорского Варшавского университета. СПб., 1896. Т. I—III.
77. Плетнев П. А. Статьи. Стихотворения. Письма. М., 1988.
78. Полевой Н. А. Избранные произведения и письма / Сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. А. Карпова. Л., 1986.
79. Полевой Н. А., Полевой К. А. Литературная критика: Ст. и рец., 1825—1842 / [Сост., вступ. ст. и комм. В. Березиной, И. Сухих]. Л., 1990.
80. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. XIII.
81. Русские писатели о литературном труде (XVIII—XX вв.): Сб. в 4 т. / Под общ. Ред. Б. Мейлаха. Л., 1955. Т. 2.
82. Савельев-Ростиславич Н. В. Жизнь Г. Р. Державина // Сочинения Державина. Часть первая. СПб., 1843. С. I—LXXXII.
83. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1976. Т. XIX. Кн. 1.
84. Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988 / Сост., вступ. ст., комм. И. С. Чистовой.
85. Сочинения и переписка П. А. Плетнева: В 3 т. СПб., 1985.
86. Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М., 2001.
87. Старчевский А. В. Воспоминания старого литератора // Исторический вестник. 1890. № 9. С. 529—530.
88. Статейки в стихах. Без картинок. Том I. С.-Петербург: В тип. К. Жернакова. 1843.
89. Статейки в стихах. Без картинок. Том II. С.-Петербург: В тип. К. Жернакова. 1843.

90. *Страхов Н. Н.* «Сочинение Я. П. Полонского. СПб. Т. I и II. 1869; Т. III. 1870; Стихотворения Н. Некрасова. Издание пятое. Четыре части. Н. Некрасова. Цена 15 коп. СПб. 1870» // *Заря*. 1869. № 9.
91. *Суворин А. С.* Дневник. М., 2000.
92. *Суворин А. С.* Недельные очерки и картинки // *Литературное наследство*. М., 1946. Т. 49—50. С. 200—207.
93. Т. Н. Грановский и его переписка: В 2 т. Изд. 2-е. М., 1897.
94. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения. М., 1979. Т. III; М., 1983. Т. XI.
95. *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов. М., 2008.
96. *Чежин Г. Г.* Некролог // *Ведомости Петербургской городской полиции*. 1848, 9 марта.
97. *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. XV.
98. *Шевырев С. П.* Избранные труды. М., 2010.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИССЛЕДОВАНИЯ

1. «Собрание пёстрых глав...»: актуальные проблемы литературного процесса: К 60-летию Н. Л. Вершининой. Псков, 2011.
2. *Акимова Н. Н.* Ф.В. Булгарин: Литературная репутация и культурный миф. Хабаровск, 2002.
3. *Алдоница Н. Б.* А. В. Дружинин (1824—1864). Малоизученные проблемы жизни и творчества. Самара, 2005.
4. *Алдоница Н. Б.* Об участии П. А. Плетнева в «Современнике» Н. А. Некрасова и И. И. Панаева // *Актуальные проблемы истории, теории и преподавания русской литературы*: Самара: Изд-во СГПУ, 2008. С. 181—189.
5. *Алтунян А. Г.* «Политические мнения» Фаддея Булгарина: Идеино-стилистический анализ записок Ф. В. Булгарина к Николаю I. М., 1998.

6. *Андреевский С. А.* Литературные чтения. СПб., 1891.
7. *Аникина А., Бухштаб Б.* Первые печатные отзывы о стихотворениях Некрасова (Сообщение А. Аникиной и Б. Бухштаба) // ЛН. Т. 53. С. 81—84.
8. *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. СПб., 2001.
9. Ар. Г-дъ. Памфлет. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXII^А. С. 674.
10. *Ашукин Н. С.* Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М. —Л. 1935.
11. *Барт Р.* Избранные статьи. М., 1989.
12. *Бекназарова Е. А.* Памфлет // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А. Н. Николюкин. М., 2003. Стлб. 714.
13. *Бельчиков Н. Ф.* Литература о Некрасове за годы революции, М., 1929.
14. *Березина В. Г., Евгеньев-Максимов В. Е.* Николай Алексеевич Полевой: Очерк жизни и деятельности: 1846—1946. ОГИЗ: Иркутское областное издательство, 1947.
15. *Березина В. Г., Дементьев А. Г., Есин Б. И., Западов А. В., Сикорский Н. М.* История русской журналистики XVIII—XIX веков / Под ред. проф. А. В. Западова. Изд. 2, испр. и доп. М., 1966.
16. *Березина В. Г.* Этюды о Белинском — журналисте и критике. СПб., 1991.
17. *Берёзкин А. М.* «Прелестная Зама» и ее «милый» (Литературный источник некрасовского стихотворения «Песня Замы») // Некрасовский сборник. Вып. XIV. С. 246—250.
18. *Берлинер Г.* Некрасов в борьбе с Полевым и Булгариным: Три неизвестные рецензии Некрасова 1842—1845 гг. Статья и публикация Г. Берлинера // Литературное наследство. № 51—52. М., 1949. С. 3—28.
19. *Бессонов Б. Л.* [Комментарий] // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1997. Т. XIII. Кн. 2. С. 417—478.

20. *Бессонов Б. Л.* Некрасов и Г. Ф. Бенецкий (предание и факты) // Некрасовский сборник. Вып. X. Л.: Наука, 1988. С. 33—52.
21. Библиография литературы о Н. А. Некрасове. 1917—1952. / Сост. Л. М. Добровольский и В. М. Лавров. М.; Л., 1953.
22. *Битюгова И. А.* Некрасов Николай Алексеевич // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981. С. 338—339.
23. *Бороздин А. К.* Литературные характеристики. Деятельность. Том I. СПб., 1903.
24. *Бутман Н. В.* Семантико-стилистические особенности жанра памфлета. М., 1990.
25. *Бухштаб Б. Я.* Поэты сороковых годов // История русской литературы. М.; Л., 1955. Т. VII. Литература 1840-х гг. С. 657—694.
26. *Бухштаб Б. Я.* Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. М., 1966.
27. *Бухштаб Б. Я.* Русские поэты. Тютчев. Фет. Козьма Прутков. Добролюбов. Л., 1970.
28. *Бухштаб Б. Н.* А. Некрасов. Проблемы творчества. Л., 1989.
29. *Бухштаб Б.* Некрасов-фельетонист // Литературное наследство. № 53—54. М., 1949.
30. *Ванюшина М. А.* Журнальная работа Н. А. Полевого в последнее десятилетие его деятельности (1836—1846 гг.) // Ученые записки Борисоглебского государственного педагогического института. Выпуск 1. Филологические науки. Борисоглебск, 1956. С. 00—132.
31. *Вацууро В. Э.* [Комментарий] // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. I. С. 645—663.
32. *Вацууро В. Э.* Записки комментатора. СПб., 1994.
33. *Вацууро В. Э.* К литературной истории стихотворения Некрасова «Землетрясение» // Некрасовский сборник. Л., 1973. [Вып.] V. С. 276—277.
34. *Вацууро В. Э.* Некрасов и К. А. Данненберг // Русская литература. 1976. № 1. С. 131—144.

35. *Вацуро В. Э.* Один из источников «Огородника» // Некрасовский сборник. Л., 1980. Вып. VII. С. 106—111.
36. *Вацуро В. Э.* «Журналист, читатель и писатель» // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 170—172.
37. *Вацуро В. Э.* Некрасов, Плетнев и Никитенко в 1839 году // Некрасовский сборник. XI—XII. СПб., 1988. С. 189—191.
38. *Вдовин А. В.* Концепт «глава литературы» в русской критике 1830—1860-х годов. Тарту, 2011.
39. *Венгеров С. А.* Бакунинско-гегельянский период жизни Белинского // Полн. собр. соч. В. Г. Белинского. В двенадцати томах / Под редакцией и с примечаниями С. А. Венгерова. СПб., 1901. Т. IV. С. 547—572.
40. *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей, т. IV, П., 1917.
41. *Верховский Г. П.* С чего начинается некрасоведение? // О Некрасове: Статьи и материалы. Ярославль, 1975. Вып. 4. С. 145—198.
42. *Вершинина Н. Л., Мостовская Н. Н.* «Из подземных литературных сфер...». Очерки о прозе Некрасова. Вопросы стиля (учебное пособие по спецкурсу). Псков, 1992.
43. *Вершинина Н. Л.* Русская беллетристика 1830-х — 1840-х годов. Проблемы жанра и стиля: Монография. Псков, 1997.
44. *Вершинина Н. Л.* Традиции сентиментальной культуры в прозе Некрасова 1840-х годов // Некрасовский сборник. Вып. XI—XII. СПб., 1998. С. 24—34.
45. *Вершинина Н. Л.* Нравописание в русской прозе XIX—XX веков. Псков, 2008.
46. *Вершинина Н. Л.* «Как слово наше отзовется...»: Учебно-методическое пособие по риторике. Псков, 2010.
47. *Вершинина Н. Л.* Проблема «натурального стиля» в прозе Н. А. Некрасова 1840—1850-х годов и литературный контекст // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 2011. Вып. VII. С. 16—36.

48. *Вершинина Н. Л.* Одиссея Булгарина // «Собрание пёстрых глав...»: актуальные проблемы литературного процесса. К 60-летию Н. Л. Вершиной. Псков, 2011. С. 14—56.
49. *Ветринский Ч. (Чешихин В. Е.).* В сороковых годах. Историко-литературные очерки и характеристики. М., 1899.
50. *Ветринский Ч. (Чешихин В. Е.).* Т. Н. Грановский и его время: Ист. очерк. М., 1897.
51. *Ветринский Ч. (Чешихин В. Е.).* Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, письмах и несобранных произведениях / Сост. Ч. Ветринский (Вас. Е. Чешихин). М., 1911.
52. *Ветшева Н. Ж.* Некрасов и Жуковский: национальные образы мира // Н. А. Некрасов: русская и национальные литературы: Мат-лы международной научно-практической конф. 19—20 ноября 2011 г. Ереван, 2011. С. 82—96.
53. *Викторович В. А.* Зотов Владимир Рафаилович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. Г—К. С.354—356.
54. *Виноградов В. В.* Гоголь и натуральная школа. Л., 1925.
55. *Виноградов В. В.* Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский. Л., 1929.
56. *Волгин И. Л.* Белинский как миф: Учитель на все времена // Личность и творчество В. Г. Белинского: Взгляд из XXI века: К 200-летию «неистового Виссариона»: Ежегодник. М., 2011. С. 26—55.
57. *Вольперт Л. И.* Лермонтов и литература Франции. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2008.
58. *Галкина Е. С., Колинченко Ю. В.* Савельев-Ростиславич Николай Васильевич // Русские писатели: Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. М., 2007. Т. 5. П—С. С. 430—432.
59. *Ганичева В. И.* К полемике В. Белинского с Н. Полевым (1840-е годы) // Ученые записки Ленинградского ордена Ленина Государственного университета им. А. А. Жданова. № 295. Филологический факультет. Серия

- филологических наук. Выпуск 58. Русская литература. Л., 1960. С. 55—87.
60. *Гаркави А. М.* Некрасов-пародист: Из разысканий о Некрасове // О Некрасове: Сб. Ярославль, 1968. Вып. II. С. 65—87, 277—310.
61. *Гаркави А. М.* [Комментарий] // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. I. С. 664—705.
62. *Гернштейн Э.* Судьба Лермонтова. М., 1986.
63. *Гин М. М.* Некрасов-критик в борьбе с реакционными и эпигонскими течениями в литературе 1840-х годов // Ученые записки Ленинградского университета. № 171. Серия филологических наук. Вып. 19. Л., 1954. С. 190—200.
64. *Гин М. М., Евгеньев-Максимов В.* Семинарий по Некрасову. М., 1955.
65. *Гин М. Н. А.* Некрасов — литературный критик. Петрозаводск, 1957.
66. *Гин М., Успенский Вс.* Некрасов — драматург и театральный критик. Л.; М., 1958.
67. *Гинзбург Л. Я.* О лирике. Изд. 2-е, доп. Л., 1974.
68. *Глебов В. Д.* Литературный процесс 1830—1840-х годов в оценке Аполлона Григорьева // Русская литература XIX в.: Метод и стиль. Фрунзе, 1991. С. 29—42.
69. *Голованова Т. П.* [Комментарий] // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1984. Т. 8. С. 697—704.
70. *Голубев А. Н. А.* Некрасов, СПб, 1878.
71. *Горбенко Е. П.* П. А. Плетнев — литературный деятель пушкинской эпохи (20—40-е годы XIX века): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Л., 1983.
72. *Горбенко Е. П.* Н. А. Некрасов и П. А. Плетнев (История взаимоотношений и литературных контактов) // III Некрасовские чтения: Тезисы выступлений. Ярославль, 1988. С. 9—10.
73. *Горбенко Е. П.* Коптев Дмитрий Иванович // Русские писатели: 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 3. С. 63—64.

74. *Горбенко Е. П., Розин Н. П.* Плетнёв Петр Александрович // Русские писатели: 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 636—642.
75. *Громова Л. П.* А. А. Краевский — редактор и издатель. СПб., 2001.
76. *Гуковский Григорий.* Неизданные повести Некрасова в истории русской прозы сороковых годов // Жизнь и похождения Тихона Тростникова. Новонайденная рукопись Некрасова. М.; Л., 1931.
77. *Гусакова О. Я.* Творческий портрет Н. А. Полевого в литературных воспоминаниях 1850-х — начала 1860-х годов: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
78. *Данилевский Р. Ю.* «“Молодая Германия” и русская литература». Л., 1969.
79. *Дементьев А. Г.* Очерки по истории русской журналистики 1840—1850 гг. М.; Л., 1951.
80. *Денисенко С. В.* Литературная репутация Фаддея Булгарина // Булгарин Ф. В. Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб., 2009. С. 5—26.
81. *Добровольский Л. М., Лавров В. М.* Библиография литературы о Н. А. Некрасове 1917—1952. М.; Л., 1953.
82. *Долгих У. М.* Цензурная история «Иллюстрированного альманаха» // Русская литература. 1977. № 2. С. 122—126.
83. *Дульнева К. П., Рудяков Г. М., Новикова Л. П.* Библиографии литературы о Н. А. Некрасове за 1953—1958 гг. // Некрасовский сб. М.; Л., 1960. Вып. III. С. 367—386.
84. *Дульнева К. П.* Библиография литературы о Некрасове за 1959—1969 гг. // Н. А. Некрасов и русская литература. М., 1971. С. 477—504.
85. *Евгеньев <-Максимов> В. Е.* Николай Алексеевич Некрасов. М. 1914.
86. *Евгеньев В.* Черты редакторской деятельности Н. А. Некрасова в связи с историей его журналов: (Статья первая) // Голос минувшего. 1915. № 11. С. 39.

87. *Евгеньев-Максимов В.* Некрасов и «братья-писатели» // Некрасовский сборник. Пг., 1918.
88. *Евгеньев-Максимов В.* Некрасов и его современники. М., 1930.
89. *Евгеньев-Максимов В.* Исповедь раннего разночинца // Жизнь и похождения Тихона Тростникова. Новонайденная рукопись Некрасова. М.; Л., 1931. С. 11—28.
90. *Евгеньев-Максимов В. Е.* Некрасов и Петербург. Л., 1947.
91. *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М.; Л., 1947. Т. 1; М.; Л., 1950. Т. 2; М.; Л., 1952. Т. 3.
92. *Евгеньев-Максимов В. Е., Бухмейер К. К., Гин М. М., Коковкина З. Ф., Куделько Н. И., Теплинский М. В.* Некрасов и театр. Л.; М., 1948.
93. *Егоров Б. Ф. А. В.* Старчевский о В. Н. Майкове и Н. А. Некрасове // Ученые записки Тартуского Государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. V. Тарту, 1962. Вып. 119. С. 376—377.
94. *Егоров Б. Ф. В. Р.* Зотов — критик и публицист 1850-х гг. // Ученые записки Тартуского Государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. II. Тарту, 1962. Вып. 78. С. 107—143.
95. *Егоров Б. Ф. С. С.* Дудышкин — критик Некрасова // Ученые записки Тартуского Государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. V. Тарту, 1962. Вып. 119. С. 195—231.
96. *Егоров Б. Ф.* О мастерстве литературной критики. Л., 1980.
97. *Егоров Б. Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX в. Л., 1982.
98. *Егоров Б. Ф.* Белинский Виссарион Григорьевич // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. А—Г. С. 206—217.
99. *Егоров Б. Ф.* Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. Л., 1991.
100. *Жданов В.* Жизнь Некрасова. М., 1981.

101. *Жулякова Э.* Примечания // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 5. М., 2010. С. 379—399.
102. *Журбина Е. И.* Искусство фельетона. М., 1965.
103. *Заславский Д. И.* Истоки и пути фельетона. М., 1931.
104. *Заяц А. А.* Леонов Алексей Алексеевич // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. К—М. С. 321—322.
105. *Зельдович М. Г.* Неопубликованная статья А. В. Дружинина о Некрасове // Некрасовский сборник. Л., 1967. Вып. IV. С. 241—266.
106. *Зыкова Г. В.* Поэтика русского журнала 1830-х—1870-х гг. М., 2005.
107. *Ильенков Э. В.* Гегель (Hegel), Георг Вильгельм Фридрих // Философский энциклопедический словарь. 2 изд. М., 1989. С. 110—112.
108. *Ильин-Томич А. А.* Менцов Фёдор Николаевич // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 4. М—П. М., 1999. С. 10—11.
109. История русской литературы XIX века / Под ред. Д. Н. Овсянниково-Куликовского. М., 1915. Т. 2.
110. История русской литературы XIX века / Под ред. проф. Ф. М. Головенченко и проф. С. М. Петрова. Изд. 2-е. М., 1963. Т. I, II.
111. История русской литературы: В 4 т. Л., 1981. Т. 2; Л., 1982. Т. 3.
112. История русской литературы: В 3 т.. М., 1963. Том II. (Литература первой половины XIX века).
113. История русской литературы. М.; Л., 1955. Т. VII; М.; Л., 1956. Т. VIII; М.; Л., 1956. Т. VIII; М.; Л., 1956. Т. IX.
114. История русской литературы XIX в. Библиографический указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1962.
115. История эстетики: В 7 т. Т. 4. М., 1969.
116. Источники словаря русских писателей. Собрал проф. С. А. Венгерова. Т. IV. Лоначевский—Некрасов. Пг., 1917.

117. *Каверин В. А.* Литератор. Дневники и письма. М., 1988.
118. *Каверин В. А.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1966.
119. *Кармазинская М. А.* Межевич Василий Степанович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. К—М. С. 562—563.
120. *Кафанова О. Б.* Жорж Санд и русская литература XIX века (Мифы и реальность) 1830—1860 гг. Томск, 1998.
121. *Кораблев В. Н.* Некрасов Николай Алексеевич // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 11. С. 204—212.
122. *Корман Б. О.* Лирика Некрасова. Ижевск, 1978.
123. *Королева Н. В.* Театральная критика в 1840—1850-е годы; В. Г. Белинский (§ 1); Ф. А. Кони; Н. А. Некрасов // Очерки истории русской театральной критики: Конец XVIII — первая половина XIX века / Под ред. А. Я. Альтшуллера. Л., 1975. С. 223—312, 322—346.
124. *Котикова П. Б.* У истоков русского национального репертуара (Ф. Кони — водевилист и теоретик театра). М.; Тайбэй, 2008.
125. *Котикова П. Б.* Аполлон Григорьев и Ф. А. Кони // Памяти Анны Ивановны Журавлевой: Сборник статей. М., 2012. С. 369—383.
126. *Котикова П. Б.* Ф. А. Кони и Н. А. Некрасов в «Пантеоне» и «Литературной газете» (1840-е гг.) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2005. № 3. С. 145—158.
127. *Кошелев В. А.* Некрасов и славянофилы // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 1991. С. 35—46.
128. *Кошелев В. А.* «Гостинодворский Коцебу» // Сборник памяти Ф. Я. Приймы. СПб., 2010. С. 119—140.
129. *Кошелев В. А.* Кони Федор Алексеевич // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. К—М. С. 56—57.
130. *Краснов Г. В.* Некрасов Николай Алексеевич // Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. Т. 5. Стлб. 176—184.

131. *Крошкин А. Ф.* Об участии Некрасова в создании поэмы «Жизнь и люди» // Докл. Восьмой науч.-теорет. конф. Ростовское книжное изд-во, 1966. С. 61—69.
132. *Кулешиов В. И.* Некрасов в русской критической мысли // Н. А. Некрасов и русская литература. М., 1971. С. 171—203.
133. *Кулешиов В. И.* История русской критики XVIII—XIX веков. М., 1972.
134. *Кустарев А.* Репутация как живое существо // Дружба народов. 1995. № 4. С. 163—168.
135. *Лазурин В. С.* Некрасов Николай Алексеевич // Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. М., 1999. Т. 4. С. 269—280.
136. *Ларионова Е. О.* Полевой Ксенофонт Алексеевич // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. П—С. С. 28—30.
137. *Ларионова Е. О.* Полевой Николай Алексеевич // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. П—С. С. 30—38.
138. *Ларионова Е. О.* Последние годы // Пушкин в прижизненной критике. СПб., 2008. Т. 4. С. 7—26.
139. *Лебедев Ю. В.* Поэмы Н. А. Некрасова 1840—50-х годов: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1966.
140. *Лебедев Ю. В.* Н. А. Некрасов и русская поэма 1840—1850 годов. Ярославль, 1971.
141. *Лебедев Ю. В.* Некрасов Николай Алексеевич // Русские писатели: Биобиблиографический словарь / Под ред. П. А. Николаева. М., 1990. Т. 2. М—Я. С. 67—79.
142. *Лебедев Ю. В.* Духовные истоки русской классики. Поэзия XIX века: Историко-литературные очерки. М., 2005.

143. *Левин Ю. Д.* Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985.
144. *Левин Ю. Д.* Уильям Хогарт и русская литература // Русская литература и зарубежное искусство: Сб. исследований и материалов. Л., 1986. С. 35—61.
145. Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981.
146. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: В трех томах. СПб., 2006—2010.
147. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А. Н. Николюкин. М., 2003.
148. Литературное наследство. Н. А. Некрасов. П. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 51—52.
149. Литературное наследство. Н. А. Некрасов. М., 1949. Т. 49—50.
150. Литературное наследство. Н. А. Некрасов. М., 1949. Т. 53—54.
151. Литературные взгляды и творчество Н. А. Полевого. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
152. Личность и творчество В. Г. Белинского: Взгляд из XXI века: К 200-летию «неистового Виссариона»: Ежегодник. М., 2011.
153. *Лобов Л.* Библиографический обзор литературы о Некрасове, СПб, 1903.
154. *Ломан О. В.* Некрасов в Петербурге. Л., 1985.
155. *Лотман Л. М.* [Комментарий] // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1983. С. 652—653, 687—691.
156. *Львова Н. Н.* Каприз Мнемозины // *Булгарин Ф. В.* Сочинения / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Н. Н. Львова. М., 1990. С. 5—22.
157. *Макеев М. С.* Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель. Очерки о взаимодействии литературы и экономики. М., 2009.
158. *Маргулис Т. М.* Литературная репутация Н. А. Полевого: Автореферат дисс. на соиск. ... канд. филол. наук. М., 1997.

159. *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Том второй. М., 1957.
160. *Мезьер А. В.* Русская словесность с XI по XIX ст. включительно, ч. 2, СПб, 1902.
161. *Мельгунов Б. В.* «Всему начало здесь...» Некрасов и Ярославль. Ярославль. 1997.
162. *Мельгунов Б. В.* Журнальный контекст водевиля Н. А. Некрасова и Ф. А. Кони «Утро в редакции» // Н. А. Некрасов в контексте русской культуры: Материалы конференции / Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха»; ред.-сост. Е. В. Яновская. Ярославль, 2006. С. 3—4.
163. *Мельгунов Б. В.* Личность Некрасова в памфлетных портретах 1840-х гг. // Некрасовский сборник. Вып. XIV. СПб., 2008. С. 91—102.
164. *Мельгунов Б. В.* Некрасов и Белинский в «Литературной газете»: Хроника, гипотезы, находки. СПб., 1995.
165. *Мельгунов Б. В.* Некрасов-журналист: Малоизученные аспекты проблемы. Л., 1989.
166. *Мещеряков В. П., Рейтблат А. И.* Булгарин Фаддей (Тадеуш) Венедиктович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. А—Г. С. 350.
167. *Миллионщикова Т. В.* Фельетон // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А. Н. Николюкин. М., 2003. Стлб. 1132.
168. *Мордовченко Н. М.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959.
169. *Мостовская Н. Н.* [Комментарий] // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1984. С. 697—750.
170. *Мостовская Н. Н.* Библиография литературы о Н. А. Некрасове 1970—1974 // Некрасовский сб. Л., 1978. Вып. VI. С. 179—201.

171. *Мостовская Н. Н.* Библиография литературы о Н. А. Некрасове 1975—1986 // Некрасовский сб. Л., 1987. Вып. IX. С. 175—202.
172. *Мостовская Н. Н.* Библиография литературы о Н. А. Некрасове 1987—2002 // Некрасовский сб. СПб., 2002. Вып. XII—XIII. С. 245—270.
173. *Мостовская Н. Н.* Брант, Брандт Леопольд Васильевич // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. А—Г. С. 325.
174. М. Ю. Лермонтов: Pro et contra: Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 2002.
175. *Недзвецкий В. А.* Русская литературная критика XVIII—XIX веков: Курс лекций. Изд-во Московского университета, 1994.
176. *Немзер А. С.* Дершау Федор (Фридрих) Карлович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. Г—К. С. 112—113.
177. *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности. 1811—1830. М., 1949.
178. *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский. Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве». 1829—1836. М., 1954.
179. *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1836—1841. М., 1961.
180. *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842—1849. М., 1967.
181. Николай Алексеевич Некрасов. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей. Составил В. И. Покровский. Изд. 2-е, дополненное. М., 1915.
182. Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / Ред., вст. ст. и комм. Вл. Орлова. Л., 1934.

183. *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* История русской интеллигенции // Овсяннико-Куликовский Д. Н. Собр. соч. Изд. 6-е. М., 1924. Т. 7—8.
184. *Оксман Ю. Г.* Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958.
185. *Оксман Ю. Г.* От редактора // Фельетоны сороковых годов. «Academia», 1967. С. 5—10.
186. *Орлицкий Ю. Б.* Стих и проза в русской литературе: Очерки истории и теории. Воронеж, 1991.
187. *Отрадин М. В.* Комментарии // Панаев И. И. Сочинения / Сост., подг. текста, вступ. статья, комментарии М. Отрадина. Л., 1987. С. 3—26.
188. Очерки истории русской театральной критики: Конец XVIII — первая половина XIX века / Под ред. А. Я. Альтшуллера. Кн. 1. Л., 1975.
189. Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1; Л., 1965. Т. 2.
190. *Пайков Н.Н.* Ранняя проза Н.А. Некрасова и русская литературная традиция. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Л., 1986.
191. *Пайков Н. Н.* Феномен Некрасова. Ярославль, 2000.
192. *Пономарев С.* Копеечная свечка в память о Некрасове // Отечественные записки. 1878. № 3. XV. Современное обозрение. С. 100—110.
193. *Попов И. В.* О двух тенденциях в полемике о народности в русской критике 40-х годов XIX века (В. Г. Белинский и К. С. Аксаков) // Русская критика XIX века и проблемы национального самосознания: Межвузовский сборник научных трудов. Самара, 1997. С. 42—50.
194. *Попова И. Л.* Сатира // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2003. Стлб. 935—955.
195. *Потапова Г. Е.* «В буре споров, в вихре критик...» // Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827 / Под общ. ред. В. Э. Вацуро, С. А. Фомичева. СПб., 2008. С. 5—22.

196. *Потанова Г. Е.* А. С. Пушкин и русская критика его времени (Становление литературной репутации А. С. Пушкина): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.
197. *Прозоров В. В.* Критика литературная // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А. Н. Николюкин. М., 2003. Стлб. 413—415.
198. *Прозоров Ю. М.* Н. А. Некрасов и русский романтизм: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1980.
199. *Прозоров Ю. М.* Некрасов после книги «Мечты и звуки». К проблеме преодоления романтизма в творчестве Н. А. Некрасова 1840 года // Н. А. Некрасов и русская литература второй половины XIX — начала XX веков. Ярославль, 1980. Вып. 57. С. 3—17.
200. *Прозоров Ю. М.* Из комментария к книге «Мечты и звуки» // Некрасовский сборник. Л., 1988. Вып. IX. С. 93.
201. *Прозоров Ю. М.* К литературной истории стихотворения Н. А. Некрасова «Родина» // А. М. Панченко и русская культура: исслед. и мат-лы. СПб., 2008. С. 150—170.
202. *Проскурина В. Ю.* Эстетическая позиция П. А. Плетнева — издателя «Современника» // Вестник МГУ, серия «Филология». 1984. № 6. С. 52—58.
203. *Проскурина В. Ю.* Плетнёв Петр Александрович // Русские писатели: Биобиблиографический словарь. / Под ред. П. А. Николаева. Т. 2. М—Я. С. 136—138.
204. Пушкин в прижизненной критике: В 4 т. СПб., 2001—2008.
205. *Пыпин А. Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. СПб., 1906.
206. *Пыпин А. Н.* Белинский, его жизнь и переписка. Изд. 2-е, с доп. и прим. СПб., 1908.
207. *Пыпин А. Н.* Н. А. Некрасов. С 3 портретами. СПб., 1905.

208. *Рейсер С. А.* Монтаж и литература // Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. СПб., 2001. С. 9—14.
209. *Рейсер С.* Некрасов в Петербургском университете // ЛН. Т. 49—50. С. 351—364.
210. *Рейсер С. А.* Революционные демократы в Петербурге. Л., 1957.
211. *Розанов И. Н.* Литературные репутации: Работы разных лет / Вст. ст., сост. и подгот. текста Л. А. Озерова. М., 1990.
212. *Романова Г. А.* Ф. В. Булгарин и Н. В. Гоголь о феномене театра в петербургской общественной и культурной жизни 1820—1830-х гг. // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петербургские чтения. СПб., 2003. С. 269—276.
213. *Руснак И. Ф.* Памфлет в системе литературных жанров. // Вопросы русской литературы. Республиканский межведомственный сборник. Вып. 1 (53). Львов, 1989. С. 46—53.
214. *Селезнев М. Б.* Литературная репутация Ф.В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820—1840-х годов: Автореферат дисс. на соискание ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008.
215. *Скатов Н. Н.* Сочинения: В 4 т. СПб., 2001. Т. 3, 4.
216. *Скатов Н. Н.* Поэты некрасовской школы. Л., 1968.
217. Словарь церковнославянского и русского языка. Т. 1 — 4, СПб., 1847.
218. *Смирнов С. В.* Автобиографии Некрасова. Новгород, 1998.
219. *Соловьев Е. Д.* И. Писарев, его жизнь и литературная деятельность. 2-е изд. СПб., 1894.
220. *Софийская М. Ю.* Круглый стол «Поэт Николай Некрасов: поэтика и миропонимание» (к 190-летию со дня рождения Н. А. Некрасова): СПб., Пушкинский Дом — Москва, МГУ: Хроника // Русская литература. 2012. № 2. С. 255—256.

221. *Степина М. Ю.* Н. В. Савельев-Ростиславич — один из первых рецензентов Н. А. Некрасова // «Известия СПбГПУ им. А. И. Герцена». Аспирантские тетради. СПб., 2008. № 38 (82). 326—330.
222. *Степина М. Ю.* Непротиворечивый облик: рецензия на книгу М. С. Макеева // Русская литература. СПб., 2010. № 1. С. 248—251.
223. *Степина М. Ю.* Материалы, связанные с Н. А. Некрасовым // Материалы из собрания П. Я. Дашкова в Пушкинском Доме. Русская литература. СПб., 2011. № 1. С. 70—74.
224. *Степина М. Ю.* XXXV Некрасовская конференция: Хроника // Русская литература. СПб., 2011. № 3. С. 231—237.
225. *Степина М. Ю.* К истории одного литературного конфликта (Белинский и «Современник» 1847 г.) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 3. М., 2011. С. 45—62.
226. *Степина М. Ю.* К истории одного литературного конфликта (Белинский и «Современник» 1847 г.). Статья 2. «Фраза»: жизнь и воспоминания // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 1. М., 2012. С. 133—145.
227. *Степина М. Ю.* К атрибуции критических отзывов о Н. А. Некрасове // Русская литература. 2012. № 3. С. 120—129.
228. *Степина М. Ю.* Вторые Некрасовские чтения в Пушкинском Доме: Хроника // Русская литература. 2012. № 2. С. 239—245.
229. *Степина М. Ю.* XXXVI Некрасовская конференция: Хроника // Русская литература. 2013. № 3. С. 243—247.
230. *Степина М. Ю.* 1847 г. [Составительская работа, комментарий] // Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: В трех томах. 1821—1877. Том первый. 1821—1855. СПб., 2006. С. 244—297, 523—525.
231. *Степина М. Ю.* 1873—1875 гг. [Составительская работа, комментарий]; 1876—1877 гг. [Составительская работа, комментарий: В соавторстве с Н. Н. Мостовской] // Летопись жизни и творчества Н. А. Не-

- красова: В трех томах. 1821—1877. Том третий. 1866—1877. СПб., 2009.
232. *Степина М. Ю.* Первые рецензенты Некрасова (К вопросу об одной публикации) // Н. А. Некрасов в контексте русской культуры: Тезисы докладов. Ярославль, 1999. С. 16—17.
233. *Степина М. Ю.* Н. А. Некрасов и Н. А. Полевой. К истории взаимоотношений // Третьи Майминские чтения. Псков, 2000. С. 62—71.
234. *Степина М. Ю.* Н. А. Некрасов и «Библиотека для чтения» Сенковского // Средства массовой информации в современном мире: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2000. С. 93—94.
235. *Степина М. Ю.* О топонимике петербургского текста Некрасова («Еду ли ночью по улице темной...» и «Я посетил твоё кладбище») // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2007. С. 111—121.
236. *Степина М. Ю.* Тургеневский отзыв о Некрасове и проблема биографии поэта // Спасский вестник. Тула, 2007. Вып. 14. С. 187—200.
237. *Степина М. Ю.* Мотив мучительства в воспоминаниях о Некрасове // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2008. С. 138—145.
238. *Степина М. Ю.* Н. А. Некрасов и И. Ф. Горбунов // «Карабиха»: Историко-литературный сборник. Ярославль, 2009. Вып. VI. С. 191—199.
239. *Степина М. Ю.* Некрасов в русской критике 1870-х: К вопросу о злободневности // Печать и слово Санкт-Петербурга. СПб., 2010. С. 92—99.
240. *Степина М. Ю.* Стихотворение «Памяти <Асенков>ой и образ актрисы в контексте «поминальной» лирики Некрасова // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., СПб., 2011. С. 73—84.

241. *Степина М. Ю.* Два поэтических поминовения петербургских актрис (Н. А. Некрасов и А. А. Блок) // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2011. С. 75—89.
242. *Степина М. Ю.* Pamфлет // Литературоведческие термины: Материалы к словарю: Вып. III: Интерпретация. Коломна, 2011. С. 81—85.
243. *Степина М. Ю.* Два сюжета из раннего Некрасова («Юность Ломоносова» в контексте творчества; о прототипе учителя латыни) // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2012. С. 76—84.
244. *Степина М. Ю.* Формирование объема понятия «карикатура» в русской критике 1840—1850-х гг.: На материале печатных высказываний о Н. А. Некрасове // Русский язык XIX в.: роль личности в языковом процессе: Тезисы научной конференции. СПб., 2012. С. 193—199.
245. *Степина М. Ю.* Образ В. Н. Асенковой в творчестве современников // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2013. С. 55—71.
246. *Степина М. Ю.* «Записки охотника» И. С. Тургенева и лирика Н. А. Некрасова в критических суждениях С. С. Дудышкина // Спасский вестник. Тула, 2013. Вып. 20. С. 123—133.
247. *Стернин Г. Ю., Петренко М. М.* «Иллюстрированный альманах»: Иллюстратор и карикатурист в истории русской журналистики 1840-х годов // Иллюстрированный альманах: Издание И. И. Панаева и Н. А. Некрасова. 1848 г. Приложение к факсимильному воспроизведению. М., 1990. С. 13—23.
248. *Строганов М. В., Трифаженкова И. А.* Словарь филологических терминов В. Г. Белинского. Тверь, 2010.
249. *Талашов Г. П.* «Литературная газета» А. А. Краевского, Ф. А. Кони и Н. А. Некрасова в литературной полемике 1840—1845 годов // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 2003. Вып. II. С. 200—224.

250. *Талаиов Г. П.* «Литературная газета» в общественно-литературной жизни России 1840—1845 годов: Автореферат дисс. На соискание ... канд. Филол. наук. СПб., 2000.
251. *Талаиов Г. П.* «Литературная газета» 1840—1845 годов. СПб., 2005.
252. *Талаиов Г. П.* Н. А. Некрасов и Ф. А. Кони // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 2009. Вып. VI. С. 143—154.
253. *Талаиов Г. П.* Федор Кони о Н. А. Некрасове — поэте и драматурге // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 2011. Вып. VII. С. 126—146.
254. *Талаиов Г. П.* В. С. Межевич — соратник и противник Ф. В. Булгарина // Триста лет печати Санкт-Петербурга. СПб., 2011. С. 296—302.
255. *Тихомирова А. О.* Пасквиль // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А. Н. Николюкин. М., 2003. Стлб. 723.
256. *Ткачев П. И.* Границы жанра. Минск, 1977.
257. Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля. Изд. 2-е. СПб.; М., 1880—1882.
258. *Томашевский Б. В.* У истоков фельетона (Фельетон в «Journal des Débats») // Фельетон: Сборник статей / Под ред. Ю. Тынянова и Б. Казанского. Л., 1927. С. 59—71.
259. *Трунин М. В.* Литературная репутация М. Н. Лонгинова: 1850-е — 1870-е годы: Автореферат дисс. на соискание... канд. филол. наук. М., 2010.
260. *Тынянов Ю. Н.* Литературный факт. М., 1993.
261. Фельетон: Сборник статей / Под ред. Ю. Тынянова и Б. Казанского. Л., 1927.
262. Фельетоны сороковых годов. «Academia», 1967.
263. Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. Составил А. И. Вольф. Часть I. СПб., 1877.

264. *Царькова Т. С.* Становление поэтики Н. А. Некрасова. Стихотворения 1840—1845 гг.: Автореферат дисс. на соискание ... канд. филол. наук. Л., 1979.
265. *Цветкова Н. В.* С. П. Шевырев и петербургская журналистика (1830-е гг.) // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2008. С. 96—103.
266. *Цветкова Н. В.* С. П. Шевырев о «Петербургском сборнике» (1846) Н. Некрасова // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2010. С. 74—81.
267. *Цветкова Н. В.* С. П. Шевырев и петербургская журналистика (1840-е годы). Статья первая // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2011. С. 64—72.
268. *Цветкова Н. В.* Эстетическая теория С. П. Шевырева и поэтика эпических жанров в его критических статьях // Эпические жанры в литературном процессе XVIII—XXI веков: забытое и «второстепенное». VII Майминские чтения 5—9 октября 2011 г. Том I. Псков, 2011. С. 294—306.
269. *Цветкова Н. В.* С. П. Шевырев и петербургская журналистика (1840-е гг.). Статья II // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сборник научных трудов. СПб., 2012. С. 46—65.
270. *Чернов А. В.* Русская беллетристика 20—40-х годов XIX века: Вопросы генезиса, эстетики и поэтики. Новгород, 1997.
271. *Чернышов В. Е.* Некрасов в жизни и по смерти. СПб. 1908.
272. *Чуковский К.* Некрасов. Л., 1926.
273. *Чуковский К.* Тросников — Некрасов (Черты автобиографии в найденных произведениях Некрасова) // Жизнь и похождения Тихона Тросникова. Новонайденная рукопись Некрасова. М.; Л., 1931. С. 29—47.
274. *Чуковский К. И.* Люди и книги. М., 1960.
275. *Чуковский К.* Дневник 1901—1929. М., 1991.

276. *Чуковский К. И.* Поэт и палач // Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. Т. 8. М., 2004. С. 304—353.
277. *Шаронова А. В.* Литературная критика О. И. Сенковского, редактора “Библиотеки для чтения” (1834—1848): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.
278. *Шелаева А. А.* П. А. Плетнев — литературный деятель // Плетнев П. А. Статьи. Стихотворения. Письма. М., 1988. С. 5—21.
279. *Шпилева Г. А.* Динамика прозы Н.А. Некрасова. Монография. Воронеж, 2006.
280. *Штейнгольд А. М.* Анатомия литературной критики (природа, структура, поэтика). СПб., 2003.
281. *Штейнгольд А. М.* Аполлон Григорьев о Некрасове (Диалектика критических суждений и творческих «соприкосновений») // Влияние творчества Н. А. Некрасова на русскую поэзию: Республиканский сб. науч. тр. Ярославль, 1978. Вып. № 53. С. 63—73.
282. *Эйхенбаум Б. М.* Некрасов. Пг., 1922.
283. *Эйхенбаум Б. М.* Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924.
284. *Эйхенбаум Б. М.* «Сквозь литературу»: Сб. статей. Л., 1924.
285. *Эйхенбаум Б. М.* О поэзии. Л., 1969.
286. *Ямпольский И. Г.* Середина века. Очерки о русской поэзии 1840—1870 гг. Л., 1974.
287. *Ямпольский И. Г.* Поэты и прозаики: Статьи о русских писателях XIX — начала XX в. Л., 1986.
288. *Янушкевич А. С.* Жуковский Василий Андреевич // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 2. Г—К. М., 1992. С. 278—287.
289. *Янушкевич А. С.* Путь Жуковского к «эпическим стихотворениям» // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 5. М., 2010. С. 297—310.